

Пьер-Жан БЕРАНЖЕ ✨ избранное

Пьер-Жан

БЕРАНЖЕ

Пьер-Жан

БЕРАНЖЕ

избранное

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1979

Перевод с французского
Составитель В. В. Евгеньев
Предисловие и примечания
Ю. И. Данилина
Рисунки художника
Е. Бургункера

Беранже П.-Ж.

Избранное — М.: Правда, 1979. — 592 с.

ИСБН

В сборник произведений великого французского поэта Пьера-Жана Беранже входят его лучшие песни, а также прозаический очерк «Моя биография».

Б $\frac{70404-152}{080(02)-79}$

© Издательство «Правда». 1978. Составление.

ВЕЛИКИЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Знаменитый французский народный поэт Пьер-Жан Беранже родился в Париже 19 августа 1780 года. Девяти лет с крыши дома он видел начало Великой французской революции: восстание парижан и штурм Бастилии. Хорошо запомнились поэту этот солнечный день 14 июля 1789 года, шумливый, развороченный, ликующий Париж, переполненные улицы, братание королевских войск с народом.

Годы буржуазной революции XVIII века оставили глубокий след в творчестве Беранже. Он навсегда усвоил принципы буржуазно-демократической революционности: вражду к абсолютизму, феодальному дворянству и католической церкви, любовь к провозглашенным революцией лозунгам свободы, равенства и братства.

Республиканско-демократические влияния революции определили высокий накал патриотического чувства Беранже. Франция была для него уже не феодальным поместьем французских королей, а родиной французской нации, отчиной его демократических предков. Титаническая борьба революционной Франции против всех ее внешних и внутренних врагов помогла поэту понять и значение той огромной социальной силы, на которую многие современные ему писатели и художники еще не обращали никакого внимания,— значение народа.

Страстно мечтая стать поэтом, юный Беранже на первых порах усердно работал в «высоких жанрах» поэзии классицизма. Разделяя распространенное тогда мнение, что лишь эти жанры являются вместилищем поэзии, он создавал оды, дифирамбы, пасторали, исторические поэмы, элегии, но все больше убеждался, что этот путь не отвечает его индивидуальным художественным

склонностям. Сторонник правды в искусстве, последователь принципов верности природе, точности изображения жизни, он стремился к изображению живой современной действительности в любых, даже самых будничных ее проявлениях, и мог писать, по его словам, лишь о тех «вещах, которые сами собой приходили» ему на ум. Но он совершенно чуждался исторических тем, столь распространенных в классицизме и нередко связанных с уходом в античную древность и греко-римскую мифологию. Молодой поэт-демократ чувствовал неприязнь и к аристократическому духу уже умиравшего в начале XIX века классицизма с его обветшалыми правилами и условностями, к жеманному стилю его поэзии, к ее манерным перифразам и мертвенной описательности, а более всего — к ее искусственному, салонно отцеженному, бесцветному языку. Стремясь отвечать на острейшие вопросы современности в понятной и близкой простому народу форме, Беранже пришел к пренебрегаемому классицистами «низкому жанру» песни, нестари любезной народному сердцу.

Своими литературными предками Беранже считал песенников XVII и XVIII столетий и особенно поэтов революции XVIII века. В 1830 году, будучи уже знаменитым поэтом, он писал автору «Марсельезы» Руже де Лилю: «Поверьте, с меня достаточно, когда обо мне говорят, что я пошел по вашим следам».

Сложенные при Империи песни поэта составили первый его сборник, изданный в конце 1815 года. В условиях деспотического режима и придирчивой цензуры Первой империи, не терпевшей сатиры (а Беранже считал ее существеннейшей принадлежностью песни), поэт еще не мог всесторонне развернуть свой талант. Он создавал в эту пору главным образом анакреонтическую песню, эпикурейски жизнерадостную и беззаботную, славившую стремление к земному счастью. Правда, у него уже проскальзывали мотивы бытовой или обличающей общечеловеческие пороки сатиры. Но политическая сатира проявилась лишь в песне «Король Ивето», инсказательной насмешке над бесконечными войнами, придворной пышностью и ростом налогов Империи.

Падение Империи, победа войск европейской коалиции, приход Реставрации с ее белым террором, с ее ожесточенными репрессиями против бывших участников революции дали сильный толчок развитию творчества Беранже. Опираясь на крепнущее народное недовольство Реставрацией, песня его все более освобождается от гривуазной анакреонтики и приобретает ярко выраженную форму политической сатиры.

Уже обогащенный многими ценными сторонами художественного метода великих классицистов XVII века (господством со-

знательного начала в творческом процессе, самоконтролем, тщательной работой над стихом для точнейшего выражения мысли, заботой о хорошо продуманной композиции, любовью к созданию характеров и т. п.), Беранже стал представителем реализма в поэзии. «Дорога к идеалу — естественность, — писал он. — По этому именно пути должно идти искусство, то есть разум, руководимый вкусом. Хороший вкус — это искусство отбора. Прекрасное в искусстве достигается, возможно, отбором среди того, что истинно». Положением о «разуме, руководимом вкусом» и стремлением к «отбору среди того, что истинно», то есть отбору главного и наиболее характерного из всех многочисленных элементов жизненной правды, Беранже тоже был обязан своим великим учителям, классицистам XVII в., — особенно Мольеру и Лафонтену.

Но как ни велика была роль традиций лучшей поры классицизма для формирования реализма Беранже, поэт относился к ним критически: ему было ясно, например, что Корнель и Расин «писали, почти всегда имея в виду аристократию и двор». Новаторство Беранже заключалось в том, что он осознанно поставил свое искусство на службу презираемому тогдашними писателями простому народу. «Народ — это моя муза! — говорил он. — Если еще есть в мире поэзия, то... ее надо искать в народе».

Для Беранже был эстетически полноценен материал народной жизни, народного быта, народных воззрений и вкусов, народных политических стремлений. Рассматривая действительность сквозь призму народных оценок и народного участия в общественной борьбе и сам, наконец, активно участвуя в последней, Беранже получал возможность обрисовывать с народных позиций и многочисленные создаваемые им типичные образы своих современников.

Именно с позиций простолюдина, «воспламененного революцией» XVIII века и попавшего затем под невыносимый, враждебный интересам родины и демократии гнет Реставрации, и вел Беранже свою непримиримую борьбу с легитимной монархией. Его песни неумолимо разоблачали возвратившихся Бурбонов, опирающихся на штыки интервенции и на дворянско-клерикальную реакцию. С патриотическим негодованием говоря об интервентах («Разбитая скрипка») и о Священном союзе как цитадели европейского абсолютизма и крепостничества, Беранже основную силу своего протеста сосредоточил в песнях против дворянско-клерикальной реакции.

В своих песнях-памфлетах поэт-демократ создал целый ряд ярких сатирических типов дворянской знати, воспользовавшись формой монологической или хоровой песни, персонажи которой, самодовольно излагая свои реакционные воззрения и намерения, тем самым разоблачают самих себя.

В песне «Маркиз де Караба» Беранже с великолепной силой насмешки вылепил тип старого эмигранта-маркиза, возвратившегося на родину. Маркиз смешон тем, что он, подобно Бурбонам, ничего не понял, ничему не научился и наивно полагает, что в его поместьях еще живы прежние феодальные порядки и что он по-старому скрутит в бараний рог своих крепостных мужиков. Не менее реалистически сочен тип аристократической героини песни «Маркиза», высокомерно повествующей о своих альковных делах и столь же презиращей «чернь». В отличие от этих песен-монологов «Белая кокарда» построена в виде хоровой песни, типизирующей воззрения всей массы дворянских реакционеров, бывших эмигрантов, которые бесстыдно возносят благодарные хвалы интервентам, с помощью которых им удалось наконец вернуться на родину: унижение Франции — их радость, победа ее врагов — их счастье.

Нетрудно понять громадное агитационное, пропагандистское значение, которое имели повсеместно во Франции эти мгновенно приобретшие популярность сатирические песни, в каждой строфе которых кипела народная ненависть к возвратившимся феодальным насильникам.

Столь же энергично, смело и открыто, прибегая к той же форме монологической или хоровой песни, Беранже высмеивал и разоблачал католическое духовенство, особенно ненавидимых народом иезуитов, как тупых и нетерпимых гасителей просвещения, как злобных врагов родины и демократии. Пародируя их запугивающие или елейные проповеди, он в то же время показывал аморальный облик этих слуг Христовых, тайных сластолюбцев и развратников, их стремление к тиранической власти («Святые отцы», «Капудины», «Смерть Сатаны»). Не раз подвергал осмеянию поэт и различные католические догмы — учение о троице, ангелах, нетленных мощах («Ангел-хранитель»). Особенно много насмешек вызывал у него обет безбрачия католического духовенства, в связи с чем он высмеял и самого римского папу («Сын папы», «Папа-мусульманин»).

Традиция боевых сатирических песен-памфлетов революции XVIII века ясно звучала во всех этих песнях, как и в тех, задачей которых было расшатывать и подрывать монархический принцип. Поэт неустанно боролся с философами Реставрации, толковавшими о божественном происхождении королевской власти («Добрый бог»). В песне «Людовика XI», изображая трусливого и жестокого короля, прячущегося за стенами своего замка и недовольного веселой пляской крестьян, Беранже развил тему полной отчужденности королевской власти от народа и вековечного

страха простых людей перед нею. А в песне «Дамоклов меч» он инносказательно высмеял самого короля Людовика XVIII, кропавшего бездарные стишки.

Беранже мужественно сражался со всем строем Реставрации. Блистательны и неисчислимы его песни-сатиры, создающие в своей совокупности реалистический образ жестокой и трусливой эмигрантской монархии, галерею ее сатирических социальных типов, всю ее атмосферу сыска, доносов и расправы. Эти песни иронически славословили свирепых агентов белого террора («Плач о смерти Трестальона»), разоблачали депутатов, изменяющих народным интересам («Пузан»), высмеивали реакционные законы («Охрипший певец»), учили распознавать провокаторов («Господин Искарнотов»), издевались над полицейскими и цензурными преследованиями («Злонамеренные песни», «Стой! или Способ толкований»), срывали маски с политических ренегатов («Паяц»), с трусов и подхалимов и т. д.

В борьбе с Реставрацией поэт не раз обращался к имени Наполеона. Не переставая упрекать гениального полководца за то, что он унизил себя, став монархом, Беранже, однако, впадал в крайне ошибочную идеализацию Наполеона, изображая его как некий символ предшествующего национального величия Франции и как любимца народа. Все это отчасти объяснялось желанием поэта контрастнее подчеркнуть униженность Франции при Реставрации и ничтожество ее государственных деятелей. Последнюю тему Беранже ярко разработал в песне «Будущность Франции» в форме реалистического гротеска, агитационно изобразив грядущее вырождение своей родины под властью Бурбонов, ее предстоящее превращение в страну пигмеев.

Спасти Францию и ее будущее, по убеждению поэта, способен был только народ.

Борьбою народных масс против Реставрации пыталась руководить партия либералов. Беранже ясно видел, как ненадежны и неустойчивы в качестве вождей народа эти представители буржуазной оппозиции, вечно готовые из своекорыстных целей предать народные интересы. И он говорил, что мог бы сложить немало превосходных песен против либералов, за которые правительство Реставрации простило бы ему всю борьбу против нее. Он не сложил таких песен из опасения поколебать единство оппозиционного фронта. Но народный поэт не создал — ни тогда, ни впоследствии — ни одного положительного в том или ином отношении образа буржуа.

Только в простом народе находил Беранже настоящую бескорыстную преданность интересам родины, бескомпромиссную го-

товность добиваться свержения Реставрации. Только в трудовом люде видел он возможного осуществителя своей заветной мечты о прекращении войн на земле. Так, еще в 1818 году, в песне «Священный союз народов» он воспел будущее братское объединение простых тружеников всего мира, которым надоело быть пушечным мясом для «неблагодарных королей и ненасытных завоевателей». «Я первый во Франции стал проповедовать союз народов», — с гордостью говорил Беранже. Заслуга его борьбы за мир была оценена. Маркс писал французам в 1848 году: «Вы заложили фундамент союза народов, пророчески воспетого вашим бесмертным Беранже»¹.

Рост общественной борьбы против легитимной монархии был не только источником вдохновения Беранже, но отразился у него и в эволюции образов простых людей. Реализм этих образов становится углубленней: персонажи Беранже все более проникаются теперь социально-политическими интересами, что можно видеть даже в новых песнях о любимице поэта, ветреной Лизетте. Уточняется и общественно-классовое лицо этих персонажей: это уже не представители бедноты «вообще», в том числе мелкобуржуазной (как в песне «Беднота»), но представители трудового народа. Особенно часто героями песен Беранже являются солдаты. В песнях «Маркитантка», «Старый сержант», «Старое знамя» Беранже создал замечательнейшие типы старых служак, горячо преданных родине, с умилением вспоминающих геронческое время революции, несшей освобождение народам Европы; эти ветераны ненавидят белое знамя Бурбонов, враждуют с дворянским офицерством Реставрации и ждут не дождутся, чтобы народ снова запел боевые песни революции. Беранже с восхищением обрисовывает полный достоинства облик этих честных, стойких, волевых, мужественных людей, становящихся народными агитаторами, внушающими молодым солдатам вражду к Реставрации («Новый приказ», «Старый капрал»). Так Беранже показывает, что народную массу готовят и ведут к боям против Реставрации не буржуазные либералы, а передовые представители этой же народной массы.

Дважды преследуемый судами Реставрации, Беранже дважды — в 1821 и 1828 годах — подвергался тюремному заключению. Однако глубокая уверенность в правоте своего дела и осознание широкой общественной поддержки вдохновляли поэта. Из тюрьмы Беранже громил Реставрацию в особенно злых песнях-памфлетах. В день сорокалетия падения Бастилии в песне «Четырнадцатое июля» он воспел великую прошлую победу народа.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, с. 537.

Творчество Беранже отвечало самым заветным стремлениям народных масс 1820-х годов, и не удивительно, что в эту именно пору он представлял собою, по выражению Беллинского, «великого и истинного поэта современной Франции, ...выражение своего народа, и потому его исключительного любимца»¹. «Едва ли кто имел такое сильное влияние на исход тогдашних событий, как он»², — подтверждает Чернышевский, имея в виду роль песен Беранже в падении Реставрации, свергнутой июльской революцией 1830 года.

Годы Реставрации были временем наивысшего расцвета поэтической деятельности Беранже. Поэту были совершенно ясны тогда цели и задачи его политической песни: речь шла о защите завоеваний революции XVIII века от Реставрации, навязанной интервентами и уповавшей вернуть Францию к отношениям «старого режима». Свержение легитимной монархии отвечало основным задачам той буржуазно-демократической революционности, которой поэт был верен всю жизнь.

По-иному развивалось его творчество в годы Июльской монархии, когда остро вскрылись социальные противоречия установившегося во Франции буржуазного общества — антагонизм капитала и труда, богатства и нищеты. Народ, победитель в июльской революции, все более убеждался, что она обманула его ожидания, и все активней втягивался в республиканские восстания 30-х годов против Июльской монархии.

Хотя Беранже быстро отмежевался от монархии Луи-Филиппа («Отказ», «Моим друзьям, которые стали министрами»), хотя он по-прежнему высмеивал монархический принцип и верил в республиканское будущее Франции («Совет бельгийцам»), хотя он и объявил, что вновь возводит на трон свою прежнюю сатирическую, борющуюся за благо родины и народа песню («Реставрация песни»), но он все-таки в 1830-х годах не поддерживал революционную борьбу народных масс, возглавлявшуюся республиканцами, так как считал, что Франция еще не созрела для установления республиканского строя.

Ряд новых песен Беранже («Жак», «Рыжая Жанна», «Старик бродяга») свидетельствовал, что поэт гораздо острее видит теперь угнетенность народа, нищету масс, их безработицу, их подавленность налогами. В чем же думал он найти выход из положения?

---

¹ В. Г. Беллинский. Полн. собр. соч., т. II. М., 1953, с. 142.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, с. 276.

В сборнике песен 1833 года Беранже напечатал знаменитую песню «Безумцы», горячо славя в ней учителей утопического социализма, над которыми тупо глумится обывательская чернь.

В некоторых других песнях, написанных в 1830-х годах, поэт пропагандировал идеи утопического социализма, выступая против войн, ратуя за альтруизм и любовь в человеческих отношениях, за мирное разрешение социальной проблемы, за то, чтобы высшие классы протянули руку помощи простому народу, а бедняки перестали питать вражду и ненависть к богачам, чтобы искусство смягчало классовую борьбу, умиротворяло и облагораживало нравы («Вильгему»). Беранже с радостью приветствовал появление в 1830—1840-х годах первых поэтов-рабочих, всячески опекал и поддерживал их, но, считая, что на них лежит миссия просвещать их класс, старался удерживать их от революционной темы, от разжигания классовой вражды («Фея рифм»).

«Социалистические» песни Беранже и вся эта сторона его деятельности объяснялись верностью поэта позициям буржуазно-демократической революционности, в частности его «третьесловными» иллюзиями, верой в то, что буржуазия и пролетариат, вчерашние союзники в борьбе против феодализма и старого режима, не могут, не должны быть врагами, что они лишь временно разъединились в силу какого-то рокового недоразумения.

Действительность Июльской монархии не переставала, однако, разрушать эти утопические представления поэта. Он убеждался, что ни правительству Июльской монархии, ни высшим классам нет никакого дела до страданий крестьянина Жака, рыжей Жанны и старого бродяги.

Чем больше вглядывался Беранже в облик новых хозяев жизни, в облик буржуазии, тем более нарастало в нем негодование. Всей своей практикой буржуазия опровергала его мечты об альтруизме, любви, гуманности, мечты о человеческом счастье. Буржуазия, как видел поэт, принесла в мир растлевающую власть денег, отношения купли-продажи, равнодушие ко всем духовным ценностям; она развивает в человеке жадность, погоню за наживой («Улитки», «Девичьи мечты», «Королевская фаворитка»). Противопоставляя свои частные интересы общественному благу, счастьем родины, она напоминала поэту кучу отвратительных червей, подтачивающих корни прекрасного дерева, именуемого Францией («Черви»). В исключительной по силе негодования песне-памфлете «Бонди» Беранже создал гневно-сатирический образ Июльской монархии как скопища неистово-жадных рвачей, одержимых погоней за наживой, не брезгающих добывать золото из зловонной грязи «полей орошения». Люди словно сошли с ума,

потеряли всякую совесть, нет больше никаких ценностей, все продажно, все покупается.

В «социалистических» песнях Беранже его неудовлетворенность буржуазным строем приобрела форму романтических мечтаний. Но его антибуржуазные песни, хотя бы поэт ограничивался в них только моральным осуждением капитализма, говорили о глубоко обострившемся разочаровании поэта и тем самым о новом шаге в развитии и углублении его реализма.

Антибуржуазная тема творчества Беранже имела то большое принципиальное значение, что приводила поэта к мысли о необходимости бороться против нового зла. Знаменательна в этом отношении песня «Идея», в которой Беранже теперь воспекает неумирающее революционное начало жизни. Однако за рамки буржуазно-демократической революционности поэт выйти не мог. Вот почему в знаменитой песне «Потоп», опубликованной в 1847 г., он предсказывает не гибель буржуазного общества, а лишь повсеместное — в Европе и Азии — свержение монархического строя.

Революцию 1848 года и провозглашенную республику старый поэт встретил, однако, недоверчиво и настороженно. Он был торжественно избран в Учредительное собрание, но немедленно стал добиваться отставки. Он видел, что буржуазное Собрание кипит ненавистью к пролетариату и провоцирует его на восстание, накапливая силы для жесточайшей расправы с ним. Поэт не мог остаться в лагере врагов народа. «...Упорное отвращение Беранже от звания представителя, его вольтеровские письма об этом, его мольбы пощадить его седины унизили Собрание всею славою любимого народного поэта»¹, — писал Герцен.

На революцию Беранже откликнулся немногими песнями («Моя трость», «Барабаны»), оплакав гибель своих иллюзий о братстве, утонувших в крови июньского рабочего восстания 1848 года. Последние годы поэт ушел в интимную лирику и вообще писал мало. Лишь в последней своей политической сатире, «Смерть и полиция», он с молодой силой высмеял империю Наполеона III.

Значение Беранже в истории французской песни огромно. Взявшись за жанр, находившийся до него в забвении, и работая над ним с тем тщанием, которое дотеле считалось уместным лишь в отношении «высоких жанров», Беранже уравнивал песню в поэтических правах с прочими жанрами поэзии. Долгим изучением особенностей и законов песни, несравненным умением связать

---

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., в 30-ти томах, т. V. М., 1955, с. 137.

эти законы с пропагандистскими целями, величайшей требовательностью к себе, редкой способностью к терпеливому вынашиванию своих произведений, заботой о реалистической лепке образа, о тщательном построении каждой строфы и рефрена, вниманием к богатой рифме, а в особенности к ясному, точному, меткому языку Беранже не только достиг великого мастерства, которым восхищались Бальзак, Стендаль, Мериме, Жорж Санд, Гете, но и создал тот канон французской песни, которому остались верны его талантливейшие ученики — Эжезипп Моро, Пьер Дюпон, Жан-Батист Клеман, Эжен Потье и многие другие. Эти французские шансонье XIX века по-прежнему ставили песню на службу передовым общественным стремлениям. Но в отличие от Беранже, оставшегося народным поэтом эпохи буржуазно-демократических революций, его ученики, народные поэты Парижской коммуны, Эжен Потье, Жан-Батист Клеман и другие, смелее двинули вперед французскую песню, связав ее с задачами революционного освобождения трудовых масс всего мира от капиталистического гнета.

Ю. Данилин

ПЕСНИ

КОРОЛЬ ИВЕТО

LE ROI D'YVETOT

Жил да был один король, —
Где, когда — нам неизвестно
(Догадаться сам изволь).

Спал без славы он чудесно,
И носил король-чудак
Не корону, а колпак.

Право так!

Ха, ха, ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!
Он обед и завтрак свой
Ел всегда без опасенья;
На осле шажком порой
Объезжал свои владенья;

И при нем достойно нес
Службу гвардии барбос,
Верный пес.

Ха, ха, ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!

Был грешок один за ним:
Выпивал он преизрядно.
Но служить грешкам таким
Для народа не накладно:
Пошлин он не налагал,—
Лишь по кружке с бочки брал
В свой подвал.

Ха, ха, ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!

Как умел он увлекать
Дам изысканного тона!
И «отцом» его мог звать
Весь народ не без резона.
Не пускал он ружей в ход;
Только в цель стрелял народ
Дважды в год.

Ха, ха, ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!

Он отличный был сосед:
Расширять не думал царства
И превыше всех побед
Ставил счастье государства.
Слез народ при нем не знал;
Лишь как умер он— взрыдал
Стар и мал...

Ха, ха, ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!

Не забыл народ о нем!
Есть портрет его старинный:
Он висит над кабачком
Вместо вывески рутинной.
В праздник там толпа кутит,
На портрет его глядит
И кричит

(Ха, ха, ха! Ну не смешно ль?):
«Вот так славный был король!»

ЗНАТНЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

LE SÉNATEUR

Я всей душой к жене привязан;
Я в люди вышел... Да чего!
Я дружбой графа ей обязан.
Легко ли! Графа самого!
Делами царства управляя,
Он к нам заходит, как к родным.
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

Прошедшей, например, зимою,
Назначен у министра бал;
Граф приезжает за женою, —
Как муж, и я туда попал.

Там, руку мне при всех сжимая,
Назвал приятелем своим!..
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

Жена случайно захворает —
Ведь он, голубчик, сам не свой:
Со мною в преферанс играет,
А ночью ходит за больной.
Приехал, весь в звездах сияя,
Поздравить с ангелом моим...
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

А что за тонкость обращенья!
Приедет вечером, сидит...
— Что вы всё дома... без движенья?..
Вам нужен воздух... — говорит.
— Погода, граф, весьма дурная...
— Да мы карету вам дадим! —
Предупредительность какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

Зазвал к себе в свой дом боярский:
Шампанское лилось рекой...
Жена уснула в спальне дамской...
Я в лучшей комнате мужской.
На мягком ложе засыпая,
Под одеялом парчевым,
Я думал, нежась: честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

Крестить назвался непременно,
Когда господь мне сына дал, —
И улыбался умиленно,
Когда младенца восприял.
Теперь умру я, уповая,
Что крестник взыскан будет им...
А счастье-то, а честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

А как он мил, когда он в духе!
Ведь я за рюмкою вина
Хватил однажды: — Ходят слухи...
Что будто, граф... моя жена...
Граф, — говорю, — приобретаю...
Трудясь... я должен быть слепым...
Да ослепит и честь такая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

БЕДНЫЙ ЧУДАК

ROGER BONTEMPS

Всем пасынкам природы
    Когда прожить бы так,
Как жил в былые годы
    Бедняга-весельчак.
Всю жизнь прожить не плача,
    Хоть жизнь куда горька...
Ой ли! Вот вся задача
    Бедняги-чудака.

Наследственной шляпенки
    Пред знатью не ломать,
Подарочек девчонки —
    Цветы в нее вплетать,

В шинельке ночью лежа,
Днем — пух смахнул слегка!
Ой ли! Вот вся одёжа
Бедняги-чудака.

Два стула, стол трехногий,
Стакан, постель в углу,
Тюфяк на ней убогий,
Гитара на полу,
Швеи изображение,
Шкатулка без замка...
Ой ли! Вот все именье
Бедняги-чудака.

Из папки ребятишкам
Вырезывать коньков,
Искать по старым книжкам
Веселеньких стишков,
Плясать — да так, чтоб скука
Бежала с чердака, —
Ой ли! Вот вся наука
Бедняги-чудака.

Чтоб каждую минуту
Любовью освятить —
В красавицу Анюту
Всю душу положить,
Смотреть спокойным глазом
На роскошь... свысока...
Ой ли! Вот глупый разум
Бедняги-чудака.

«Как стану умирать я,
Да не вменят мне в грех
Ни бог, ни люди-братья
Мой добродушный смех;
Не будет нареканья
Над гробом бедняка».
Ой ли! Вот упованья .
Бедняги-чудака.

Ты, бедный, — ослепленный
Богатствами других,

И ты, богач, — согбенный
    Под ношей благ земных, —
Вы ропщете... Хотите,
    Чтоб жизнь была легка?
Ой ли! Пример берите
    С бедняги-чудака.

БАБУШКА

MA GRAND'MERE

Старушка под хмельком призналась,
    Качая дряхлой головой:
— Как молодежь-то увивалась
    В былые дни за мной!

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

— Как, бабушка, ты позволяла?
    — Э, детки! Красоте своей
В пятнадцать лет я цену знала —
    И не спала ночей...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

— Ты, бабушка, сама влюблялась?
    — На что же бог мне сердце дал?
Я скоро милого дождалась,
    И он недолго ждал...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

— Ты нежно, бабушка, любила?

— Уж как нежна бывала с ним,
Но чаще время проводила —
Еще нежней — с другим...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

— С другим, родная, не краснея?

— Из них был каждый не дурак,
Но я, я их была умнее:
Вступив в законный брак.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

— А страшно мужа было встретить?

— Уж больно был в меня влюблен;
Ведь мог бы многое заметить —
Да не заметил он.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

— А мужу вы не изменяли?

— Ну, как подчас не быть греху!
Но я и батюшке едва ли
Откроюсь на духу.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

— Вы мужа наконец лишились?

— Да, хоть не нов уже был храм,
Кумиру жертвы приносились
Еще усердней там.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

— Нам жить ли так, как вы прожили?
— Э, детки! женский наш удел!
Уж если бабушки шалили —
Так вам и бог велел.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

ВЕСНА И ОСЕНЬ

LE PRINTEMPS ET L'AUTOMNE

Друзья, природою самую
Назначен наслажденьям срок:
Цветы и бабочки — весною,
Зимою — виноградный сок.
Снег тает, сердце пробуждая;
Короче дни — хладеет кровь...
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре прощай любовь!

Хотел бы я вино с любовью
Мешать, чтоб жизнь была полна;
Но, говорят, вредит здоровью
Избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая,
Я рассудил без дальних слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!
В весенний день моя свобода
Была Жаннетте отдана;

Я ей поддался — и полгода
Меня дурачила она!
Кокетке все припоминая,
Я в сентябре уж был *готов...*
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Я осенью сказал Адели:
«Прощай, дитя, не помни зла...»
И разошлись мы; но в апреле
Она сама ко мне пришла.
Бутылку тихо опуская,
Я вспомнил смысл мудрейших слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Так я дошел бы до могилы...
Но есть волшебница: она
Крепчайший спирт лишает силы
И охмеляет без вина.
Захочет — я могу забыться,
Смешать все дни в календаре:
Весной — бесчувственно напиться
И быть влюбленным в декабре!

СЛЕПАЯ МАТЬ

LA MÈRE AVEUGLE

Шей-ка рубашонки,
В окна не гляди.
Сердце у девчонки
Прыгает, поди!
Милый для вострухи
Хорошо поет —
А слепой старухи
Нет, — не проведет!
Им позволь немножко...
Стой! Куда идешь?
Отворять окошко?
Лиза, ты не шьешь!

Душно стало?.. Сказки!
Вовсе не к тому:
Ты в окошко глазки
Делаешь ему.
Я, небось, сварлива, —
Эх! и я была
Смолоду красива;
Все сама прошла...
С этою работой
Горе наживешь...
Там у двери кто-то?
Лиза, ты не шьешь!

Ветром растворилось?
Ишь ведь чудеса!
А зачем явилась
Кость в зубах у пса?
Мать ведь все смекает,
Даром, что без глаз, —
Ветер-то гуляет
В голове у вас!
Больно разгулялся...
Это что? Грабеж!
Поцелуй раздался!
Лиза, ты не шьешь!

Что? Пришла охота
Птичку целовать?
Не того полета!
Лиза, стыдно лгать!
Сладко целоваться
С милым голубком...
А над кем смеяться
Будет он потом?
Глупенькая, жаль мне!
Стой! Куда идешь?
Что за шепот в спальне?
Лиза, ты не шьешь!

Сон одолевает?
Знаю, этот сон
В сердце западает,

Кровь волнует он...
Всю охватит разом
Трепетом, огнем.
Отуманит разум...
Пропадешь потом!
Красоту размочит
Горьких слез ручей...
Сердце все изноет...
Лиза, Лиза, шей!

КАК ЯБЛОЧКО, РУМЯН

LE PETIT HOMME GRIS

Как яблочко, румян,
Одет весьма беспечно,
Не то, чтоб очень пьян —
А весел бесконечно.
Есть деньги — прокутит;
Нет денег — обойдется,
Да как еще смеется!
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
    Ей-ей, умру...
    Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Шатаюсь по ночам
Да тратюсь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок.
Полиция грозит,
В тюрьму упрятать хочет —
А он-то все хохочет...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот — говорит, — потеха!
    Ей-ей, умру...
    Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Забился на чердак,
Меж небом и землею;
Свистит себе в кулак
Да ежится зимою.
Его не огорчит,
Что дождь сквозь крышу льется:
Измокнет весь, трясется...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
    Ей-ей, умру...
    Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

У молодой жены
Богатые наряды;
На них устремлены
Двусмысленные взгляды.
Злословье не щадит,
От сплетен нет отбою...
А он — махнул рукою...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
    Ей-ей, умру...
    Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Собрался умирать,
Параличом разбитый;
На ветхую кровать
Садится поп маститый
И бедному сулит
Чертей и ад кромешный...
А он-то, многогрешный,
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
    Ей-ей, умру...
    Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

ДА БУДЕТ ТАК!

AINSI SOIT-IL

Я маг, любезные друзья,
Сегодня прорицаю я,
Провидя дней грядущих знак.
Да будет так!

Поэты перестанут лгать,
Вельможи — лести потакать,
У трона — честен станет всяк.
Да будет так!

Ни старых скряг, ни игроков,
Ни мелочных ростовщиков,
Ни канцелярских забияк.
Да будет так!

Любовь и дружба — не слова,
Что испаряются, едва
Растратил денежки чуждак.
Да будет так!

У девушки секретов нет,
Она невинна в двадцать лет,
Она краснеет, словно мак.
Да будет так!

У жен нет модного тряпья,
Живут в беспечности мужья, —
Им не грозит — попасть впросак.
Да будет так!

Во всех писаниях цветет
Свободный гений — не расчет,
Не видно пошлостей и врак.
Да будет так!

Художник — благородно прям,
Певцу — не нужен фимиам,
И даже критик — не дурак.
Да будет так!

Кто смел, — правителей ругай,
Про них куплетцы распевай —
Без альгвазилов и без драк.
Да будет так!

Под сенью права спит француз,
Вернулся к нам хороший вкус,
Зажгла нам истина маяк.
Да будет так!

Так будьте ж с господом в ладу,
Кто нам в трехтысячном году
Вернет на место зодиак.
Да будет так!

БАРЫШНИ

L'ÉDUCATION DES DEMOISELLES

Что за педант наш учитель словесности!
Слушать противно его!
Все о труде говорит да об честности...
Я и не вспомню всего!
Театры, балы, маскарады, собрания
Я без него поняла...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Шить у меня не хватает терпения —
Времени, маменька, нет:
Мне еще нужно с учителем пения
Вспомнить вчерашний дуэт...
Музыка с ним — целый мир обаяния —
Страсть в моем сердце зажгла!..
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Время, тапан, ведь не трачу напрасно я:
Села расход записать —
Входит танцмейстер; он па сладострастное
Нынче пришел показать;

Платье мне длинно... Я, против желания,
Выше чуть-чуть подняла...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Нянчись с братишкой! Плаксивый и мерзкий!
Сразу никак не уймешь.
А в голове Аполлон Бельведерский:
Как его корпус хорош!
Тонкость какая всего очертания!
Глаз бы с него не свела...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Что тут, татап! Уж учили бы смолоду,
Замуж давно мне пора;
Басня скандальная ходит по городу —
Тут уж не будет добра!
Мне все равно; я найду оправдание —
Только бы мужа нашла...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

DEO GRATIAS¹ ЭПИКУРЕЙЦА

DEO GRATIAS D'UN ÉPICURIEN

Безбожный, нечестивый век!
Утратил веру человек:
Перед обедом забывает
Молиться иль не успевает.
Но я молюсь, когда я сыт:
— Верни мне, боже, аппетит,
И лакомствам в желудок дай дорогу! —
За аппетит я благодарен богу,
Всегда я благодарен богу.

Сосед мой болен, и давно
С водой мешает он вино,

---

¹ Благодарственная молитва (лат.).

А на шампанское не взглянет:
Вдруг голова кружиться станет?
Но, слава богу, без вреда
Я чарку осушу всегда,
Из кабачка найду домой дорогу...
Вот почему я благодарен богу,
Всегда я благодарен богу.

Приносит ревность много бед:
Не ест, не пьет другой сосед,
Друзьям своим не доверяет
И все спокойствие теряет:
Его жены так томен взор...
Скорей все двери на запор!
Но я — в окно... Уж отыщу дорогу!
Вот я за что так благодарен богу,
Всегда я благодарен богу.

Провел с актрисой вечерок
Один мой друг и занемог...
Теперь, кляня судьбы коварство,
Глотать он вынужден лекарства.
А я последствий не боюсь
И с восьмерыми веселюсь.
Я к доктору забыл давно дорогу.
И за здоровье благодарен богу,
Весьма я благодарен богу!

Повесив нос, кто там сидит
И кисло под ноги глядит?
Его печали есть ли мера?
Испорчена его карьера...
Когда б в опалу я попал —
На трон сердиться б я не стал,
Но к счастью отыскал бы я дорогу.
А потому я благодарен богу,
Весьма я благодарен богу!

Когда я за столом сижу,
То мир прекрасным нахожу
И твердо верю: в сей юдоли
Зависит все от божьей воли.

Она всегда щадит глупцов
И поощряет мудрецов
Искать к блаженству верную дорогу...
Ну, как не быть мне благодарным богу?
Весьма я благодарен богу!

ТЕТКА ГРЕГУАР

MADAME GRÉGOIRE

В годы юности моей
Тетка Грегуар блистала.
В кабачок веселый к ней
Забегал и я, бывало.
Круглолица и полна,
Улыбалась всем она,
А брюнет иной, понятно,
Пил и ел у ней бесплатно.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Вспоминался ей подчас
Муж, что умер от удара.
Жаль, никто не мог из нас
Знать беднягу Грегуара.
Все ж наследовать ему
Было лестно хоть кому.
Всякий здесь был сыт и пьян,
И лилось вино в стакан.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Помню в прошлом, как сквозь дым,
Смех грудной, кудрей извивы,
Вижу крестик, а под ним
Пышность прелестей стыдливых.
Про ее любовный пыл
Скажут те, кто с нею жил, —
Серебро — и не иначе —
Им она сдавала сдачи.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Было ѿ пьяницам житье,
Но у жен своя сноровка,—
Сколько раз из-за нее
Начиналась потасовка.
    Как из ревности такой
    Разыграют жены бой,
Грегуарша очень кстати
Спрячет всех мужей в кровати.
    Да, бывало, каждый мог
    Завернуть к ней в кабачок!

А пришел и мой черед
Быть хозяином у стойки,
Что ни вечер, целый год
Я давал друзьям попойки.
    Быть ревнивым я не смел,
    Каждый вдоволь пил и ел,
А хозяйка всем, бывало,—
До служанок вплоть,— снабжала.
    Да, бывало, каждый мог
    Завернуть к ней в кабачок!

Дням тем больше не цвести,
Нет удач под этой кровлей.
Грегуарша не в чести
У любви и у торговли.
    Жаль и ручек мне таких,
    И стаканов пуншевых,
Но пред лавкой сиротливой
Всякий вспомнит час счастливый.
    Да, бывало, каждый мог
    Завернуть к ней в кабачок!

МОИ ВОЛОСЫ

MES CHEVEUX

Апостол радости беспечной,
Друзья, я проповедь прочту:
Все блага жизни скоротечной
Хватайте прямо на лету...

Наперекор судьбы ударам,
Чтоб смелый дух в свободе рос...
Вот вам совет мой, — а не даром
Я в цвете лет лишен волос.

Друзья, хотите ли игриво,
Как светлый день, всю жизнь прожить?
Вот вам вино: в нем можно живо
Мирские дразги утопить.
К его струям прильните с жаром,
Чтоб в вашу кровь оно влилось...
Вот вам совет мой, — а не даром
Я в цвете лет лишен волос.

Друзья! вино, вселяя резвость,
Не наполняет пустоты, —
Нужна любовь, чтоб снова трезвость
Найти в объятьях красоты;
Чтоб каждый в жертву страстным чарам
Здоровье, юность, деньги нес...
Вот вам совет мой, — а не даром
Я в цвете лет лишен волос.

Последовав моим советам,
Вы насмеетесь над судьбой —
И, насладившись жизни летом,
С ее не встретитесь зимой;
Над вашим юношеским жаром
Суровый не дохнет мороз;
Вот вам совет мой, — а не даром
Я в цвете лет лишен волос.

БЕДНОТА

LES GUEUX

Хвала беднякам!
Голодные дни
Умеют они
Со счастьем сплести пополам!
Хвала беднякам!

Их песнею славить не надо,
Воздать по заслугам пора,
А песня — едва ли награда
За годы нужды и добра!

Хвала беднякам!

Голодные дни

Умеют они

Со счастьем сплетать пополам!

Хвала беднякам!

У бедных проста добродетель
И крепкой бывает семья.
А этому верный свидетель
Веселая песня моя.

Хвала беднякам!

Голодные дни

Умеют они

Со счастьем сплетать пополам!

Хвала беднякам!

Искать недалеко примера.
О песня! Ты знаешь сама:
Одно только есть у Гомера —
Высокий костыль и сума!

Хвала беднякам!

Голодные дни

Умеют они

Со счастьем сплетать пополам!

Хвала беднякам!

Богатство и славу, герои,
Вы часто несете с трудом.
А легче не станет ли втрое,
Коль просто пойти босиком?

Хвала беднякам!

Голодные дни

Умеют они

Со счастьем сплетать пополам!

Хвала беднякам!

Вы сыты докучною одой,
Ваш замок — мучительный плен.
Вольно ж вам! Живите свободой,
Как в бочке бедняк Диоген!

Хвала беднякам!
Голодные дни
Умеют они
Со счастьем сплетать пополам!
Хвала беднякам!

Чертоги — подобие клеток,
Где тучный томится покой.
А можно ведь есть без салфеток
И спать на соломе простой!

Хвала беднякам!
Голодные дни
Умеют они
Со счастьем сплетать пополам!
Хвала беднякам!

Житье наше жалко и хмуро!
Но кто улыбается так?
То, дверь отворяя, амура
К себе пропускает бедняк.

Хвала беднякам!
Голодные дни
Умеют они
Со счастьем сплетать пополам!
Хвала беднякам!

Чудесно справлять новоселье
На самом простом чердаке,
Где Дружба встречает Веселье
С янтарным стаканом в руке!

Хвала беднякам!
Голодные дни
Умеют они
Со счастьем сплетать пополам!
Хвала беднякам!

БУДУЩИЙ ВЕК,
ИЛИ
ЧЕМ СТАНУТ НАШИ ДЕТИ

L'ÂGE FUTUR

Я говорю без раздраженья:
Народ стал нынче плоховат,
Но будущее поколение
Похуже будет во сто крат.
Не стоит этот мир усилий,
К чему трудиться до утра?
Пора, пора,
Давно пора, —
Давно б с землей мы порешили,
Да женам нравится игра!

Мы были пьяницы, гурманы,
Мы с песней чокались кругом,
А наши дети, взяв стаканы,
Не знают смеха за столом.
Едва соседа подпоили, —
Уж Эпикур он иль Сократ.
Пора, пора,
Давно пора, —
Давно б с землей мы порешили,
Да женам нравится игра!

От Академии как будто
Мы все зевали до сих пор,
А в будущем два Института
Затеют бесконечный спор.
Иль мало им архивной пыли,
Докучных росчерков пера?
Пора, пора,
Давно пора, —
Давно б с землей мы порешили,
Да женам нравится игра!

Мы, может быть, любили войны,
Но был и отдыху почет.

А у потомков беспокойных
И день, и ночь война пойдёт.
И все затем, чтоб заслужили
Звезду иль милости двора.

Пора, пора,
Давно пора, —
Давно б с землей мы порешили,
Да женам нравится игра!

В любви просты мы, без сомненья,
Но наши дети, может быть,
Познав всю тонкость пресыщенья,
Совсем разучатся любить.
Что им Овидий иль Вергилий
И песни, жившие вчера?

Пора, пора,
Давно пора, —
Давно б с землей мы порешили,
Да женам нравится игра!

Ни в чем не слушая софистов,
Объявит скоро молодежь
Писателями — журналистов,
Искусством — оперную ложь.
Про скромность девушки забыли,
И речь повесы не остра.

Пора, пора,
Давно пора, —
Давно б с землей мы порешили,
Да женам нравится игра!

Венков, друзья, венков и песен!
Понять нас детям не дано.
Не будет круг их так же тесен,
Не станет пениться вино.
Им не кутить, как мы кутили,
От поздней ночи до утра.

Пора, пора,
Давно пора, —
Давно б с землей мы порешили,
Да женам нравится игра!

РЕЗВУШКА

FRETILLON

Кто не видывал Резвушки?
Есть ли девушка славней?
И красотки, и дурнушки
Спасовали перед ней.

Тра-ла-ла...

У девчонки

Лишь юбчонка

За душою и была...

Хоть потом в ее мансарде
Был и жемчуг, и тафта —
Заложила все в ломбард
Для любовника-плута...

Тра-ла-ла...

Ведь девчонка

И юбчонку

Чуть в заклад не отнесла!

Кто из дам сравнится с нею?
Как-то лютою зимой
Я в каморке коченею:
В щелях — ветер ледяной...

Тра-ла-ла...

Так девчонка

И юбчонку,

Чтоб укрыть меня, сняла!

Что я слышу? Все бельишко
Продала она свое,
Чтобы выручить фатишку,
Колотившего ее.

Тра-ла-ла...

Эх, девчонка!

И юбчонку,

И юбчонку продала!

Для амура нет помехи:
Вот Резвушка у окна
Лишь в сорочке... Сквозь прорехи
Грудь округлая видна.

Тра-ла-ла...
Ведь девчонка
Без юбчонки
Даже лучше, чем была!

Снова купят ей банкиры
И ковры и зеркала,
Снова душки-кирасиры
Разорят ее дотла..

Тра-ла-ла...
Чтоб девчонка
Без юбчонки,
Напевая, умерла!

ГАСТРОНОМЫ

LES GOURMANDS

Господа, довольно, знайте честь.
Будет вам все только есть да есть.
Пожалейте тех, кто в этом свете,
Волей иль неволей, на диете.
И притом ведь вам грозит беда:
Лопнете с обжорства, господа.
А такая смерть — не смерть — потеха!
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха.
Лопнуть, так от смеха!

Разве можно думать с полным ртом
О любви, полсуток за столом?
Масляные ваши подбородки
Чуть увидят — прочь бегут красотки.
С чревом, полным всяких благ земных,
Вам храпеть лишь впору возле них.
Ваше чрево и в любви помеха.
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха!
Лопнуть, так от смеха!

Для любви когда уж места нет,
Что вам слава, что вам званья, свет?
Для чего вам лавры, всем вам вкупе,
Лишь бы лист лавровый плавал в супе,
Украшал бы окорок свиной!

Вы гордитесь славою одной:
Гениев кухмистерского цеха.
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха.
Лопнуть, так от смеха!

Чтобы каждый кус просмаковать,
За столом нельзя вам хохотать.
Как служить сатире и Мамоне?
Оттого сатира и в загоне.
Господа, когда на то пошло,—
Мы смеяться будем вам назло.
И наш смех найдет повсюду эхо.
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха.
Лопнуть, так от смеха!

Обжирайтесь, мрачные умы.
Блага жизни с вами делим мы!
Вам — хандра и тонкие обеды,
Нам — любовь и разума победы,
И простой обед, где за столом
Остроумье искрится с вином,
И желудок сердцу не помеха.
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха.
Лопнуть, так от смеха!

МОЖЕТ БЫТЬ, ПОСЛЕДНЯЯ МОЯ ПЕСНЯ

MA DERNIÈRE CHANSON PEUT-ÊTRE

Я не могу быть равнодушен
Ко славе родины моей.
Теперь покой ее нарушен,
Враги хозяйничают в ней.
Я их кляну; но предаваться
Унынью не поможет нам.
Еще мы можем петь, смеяться...
Хоть этим взять, назло врагам!

Пускай иной храбрец трепещет,—
Я не дрожу; хотя и трус.

Вино пред нами в чашах блещет;
Я богу гроздий отдаюсь.
Друзья! наш пир одушевляя,
Он силу робким даст сердцам.
Давайте пить, не унывая!
Хоть этим взять, назло врагам!

Заимодавцы! Беспокоить
Меня старались вы всегда;
Уж я хотел дела устроить,—
Случилась новая беда.
Вы за казну свою дрожите;
Вполне сочувствую я вам.
Скорей мне в долг еще ссудите!
Хоть этим взять, назло врагам!

Небезопасна и Лизетта;
Беды бы не случилось с ней.
Но чуть ли ветреница эта
Не встретит с радостью гостей.
В ней, верно, страха не найдется,
Хоть грубость их известна нам.
Но эта ночь мне остается...
Хоть этим взять, назло врагам!

Коль неизбежна гибель злая,
Друзья, сомкнемтесь — клятву дать,
Что для врагов родного края
Не будет наша песнь звучать!
Последней песнью лебединой
Пусть будет эта песня нам.
Друзья! составим хор единый!
Хоть этим взять, назло врагам!

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАПЛУНАМ

ÉLOGE DES CHAPONS

Я хоть клятву дать готов,—
Да, молодки,
Да, красотки,—

Я хоть клятву дать готов:
Нет счастливей каплунов!

Всякий доблестный каплун
Со страстью владеть умеет:
Телом здоров и духом юн,
Он полнеет и жиреет.

Я хоть клятву дать готов, —
Да, молодки,
Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готов:
Нет счастливей каплунов!

Ревность, вспыхнувши в крови,
Каплуна не втянет в драку,
И счастливцу — от любви
Прибегать не надо к браку.

Я хоть клятву дать готов, —
Да, молодки,
Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готов:
Нет счастливей каплунов!

Впрочем, многие из них —
Захотят — слывут мужьями
И с подругой дней своих
Утешаются детьми.

Я хоть клятву дать готов, —
Да, молодки,
Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готов:
Нет счастливей каплунов!

Проводя смиренно дни,
Достохвальны, досточтимы,
Ни раскаяньем они,
Ни диетой не казимы.

Я хоть клятву дать готов, —
Да, молодки,
Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готов:
Нет счастливей каплунов!

Ну, а мы-то, господа?
В нашей участи несчастной,
Что мы терпим иногда
От обманщицы прекрасной!
Я хоть клятву дать готов,—
    Да, молодки,
    Да, красотки,—
Я хоть клятву дать готов:
Нет счастливей каплунов!

Сами жжем себя огнем,
Хоть не раз мы испытали —
И должны сознаться в том,—
Что не скованы из стали.
Я хоть клятву дать готов,—
    Да, молодки,
    Да, красотки,—
Я хоть клятву дать готов:
Нет счастливей каплунов!

Что ж, из ложного стыда
Выносить напрасно муки?
Полно трусить, господа,
Благо клад дается в руки!
Я хоть клятву дать готов,—
    Да, молодки,
    Да красотки,—
Я хоть клятву дать готов:
Нет счастливей каплунов!

Нам ведь миру не помочь:
В нем — что час, то поколенья...
Прочь же наши — сразу прочь —
Молодые заблужденья...
Я хоть клятву дать готов,—
    Да, молодки,
    Да, красотки,—
Я хоть клятву дать готов:
Нет счастливей каплунов!

ИСТЫЙ ФРАНЦУЗ

*(Песня, спетая перед адъютантами
русского императора)*

LE BON FRANÇAIS

(Chanson chantée devant des aides de camp de l'empereur Alexandre)

Оставайся, русский, русским,
И пруссаком будь, пруссак!
Мы ж — французы, и французским
Будет край наш, как-никак!
И французов новых вид
Наше сердце веселит...
Франции сыны,
Будем родине верны,
Будем ей всегда верны!

Взят в полон с войсками вместе
Был Франциск... Он повторял:
«Все погибло, кроме чести...
Только честь не потерял!»
Пусть утешит эта речь
Тех, кто честь сумел сберечь!...
Франции сыны,
Будем родине верны,
Будем ей всегда верны!

Добрый наш король — слышали? —
Захотел вернуть домой
Тех, чьи лавры приувяли
Лютой русскою зимой.
У лилей найдя приют,
Лавры снова оживут...
Франции сыны,
Будем родине верны,
Будем ей всегда верны!

Англичане, без сомненья,
Помнят нашего вождя,
Что принес стране спасенье,
Из дворца не выходя.
Наш Людовик, как и он,

Знает, кто поддержит трон...

Франции сыны,
Будем родине верны,
Будем ей всегда верны!

Англomанию забудем —
В ней-то главная беда!
Немцам тоже разве будем
Подражать мы? Никогда!
У соседей не грешно
Брать лишь женщин да вино.

Франции сыны,
Будем родине верны,
Будем ей всегда верны!

Не угасла наша слава,
Мы чаруем целый мир.
Нам кричат повсюду: «Браво!»
Наш Париж везде — кумир.
Лишь сложили мы куплет —
Подхватил его весь свет.

Франции сыны,
Будем родине верны,
Будем ей всегда верны!

Протянув друг другу руки,
Чтоб в краю родимом вновь
Мастерства цвели, науки,
И искусства, и любовь, —
Все полюбим, так и быть,
Что король велит любить...

Франции сыны,
Будем родине верны,
Будем ей всегда верны!

ПИР НА ВЕСЬ МИР

LA GRANDE ORGIE

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!

Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Черт ли в этих вздорах,
В диспутах и спорах,
В праздных разговорах!
Небом нам дана
Влага винограда —
Честного отрада, —
Пусть и ретрограда
С ног сшибет она!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Авторы плохие,
Риторы смешные,
Публицисты злые!
Дышат скукой, сном
Все творенья ваши;
Глубже их и краше
Дедовские чаши
С дедовским вином.

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Бой забыв, день целый
С нами Марс пьет смелый;
Утопил все стрелы
В винных бочках он.

Нам уж бочек мало.
Стражи арсенала!
Ваших бы достало,
Кабы порох вон!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Не сбежим от юбок:
Вкруг Венеры кубок
Приманив голубок,
Пустим в добрый час.
Пташечки Киприды,
Что видали виды,
Не боясь обиды,
Пьют почище нас!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Золото так веско,
В нем так много блеска,
Бьющего так резко
В очи беднякам,
Что хрусталь, в котором
Пьем пред милым взором,
За веселым хором,
Драгоценней нам!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Нам от женщин милых
(Вакх благословил их)
Уж не будет хилых
    И больных ребят.
Сыновья и дочери,
Чуть открыв глазочки,
Уж увидят бочки
    И бутылок ряд.

Вино веселит все сердца!
    По бочке, ребята,
        На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
    Все пьяны!

Нам чужда забота
Мнимого почета,
Каждый оттого-то
    Непритворно рад,
Всем в пиру быть равным —
Темным или славным, —
Зрей над своенравным
    Лавром виноград!

Вино веселит все сердца!
    По бочке, ребята,
        На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
    Все пьяны!

Прочь, рассудок строгий!
Пусть под властью бога,
Давшего так много
    Наслажденья нам,
Все заснут отрадно,
Где кому повадно,
Как всегда бы — ладно
    Надо жить друзьям.

Вино веселит все сердца!
    По бочке, ребята,
        На брата!

Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

ЧЕЛОБИТНАЯ ПОРОДИСТЫХ СОБАК

о разрешении им свободного входа
в Тюильрийский сад

REQUÊTE

présentée par les chiens de qualité, pour obtenir qu'on leur
rende l'entrée libre au jardin des Tuileries

Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Мы с нетерпеньем ждем известья
О том, что с завтрашней зари
Псам Сен-Жерменского предместья
Откроют доступ в Тюильри.

Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

На нас ошейники, в отличие
От массы уличных бродяг;
Понятно: луврское величье
Не для каких-нибудь дворняг!

Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Тиран нас гнал, пока был в силе,
Пока в руках его был край,
И мы безропотно сносили
Его любимцев жалкий лай.

Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Но склонны прихвостни к обману, —
Ох! нам ли этого не знать?!

Кто сапоги лизал тирану —
Ему же пятки стал кусать!
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Что́ нам до родины, собачки?..
Пусть кровь французов на врагах, —
Мы, точно блох, лоя подачки,
У них валяемся в ногах.
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Пусть в торжестве теперь минутном
Джон Буль снял с Франции оброк,
Кусочек сахара дадут нам,
И будет кошкам кофеек!..
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Вот в моду вновь чепцы и кофты
Ввели для женщин в Тюильри;
Не позабудь, о двор, и псов ты:
In statu quo¹ нас водвори!
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

За эту милость обещаем
Все, кроме глупых пуделей,
На бедняков бросаться с лаем
И прыгать в обруч для властей!
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

ЛУЧШИЙ ЖРЕБИЙ

BEAUCOUP D'AMOUR

На зло фортуне самовластной
Я стану золото копить,
Чтобы к ногам моей прекрасной,
Моей Жаннетты, положить.

---

¹ В прежнем положении (лат.).

Тогда я все земные блага
Своей возлюбленной куплю;
Свидетель бог, что я не скряга,—
Но я люблю, люблю, люблю!

Сойди ко мне восторг поэта —
И отдаленнейшим векам
Я имя милое: Жаннетта
С своей любовью передам.
И в звуках, слаще поцелуя,
Все тайны страсти уловлю:
Бог видит, славы не ищу я,—
Но я люблю, люблю, люблю!

Укрась чело мое корона —
Не возгоржусь нисколько я,
И будет украшеньем трона
Жаннетта резвая моя.
Под обаяньем жгучей страсти
Я все права ей уступлю...
Ведь я не домогаюсь власти,—
Но я люблю, люблю, люблю!

Зачем пустые обольщенья?
К чему я призраки ловлю?
Она в минуту увлеченья
Сама сказала мне: люблю.
Нет! лучший жребий невозможен!
Я полон счастьем моим;
Пускай я беден, слаб, ничтожен,
Но я любим, любим, любим!

БОКСЕРЫ, ИЛИ АНГЛОМАНИЯ

LES BOXEURS, OU L'ANGLOMANIE

Хотя их шляпы безобразны,
God damn! ¹ люблю я англичан.
Как мил их нрав! Какой прекрасный
Им вкус во всех забавах дан!

---

¹ Черт возьми! (англ.)

На них нам грех не подивиться.

О нет! Конечно, нет у нас
Таких затрещин в нос и в глаз,
Какими Англия гордится.

Вот их боксеры к нам явились, —
Бежим скорей держать пари!

Тут дело в том: они схватились
На одного один, не три,
Что редко с Англией случится.

О нет! Конечно, нет у нас
Таких затрещин в нос и в глаз,
Какими Англия гордится.

Дивитесь грации удара
И ловкости друг друга бить
Двух этих молодцов с базара;
А впрочем, это, может быть,
Два лорда вздумали схватиться?

О нет! Конечно, нет у нас
Таких затрещин в нос и в глаз,
Какими Англия гордится.

А вы что скажете, красотки?

(Ведь все затеяно для дам)

Толпитесь возле загородки,

Рукоплещите храбрецам!

Кто с англичанами сравнится?

О нет! Конечно, нет у нас
Таких затрещин в нос и в глаз,
Какими Англия гордится.

Британцев модам угловатым,

Их вкусу должно подражать;

Их лошадям, их дипломатам,

Искусству даже воевать —

Нельзя довольно надивиться...

О нет! Конечно, нет у нас
Таких затрещин в нос и в глаз,
Какими Англия гордится.

ТРЕТИЙ МУЖ

(Песня в сопровождении жестов)

LE TROISIEME MARI

(Chanson avec accompagnement de gestes)

Мужья тиранили меня,
Но с третьим сладить я сумела:
Смешна мне Жана воркотня,
Он ростом мал, глядит несмело.
Чуть молвит слово он не так —
Ему надвину я колпак.

«Цыц! — говорю ему, —
Молчи, покуда не влетело!»

Бац! по щеке ему...
Теперь-то я свое возьму!

Прошло шесть месяцев едва
С тех пор, как мы с ним поженились, —
Глядь, повод есть для торжества:
Ведь близнецы у нас родились.
Но поднял Жан чертовский шум:
Зачем детей крестил мой кум?

«Цыц! — говорю ему, —
Вы хоть людей бы постыдились!»
Бац! по щеке ему...
Теперь-то я свое возьму!

Просил мой кум ему ссудить
Деньжонок, хоть вернет едва ли.
А Жан за кассой стал следить
И хочет знать — куда девали?
Пристал с вопросом, как смола...
Тогда я ключ себе взяла.

«Цыц! — говорю ему, —
Не жди, чтоб даже грошик дали!»
Бац! по щеке ему...
Теперь-то я свое возьму!

Однажды кум со мной сидит...
Часу в девятом Жан стучится.
Ну и пускай себе стучит!
Лишь в полночь кум решил проститься.
Мороз крепчал... Мы пили грог,
А Жан за дверью весь продрог.

«Цыц! — говорю ему, —
Уже извольте сердиться?»
Бац! по щеке ему...
Теперь-то я свое возьму!

Раз увидала я: тайком
Тянул он с Петронеллой пиво
И, очевидно под хмельком,
Решил, что старая красива.

Мой Жан на цыпочки привстал,
Ей подбородок щекотал...

«Цыц! — говорю ему, —
Ты — просто пьяница блудливый!»
Бац! по щеке ему...
Теперь-то я свое возьму!

В постели мой супруг неплох,
Хотя на вид он и тщедушен,
А кум — тот чаще ловит блох,
К моим желаньям равнодушен.
Пусть Жан устал — мне наплевать,
Велю ему: скорей в кровать!

«Цыц! — говорю ему, —
Не вздумай дрыхнуть!» Он послушен...
Бац! по щеке ему...
Теперь-то я свое возьму!

СТАРИННЫЙ ОБЫЧАЙ

TRINQUONS

В надутом чванстве жизни чинной
Находят многие смешным
Обычай чокаться старинный;
Что свято нам — забавно им!
Нам это чванство не пристало, —
Друзья, мы попросту живем;
Нас тешит чоканье бокала.

Мы дружно пьем.

И все кругом,

Чтоб выпить, чокнемся сначала
И пьем, чтоб чокаться потом.

В пирах отцы и деды наши
Златым не кланялись тельцам —
И дребезжанье хрупкой чаши
Уподобляли их судьбам;
Веселость жажду возбуждала
У них за праздничным столом,

Рукой их дружба подымала
Бокал с вином,
И все кругом,
Чтоб выпить, чокались сначала
И просто чокались потом.

Любовь, как гостя неземная,
Гнала задумчивость с лица
И, вместе с Вакхом охмеляя,
Сдвигала чаши и сердца;
Да и красавица, бывало,
Привстав, с сияющим лицом,
Над головою подымала
Бокал с вином,
Чтобы кругом
Со всеми чокнуться сначала,
И пить, чтоб чокаться потом.

Где пьют насильно, ради тоста,
Там пьют едва ли веселей,—
Мы пьем, чтоб чокаться, и просто
Пьем за здоровье друзей.
Но горе тем, в ком мрачность взгляда
Изгнала дружбу без следа;
Она — несчастного отрада,
Его звезда,
Среди труда,
Чтоб выпить, чокнется — и рада
Пить, чтобы чокаться всегда.

РАСЧЕТ С ЛИЗОЙ

LES INFIDÉLITÉS DE LISETTE

Лизок мой, Лизок!
Ты слишком самовластна;
Мне больно, мой дружок,
Вина просить напрасно.
Чтоб мне, в года мои,
Глоток считался каждый,—
Считал ли я твои
Интрижки хоть однажды?

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Твой юнкер простоват;
Вы хитрости неравной:
Он часто невпопад
Вздыхает слишком явно.
Я вижу по глазам,
Что думает голубчик...
Чтоб не браниться нам,
Налей-ка мне по рубчик.

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Студент, что был влюблен,
Вот здесь же мне попался,
Как поцелуи он
Считал и все сбивался.
Ты их ему вдвойне
Дарила, не краснея...
За поцелуи мне
Налей стакан полнее.

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Молчи, дружочек мой!
Забыла об улане,
Как он сидел с тобой
На этом же диване?
Рукой сжимал твой стан,
В глаза глядел так сладко...
Лей все вино в стакан
До самого осадка!

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Еще беда была:
Зимой, в ночную пору,
Ведь ты же помогла
В окно спуститься вору!..
Но я его узнал
По росту, по затылку...
Чтоб я не все сказал —
Поддай еще бутылку.

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Все дружные со мной
Дружны с тобой — я знаю;
А брошенных тобой
Ведь я же поднимаю!
Ну выпьем иногда —
Так что же тут дурного?
Люби меня всегда —
С друзьями и хмельного...

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

НАШ СВЯЩЕННИК

MON CURE

Священник наш живет умно:
Водой не портит он вино,
И, славя милость бога,

Твердит племяннице (ей нет
Еще семнадцати): «Мой свет!
Что хлопотать нам много,
Грешно иль нет в селе живут?
Оставим черту этот труд!

Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!

Овцам служу я пастухом
И не хочу, чтоб им мой дом
    Был страшен, как берлога.
Твержу я стаду своему:
«Кто мирно здесь живет, тому
    В рай не нужна дорога».
На проповедь зову приход
Тогда лишь я, как дождь идет.

Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!

Запрета в праздник я не дам
Повеселиться беднякам:
    Им радостей немного.
У кабачка их смех и гам
Порою слушаю я сам
    С церковного порога.
А надо — побегу сказать,
Что меньше можно бы кричать.

Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!

Мне дела нет, что у иной
Плутовки фартучек цветной
    Раздуется немного...
Полгодом свадьба запоздай,
До свадьбы бог младенца дай —
    Не велика тревога:
Венчаю и крещу я всех.
Не поднимать же шум и смех!

Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!

Наш мэр философом глядит
И про обедню говорит,
    Что толку в ней немного.
Зато еще без ничего
Ни разу нищий от его
    Не отходил порога.
Над ним господня благодать:
Кто сеет, будет пожинать.
    Э! поцелуй меня,
    Красавица моя!
Судить не будем строго!

На каждый пир меня зовут,
Вином снабжают и несут
    Цветов на праздник много.
Толкуй епископ, злой старик,
Что я чуть-чуть не еретик...
    Чтобы на лоне бога
Я в рай попал и увидал
Там всех, кого благословлял,
    Целуй, целуй меня,
    Красавица моя!
Судить не будем строго!»

СГЛАЗИЛИ

L'ACCOUCHEMENT

Ах, маменька, спасите! Спазмы, спазмы!
Такие спазмы — мочи нет терпеть...
Под ложечкой... Раздеть меня, раздеть!
За доктором! пиявок! катаплазмы!..
Вы знаете — я честью дорожу,
Но... больно так, что лучше б не родиться!..
И как это могло со мной случиться?
Решительно — ума не приложу.

Ведь и больна я не была ни разу —
Напротив: все полнела день от дня...
Ну, знать — со зла и сглазили меня,
А уберечься от дурного глаза
Нельзя, и вот — я пластом-пласт лежу...
Ох, скоро ль доктор?.. Лучше б не родиться!..

И как это могло со мной случиться?
Решительно — ума не приложу.

Конечно, я всегда была беспечной,
Чувствительной... спалося крепко мне...
Уж кто-нибудь не сглазил ли во сне?
Да кто же? Не барон же мой увечный!
Фи! на него давно я не гляжу...
Ох, как мне больно! Лучше б не родиться!..
И как это могло со мной случиться?
Решительно — ума не приложу.

Быть может, что... Раз, вечером, гусара
Я встретила, как по грязи брела, —
И только переулок перешла...
Да сглазит ли гусарских глазок пара?
Навряд: давно я по грязи брожу!..
Ох, как мне больно! Лучше б не родиться!..
И как это могло со мной случиться?
Решительно — ума не приложу.

Мой итальянец?.. Нет! он непорочно
Глядит... и вкус его совсем иной...
Я за него ручаюсь головой:
Коль сглазил он, так разве ненарочно...
А обманул — сама не пощажу!
Ох, как мне больно! Лучше б не родиться!..
И как это могло со мной случиться?
Решительно — ума не приложу.

Ну вот! Веди себя умно и тонко
И береги девичью честь, почет!
Мне одного теперь недостает,
Чтоб кто-нибудь подкинул мне ребенка...
И ведь подкинут, я вам доложу...
Да где же доктор?.. Лучше б не родиться!..
И как это могло со мной случиться?
Решительно — ума не приложу.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

L'HOMME RANGE

«Проживешься, смотри!» — старый дядя
Повторять мне готов целый век.

Как смеюсь я, на дядюшку глядя!
Положительный я человек.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

«Проложи себе в свете дорогу...»
Думал тоже — да вышло не впрок;
Чище совесть зато, слава богу,
Чище совести мой кошелёк.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

Ведь в тарелке одной гастронома
Капитал его предков сидит;
Мне — прислуга в трактире знакома:
Сыт и пьян постоянно в кредит.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего.
Не имею.

Как подумаешь — золота сколько
Оставляет на карте игрок!
Я играю не хуже — да только
Там, где можно играть на мелок.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

На красавиц с искусственным жаром
Богачи разоряются в прах;
Лиза даром счастливит — и даром
Оставляет меня в дураках.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

ВИНО И ЛИЗЕТТА

BON VIN ET FILLETTE

Дружба, любовь и вино —
Все для веселья дано.
Счастье и юность — одно.
Вне этикета
Сердце поэта,
Дружба, вино и Лизетта!

Нам ли любовь не урок,
Если лукавый божок

Рад пировать до рассвета?
Вне этикета
Сердце поэта,
Песня, вино и Лизетта!

Пить ли ай с богачом?
Нет, обойдемся вдвоем
Маленькой рюмкой кларета!
Вне этикета
Сердце поэта,
Это вино и Лизетта!

Разве прельщает нас трон?
Непоместителен он,
Да и дурная примета...
Вне этикета
Сердце поэта,
Тощий тюфяк и Лизетта!

Бедность идет по пятам.
Дайте украсить цветам
Дыры ее туалета.
Вне этикета
Сердце поэта,
Эти цветы и Лизетта!

Что нам в шелках дорогих!
Ведь для объятий моих
Лучше, когда ты раздета.
Вне этикета
Сердце поэта,
И до рассвета Лизетта!

СТАРОСТЬ

LA VIEILLESSE

Торопит время нас собою,
Морщины сея на челе...
И, как ни молоды душою,
Мы старики уж на земле!

Но — новых роз ценить цветенье,
Хоть не для нас их пышный цвет,
И видеть в жизни — наслажденье,
Друзья, — не старость это, нет!

Мы пьем, поем и веселимся,
От черных мыслей далеки,
На пир душой еще стремимся,
А нам твердят: вы старики!
Но — на закате, распевая
Дрожащим голосом куплет,
Пить, с каждым кубком расцветая,
Друзья, — не старость это, нет!

Когда порой перед красоткой
Мы воскуряем фимиам,
Она твердит с улыбкой кроткой:
Вы — старики! Куда уж вам!..
Но — тратить бережно досуги,
Взамен огня дать ровный свет,
И брать любовницу в подруги,
Друзья, — не старость это, нет!

Но, как ни длить страстей теченье,
Нельзя конца не видеть в нем!..
Одно, друзья, нам утешенье,
Что к цели вместе мы идем!
Хоть от болезней нет отбою,
Но, до конца преклонных лет,
Бороться с ними и судьбою,
Друзья, — не старость это, нет!

ОХОТНИКИ

LA DOUBLE CHASSE

В поле, охотник ретивый!
Чу! Протрубили рога:.
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Следом амур шаловливый
Шмыг на охоту в твой дом!
Тром, тром.

Осень стреляешь и лето;
Знаешь кругом все места.
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
А за женой, без билета,
Та же охота кругом.
Тром, тром.

Выследив лань в чаще леса,
Ты приумолк у куста.
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Но не робеет повеса
Перед домашним зверьком.
Тром, тром.

К зверю кидается свора —
Рев потрясает леса.
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Целит повеса и скоро
С милою будет вдвоем...
Тром, тром.

По лесу пуля несется:
Мертвая лань поднята.
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Выстрел и там раздается...
Все утихает потом.
Тром, тром.

Рад ты добыче богатой;
Весело трубят рога:
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Тащится с поля рогатый;
Милый — налево кругом...
Тром, тром.

УМЕРЕННОСТЬ

LES PETITS COUPS

Чтобы не знать отравы пресыщенья,
Друзья мои, примите мой совет:

Умеренно вкушайте наслажденья,
Где крайности — там наслажденья нет!
От благ мирских мы здесь не оберемся:
Вино, друзья и трезвые слова!
Чтоб их продлить, друзья мои, сперва
По рюмочке, по рюмочке пройдемся.

Мы весело свой век должны прожить,
Но тратиться нельзя неосторожно;
И — главное: не должно пьяным быть,
А навеселе — навеселе можно...
С похмелья нам не красен божий свет,
Мы на людей, на жизнь глядим сурово,
В излишестве — здоровью страшный вред,
По рюмочке, по рюмочке — здорово.

Одни глупцы, постыдно унывая
От неудач, как воду, слезы льют.
Пусть мы бедны! Надежда золотая
И в рюмочке найдет себе приют.
Богатые! Раздолья меру знайте;
Пусть доля вам блестящая дана;
Чтоб не забыть свой долг в парах вина, —
По рюмочке, по рюмочке глотайте.

По рюмочке, по рюмочке! Ну, так!
Нахмурилась и дуется Жаннетта:
И перед ней рисуется бедняк,
За рюмочкой сидящий до рассвета.
Ах, милый друг! Огонь в твоей крови!
Накинешься — как раз его потушишь!
Но воздержись, и лучший сок любви
По рюмочке, по рюмочке осушишь!

Так рюмочку за рюмочкой глотая,
Мы весело путь жизненный пройдем,
И весело припомним, умирая,
Что мы всегда дурачились с умом.
От благ мирских до смерти не отстанем,
Вино, любовь, здоровье нам дано, —
И мы любовь, здоровье и вино
По рюмочке, по рюмочке протянем!

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО БОГАТСТВУ

ÉLOGE DE LA RICHESSE

Богачей не без злорадства
    Все бранят — и поделом!
Но — без чванства и богатство
    Нам годится кое в чем!
Откупщик был — в басне — скуп;
А сапожник слишком глуп...
    Шли бы выпить оба смело!
Ну, а если б надо мной
Дождь пошел бы золотой,
    Золотой,
    Золотой, —
Дзинь! — и в шляпе было б дело!

Веден я, но смел и весел:
    Чужды зависть мне и гнев...
Разве нос бы я повесил,
    Невзначай разбогатеv?
Роскошь книг, картин, дворцов,
Экипажей, рысаков —
    Разве б это надоело?
Если б только надо мной
Дождь пошел бы золотой,
    Золотой,
    Золотой, —
Дзинь! — и в шляпе было б дело!

У соседа денег много —
    И любовница умна:
Ходит чинно, смотрит строго
    И всегда ему верна.
Я напрасно, как дурак,
Тратил время с ней, бедняк...
    А когда б в мошне звенело
И когда бы надо мной
Дождь пошел бы золотой,

Золотой,
Золотой, —
Дзинь! — и в шляпе было б дело!

Вина скверного трактира
Часто горло мне дерут;
Но пускай лишь у банкира
Мне шампанского нальют —
Не сморгнув, задам вопрос:
«А почему вам обошлось?»
Я его купил бы смело...»
Если б только надо мной
Дождь пошел бы золотой,
Золотой,
Золотой, —
Дзинь! — и в шляпе было б дело!

Я б делиться стал с друзьями
Счастьем с первого же дня!
Живо общими трудами
Разорили бы меня!
То-то любо! Сад, подвал,
Земли, замки, капитал —
Все в трубу бы полетело!..
Лишь бы только надо мной
Дождь пошел бы золотой,
Золотой,
Золотой, —
Дзинь! — и в шляпе было б дело!

МАРИОНЕТКИ

LES MARIONNETTES

Марионетки — всех времен
Любимая забава.
Простой ли нам удел сужден,
Иль нас балует слава,

Шуты, лакеи, короли,
Монахини, гризетки,
Льстецы, журнальные врали,
Мы все — марионетки.

На задних лапках человек
Ступает горделиво,
Гоняясь тщетно целый век
За вольностью счастливой.
Но много бед в погоне той,
Падения нередки, —
Пред своенравною судьбой
Мы все — марионетки.

Вот эта крошка ничего
В пятнадцать лет не знает,
Но вся дрожит, а отчего —
Сама не понимает.
И день и ночь в ее крови
Бушует пламень едкий:
Ах! минет год, и для любви
Ей быть марионеткой!

Приходит в дом красивый гость
К доверчивому мужу...
Сокрыта ль в сердце мужа злость,
Иль просится наружу, —
Судить о том со стороны
И не старайтесь метко.
Как ни верти, а для жены
Супруг — марионетка.

Порой и нам велит любовь
Плясать по женской дудке;
И мы, не лучше дергунов,
К ее велению чутки.
Кружись, порхай, как мотылек,
По прихоти кокетки,
Но знай: претоненький шнурок —
Душа марионетки.

ПОНОМАРЬ

LE BEDEAU

Злосчастный пономарь! Нет хуже ремесла!
Обедня поздняя — вот адское мученье!
Моя кума Жаннетт давно мне припасла
В уютном уголке винцо и угощенье.
Попировать бы с ней хотелось без помех, —
А все мои попы заснули, как на грех!

Будь проклят наш святой отец!
Ей-богу, из-за опозданья
Я прозеваю и свиданье...
Томится Жанна в ожиданье...
«Изыдем с миром» наконец!

Мальчишки-певчие (хотите об заклад?)
Отлично поняли, что мук моих причиной.
Живее, шельмецы! Валяйте всё подряд —
Иль познакомлю вас с увесистой дубиной!
Эй, клир, гони вовсю: я поднесу винца!
Скорей бы довести обедню до конца!

Будь проклят наш святой отец!
Ей-богу, из-за опозданья
Я прозеваю и свиданье.
Томится Жанна в ожиданье...
«Изыдем с миром» наконец!

Ты, сторож, не зевай... Проси к сторонке дам...
Вот бесконечно-то копаются со сбором:
Викарий милых дам обводит нежным взором...
Эх, если б он сейчас на исповедь к себе
В исповедальню ждал невинную Бабэ!

Будь проклят наш святой отец!
Ей-богу, из-за опозданья
Я прозеваю и свиданье.
Томится Жанна в ожиданье...
«Изыдем с миром» наконец!

Недавно в гости зван к обеду был наш поп.
— Тот праздник, батюшка, забыли вы едва ли.
Когда обед вас ждал — обедня шла в галоп:
Так что евангелья чуть-чуть не прозевали!
Ну что б вам стоило, не прохлаждаясь зря,
Пол-«Верую» скостить из-за пономаря?

Но проклят будь святой отец!
Ей-богу, из-за опоздания
Я прозеваю и свиданье...
Томится Жанна в ожиданье...
«Изыдем с миром» наконец!

ЖАННЕТТА

JEANNETTE

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

Молода, свежа, красива,
Глянет — искры от огнива,
Превосходно сложена.
Кто сказал, что у Жаннетты
Грудь немножечко пышна?
Пустяки! В ладони этой
Вся поместится она.

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

Вся она очарованье,
Вся забота, вся вниманье,
Весела, проста, щедра.
Мало смыслит в модном быте,
Не касается пера,
Книг не знает, — но, скажите,
Чем Жаннетта не остра?

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

За столом в ночной пирушке
Сколько шуток у вострушки,
Как смеется, как поет!
Непристойного куплета
Знает соль наперечет
И большой стакан кларета
Даже песне предпочтет.

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

Красотой одной богата,
Чем Жаннетта виновата,
Что не нужны ей шелка?
У нее в одной рубашке
Грудь свежа и высока.
Взбить все локоны бедняжки
Так и тянется рука.

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

Ночью с нею — то ли дело —
Платье прочь — и к телу тело, —
Есть ли время отдыхать?
Сколько раз мы успевали,
Отпылавши, вновь пылать,
Сколько раз вконец ломали
Нашу старую кровать!

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ ДЛЯ ЛИЗЫ

TRAITE DE POLITIQUE A L'USAGE DE LISÉ

Лизетта, милостью Эрота
Мы все равны перед тобой,
Так покоряй же нас без счета
Самодержавной красотой.
Твои любовники — французы,
Им по душе колючий стих,
И ты простишь насмешки музы
Для счастья подданных твоих!

О, как красавицы и принцы
Тиранят верные сердца!
Не счесть влюбленных и провинций,
Опустошенных до конца.
Чтоб не смутил мятеж впервые
Приюта радостей ночных,
Совсем забудь о тирании, —
Для счастья подданных твоих!

В лукавой смене настроений
Кокетству женщина верна,
Как вождь, который в дни сражений
Бессчетно губит племена.
Тщеславье вечно просит дани.
Лизетта, бойся слов пустых
И не жалея завоеваний, —
Для счастья подданных твоих!

Среди придворной этой своры
До короля добраться нам
Трудней, чем к даме, за которой
Ревнивец бродит по пятам.
Но от тебя мы ждем декрета
Блаженств и радостей ночных,
Будь всем доступною, Лизетта, —
Для счастья подданных твоих!

Король обманывать народы
Призвал небесные права, —
По праву истинной природы,
Лизетта, в сердце ты жива.
Вне политических волнений
В прелестных пальчиках таких
Окрепнет скипетр наслаждений —
Для счастья подданных твоих!

Совет, преподанный повесой,
Тебе земной откроет рай,
Но, став властительной принцессой,
Свободу нашу уважай.
Верна Эротову закону,
В венке из кашек полевых,
Нося лишь майскую корону, —
Для счастья подданных твоих!

МНЕНИЕ ЭТИХ ДЕВИЦ

L'OPINION DE CES DEMOISELLES

Опять враги к нам на постой!
Так это правда? Лишь нагрянут,
Вверх дном все ставить станут,
Пале-Рояль, наш край родной,
Так оживится!
Да и для нас расчет прямой.
Все наши говорят девицы:
«Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям-врагам!»

С французов наших что и взять!
Где ж им сравниться с пруссаками?
Тем больше — с казаками:
Им деньги стыдно и считать...
На всех нас стала
Цена вдруг быстро возрастать;

Блох некогда искать, бывало!
Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям-врагам!

Так станем ждать их. Боже мой!
Опять увижу Чичагова,
Бюлова и Плятова.
И Сакен с нежною душой
Опять прибудет,
И этот Блюхер, душака мой...
Что наберут — все наше будет.
Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям-врагам!

Когда завижу перья их,
Под такт трубам и барабану
Платком махать им стану.
Я из любовников своих
В лицо узнаю,
Наверно, сотни три из них.
Окно к их встрече нанимаю.
Как рада я своим друзьям,
Своим друзьям-врагам!

Как мы, немало честных дам,
Когда те в первый раз явились,
От них же поживились.
В гостиных к пылким казакам
Теснились с лестью,
Хоть наносить убытки нам —
Не Сен-Жерменскому б предместью!
Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям-врагам!

«Отлично все дела пойдут», —
Аббат-кутила уверяет,
А он, конечно, знает...
Сожгут ли что, или убьют
Кого в народе —
Еще беды немного тут;
А нас — насилуй на свободе!
Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям-врагам!

НОВЫЙ ФРАК

L'HABIT DE COUR, OU VISITE A UNE ALTESSE

Соблазнами большого света
Не увлекаться нету сил!
Откушать, в качестве поэта,
Меня вельможа пригласил.
И я, как все, увлекся тоже...
Ведь это честь, пойми, чудак:
Ты будешь во дворце вельможи!
Вот как!

Я буду во дворце вельможи!
И заказал я новый фрак.

С утра, взволнованный глубоко,
Я перед зеркалом верчусь;
Во фраке с тальею высокой
Низенько кланяться учусь,
Учусь смотреть солидной, строже,
Чтоб сразу не попасть впросак!
Сидеть придется ведь с вельможей!
Вот как!

Сидеть придется ведь с вельможей!
И я надел свой новый фрак.

Пешечком выступаю плавно,
Вдруг из окна друзья кричат:
«Иди сюда! Здесь завтрак славный».
Вхожу: бутылок длинный ряд!
«С друзьями выпить? Отчего же...
Оно бы лучше натошак...
Я, господа, иду к вельможе!
Вот как!

Я, господа, иду к вельможе,
На мне недаром новый фрак».

Иду, позавтракав солидно,
Навстречу свадьба... старый друг...
Ведь отказаться было б стыдно...
И я попал в веселый круг.
И вдруг — ни на что не похоже! —
Стал красен от вина, как рак.
«Но, господа, я зван к вельможе —
Вот как!

Но, господа, я зван к вельможе,
На мне надет мой новый фрак».

Ну, уж известно, после свадьбы
Бреду, цепляясь за забор,
А все смотрю: не опоздать бы...
И вот подъезд... и вдруг мой взор
Встречает Лизу... Правый боже!
Она дает условный знак...
А Лиза ведь милей вельможи!..
Вот как!

А Лиза ведь милей вельможи,
И ей не нужен новый фрак.

Она сняла с меня перчатки
И, как послушного вола,
На свой чердак, к своей кровати
Вельможи гостя привела.

Мне фрак стал тяжелей рогожи,
Я понял свой неверный шаг,
Забыл в минуту о вельможе...

Вот как!

Забыл в минуту о вельможе
И... скинул я свой новый фрак.

Так от тщеславия пустого
Мне данный вовремя урок
Меня навеки спас — и снова
Я взял бутылку и свисток.
Мне независимость дороже,
Чем светской жизни блеск и мрак.
Я не пойду, друзья, к вельможе,

Вот как!

А кто пойдет, друзья, к вельможе,
Тому дарю свой новый фрак

ДОВОЛЬНО ПОЛИТИКИ

PLUS DE POLITIQUE

Зачем меня в тоске напрасной
Вы упрекаете опять?
Ужели к Франции прекрасной
Теперь вы стали ревновать?
Стихи с политикой мешая,
Я с каждым часом вам скучней?
Не огорчайтесь, дорогая,
Не будем говорить о ней!

Мы оба, может быть, неправы.
Ценя своих собратий пыл,
Я об искусствах, детях славы,
В салоне вашем говорил.

Я вслух читал стихи, пылая
Любовью к Франции моей.
    Не огорчайтесь, дорогая,
    Не будем говорить о ней!

В минуту пылких наслаждений
Я, трус последний, был бы рад
Напоминать вам дни сражений
И славить подвиги солдат.
Штыками их страна родная
Ниспровергала королей.
    Не огорчайтесь, дорогая,
    Не будем говорить о ней!

Хотя неволя и терпима,
Я рад свободе, как лучу,
Но именем Афин и Рима
Тревожить смех ваш не хочу.
Мне грустно жить, не доверяя
Катонам родины своей.
    Не огорчайтесь, дорогая,
    Не будем говорить о ней!

Одна лишь Франция, с которой
Никто не хочет быть сейчас,
Могла бы стать меж нами ссорой
И быть опасною для вас.
Напрасно, радостью сгорая,
Я для нее ждал лучших дней.
    Не огорчайтесь, дорогая,
    Не будем говорить о ней!

Ведь упрекать я вас не вправе,
Коль пить, так пить уж до конца
И, позабыв о нашей славе,
Сдвигать бокалы и сердца.
Пускай в бреду страна родная
И враг свирепствует все злей —
    Не огорчайтесь, дорогая,
    Не будем говорить о ней!

МАРГО

MARGOT

Воспоем Марго, друзья,
Что мила и плутовата,
Чьи повадки знаю я,
Ту, чья кофточка измята...
«Как, измята вся? Ого!»
— Такова моя Марго.
Я подчас ее балую...
Подойди-ка, поцелую!

Словно горлинка нежна,
Зла, как бес... И смех и горе!
Утром ласкова она,
А под вечер с вами в ссоре.
«Как, сердитая? Ого!»
— Такова моя Марго.
Я люблю ее и злую.
Подойди-ка, поцелую!

Поглядите: взяв бокал,
За столом она болтает.
Взор веселый засверкал,
Как шампанское блистает.
«Как, шампанское? Ого!»
— Такова моя Марго.
Веселись напропалую!
Подойди-ка, поцелую!

Как играет! Как поет!
Как она к искусству склонна!
Но едва ль раскроет рот,
Если с нами примадонна.
«Как, застенчива? Ого!»
— Такова моя Марго.
И не нужно мне другую.
Подойди-ка, поцелую!

Хоть амур непобедим,
Зажигает кровь волненьем,
Но подчас она и с ним

Обращается с презреньем...
«Как, с презрением? Ого!»
— Такова моя Марго.
Ссору вспомнил я былую...
Подойди-ка, поцелую!

Хоть Марго и не робка,
Но боится Гименя.
Ей самой нужна рука...
«Для чего же?» — Ей виднее.
«Как, проказлива? Ого!»
— Такова моя Марго.
Как люблю я удалую!
Подойди-ка, поцелую!

«Что? Всего седьмой куплет,
И конец? — кричит красотка. —
Дюжину — иль песни нет!
Не хочу такой короткой!»
«Просит дюжину? Ого!»
— Такова моя Марго.
И тринадцать ей срифмую.
Подойди-ка, поцелую!

МОЕ ПРИЗВАНИЕ

MA VOCATION

Хилóй и некрасивый
Я в этот мир попал.
Затерт в толпе шумливой,
Затём, что ростом мал.
Я полон был тревогой
И плакал над собой.
Вдруг слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

Грязь в пешего кидают
Кареты, мчась вскачь;
Путь нагло заступают
Мне сильный и богач.

Нам заперта дорога
Везде их спесью злой.
Я слышу голос бога:
    «Пой, бедный, пой!»

Вверить судьбе заботу
О каждом дне страшась,
Не по душе работу
Несу, как цепь, смирясь.
Стремленья к воле много;
Но — аппетит большой.
Я слышу голос бога:
    «Пой, бедный, пой!»

В любви была отрада
Больной душе моей;
Но мне проститься надо,
Как с молодостью, с ней.
Все чаще смотрят строго
На страстный трепет мой.
Я слышу голос бога:
    «Пой, бедный, пой!»

Да, петь — теперь я знаю:
Вот доля здесь моя!
Кого я утешаю,
Не все ли мне друзья?
Когда приязни много
За чашей круговой,
Я слышу голос бога:
    «Пой, бедный, пой!»

ПРОСТОЛЮДИН

LE VILAIN

В моей частичке *de* знак чванства,
Я слышу, видят; вот беда!
«Так вы из древнего дворянства?»
Я? нет... куда мне, господа!
Я старых грамот не имею,

Как каждый истый дворянин;
Лишь родину любить умею.
Простолюдин я, — да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Мне надо бы без *de* родиться:
В крови я чувствую своей,
Что против власти возмутиться
Не раз пришлось родне моей.
Та власть, как жернов, всё дробила,
И пал, наверно, не один
Мой предок перед буйной силой.
Простолюдин я, — да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Мои прапрадеды не жали
Последний сок из мужиков,
С ножом дворянским не езжали
Проезжих грабить среди лесов;
Потом, натешась в буйстве диком,
Не лезли в камергерский чин
При... ну, хоть Карле бы Великом.
Простолюдин я, — да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Они усобицы гражданской
Не разжигали никогда;
Не ими «леопард британский»
Введен был в наши города.
В крамолы церкви не вдавался
Из них никто, и ни один
Под лигою не подписался.
Простолюдин я, — да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Оставьте ж мне мое прозвание,
Герои ленточки цветной,
Готовые на пресмыканье
Пред каждой новою звездой!
Кадите, льстите перед властью!
Всем общей расы скромный сын,
Я льстил лишь одному несчастью.
Простолюдин я, — да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

СТАРЫЙ СКРИПАЧ

LE VIEUX MENÉTRIER

Я — скрипач у нас в деревне,
Престарелый и седой.

Я обычай помню древний —
Не мешать вино с водой.
В дни воскресные заране
Тороплюсь народ созвать:
Приходите, поселяне,
Здесь, под дубом, танцевать!

Дуб со мшистою корою...
Осняет он трактир.
Брань и злоба здесь порою
Превращались в прочный мир.
Наши предки на поляне
Тут любили пировать.
Приходите, поселяне,
Здесь, под дубом, танцевать!

Нам завидует, наверно,
Замка гордый властелин,
Ибо в роскоши безмерной
Он проводит дни один.
Обладатель громких званий,
Принужден он тосковать...
Приходите, поселяне,
Здесь, под дубом, танцевать!

И бедняг, что в споре с небом,
Клясть с амвона я б не стал.
Нет, попросим, чтобы хлебом
Их господь не обделял!
Хоть попу не платят дани —
Для чего им унывать?
Приходите, поселяне,
Здесь, под дубом, танцевать!

Землю предков родовую
Ты плетнем огороди,
Но с косою на чужую

Никогда не выходи!
Сможешь ты без пререканий
Поле детям передать.
Приходите, поселяне,
Здесь, под дубом, танцевать!

Мирной жизнью хоть немного
Утолив свои сердца,
Не гоните от порога
И заблудшего слепца!
Многим в буре-урагане
Путь случилось потерять...
Приходите, поселяне,
Здесь, под дубом, танцевать!

К дубу слушать прибегайте
Мой бесхитростный мотив
И друг друга обнимайте,
Все обиды позабыв!
Чтобы мирно и без брани
Век могли мы вековать,
Приходите, поселяне,
Здесь, под дубом, танцевать!

ЖАЛОБА ОДНОЙ ИЗ ДАМ ПОЛУСВЕТА НА СОВРЕМЕННЫЕ ДЕЛА

COMPLAINTE D'UNE DE CES DEMOISELLES,
A L'OCCASION DES AFFAIRES DU TEMPS

Лорд Веллингтон, лорд Мовэ-Тон ограбил свет,
И с той поры во всем Париже денег нет.

Хоть не ходи совсем на ловлю,
Повсюду голь, куда ни глянь;
Уж-если сбили нам торговлю,
То, значит, вправду дело дрянь.

Лорд Веллингтон, лорд Мовэ-Тон ограбил свет,
И с той поры во всем Париже денег нет.

Все, притворяясь, верят в счастье,
И было б многим невдомек
(Когда б не знали, кто у власти),
Куда ж запрятали порок.

Лорд Веллингтон, лорд Мовэ-Тон ограбил свет,
И с той поры во всем Париже денег нет.

Художники в свои модели
Всегда бывали влюблены.
Теперь не платят, охладели
И женам сделались верны.

Лорд Веллингтон, лорд Мовэ-Тон ограбил свет,
И с той поры во всем Париже денег нет.

Здесь все кругом шипят от злости,
Ведя навязанную роль.
К нам судьи завернули б в гости,
Да всем им дело дал король.

Лорд Веллингтон, лорд Мовэ-Тон ограбил свет,
И с той поры во всем Париже денег нет.

Нас невниманьем не обидит
Полков французских молодежь,
Но стыдно нам, их бедность видя,
У них тянуть последний грош.

Лорд Веллингтон, лорд Мовэ-Тон ограбил свет,
И с той поры во всем Париже денег нет.

Хотя и рады мы равенству,
Без Лабори нам не прожить.
А он кричит, что духовенству
Пора пожитки возвратить!

Лорд Веллингтон, лорд Мовэ-Тон ограбил свет,
И с той поры во всем Париже денег нет.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

LES DEUX SOEURS DE CHARITÉ

Через победы и паденья
Ведет благое провиденье,
Чтобы спасала вновь и вновь
Сердца любовь — одна любовь!

Земные доли покидая,
Монахиня, любви сестра,
Столкнулась раз в преддверье рая
С танцовщицей из Орэга.
Летя родной юдоли мимо,
Они предстали пред стеной:
Одна — виденьем серафима,
Другая — розою земной.

Через победы и паденья
Ведет благое провиденье,
Чтобы спасала вновь и вновь
Сердца любовь — одна любовь!

Монахиню к предвечной выси
Ведя сквозь райские врата,
Апостол Петр сказал актрисе:
— Входи и ты, любви мечта! —
Она в ответ: — Я верю тоже,
Но я любила сердца власть.
Мой духовник — прости мне, боже! —
Не понял, что такое страсть.

Через победы и паденья
Ведет благое провиденье,
Чтобы спасала вновь и вновь
Сердца любовь — одна любовь!

— Сестра моя, что за признанье!
Нет! Я монахиней простой
Людское горе и страданье
Поила только добротой.
— А я — увы! — была прекрасной
И, чтоб казалась жизнь легка,
Поила чашей неги страстной
И богача и бедняка!

Через победы и паденья
Ведет благое провиденье,
Чтобы спасала вновь и вновь
Сердца любовь — одна любовь!

— Молитвой я живила силы,
Чтоб умирающий, сквозь бред,
Мог видеть на краю могилы
Конец страданий, вечный свет.
— А я — увы! — лишь сладострастьем
Влагала в бедные мечты.
Но я учила верить в счастье, —
А счастье стоит чистоты!

Через победы и паденья
Ведет благое провиденье,
Чтобы спасала вновь и вновь
Сердца любовь — одна любовь!

— Всю жизнь, — монахиня сказала, —
Молилась я, дабы рука
Имущих не оскудевала
В даяниях для бедняка.
— А я, — ответила наядя, —
Улыбкой, смехом, блеском глаз
И грешной ласкою — от яда
Спасала юношей не раз.

Через победы и паденья
Ведет благое провиденье,
Чтобы спасала вновь и вновь
Сердца любовь — одна любовь!

— Входи, входи, чета святая! —
Воскликнул Петр и отпер дверь. —
Лишенные доньше рая,
Его достойны вы теперь.
Мы встретить здесь того готовы,
Кто осушил лишь каплю слез, —
Носил ли он венок терновый,
Или простой венок из роз.

Через победы и паденья
Ведет благое провиденье,
Чтобы спасала вновь и вновь
Сердца любовь — одна любовь!

ПТИЦЫ

LES OISEAUX

Зима, как в саван, облекла
Весь край наш в белую равнину
И птиц свободных на чужбину
Любовь и песни унесла.
Но и в чужом краю мечтою
Они летят к родным полям:
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Им лучше в дальних небесах;
Но нам без них свод неба тесен:
Нам только эхо вольных песен
Осталось в избах и дворцах.
Их песни звучною волною
Плывут к далеким берегам;
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Нам, птицам стороны глухой,
На их полет глядеть завидно...
Нам трудно петь — так много видно
Громовых туч над головой!
Блажен, кто мог в борьбе с грозою
Отдаться вольным парусам...
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Они на темную лазурь
Слетятся с громовым ударом.
Чтоб свить гнездо под дубом старым,
Но не согнувшимся от бурь.
Усталый пахарь за сохою,
Навстречу вольным голосам,
Зальется песнями, — и к нам
Они воротятся весною.

НЕТ, ТЫ НЕ ЛИЗЕТТА

CE N'EST PLUS LISETTE

Как, Лизетта, ты —
В тканях, шелком шитых?
Жемчуг и цветы
В локонах завитых?

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Кони у крыльца
Ждут Лизетту ныне;
Самый цвет лица
Куплен в магазине!..

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Залы в зеркалах,
В спальне роскошь тоже —
В дорогих коврах
И на мягком ложе.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты блистешь умом,
Потупляешь глазки —
Как товар лицом,
Продавая ласки.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты цветком цвела,
Пела вольной птицей.
Но тогда была
Бедной мастерицей.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Как дитя проста,
Сердца не стесняя,
Ты была чиста,
Даже изменяя...

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Но старик купил
Сам себе презренье
И — позолотил
Призрак наслажденья.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Скрылся светлый бог
В невозвратной дали...
Он швею берег —
Вы графинею стали.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

ЗИМА

L'HIVER

Наступили холода,
Все пичужки улетели...
Белый саван вновь надели
И поля и города.
Реки льдом зима сковала
И окно разрисовала...
Дверь скрипеть, промерзнув, стала,
Пес скулит, мороз кляня.
У камина поколдуем,
В углях искорки раздуем,
Чтоб погреться у огня.

Путешественник! Домой
Возвращайся непременно!
Как трещит в огне полено!

Видно, стужа будет злой.
Не страшна ее угроза:
В теплой шубке нынче Роза,
Теплым взглядом от мороза
Защитит она меня.
Сядь ко мне ты на колени,
Предадимся сладкой лени,
Будем греться у огня!

Тьма сгущается, и ночь
Тихо сходит с небосклона.
И любовь, к нам благосклонна,
Гонит день скорее прочь.
Чу, друзья стучат... Входите!
В добрый час! К огню идите!
То-то будут, погодите,
Шум, и хохот, и возня!
Не боится дружба стужи,
Что свирепствует снаружи...
Будем греться у огня!

Светом лампы там, в углу,
Кто-то, кажется, сконфужен?
Приготовлен скромный ужин,
Роза нас зовет к столу.
За столом пойдут рассказы
Про бандитов, про алмазы,
Про чертей, про их проказы —
Право, хватит на три дня!
Мы, покуда пунш сгорает,
Синим пламенем играет,
Будем греться у огня!

Хоть зима покрыла льдом
Все леса, луга и нивы —
Вьюге злобной и ворчливой
Не войти в уютный дом.
У огня кружок наш тесен...
Сколько сказок, сколько песен!
Их волшебный мир чудесен,
Ждет, приветливо маня.
Что ж! Пока трещат морозы
И цвести не могут розы —
Будем греться у огня!

МАРКИЗ ДЕ КАРАБА

LE MARQUIS DE CARABAS

Задумал старый Караба
Народ наш превратить в раба.
На отощавшем скакуне
Примчался он к родной стране,
И в старый замок родовой,
Тряся упрямой головой,
Летит сей рыцарь прямиком,
Бряцая ржавым тесаком.
Встречай владыку, голытьба!
Ура, маркиз де Караба!

— Внимайте! — молвит наш храбрец, —
Аббат, мужик, вассал, купец!

Я твердо охранял закон,
Я возвратил монарху трон,
Но если, клятвы все поправ,
Мне не вернет он древних прав,
Тогда держись! Я не шучу!
Я беспощадно отплачу!
Встречай владыку, голытьба!
Ура, маркиз де Караба!

Идет молва, что род мой гол,
Что прадед мой был мукомол...
Клянусь, по линии прямой
Пипин Короткий предок мой,
И этот герб — свидетель в том,
Насколько стар наш славный дом.
Пускай узнает вся земля:
Я благородней короля.
Встречай владыку, голытьба!
Ура, маркиз де Караба!

Мне не грозит ни в чем запрет,
Есть у маркизы табурет.
Сынишку сам король пригрел:
В епископы идет пострел.
Мой сын барон, хотя и трус —
Но у него к наградам вкус.
Кресты на грудь — его мечта.
Получит сразу три креста.
Встречай владыку, голытьба!
Ура, маркиз де Караба!

Итак, дворяне, с нами бог!
Кто смеет с нас тянуть налог?
Все блага свыше нам даны,
Мы государству не должны.
Укрывшись в замок родовой,
Одеты броней боевой,
Префекту мы даем наказ,
Чтоб смерд не бунтовал у нас.
Встречай владыку, голытьба!
Ура, маркиз де Караба!

Попы! Стригите свой приход!
Разделим братски ваш доход!

Крестьян — под феодальный кнут!
Свинье-народу — рабский труд,
А дочерям его — почет:
Всем до одной, наперечет,
В день свадьбы право мы даем:
С сеньором лечь в постель вдвоем.
Встречай владыку, голытьба!
Ура, маркиз де Караба!

Кюре, блюда свой долг земной:
Делись доходами со мной.
Вперед, холопы и пажи,
Бей мужика и не тужи!
Давить и грабить мужичье —
Вот право древнее мое;
Так пусть оно из рода в род
К моим потомкам перейдет.
Встречай владыку, голытьба!
Ура, маркиз де Караба!

МОЯ РЕСПУБЛИКА

MA REPUBLIQUE

Люблю республику, — не скрою, —
Взглянув на стольких королей.
Хоть для себя ее устрою,
И сочиню законы ей.
Лишь пить считается в ней делом;
Один в ней суд — веселый смех;
Мой стол накрытый — ей пределом;
Ее девиз — свобода всех.

Друзья, придвиньтесь ближе к чашам!
Сенат наш будет заседать...
И первым же указом нашим
Нам скуку следует изгнать..
Изгнать? Нет, здесь произноситься
И слово это не должно.
Как может скука к нам явиться?
С свободой радость заодно!

Здесь роскоши не будет тени:
У ней ладов с весельем нет.
Для мысли — никаких стеснений,
Как Бахус дельный дал совет.
Пусть каждый верует как знает,
И молится как хочет сам;
Хоть у обедни пусть бывает...
Так говорит свобода нам.
Дворянство к власти все стремится:
О предках умолчим своих.
Здесь титулов нет, хоть отличится
Иной — и выпьет за троих.
А если злостная затея
Кому придет — стать королем,
Споймте Цезаря скорее:
Свободу этим мы спасем.

Так чокнемтесь! Пусть год от году
Цветет республика у нас!
Но чуть ли мирному народу
Уж не ударил грозный час:
Лизетта вновь нас призывает
Под иго страсти; как нейти!
Она здесь царствовать желает...
Свободе говори прости!

ПЬЯНИЦА И ЕГО ЖЕНА

L'IVROGNE ET SA FEMME

Что ж ты ни свет ни заря в кабачок?
Выпьем, дружок!
Дома жена ожидает, не спит,
Будешь ты бит!

Жанна в комнатке чердачной
Предается думе мрачной
И напрасно свечку жжет.
Жан в кругу привычных пьяниц
Знай откалывает танец
И за кружкою поет:
«Что ж ты ни свет ни заря в кабачок?
Выпьем, дружок!

Дома жена ожидает, не спит,
Будешь ты бит!»

Жан жену отменно ценит:
«Жанна любит, не изменит...»
А жена в томленьи злом,
Подскочив в сердцах к окошку,
Полотенцем лупит кошку
За мяуканье с котом.

Что ж ты ни свет ни заря в кабачок?
Выпьем, дружок!

Дома жена ожидает, не спит,
Будешь ты бит!

Пусть поплачет, потоскует...
Жан и в ус себе не дует,
И, ложась в постель, жена,
Вся в слезах о муже шалом,
До зари под одеялом
Согревается одна.

Что ж ты ни свет ни заря в кабачок?
Выпьем, дружок!

Дома жена ожидает, не спит,
Будешь ты бит!

В дверь сосед: «Позвольте свечку
Мне зажечь; откройте печку,
Поищите уголек».

Пьет и пляшет муж кутила...
Жанна свечку погасила,
С другом села в уголок.

Что ж ты ни свет ни заря в кабачок?
Выпьем, дружок!

Дома жена ожидает, не спит,
Будешь ты бит!

«Спать одной довольно странно,—
Говорит соседу Жанна,—
Кутит мой супруг сейчас.
Ох, ему и отомщу я!
Чарка стоит поцелуя.
Выпьем тоже — десять раз».

Что ж ты ни свет ни заря в кабачок?
Выпьем, дружок!
Дома жена ожидает, не спит,
Будешь ты бит!

Утро. Шепот: «До свиданья». —
«Муж вернулся? Вот терзанье!
Ох, намну ему бока!»
От жены, уже не споря,
Жан спасается, чтоб с горя
Пить и петь у кабака.

Что ж ты ни свет ни заря в кабачок?
Выпьем, дружок!
Дома жена ожидает, не спит.
Будешь ты бит!

ПАЯЦ

PAILLASSE

Паяцом быть родился я.
Отец, чтоб дать мне ходу,
Пинком спровадил в мир меня...
«Ломайся всем в угоду!
Хоть отрастил брюшко,
Но скачешь ты легко
И мастер кувыркаться.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!»

Мать, снаряжая в путь сынка,
Собственноручно сшила
Одежду мне из тюфяка.
«Он долго, — говорила, —
Служил мне. Делай в нем,
Что делала на нем
И я, чтоб пропитаться.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!»

Мне скоро встретиться бог дал.
С особой августейшей, —
И во дворце я место взял
Собачки околевшей.
Как начал я скакать —
С собакой ли сравнять!..
Завистники косятся.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!

Я сладко ел... Вдруг слух идет,
Что из дурного теста
Мой господин и что займет
Законный это место.
Что ж! Тот меня кормил...
И этот будет мил, —
Лишь надо постараться.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!

Лишь стал пред новым я скакать,
Вдруг прежний воротился.
Поест люблю я, — и опять
Пред ним скакать пустился.
Но снова выгнан он,
И новый сел на трон.
С судьбою где ж тягаться!
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!

Кто ни приди, мне все равно:
Скакать для всех сумею.
Зато пью славное вино,
Ем сытно — и толстею.
Повсюду скакуны
(Не все лишь так умны)
У нас в краю плодятся.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!

МОЯ ДУША

MON ÂME

Порой бокал свой осушая
В веселом дружеском пиру,
Грядущим дням не доверяя,
Люблю я думать, как умру.

Мне грезятся предсмертные мгновенья,
Хотя вокруг живые голоса...

Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Ты примешь образ серафима,
В сиянье станешь утопать,
И радостью невозмутимой
Там будет песнь твоя звучать.

Там встретишь мир: его благословенья
С земли спугнула наших войн гроза.

Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Пал под ударами невзгоды
Наш Илион, дививший свет.
Зачем свой жертвенник свободы
Он превратил в алтарь побед?

К нам нес Терсит обиды, оскорбленья
И наглость отвязавшегося пса.

Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Найдешь ты в сферах над громами
Своих, умерших в добрый час:

Там сохранилось их знамя
От грязи, падавшей на нас.

С полубогами вступишь ты в общенье;
Тебе подвластна будет там гроза.

Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Свобода прочно основала
Свое господство в небесах.

Одна любовь лишь помогала
Мне в этом мире жить в цепях;
Но я боюсь ее исчезновенья:
У узника белеют волоса...
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Покинь мир горя и проклятий;
Луч света, в мир лучей лети!
Из женских сладостных объятий
На лоно бога перейди.
Отходной будет круговое пенье;
Рука друзей закроет мне глаза.
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

ПОЛЯ

LES CHAMPS

Роза, Роза! В час рассвета
Хорошо развеять сон.
Слушай, милая, как где-то
Льется колокола звон.
За Парижем в роще темной
Мы найдем приют укромный.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Ах, гуляя на свободе,
Дай мне руку поскорей,—
Мы приблизимся к природе,
Чтобы чувствовать нежней.
Щебет птиц, вдали звенящий,
Манит нас в лесные чащи.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Хорошо любить в деревне:
Рано поутру вставать,

Поздно вечером в харчевне
С другом рядом засыпать.
Ты ведь знаешь, дорогая,
Как чудесна страсть земная!
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Жарче лето, звонче голос
На полях веселых жниц.
Не один уронят колос
Беднякам они с кошниц.
Нас с тобой в снопах тяжелых
Много ждет ночей веселых.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Пышной осенью корзины
Наполняет виноград.
В погребах родной долины
Бродит розовый мускат.
Старики в стаканах алых
Видят отсвет дней бывалых.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Посетим же берег кроткий,
Столь любезный забытью!
Здесь, в густой тени, походки
Я твоей не узнаю.
Ты слабеешь, друг лукавый.
Ты сама ложишься в травы.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Так прощай, Париж продажный,
Не хочу твоих румян!
Здесь искусство — дым миражный,
Нежность женская — обман.
Уберечь от всех хочу я
Тайну рифм и поцелуя.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

БЕЛАЯ КОКАРДА

LA COCARDE BLANCHE

Хор

День мира, день освобожденья, —
О, счастье! мы побеждены!..
С кокардой белой, нет сомненья,
К нам возвратилась честь страны.

О, воспоем тот день счастливый,
Когда успех врагов у нас —
Для злых был карой справедливой
И роялистов добрых спас.

День мира, день освобожденья, —
О, счастье! мы побеждены!..
С кокардой белой, нет сомненья,
К нам возвратилась честь страны.

В чужих искали мы оплота,
Моления были горячи, —
И враг легко открыл ворота,
Когда вручили мы ключи.

День мира, день освобожденья, —
О, счастье! мы побеждены!..
С кокардой белой, нет сомненья,
К нам возвратилась честь страны.

Иначе, кто бы мог ручаться,
Что — не шриды на помощь враг —
Не стал бы вновь здесь развешаться,
На горе нам, трехцветный флаг!

День мира, день освобожденья, —
О, счастье! мы побеждены!..
С кокардой белой, нет сомненья,
К нам возвратилась честь страны.

Внесут в историю по праву --
Как здесь, в ногах у казаков,

Молили мы простить нам славу
Своих же собственных штыков.

День мира, день освобожденья, —
О, счастье! мы побеждены!..
С кокардой белой, нет сомненья,
К нам возвратилась честь страны.

Со знатью, полной героизма,
По минованье стольких бед,
Мы на пиру патриотизма
Пьем за триумф чужих побед.

День мира, день освобожденья, —
О, счастье! мы побеждены!..
С кокардой белой, нет сомненья,
К нам возвратилась честь страны.

Из наших Генрихов славнейший
Да будет тостом здесь почтен:
Придумал способ он умнейший
Завоевать Париж и трон!..

День мира, день освобожденья, —
О, счастье! мы побеждены!..
С кокардой белой, нет сомненья,
К нам возвратилась честь страны.

ФРАК

MON NAVIT

Будь верен мне, приятель мой короткий,
Мой старый фрак, — другого не сошью;
Уж десять лет, то веничком, то щеткой,
Я каждый день счищаю пыль твою.
Кажись, судьба смеется надо мною,
Твое сукно съедая день от дня, —
Будь тверд, как я, не падай пред судьбою,
Мой старый друг, не покидай меня!

Тебя, мой друг, духами я не прыскал,
В тебе глупца и шута не казал,

По лестницам сиятельных не рыскал,
Перед звездой спины не изгибал.
Пускай другой хлопочет об отличке,
Взять орден — за ним не лезу я;
Два-три цветка блещут в твоей петличке.
Мой старый друг, не покидай меня!

Я помню день утех и восхищенья,
Как в первый раз тебя я обновил:
День этот был — день моего рожденья,
И хор друзей здоровье наше пил.
Хоть ты истерт, но, несмотря на это,
Друзья у нас — все старые друзья,
Их не страшит истертый фрак поэта.
Мой старый друг, не покидай меня!

Края твои оборвались немного...
Смотря на них, люблю я вспоминать,
Как вечерком однажды у порога
Она меня хотела удержать;
Неверная тем гнев мой укротила,
И я гостил у ней еще два дня, —
Она тебя заштопала, зашила...
Мой старый друг, не покидай меня!

Хоть мы с тобой и много пострадали —
Но кто ж не знал судьбы переворот!
У всех свои есть радости, печали:
То вдруг гроза, то солнышко взойдет.
Но может быть, что скоро в ящик гроба
С моей души одежду сброшу я, —
Так подожди, мы вместе ляжем оба.
Мой старый друг, не покидай меня!

ВАРВАРИЙСКИЙ СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

LA SAINTE-ALLIANCE BARBARESQUE

Провозглашен союз священный:
По воле неба непрременной
Взаимный заключили мир
Тунис, Марокко и Алжир.

Царям их, доблестным корсарам,
Сулит он выгоды недаром.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

Цари, вступив в союз священный,
Решили с тонкостью отменной
Не делать порознь ничего:
«Будь двадцать против одного!»
К ним, несмотря на разность кожи,
Примкнет Кристоф, как слышно, тоже.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

Нам всем велит союз священный
Его законы чтить отменно:
Читать Бональда, Алкоран
И то, что пишет граф Ферран.
Вольтер же — нет сомненья в этом —
У варварийцев под запретом.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

Французы! в их союз священный
Пошлемте, как залог бесценный,
Всех старых, новых цензоров,
Судей, чиновников, попов.
С такими верными слугами
Пойдет там лучше торг рабами.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

Коль усмотрел союз священный,
Что где-нибудь король почтенный
Свалился с трона, — вмиг на трон
Посажен будет снова он;
Но пусть заплатит все расходы
На сено, провиант, походы.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

При этом наш союз священный
Иметь желает непременно
Гребцов галерных — да немых:
Царям-пиратам как без них?
Но для полнейшего их лада,
Народы, евнухов им надо.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

БРАЧНЫЙ ПИР

LE SOIR DES NÖCES

Сегодня Гименей
Чету соединяет, —
И рядом хор друзей
Счастливицев прославляет.

О дивный час!..

За дверью — смех, улыбки...
Эй! громче, флейты, скрипки!
Гуди, мой бас!

Глядим на молодых
Мы в щелочку отсюда:
Задорно смел жених,
Невеста — просто чудо!

О дивный час!..

За дверью — смех, улыбки...
Эй! громче, флейты, скрипки!
Гуди, мой бас!

Она еще пока
Объятый избегает,
Но властная рука
Ее уж раздевает.

О дивный час!..

За дверью — смех, улыбки...
Эй! громче, флейты, скрипки!
Гуди, мой бас!

Бедняжка вся дрожит,
И щечки побледнели...

Он лед сломать спешит —
Спешит достигнуть цели.

О дивный час!..

За дверью — смех, улыбки...
Эй! громче, флейты, скрипки!
Гуди, мой бас!

И вдруг — что скажет свет?!

Супруг наш гнева полон:

Желанной птички нет!

Лишь гнездышко нашел он.

О дивный час!..

За дверью — смех, улыбки...
Эй! громче, флейты, скрипки!
Гуди, мой бас!

Супруга — слезы в ход:

И кается, и плачет.

А он кричит: «Развод!..

Меня не одурачат!»

О дивный час!..

За дверью — смех, улыбки...
Эй! громче, флейты, скрипки!
Гуди, мой бас!

Смирись, бедняк супруг,

И презирай злословье:

Ты в книге брака, друг,

Прочел лишь предисловье.

О дивный час!..

За дверью — смех, улыбки...
Эй! громче, флейты, скрипки!
Гуди, мой бас!

НЕЗАВИСИМЫЙ

L'INDÉPENDANT

Рабы тщеславия и моды,
Не вам кичиться предо мной:
Я независим; дар свободы
Мне бедность принесла с собой.

Одной лишь ею вдохновляться
Давно привыкла песнь моя.
Лизетта только вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я,—
Да, независим я.

Всем вашим рабским чужд наукам,
Брожу я в свете дикарем.
С веселостью и метким луком
Ничьим не буду я рабом:
Довольно стрел, чтоб защищаться,
Кует сатира для меня.
Одна Лизетта вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я,—
Да, независим я.

Для всех смешно, что в Лувре можем
Мы услышать холопский хор
Пред каждым царственным прохожим
Чрез постоянный этот двор;
А есть глупцы, что лирой тщатся
Добыть подачку для себя.
Одна Лизетта вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я,—
Да, независим я.

Не каждая ли власть есть бремя?
Несносна доля королей:
Держи чужую цепь все время.
Их пленным, право, веселей.
Могу ль я властью увлекаться,
Любовь ответит за меня.
Одна Лизетта вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я,—
Да, независим я.

В ладу с судьбою, данной небом,
Иду, куда мне путь лежит;
Пою, богат насущным хлебом,
В надежде быть и завтра сыт.
День кончен; нечем сокрушаться,
Когда постель манит меня.

Одна Лизетта вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я,—
Да, независим я.

Но Лиза, вижу я, готова,
Во всеоружье красоты,
Надеть мне брачные оковы,
Рассеять гордые мечты.
Нет, нет! Я не могу поддаться,
Мне воля дорога моя;
Будь, Лиза, вечно вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я,—
Да, независим я.

КАПУЦИНЫ

LES CAPUCINS

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Мне, недостойному, награда!
Могу я вновь, моя Фаншон,
Хранитель божья вертограда,
Напялить черный капюшон.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Пускай философы — их много —
Книжонок не плодят своих:
Мы, церкви рыцари, в честь бога
Готовы ринуться на них.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Несем от голода спасенье
Мы истощенным нищетой,

Давая им по воскресеньям
Кусочек просфоры святой.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Король — надежная опора,
А церковь — всех ханжей приют;
Глядишь — места министров скоро
Церковным старостам дадут.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Отведать лакомого блюда
Христовы воины спешат,
И даже господа — вот чудо! —
Их аппетиты устрашат.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Пусть, как отцам-иезуитам,
Вернут нам всё! О, нас не тронь!
Хоть пеплом головы покрыты, —
Но затаен под ним огонь.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

Стань набожной и ты, Фаншетта!
Доходно это ремесло,
И даже черт признает это,
Плюя в кропильницу назло.

Хвалу спешите вознести:
Ведь капуцины вновь в чести.

СТАРУШКА

LA BONNE VIEILLE

Ты ответешь, подруга дорогая,
Ты ответешь... твой верный друг умрет...

Несется быстро стрелка роковая,
И скоро мне последний час пробьет.
Переживи меня, моя подруга,
Но памяти моей не изменяй —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

А юноши по шелковым сединам
Найдут следы минувшей красоты
И робко спросят: «Бабушка, скажи нам,
Кто был твой друг? О ком так плачешь ты?»
Как я любил тебя, моя подруга,
Как ревновал, ты все им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

И на вопрос: «В нем чувства было много?»
«Он был мне друг», — ты скажешь без стыда.
«Он в жизни зла не сделал никакого?»
Ты с гордостью ответишь: «Никогда!»
Как про любовь к тебе, моя подруга,
Он песни пел, ты все им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

Над Францией со мной лила ты слезы.
Поведай тем, кто нам идет вослед,
Что друг твой слал и в ясный день и в грозы
Своей стране улыбку и привет.
Напомни им, как яростная вьюга
Обрушилась на наш несчастный край, —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай!

Когда к тебе, покрытой сединами,
Знакомой славы донесется след,
Твоя рука дрожащая цветами
Весенними украсит мой портрет.
Туда, в тот мир невидимый, подруга,
Где мы сойдемся, взоры обращай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

МАРКИТАНТКА

LA VIVANDIÈRE

Я — из пехотного полка...
Там знают все красотку,
Зову, проворна и легка:
— Эй, промочите глотку!
Хоть жбан тяжел — я весела...
Трень-брень! Трень-брень! Ну, как дела?
Хоть жбан тяжел — я весела...
Солдат! Я налила!

Ах, кто меня не целовал?
Но многих уж убили...
Со мной солдат и генерал

Делиться всем любили.

Была героям я мила...

Трень-брень! Трень-брень! Ну, как дела?

Была героям я мила...

Солдат! Я налила!

Я всюду шла за вами вслед,

Подруга боевая,

Я шла дорогами побед,

Вино вам наливая.

Вас ободряла, как могла...

Трень-брень! Трень-брень! Ну, как дела?

Вас ободряла, как могла...

Солдат! Я налила!

И в Альпах я поила вас...

Солдату первогодку

В Египте знойном сколько раз

Я наливала водку!

И в Вену с вами я пришла...

Трень-брень! Трень-брень! Ну, как дела?

И в Вену с вами я пришла...

Солдат! Я налила!

Счастливая была пора

В любви, как и в торговле...

Кричала в Риме я «ура!»

Под ватиканской кровлей.

Церковников с ума свела...

Трень-брень! Трень-брень! Ну, как дела?

Церковников с ума свела...

Солдат! Я налила!

Усерднее, чем граф иной,

Я родине служила.

Хотя в Мадриде, под Москвой

Я каплей дорожила,

Но дома денег не брала...

Трень-брень! Трень-брень! Ну, как дела?

Но дома денег не брала...

Солдат! Я налила!

Все ж уступить потом пришлось

Нам силе иностранной...

Ах, если б стать мне удалось
Для вас второю Жанной!
Врагам бы спуску не дала!
Трень-брень! Трень-брень! Ну, как дела?
Врагам бы спуску не дала!
Солдат! Я налила!

Встречаю старых я служак:
Нужда их нынче гложет.
И выпить-то иной бедняк
За Францию не может...
От них я просьбы не ждала...
Трень-брень! Трень-брень! Ну, как дела?
От них я просьбы не ждала...
Солдат! Я налила!

Враги! За ваше торжество
Заплатите сполна вы.
Еще придет — мы ждем его! —
День нашей бранной славы.
Ударю я в колокола...
Трень-брень! Трень-брень! Ну, как дела?
Ударю я в колокола...
Солдат! Я налила!

КЛЮЧИ РАЯ

LES CLEFS DU PARADIS

Ключи от райских врат вчера
Пропали чудом у Петра
(Все объяснить — не так уж просто).
Марго, проворна и смела,
В его кармане их взяла.
«Марго, как быть?
Не олухом же слыть.
Отдай ключи!» — взывает к ней апостол

Марго работой занята:
Распахивает в рай врата

(Все объяснить — не так уж просто).

Ханжи и грешники гурьбой

Стремятся в рай наперебой.

«Марго, как быть?

Не олухом же слыть.

Отдай ключи!» — взывает к ней апостол.

Магометанин и еврей

Спешат протиснуться скорей...

(Все объяснить — не так уж просто).

И папа, годы ждавший, вмиг

Со сбродом прочим в рай проник.

«Марго, как быть?

Не олухом же слыть.

Отдай ключи!» — взывает к ней апостол.

Иезуиты, кто как мог,

Пролезли тоже под шумок

(Все объяснить — не так уж просто).

И вот уж с ангелами в ряд

Они шеренгою стоят.

«Марго, как быть?

Не олухом же слыть.

Отдай ключи!» — взывает к ней апостол.

Дурак врывается, крича,

Что бог суровой палача

(Все объяснить — не так уж просто).

Приходит дьявол наконец,

Приняв из рук Марго венец.

«Марго, как быть?

Не олухом же слыть.

Отдай ключи!» — взывает к ней апостол.

Господь отныне — рад не рад —

Декретом отменяет ад

(Все объяснить — не так уж просто).

Во славу вящую его

Не будут жарить никого.

«Марго, как быть?

Не олухом же слыть.

Отдай ключи!» — взывает к ней апостол.

В раю — веселье и разгул:
Сам Петр туда бы прошмыгнул
(Все объяснить — не так уж просто).
Но за труды его теперь
Пред ним захлопывают дверь.
    «Марго, как быть?
    Не олухом же слыть.
Отдай ключи!» — взывает к ней апостол.

ИЗГНАННИК

L'EXILÉ

В кругу подруг веселых
Из девушек одна
Сказала: «В наших селах
Всем радостна весна.
Но между нами бродит
Пришелец, нам чужой,
И грустно песнь заводит
О стороне родной.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Да будет для изгнанника
    Наш край родным!

Над быстрою рекою,
Что к Франции бежит,
Поникнув головою,
Сидит он и грустит.
Он знает, эти воды
Туда спешат скорей,
Где зеленеют всходы
Его родных полей. •
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Да будет для изгнанника
    Наш край родным!

Оплакивая сына,
Быть может, мать его
В ногах у властелина
Там молит за него;
А он, судьбой неправой
Покинут в грозный миг,
Бежит с своею славой
От зла земных владык.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Да будет для изгнанника
Наш край родным!

Он без приюта бродит
Среди чужих полей;
Но не везде ль находит
След доблести своей?
Как вся страна объята
Была у нас войной,
Здесь кровь его когда-то
Лилась за край родной.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Да будет для изгнанника
Наш край родным!

Когда от бурь военных
Наш бедный край страдал,
Он, слышно, наших пленных
Как братьев принимал.
Напомним время славы
Ему в печальный час;
Пусть он найдет забавы,
Найдет любовь у нас.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Да будет для изгнанника
Наш край родным!

Когда привет наш примет
И к нам он в дом войдет,
Свою котомку снимет,
Приляжет и заснет,—

Пусть свой напев любимый
Услышит он сквозь сон:
Наверно, край родимый
Во сне увидит он.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Да будет для изгнанника
Наш край родным!»

ЦВЕТОЧНИЦА И ФАКЕЛЬЩИК

LA BOUQUETIÈRE ET LE CROQUE-MORT

Вы — факельщик, и ни к чему
Мне ваши вздохи, взгляды...
Я все равно их не пойму,
Я им совсем не рада.
Хоть знаю: предрассудки — зло,
Претит мне ваше ремесло.
Пусть жизнь цветочницы простой
Не бог весть что за сласть,
Но в ваши лапы, милый мой,
Я не спешу попасть.

Вас зацепила коготком
Любовь среди дороги,
В тот день, когда с моим лотком
Столкнулись ваши дроги.
Такая встреча поутру
Мне показалась не к добру!
Пусть жизнь цветочницы простой
Не бог весть что за сласть,
Но в ваши лапы, милый мой,
Я не спешу попасть.

Люблю живых, что пьют, поют,
Проводят дни в усладе,
А вы сулите мне приют
В кладбищенской ограде!
Поверьте: ни моим цветам,
Ни мне самой — не место там.

Пусть жизнь цветочницы простой
Не бог весть что за сласть,
Но в ваши лапы, милый мой,
Я не спешу попасть.

Сегодня графа на тот свет
Везете, завтра — князя,
Но не завидую я, нет,
Высоким вашим связям!
С усопшими не знаюсь я:
Живые — вот мои друзья!
Пусть жизнь цветочницы простой
Не бог весть что за сласть,
Но в ваши лапы, милый мой,
Я не спешу попасть.

Хоть будет короток мой час,
Да весел — все мне благо!
Лет через десять жду я вас
И вашу колымагу.
Пока же ваш напрасен труд:
Другие вас клиенты ждут!
Пусть жизнь цветочницы простой
Не бог весть что за сласть,
Но в ваши лапы, милый мой,
Я не спешу попасть.

ДОБРАЯ ФЕЯ

LA PETITE FÉE

Некогда, милые дети,
Фея Урганда жила,
Маленькой палочкой в свете
Делав большие дела.
Только махнет ею — мигом
Счастье прольется везде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Ростом — вершок с половиной;
Только когда с облаков
Фею в коляске сапфирной
Восемь везли мотыльков —
Зрел виноград по долинам,
Жатвы виднелись везде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Царь был ей крестник; заботы
Царства лежали на ней,—
Ну, и министров отчеты
Были, конечно, верней:
Средств не имелось к поживам
Рыбкою в мутной воде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Перед зеркалом глядела
Фея в судейский устав.
Бедный выигрывал дело,
Если по делу был прав;
Плут, не спасаясь и чином,
Назван был плутом в суде,—
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Матерью крестной хранимый,
Царь был примером царям;
Сильным народом любимый,
Страшен заморским врагам.
Фею с ее крестным сыном
Благословляли везде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Добрая фея пропала...
Где она — нет и следа:
Плохо в Америке стало —
В Азии плохо всегда.
Нас в нашем царстве орлином
Холят, как птичек в гнезде...
Все-таки, фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

MONSIEUR JUDAS

Господин Искарיותов —
Добродушнейший чудак:
Патриот из патриотов,
Добрый малый, весельчак,
Расстилается, как кошка,
Выгибается, как змей...
Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
И коробит нас, чуть-чуть
Господин Искарיותов,
Патриот из патриотов,
Подвернется где-нибудь.

Чтец усердный всех журналов,
Он способен и готов
Самых рьяных либералов
Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! Гласность!
Проводник святых идей!»
Но кто ведает людей,
Шепчет, чувствуя опасность:
«Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда».

Без порывистых ухваток,
Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
Чуть он в комнату ногой —
Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
«Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда».

Он поборник просвещения:
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его —
Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:
«Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда».

Чуть с женой у вас неладно,
Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
Замечает каждый взгляд.

Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но едва вошел в ваш дом,
Вы невольно говорите:
«Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда».

БОГ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

LE DIEU DES BONS GENS

Есть божество; довольный всем, склоняю
Пред ним без просьб я голову свою.
Вселенной строй спокойно созерцаю,
В ней вижу зло, но лишь добро люблю.
И верит ум мой будущему раю,
Разумных сил предвидя торжество.
Держа бокал, тебе себя вверяю,
Всех чистых сердцем божество!

Приют мой прост, бедна моя одежда,
Как друг, верна святая бедность мне;
Но здесь мой сон баюкает надежда —
И лучший пух мне грезится во сне...
Богов земных — другим предоставляю:
Их милость к нам — расчет иль хвастовство.
Держа бокал, тебе себя вверяю,
Всех чистых сердцем божество!

Земных владык законами и властью
Не раз играл здесь баловень судьбы.
И вы, божки, игрушкой были счастьем,
Пред ним во прах склоняясь, как рабы!
Вы все в пыли. Я ж чист и сохраняю
В борьбе за жизнь покой и удальство.
Держа бокал, тебе себя вверяю,
Всех чистых сердцем божество!

Я помню дни, когда в дворцах Победы
У нас цвели искусства южных стран.
Потом на нас обрушились беды,
И налетел нежданный ураган.
Мороз и снег принес на миг он краю,
Но льда у нас непрочно вещество...
Держа бокал, тебе себя вверяю,
    Всех чистых сердцем божество!

Угроз ханжи страшна бесчеловечность:
«Конец земле и времени конец!
Пришла пора узнать, что значит вечность...
На Страшный суд восстань и ты, мертвец!
Кто грешен — в ад! Дороги нет уж к раю:
Порок стубил земное естество...»
Держа бокал, тебе себя вверяю,
    Всех чистых сердцем божество!

Не может быть! Не верю в гнев небесный!
Всего творец — всему опорой бог!
Он дал любви дар творчества чудесный
И ложный страх рассеять мне помог.
Ко мне — любовь, вино, друзья! Я знаю,
Что вправе жить живое существо!
Держа бокал, тебе себя вверяю,
    Всех чистых сердцем божество!

ПТИЧКА

SI J'ÉTAIS PETIT OISEAU

В самой страсти цепь привычки
    Я с трудом ношу —
И на крылья вольной птички
    С завистью гляжу.
Сколько воздуха, простора,
    Недоступного для взора,
    Свод небес открыл!

Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Завещала б Филомела
Тайну звуков мне;
Птичка б весело запела
В дикой стороне,
Где пустынный, в чаще бора,
Не спуская с неба взора,
Братьев не забыл...
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Знойной страстью бы гремели
Песни по полям;
Поселяне бы хмелели
В честь красавиц там.
Я бы с неба в дни раздора
Всем несчастным без разбора
В звуках радость лил.
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Огласил бы казематы
Звонкий голос мой,
И, мечтаньями объятый
О стране родной,
Накануне приговора
Хоть на миг бы цепь позора
Узник позабыл.
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Чуя в воздухе страданья
И потоки слез,
Я бы на берег изгнанья
Мира ветвь принес.
Царь Саул бы в звуках хора
Дух унынья и раздора
И свой гнев забыл.

Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Только злых не усладил бы
Пеньем никогда,
Разве птичку подстрелил бы
Бог любви; тогда,
Покорясь ему без спора,
Я на зов родного взора,
Из последних сил,
Полетел бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

СЛЕПОЙ НИЩИЙ

L'AVEUGLE DE BAGNOLET

Из села в село бредет
Старый нищий, ковыляя,
И, по струнам ударяя,
Слабым голосом поет:
— У народа молодого,
У честных прошу людей:
Бросьте несколько грошей!
(И дают ему без слова!)
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходит с девочкой слепой;
Шумный праздник в околотке:
— Веселитесь, красотки,
В пляске резвой и живой!
Ради друга дорогого
Молодых прошу парней:
Бросьте несколько грошей —
Я за парня слыл лихого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

В темной роще, слышит он,
Поцелуй звучит украдкой:
— Ах,— поет он,— здесь так сладко,
Здесь любовь со всех сторон!
Вспомнил я грешки бывшего...
Смех, как взглянешь на мужей!
Бросьте несколько грошей
Ради мужа отставного...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходят девушки толпой,
Раздается смех беспечный:
— Ах,— поет,— любите вечно
И цветите красотой!
Оттолкнет меня сурово
Целомудрие ханжей.
Бросьте несколько грошей —
Вы характера иного...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

К разгулявшимся жнецам
Подойдет, напоминая,
Что и в годы урожая
Жатвы нету беднякам.
— Вам небось от золотого
Винограда веселей?
Бросьте несколько грошей —
Так и я хвачу простого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

У солдат ли пир горой —
Кружки двигаются живо:
— Я ведь тоже был служивый,—
Говорит старик слепой,—
И теперь душа готова,
Кабы годы-то с костей!
Бросьте несколько грошей —
В память славного бывшего!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Он канючить не пойдет
В позлащенные чертоги,
А в селеньях, по дороге,
Где поваднее, поет,
Где рука подать готова,
Там поет он веселей:
— Бросьте несколько грошей!
Счастья нет для сердца злого...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

НАВАРРСКИЙ ПРИНЦ, ИЛИ МАТЮРЕН БРЮНО

LE PRINCE DE NAVARRE,
OU MATHURIN BRUNEAU

Тебе — французскую корону?
Ты спятил, бедный Матюрен!
Не прикасайся лучше к трону,
Гнезду насилий и измен.
Там лесь чадит свои угары
Безделью в кресле золотом.
Займись-ка лучше, принц Наварры,
Своим сапожным ремеслом!

У жизни есть свои законы.
Несчастье учит мудреца.
Ты б отказался от короны,
Когда б подумал до конца.
Легко ль считать судьбы удары?
Сначала трон — а что потом?
Займись-ка лучше, принц Наварры,
Своим сапожным ремеслом!

Льстецы смеются над тобою...
И ты захочешь, может быть,
Народ считая сиротою,
Себя отцом провозгласить.

Чем угождать (обычай старый!)
Льстецу то лентой, то крестом,
Займись-ка лучше, принц Наварры,
Своим сапожным ремеслом!

Ты к лаврам тянешься по праву,
Но где бы ты ни побеждал,
Из рук твоих всю эту славу
Ближайший вырвет генерал.
Английский полководец ярый
Кичиться будет над орлом.
Займись-ка лучше, принц Наварры,
Своим сапожным ремеслом!

Какие лютые бандиты
Закону слугами подчас!
Бедняг, что в Ниме перебиты,
Не воскресит ведь твой указ.
Король напрасно в басне старой
Стучался к гугенотам в дом.
Займись-ка лучше, принц Наварры,
Своим сапожным ремеслом!

Ты выпьешь чашу испытаний
Сам, до последнего глотка.
Твой трон, обещанный заране,
Займут союзные войска,
И будут гнать их эмиссары,
Все выше цены с каждым днем.
Займись-ка лучше, принц Наварры,
Своим сапожным ремеслом!

Ведь под тяжелою их лапой
Ты должен будешь — рад не рад —
С церковной сворою и папой
Писать позорный конкордат,
И, золотя его тиары,
Ты сам ограбишь отчий дом.
Займись-ка лучше, принц Наварры,
Своим сапожным ремеслом!

Друзья далеко. Враг открыто
Нас оставляет без сапог,
И для чужого аппетита
Кладем мы курицу в пирог.
Из башмаков — нет целой пары,
Одним обходимся плащом...
Пора заняться, принц Наварры,
Простым сапожным ремеслом!

СМЕРТЬ ОТ УДАРА

LA MORT SUBITE

Друзья, бегу без отговорок...
Никто из вас бы не простил,
Когда б тот пир, что всем нам дорог, —
Пока я жив, я пропустил!
Хоть мне любовь мешать готова,
Но вами зван я на обед, —
И, чтоб сдержать не мог я слова,
Еще со мной удара нет!

А впрочем, — как мы жизнь ни любим, —
Удар нас вдруг сбивает с ног,
Мы незаметно силы губим
И приближаем свой итог.
Ну, убедись, Фома неверный!
У жизни много есть примет:
Я ем, смеюсь и пью... Наверно,
Еще со мной удара нет!

Но если б вдруг, в венке из хмеля,
Закрыв глаза я и поник,
И вы бы с кубком подоспели
Пожать мне руку в тот же миг, —
А я руки б не стиснул вашей,
Не проявил бы чувства жар,
И не пленился б полной чашей, —
Тогда — конец: со мной удар!

ПУЗАН,

или Отчет депутата г-на Х. о сессии Палаты
в 1818 году, сделанный избирателям
Н-ского департамента

LE VENTRU

ou compte rendu de la session de 1818 aux électeurs
du département de *** par M.***

Избирателям — почтенье!
Вот правдивый мой рассказ,
Как трудился, полон рвения,
Я для родины, для вас.
Я вернулся толст, румян...
Разве то — стране изъян?

У министров я бывал,
Пировал,
Пировал,
С ними вина я пивал...

Как солидная персона,
Место я сумел найти
В ста шагах от д'Аржансона,
От Виллея — в десяти.
Чтобы кушать трюфеля,
Надо быть за короля.

У министров я бывал,
Пировал,
Пировал,
С ними вина я пивал...

Надо быть весьма речистым,
Чтоб министрам угодить,
Надо шиканьем и свистом
Их противникам вредить.
Я болтал, болтал, болтал,
Я свистал, свистал, свистал.

У министров я бывал,
    Пировал,
    Пировал,
С ними вина я пивал...

Коль газетам рты зажали —
Это я всегда внушал.
Коль военных поддержали —
Это я не оплошал.
Ежедневно, господа,
Я твердил то «нет», то «да».

У министров я бывал,
    Пировал,
    Пировал,
С ними вина я пивал...

Отвергал я все реформы,
Чтобы двор ценил меня;
При запросах, для проформы,
Спорил о повестке дня.
Я помог закон принять —
Вновь изгнанников изгнать.

У министров я бывал,
    Пировал,
    Пировал,
С ними вина я пивал...

На полицию расходы
Увеличить я просил.
Хоть француз я от природы —
Я швейцарцев возносил.
Верьте мнe, всего умней
Сохранить таких друзей.

У министров я бывал,
    Пировал,
    Пировал,
С ними вина я пивал...

Вы должны кормить, покорны,
Провиденье не хуля,

Нас, пузанов, штат придворный
И, конечно, короля.
А народ, для пользы дел,
Лучше бы поменьше ел.

У министров я бывал,
    Пировал,
    Пировал,
С ними вина я пивал...

Я дела свои поправил,
Попечитель я церквей,
Братьям службу предоставил,
Трех пристроил сыновей
И останусь на виду
Также в будущем году.
У министров я бывал,
    Пировал,
    Пировал,
С ними вина я пивал...

МИССИОНЕРЫ

LES MISSIONNAIRES

Велел всем бесам сатана
    За дело браться споро:
«Когда просвещена страна,
    Раздоры гаснут скоро.
Я нынче ж миссию создам —
Работу всем чертям задам,
    Мы верой заторгуем.
Эй, дуйте, дуйте! Кровь и ад!
    Повсюду свет задуем,
    И пусть костры горят!

Пойдем, молясь, надев кресты,
    Мы в города и села.
По-лисьи спрячем мы хвосты:
    Наш образец — Лойола.

Хвалу мы богу воспоем
И золотом мощну набьем, —
Мы верой заторгуем.
Эй, дуйте, дуйте! Кровь и ад!
Повсюду свет задуем,
И пусть костры горят!

Бог даст, не смогут сосчитать
Чудес, творимых адом.
Не хочешь нам блага отдать —
Побьем мы землю градом.
И развоним на весь народ,
Что сам Христос нам письма шлет.
Мы верой заторгуем.
Эй, дуйте, дуйте! Кровь и ад!
Повсюду свет задуем,
И пусть костры горят!

Грома на худшее из зол —
На суетность — обрушим,
И соворотим прекрасный пол,
И ссмыи мы разрушим.
Пусть запоют в кромешной тьме
Девыцы нам «Asperges me»¹.
Мы верой заторгуем.
Эй, дуйте, дуйте! Кровь и ад!
Повсюду свет задуем,
И пусть костры горят!

Напомним; Равальяк не зря
Взял нож во время оно.
Не трон — владыка алтаря,
Алтарь — владыка трона!
И пусть король войдет, как встарь,
Смирненным служкою в алтарь.
Мы верой заторгуем.
Эй, дуйте, дуйте! Кровь и ад!
Повсюду свет задуем,
И пусть костры горят!

Вспять Нетерпимости опять
Не повернуть движенья.

---

¹ «Окропи меня» (лат.).

Нет, протестантам не сыскать
Примочки от сожженья.
И всем философам пора
Припомнить запахи костра.
Мы верой заторгуем.
Эй, дуйте, дуйте! Кровь и ад!
Повсюду свет задуем,
И пусть костры горят!»

Над Францией, закончив речь,
Задумал черт расправу:
Занес над просвещеньем меч
Невежеству во славу.
С небес, в испуге, день бежит,
И пляшут у костров ханжи:
«Мы верой заторгуем.
Эй, дуйте, дуйте! Кровь и ад!
Повсюду свет задуем,
И пусть костры горят!»

СЧАСТЛИВАЯ ЧЕТА

LE BON MÉNAGE

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен супругу вновь!
Но пожар —
Не пожар:
Им любовь
Волнует кровь!

Комиссар, здесь разгар
Драки самой безобидной.
Тут — нежнейшая из пар.
Не нужны вы им, как видно!..
Да, Колен Колетту бьет,
И вопит она под палкой.
Раз в неделю так поет
Их любовь в каморке жалкой.

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен супругу вновь!
Но пожар —
Не пожар:
Им любовь волнует кровь!

Наш Колен здоров, как бык,
А Колетта с пташкой схожа.
По утрам он петить привык,
И она щебечет тоже.
Зря собирается толпа:
По любви они дерутся.
Поженились без попа,
Без попа и разойдутся.

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен супругу вновь!
Но пожар —
Не пожар:
Им любовь
Волнует кровь!

Вечерком они вдвоем
В кабачок шагают в ногу,
Чтоб дешевеньким винцом
Разогреться понемногу.
Славно, чокнувшись вот так,
Заглянуть потом в аллею,
Где они вступили в брак,
Под собой сломав скамейку!

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен супругу вновь!
Но пожар —
Не пожар:
Им любовь волнует кровь!

Да, бывает иногда,
Что Колен другою занят.

Но Колетта без труда
В свой черед его обманет.
Кто тут согрешил — Колен
Иль Колетта — ты не тронь их.
Пусть они своих измен
Счет ведут без посторонних!

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен супругу вновь!
Но пожар —
Не пожар:
Им любовь
Волнует кровь!

Комиссар, здесь разгар
Драки самой безобидной.
Тут — нежнейшая из пар, —
Не нужны вы им, как видно!..
Ведь Колетта, приоткрыв
На заре в постели глазки,
Синяки свои забыв,
Вспоминает только ласки.

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен супругу вновь!
Но пожар —
Не пожар:
Им любовь волнует кровь!

УБЕЖИЩЕ

LE CHAMP D'ASILE

С толпой своих у дикарей
Искал убежища изгнанник.
«О дети вольные степей, —

Сказал он им, — пред вами странник,
И — не один... К вам, в пустыри,
Европа гонит нас в изгнанье:
Мы все — французы... Дикари,
Имейте к славе состраданье!

Пред нашей славой короли
Склонялись некогда во прахе;
Мы в бой за право смело шли
И двадцать царств держали в страхе.
Увы, победой мир внутри
Добыть — напрасное желанье...
Все ж мы — французы... Дикари,
Имейте к славе состраданье!

Дрожал у Ганга Альбион,
Когда, по воле Немезиды,
Победной песни нашей тон
Наполнил эхом пирамиды.
Таких побед — не две, не три:
Их не упомнит всех преданье!
Ведь мы — французы... Дикари,
Имейте к славе состраданье!

У нас был вождь. Ряды бойцов
Себе в нем создали кумира,
И — властелин земных громов —
Он говорил: «Я бог для мира!»
Ему кадили и цари,
Он был их страх и упованье.
И мы — французы!.. Дикари,
Имейте к славе состраданье!

Но пал герой — и вслед за ним
Нас всех, товарищей героя,
Европа гонит... Мы бежим
Искать приюта и покоя...
О край родимый! не кори
Ты нас за слезы и страданья!
Ведь мы — французы... Дикари,
Имейте к славе состраданье!»

Он смолк. Тогда из дикарей
Один сказал: «Не вечны грозы!

Пока живите средь полей...
Вот этот лес, реку и лозы
Даем мы вам. Вот дуб, смотри:
На нем, давая обещанье,
Черчу слова я: «Дикари,
Имейте к славе состраданье!»

И вот обет священный дан...
Скорей же стройся, город новый,
В годину бед из дальних стран
Принять изгнанников готовый!
Быть может, нашим же сынам
Рок даст и славу — и изгнанье...
Они придут и скажут нам:
«Имейте к славе состраданье!»

ПУЗАН НА ВЫБОРАХ 1819 ГОДА

LE VENTRU AUX ÉLECTIONS DE 1819

Скорей! минута дорога:
Меня ведь ждут у пирога!

Как депутат — в том нет секрета —
Я ел прекрасно целый год.
Стол накрывают... Жду ответа:
Быть иль не быть мне им вперед?
Скорей! минута дорога:
Меня ведь ждут у пирога!

Я обещаю вам, префекты,
Что если вас возьмут под суд,
То будут судьями субъекты,
Которых вам избрать дадут.
Скорей! минута дорога:
Меня ведь ждут у пирога!

Вам, мэры, также дам поруку,
Что в вашем деле знаю толк:
Когда б рука не мыла руку,
Стеречь овец не мог бы волк.
Скорей! минута дорога:
Меня ведь ждут у пирога!

И в вас, ханжи, я жду поддержки,
Молясь усердно натошак, —
Чтоб был вам выдан без задержки
Патент особенный на мрак.

Скорей! минута дорога:
Меня ведь ждут у пирога!

Вас, консерваторы, отказом
Прошу меня не огорчать:
Ведь я с двух мест, заметьте, разом
Могу доходы получать!..

Скорей! минута дорога:
Меня ведь ждут у пирога!

И вас прошу я, либералы,
В упрек не ставить лично мне,
Что испарились идеалы,
В горниле «мер» кипя в стране.

Скорей! минута дорога:
Меня ведь ждут у пирога!

За все налоги без изъятия,
Даю обет из кожи лезть:
Сундук, -- в котором буду брать я, —
Я наполнять сочту за честь.

Скорей! минута дорога:
Меня ведь ждут у пирога!

Речь смельчака всех беспокоит,
Излишней резкостью звеня;
А я — мне рот открыть лишь стоит,
И все министры — за меня!

Скорей! минута дорога:
Меня ведь ждут у пирога!

ПРИРОДА

LA NATURE

Богата негой жизнь природы,
Но с негой скорби в ней живут.

На землю черные невзгоды
Потоки слез и крови льют.
Но разве все погибло, что прекрасно?
Шлют виноград нам горы и поля,
Течет вино, улыбки женщин ясны —
И вновь утешена земля.

Везде потопы бушевали.
Есть страны, где и в наши дни
Людей свирепо волны гнали...
В ковчеге лишь спаслись они.
Но радуга сменила день ненастный,
И голубь с веткой ищет корабля.
Течет вино, улыбки женщин ясны —
И вновь утешена земля.

Готовя смерти пир кровавый,
Раскрыла Этна жадный зев.
Все зашаталось; реки лавы
Несут кругом палящий гнев.
Но, утомясь, сомкнулся зев ужасный,
Вулкан притих, и не дрожат поля.
Течет вино, улыбки женщин ясны —
И вновь утешена земля.

Иль мало бедствий нас давило?
Чума несется из степей,
Как коршун, крылья распустила
И дышит смертью на людей.
Но меньше жертв, вольней вздохнул несчастный, —
Идет любовь к стенам госпиталя.
Течет вино, улыбки женщин ясны —
И вновь утешена земля.

Война! Затяян спор ревнивый
Меж королей — и бой готов.
Кровь сыновей поит те нивы,
Где не застыла кровь отцов.
Но пусть мы к разрушению пристрастны, —
Меч устает; мир сходит на поля.
Течет вино, улыбки женщин ясны —
И вновь утешена земля.

Природу ли винить за грозы?
Идет весна, ее поем.
Благоухающие розы
В любовь и радость мы вплетем.
Как рабство после воли ни ужасно,
Но будем ждать, надежды всех деля.
Течет вино, улыбки женщин ясны —
И вновь утешена земля.

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ НАРОДОВ

LA SAINTE-ALLIANCE DES PEUPLES

Видел я Мир, снизошедший на землю...
Золото нес он, колосья, цветы.
Пушки умолкли... Все тихо... Я внемлю
Голосу, что зазвучал с высоты:
«Доблестью все вы равны от природы,
Русский и немец, британец, француз.
Будьте ж дружны и сплотитесь, народы,
В новый священный союз!

Распри, о смертные, вас утомили...
Отдых ваш краток, и сон ваш тяжел.
Землю по-братски бы вы разделили:
Место бы каждый под солнцем нашел!
Сбились с пути вы... Не зная свободы,
Власти жестокой влачите вы груз...
Будьте ж дружны и сплотитесь, народы,
В новый священный союз!

Вы у соседей зажжете пожары.
Ветер изменится — вспыхнет ваш дом.
А охладится земля — плуг свой старый
Пахарь-калека и сдвинет с трудом.
Возле границ, где покажутся всходы —
Крови в колосьях останется вкус...
Будьте ж дружны и сплотитесь, народы,
В новый священный союз!

Ваши владыки, что падки до славы,
Смеют указывать скиптром своим,
Чтобы умножить триумф свой кровавый,
Новые жертвы, потребные им...
Вы, словно стадо, сносили невзгоды,
Переменяя лишь бремя обуз...
Будьте ж дружны и сплотитесь, народы,
В новый священный союз!

Не по дороге вам с Марсом жестоким,
Дайте законы отчизнам своим!
Кровь проливать перестаньте потоком:
Это воителям нужно одним.
Ложным светилам вы верили годы,
Завтра же свет их померкнет, клянусь!
Будьте ж дружны и сплотитесь, народы,
В новый священный союз!

Вольною грудью впервые вздохните!
Мрачное прошлое надо забыть.
Весело сейте! Напевы, звените!
Миру должны все искусства служить.
Средь изобилья водить хороводы
Станете вы под защиту муз...
Будьте ж дружны и сплотитесь, народы,
В новый священный союз!

Молвил так Мир — и цари понурились.
В страхе его повторяя слова.
Но, как весною, цветы распустились,
Снова деревья одела листва.
Лейся вино, чужеземцам в угоду:
Войско уходит их... Нет больше уз!
Будем дружны! Заключим же, народы,
Новый священный союз!

РОЗЕТТА

ROSETTE

Не дорожа своей весною,
Вы мне дарите свой расцвет;

Дитя мое, ведь надо мною
Лежат, как туча, сорок лет.
В былые дни от поцелуя
Простой швеи я счастлив был...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

В карете пара вороная
Вас мчит в наряде дорогом,
А Лиза, юностью пленяя,
Ходила, бедная, пешком.
К ее глазам весь свет ревнуя,
За ними зорко я следил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Здесь в позлащенные карнизы
Громады высятся зеркал;
Дрянное зеркальце у Лизы
Я граций зеркалом считал;
Без занавес постель простую
Луч солнца утром золотил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Поэтам лучшие созданья
Вы взглядом можете внушать;
А Лиза — знаков препинанья,
Бедняжка, не могла понять;
Но бог любви, ей грудь волнуя,
Любить без слов ее учил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Вы лучше Лизы, вы умнее,
В вас даже больше доброты;
Она теряется, бледнея
В сиянье вашей красоты;
Но к ней влекли меня, чаруя,
Мой юный жар, избыток сил, —
И уж любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ

LES RÉVÉRENDIS PÈRES

— Вы откуда, совы, к нам?

— Из подземного жилища —
Волком здесь, лисою там.

Тайна всем нам служит пищей.

И сам Лойола — наш патрон.

Вы гнали нас когда-то вон,

Но воротились мы с кладбища

Для школ, где пестуем детей, —

И сечь сильнеей,

И бить больней

Мы будем ваших малышей!

Пусть Климент нас упразднил —

В страшном умер он мученье,

Пий Седьмой восстановил —

И его мощам почтенье.

Все нас теперь должны простить!

Ведь Генрих умер — так и быть!

Король, в нас видящий спасенье,

Стал Фердинанд нам всех милей.

И сечь сильнеей,

И бить больней

Мы будем ваших малышей!

Явно к нам благоволит

Временщик, хвалою воспетый,

Он народу нас дарит,

Как крестильные конфеты.

Он приготовить хочет в нас

Себе шпионов про запас,

А мы в признательность за это

Его же сбросим поскорей, —

И сечь сильнеей,

И бить больней

Мы будем ваших малышей!

Пусть народ уверен в том,

Что теперь, в раскатах грома,

Будет хартия — огнем,
Где король — одна солома.
Но мы не лишены ума:
«Солома» — хартия сама,
И мы на ней лежим, как дома,
А как нажиться, нам видней.
И сечь сильнеей,
И бить больней
Мы будем ваших малышей!

Из ворот монастырей
Повели мы наступленья.
Что монах — то наш лакей:
Лишь в ливреях измененье.
Миссионеры посланы,
Чтоб нас прославить, в глубь страны.
Есть в капуцинах наше рвенье,
Париж возьмем ордой своей, —
И сечь сильнеей,
И бить больней
Мы будем ваших малышей!

В душах вам узнать пора
Полчищ наших шаг тяжелый,
Под ударом топора
Скоро рухнут ваши школы.
Цена наместника Петра,
Нам больше жертвуйте добра:
Во всем мы сыновья Лойолы.
Что иезуитов вам страшней?
И сечь сильнеей,
И бить больней
Мы будем ваших малышей!

ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

LES ÉTOILES QUI FILENT

— Неужто звездочки, пастух,
Над нашими судьбами
На небе смотрят? — Да, мой друг!

Невидимая нами
Звезда для каждого горит...
— Ах, дедушка, кто знает,
Чья это звездочка блесит,
Блесит — и исчезает?

— То умер человек, мой друг,
И с ним звезда упала.
Его веселость тесный круг
Друзей одушевляла;
Его бокал едва допит...
Он мирно отдыхает...
— Еще звезда, блесит-блесит,
Блесит — и исчезает.

— Ясней и чище в эту ночь
Звезды не зажигалось!
Отец оплакивает дочь;
Ей счастье улыбалось:
Венок из роз невесте свит...
Алтарь любви сияет...
— Еще звезда, блесит-блесит,
Блесит — и исчезает.

— Дитя, с мелькнувшею звездой
Сын умер у вельможи.
Покрыто тканью золотой
Младенческое ложе...
Голодный льстец, смутясь, глядит,
Как жертва ускользает...
— Еще звезда, блесит-блесит,
Блесит — и исчезает.

— Мой сын, надменный временщик
Упал звездой кровавой...
Он думал: силен я, велик!
Упал — и раб лукавый
Иному идолу кадит,
Его портрет бросает...
— Еще звезда, блесит-блесит,
Блесит — и исчезает.

Она упала! Сын мой, плачь!
Лишились мы опоры:
С душою доброю богач
Смежил навеки взоры;
К порогу нищий прибежит —
И горько зарыдает...
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Скатилась яркая звезда
Могущества земного!
Будь чист, мой сын, трудись всегда
Для блага мирового.
Того, кто суетно гремит,
Молва уподобляет
Звезде, которая блестит,
Блестит — и исчезает.

МЕЛЮЗГА, ИЛИ ПОХОРОНЫ АХИЛЛА

LES MIRMIDONS OU LES FUNÉRAILLES D'ACHILLE

«Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!»

Видя рухнувшим Ахилла,
В беспорядке малыши
Расплясались над могилой,
В свет полезли из глуши:

«Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!»

Сквозь доспехи, по обломкам,
К жирной трапезе ползем.
Он упал, — при звоне громком
Наши плоски мы зажжем.

Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!

Тем, кто славу с ним делили,
Возвратим сторицей в срок
Мы пинки, что получили
От ахилловых сапог.

Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!

Подними-ка меч героя,
Миронтон! Воссядь на край,
И, как пугало ночное,
Детям страх теперь внушай!

Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!

Из его простого платья,
Пощаженного ядром,
Мы десятку, без изъята,
Королей мундир сошьем.

Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!

Скиптр его над нашей кучей
Слишком длинен и тяжел;
Хлыст его возьмем мы лучше,
Чтоб народ наш вскачь пошел.

Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!

Нестор учит нас напрасно:
«У врагов идет прогресс».
Мы в ответ молчим бесстрастно,
Чтоб не слышал нас конгресс!

Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!

Тишине законов внемля,
Спрячем глубже свой испуг,
Мы, измерившие землю
Лишь длиною наших рук.

Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!

Пусть Ахилл был поэтичен, —
Мы ж хихикали над ним;
Он — для эпоса отличен,
Мы ж куплетцы вдохновим.

Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!

Все ж дрожим мы каждой жилой:
Нас ничто не защитит, —
Боже мой — там тень Ахилла!
Нет, ребенок то стоит...

Мелюзга, я расплодилась,
Мелюзга, —
Я теперь уж не слуга!
Волей Зевса воцарилась
Я над миром, мелюзга!»

СОЛОВЬИ

LES ROSSIGNOLS

Ночь нависла тяжелою тучей
Над столицей веселья и слез;
С вечной страстью и с песней могучей
Вы проснулись, любовники роз!
Сердце мыслит в минуты покоя;
О, как счастлив, в ком бодрствует дух!
Мне понятно молчанье ночное...
Соловьи, услаждайте мой слух.

От чертогов, где царствует Фрина,
Улетайте, влюбленные, прочь:
Заповедные льются там вина
С новой клятвою каждую ночь;
Хоть не раз испытало потерю
Это сердце, сжимаясь от мук,
В правду чувства я всё еще верю...
Соловьи, услаждайте мой слух.

Вот чертоги тельца золотого:
Не запасть вашим песням туда!

Очерствелому сердцу скупого
Благодать этих песен чужда.
Если ночь над богатым витает,
Принося в каждом звуке испуг,—
В бедный угол мой муза влетает.
Соловьи, услаждайте мой слух.

Улетайте далеко, далеко
От рабов, к вашим песням глухих,
Заковавшихся с целью жестокой
Заковать в те же цепи других.
Пусть поет гимны лести голодной
Хор корыстью измученных слуг —
Я, как вы, распеваю свободно...
Соловьи, услаждайте мой слух.

Громче, громче доносятся трели...
Соловьи, вы не любите злых:
Ароматы весны долетели
В ваших песнях ко мне золотых.
В моем сердце вселилась природа,
От восторга трепещет мой дух...
Ах, когда бы всю ночь до восхода
Соловьи услаждали мой слух!

СТОЙ! ИЛИ СПОСОБ ТОЛКОВАНИЙ

(Песня к именинам Марии ***)

HALTE-LA!

ou le système des interprétations

(Chanson de fête pour Marie ***)

Вам письмо, при всем желанье,
Сочинить не в силах я:
В слишком вольном толкованье
Понимает все судья,
И при имени Марии
Закричит Ватимениль:

«Ах, Мария? Мать Мессии?
Нового? Какая гиль!
Эй, постой,
Сударь мой,
Пахнет дело здесь тюрьмой!»

Коль скажу чистосердечно,
Что талант ваш свеж и нов,
Что картины ваши вечно
Привлекают знатоков,
Что вы плачете, жалея
И о краже и о лжи,—
«А, так вы насчет музея? —
Зашипит тут Маршанжи.—
Эй, постой,
Сударь мой,
Пахнет дело здесь тюрьмой!»

Коль скажу я, что стремленье
Есть и к музыке у дев,
Что приводит вас в волненье
Героический напев,
Даже тут найдет отраву
И нахмурится Гюа:
«Петь про Францию? Про славу?
Подозрительно весьма!
Эй, постой,
Сударь мой,
Пахнет дело здесь тюрьмой!»

Коль скажу, что вы сумели
Много добрых дел свершить
И к одной стремились цели —
Слезы бедных осушить,—
«Кто же бедных обижает? —
Обозлится Жакино.—
Он властей не уважает,
С бунтарями заодно!
Эй, постой,
Сударь мой,
Пахнет дело здесь тюрьмой!»

Что мне делать? Я в кручине.
Я боюсь и намекнуть,
Что пятнадцатое ныне, —
Не решаюсь и шепнуть.
«Как, пятнадцатое? — в раже
Завопит Беллар-шпион. —
В этот день — забыть нельзя же! —
Родился Наполеон!
Эй, постой,
Сударь мой,
Пахнет дело здесь тюрьмой!»

Я молчу, стал осторожен...
Ограничу свой привет
Лишь цветами... Но, мой боже!
Он трехцветный, мой букет!
Коль пронюхают об этом —
Мы погибли, вы и я...
Что теперь не под запретом?
Даже милость короля.
Эй, постой,
Сударь мой,
Пахнет дело здесь тюрьмой!

ОТПРЫСК ЗНАТНОГО РОДА

L'ENFANT DE BONNE MAISON

Хранители хартий,
Вы чужды всех партий:
Теперь настал для вас черед
Восстановить мой славный род!

От вашей воли благосклонной
Зависит вся моя судьба:
Вельможи сын, хоть незаконный,
Я жажду хартий и герба!
Да, окажусь я, по разведке,
Важней особ в больших чинах, —
Могу сказать о каждом предке:
Покойся в мире, славный прах!

Хранители хартий,
Вы чужды всех партий:
Теперь настал для вас черед
Восстановить мой славный род!

Моя мамá — еще хористкой
Всегда стремилась в высший свет:
Сошлась с бароном, быв артисткой,
Жила и с графом в тридцать лет.
Маркизой став, к вопросам чести
Была всех строже на балах...
С такими ж бабушками вместе
Покойся в мире, славный прах!

Хранители хартий,
Вы чужды всех партий:
Теперь настал для вас черед
Восстановить мой славный род!

Папаша мой, — его без лести
Я прежде предков всех назвал, —
Не уронив фамильной чести,
Всю жизнь лишь счастья искал.
Как титулованный бродяга,
К тому ж красавец, в орденах,
На счет он женщин жил, бедняга...
Покойся в мире, славный прах!

Хранители хартий,
Вы чужды всех партий:
Теперь настал для вас черед
Восстановить мой славный род!

Мой дед был верен старой лямке:
Наделав множество долгов,
В старинном заперся он замке,
Где вечно пил до петухов.
Браня крестьян за дармоедство,
Бутылки бил на их плечах!
Так прожил он свое наследство...
Покойся в мире, славный прах!

Хранители хартий,
Вы чужды всех партий:

Теперь настал для вас черед
Восстановить мой славный род!

Мой прадед — граф весьма богатый,
Пристрастие к безику питал.
Заржавел меч его и латы,
Пока он крыл и козырял.
Но изменило в картах счастье,—
И граф остался на бобах:
Туз пик принес ему несчастье...
Покойся в мире, славный прах!

Хранители хартий,
Вы чужды всех партий:
Теперь настал для вас черед
Восстановить мой славный род!

Прапрадед мой — тот был правитель
Одной провинции плохой.
Не мог он, строгости ревнитель,
Великодушничать с толпой.
Он сам воздвиг себе чертоги
И проводил всю жизнь в пирах:
На них он тратил все налоги...
Покойся в мире, славный прах!

Хранители хартий,
Вы чужды всех партий:
Теперь для вас настал черед
Восстановить мой славный род!

Сводя в итог заслуги наши,
Признайте также, что я сам,
Достойней всех — отца, мамыши
И предков их, известных вам.
Пусть наконец считать привыкнут
Меня маркизы в их рядах!..
Когда ж умру — пусть все воскликнут:
«Покойся в мире, славный прах!»

Хранители хартий,
Вы чужды всех партий:
Теперь настал для вас черед
Восстановить мой славный род!

ОХРИПШИЙ ПЕВЕЦ

L'ENRHUME

— Как, ни куплета нам, певец?
Да что с тобою, наконец?

Иль хрипота напала?

— В дожде законов, как всегда,
Схватил я насморк, господа!

Вот в чем, друзья,

Болезнь моя,

Вот в горле что застряло!

— Певец! но ведь всегда весной
Счастливых птиц веселый рой

Щебечет нам, бывало?..

— Ну да; но я — я вижу сеть:
Бедняжки в клетках будут петь!..

Вот в чем, друзья,

Болезнь моя,

Вот в горле что застряло!

— Спой хоть о том, как депутат
В обедах видит цель Палат,—

Как истый объедало...

— О нет: сажает милость их
На хлеб и на воду других.

Вот в чем, друзья,

Болезнь моя,

Вот в горле что застряло!

Польсти же перам ты хоть раз:
Они пекутся ведь о нас,

Усердствуя немало...

— Нет, нет, у нас от их забот
Народ живет чем бог пошлет... ,

Вот в чем, друзья,

Болезнь моя,

Вот в горле что застряло!

— Ну, хоть ораторов воспой:
Паке, Симона... Пред толпой

Их речь нас вразумляла.

— Нет, вразумлял вас Цицерон,
Хоть, по словам их, отжил он...

Вот в чем, друзья,
Болезнь моя,
Вот в горле что застряло!

Еще скажу я вам одно:
Отныне всем запрещено,
Хоть многим горя мало,

. . . . .¹
Вот в чем, друзья,
Болезнь моя,
Вот в горле что застряло!

— Ну, так и есть. Я слишком смел.
Начальство иностранных дел
Уж, верно, предписало:
Певца отправить к палачу...
Что ж, всякий фарс нам по плечу.
Вот в чем, друзья,
Болезнь моя,
Вот в горле что застряло!

ЗЛОНАМЕРЕННЫЕ ПЕСНИ

LA FARIDONDAINE

Послушай, пристав, мой дружок,
Поддеть певцов желая,
Вотрись как свой ты в их кружок,
Их хору подпевая.
Пора за песнями смотреть:
Уж о префектах стали петь!

---

¹ Не стоит, пожалуй, восстанавливать эти два стиха, на удалении которых настоял в 1821 году издатель книги. Автор согласился на изъятие только потому, что предвидел злобные кривотолки, которыми они дадут место. Так, на эти две строки точек обрушился Маршанжи. Строки точек, преследуемые судом! Сохранить их тем необходимей, что два изъятых стиха оказались бы рядом с ними только скучной эпиграммой. (Прим. авт.)

Ну можно ли без гнева
Внимать словам припева,
Таким словам, как «ой жги, жги»,
Таким словам, как «говори»,
И «ай-люли», и «раз, два, три»?!
Ведь это все враги!..

Чтоб подогреть весельчаков,
Не тратясь на подарки
Для Аполлонов кабачков
Достаточно и чарки!
На всё куплетец приберут!
Небось ведь гимнов не поют!
Ну можно ли без гнева
Внимать словам припева,
Таким словам, как «ой жги, жги»,
Таким словам, как «говори»,
И «ай-люли», и «раз, два, три»?!
Ведь это все враги!..

Поют там песню «Мирлитон»
И «Смерть Мальбрука» тоже;
Обижен ими Веллингтон, —
На что ж это похоже?!
Да, преступленьем счесть пора
То, что коробит слух двора.
Ну можно ли без гнева
Внимать словам припева,
Таким словам, как «ой жги, жги»,
Таким словам, как «говори»,
И «ай-люли», и «раз, два, три»?!
Ведь это все враги!..

Протест скрыт в слове «говори», —
По мненью циркуляра...
И может быть припев «жги, жги»
Причиною пожара!..
А «раз, два, три» и «ай-люли»
Вселить безверие б могли!
Так можно ли без гнева
Внимать словам припева,
Таким словам, как «ой жги, жги»,

Таким словам, как «говори»,
И «ай-люли», и «раз, два, три»?!
Ведь это все враги?..

Вот в чем префекта весь указ;
Блюсти его старайся!
За песней нужен глаз да глаз;
Смотри не зазевайся:
Стране анархия грозит!
Хоть мир «God save» пока хранит,
Но — можно ли без гнева
Внимать словам припева,
Таким словам, как «ой жги, жги»,
Таким словам, как «говори»,
И «ай-люли», и «раз, два, три»?!
Ведь это все враги!..

ДОБРЫЙ БОГ

LE BON DIEU

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит: вдалеке
Земля вертится в уголке.
«Чтоб для нее я двинул ногу,
Черт побери меня, ей-богу!

О человеки всех цветов! —
Сказал, зевая, Саваоф, —
Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляют славно.
Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмей,
Колотите друг друга в шею
И славите потом меня
Под гром картечного огня.

Я не люблю войны тревогу,
Черт побери меня, ей-богу!

Меж вами карлики-цари
Себе воздвигли алтари
И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Черт побери меня, ей-богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом кадят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья:
Отец всем добрым детям я;
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь...

Но с вами я заговорюсь...
Прощайте! Гладкого боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Черт побери меня, ей-богу!»

СТАРОЕ ЗНАМЯ

LE VIEUX DRAPÉAU

На днях — нет радостней свиданья —
Я разыскал однополчан,
И доброго вина стакан
Вновь оживил воспоминанья.
Мы не забыли ту войну,
Сберег я полковое знамя.
Как выцвело оно с годами!
Когда ж я пыль с него стряхну?

Я в тюфяке своей постели
Храню его, бедняк больной.

Ах, двадцать лет из боя в бой
Победы вслед за ним летели!
Оно прославило страну,
Увито лаврами, цветами.
Как выцвело оно с годами!
Когда ж я пыль с него стряхну?

О, это знамя оправдало
Всю нашу кровь, что пролилась!
Когда Свобода родилась —
Его древком она играла.
Плебейка, ты теперь в плену...
Восторжествуй же над врагами!
Как знамя выцвело с годами!
Когда ж я пыль с него стряхну?

Его орел лежит, сраженный,
В пыли, и гордый взор потух.
Его заменит нам петух,
Величьем галльским окрыленный.
Как был любим он в старину,
Свободен, горд, во взоре — пламя!
Как знамя выцвело с годами!
Когда ж я пыль с него стряхну?

Оно оплотом будет, свято,
Теперь закону одному.
Любой из нас, служа ему,
Стал гражданином из солдата.
Я вновь на Рейне разверну
Его дрожащими руками...
Как выцвело оно с годами!
Когда ж я пыль с него стряхну?

Оно лежит с оружием вместе.
Дай выну, чтобы посмотреть
И краем слезы утереть...
Моя надежда, символ чести,
К тебе губами я прильну!
Мой зов услышан небесами!
Как ты ни выцвело с годами —
Я скоро пыль с тебя стряхну!

МАРКИЗА

LA MARQUISE DE PRETINTAILLE

Маркиза я. Мой древний род
Дает права мне на народ,
И, не без гордости сословной,
Я говорю: ко мне, друзья!
И мужику доступна я.

Но мой девиз:

Любя маркиз,

Имей почтенье к родословной!

Меня нисколько не манит
Любовь тщедушных волокит,
Со всей их светскостью условной;
Но ширина могучих плеч
Меня не раз могла увлечь.

Все ж мой девиз:

Любя маркиз,

Имей почтенье к родословной!

Из фаворитов всех моих
Я назову вам пятерых;
Хоть, спев со мной дуэт любовный,
Они смеялись надо мной,—
Что будто куплен титул мой.

А мой девиз:

Любя маркиз,

Имей почтенье к родословной!

Мой камердинер нежен был,
Но он о равенстве твердил;
Глумился, в дерзости греховной,
Над силой грамот... Цыц, лакей!
Чти предков в прелести моей!

Вот мой девиз:

Любя маркиз,

Имей почтенье к родословной!

Потом, под номером вторым,
Был проповедник мной любим.
Нуждалась в пище я духовной,
Меня в любви он просветил...
И — повышенье получил.

Да, мой девиз:

Любя маркиз,

Имей почтенье к родословной!

Я депутата увлекла;
Его, как перепела, жгла
Любовь к свободе баснословной;

Но я пришла и — бес лукав! —
Лишился он последних прав.
Ведь мой девиз:
Любя маркиз,
Имей почтенье к родословной!

Мой нервный фермер был лентяй!
Ему дворянство, вишь, подай!
Считал он труд обидой кровной;
Со мной же понял милый друг,
Как утомителен «досуг»!
Ах! мой девиз:
Любя маркиз,
Имей почтенье к родословной!

Чуть не забыла: полон чар,
Еще, бедняжка, был гусар.
В угоду мне, беспрекословно,
Храбрец в любви, как на войне,
Всегда мишенью был он мне.
Вот мой девиз:
Любя маркиз,
Имей почтенье к родословной!

Но с кем теперь делить любовь?
По счастью, враг идет к нам вновью...
И я над нотою многословной
Тружусь усердно... А пока —
Займусь швейцарцами слегка!..
Все ж мой девиз:
Любя маркиз,
Имей почтенье к родословной!

Я С ВАМИ БОЛЬШЕ НЕ ЗНАКОМ

LE TREMBLEUR,

ou mes adieux à M. Dupont (de l'Eure) ex-président
de la cour royale de Rouen

Мой друг! да правду ль мне сказали,
Иль только нас хотят пугать?
Ужели с места вас прогнали?
Так надо меры мне принять!

Когда вести опасно дружбу,
Мы узы дружбы сразу рвем,
Ведь я служу и знаю службу...

Итак — я с вами больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

Пусть вы — народа благодетель,
Но — нахлобучка мне страшна!
Пусть даже ваша добродетель
Отчизной всею почтена,—
Я отвечать решусь едва ли
На ваш поклон хотя б кивком...

Вы хороши, но вас прогнали,—
И я — я с вами больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

Нас ваша смелость беспокоит,
И благородный голос ваш
Всегда кого-нибудь расстроит
Из тех, кто был устроил наш.
Хоть речь блестящая в регистры
У нас заносится тайком,
Но не талант ведет в министры...

И я — я с вами больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

Наследник древней славы франкской
И новой Франции герой,
На лаврах доблести гражданской
Вкушайте в хижине покой...

Я ж, как и все мы, думать вправе,
Что жизнь — не в хлебе лишь сухом,
Не в бесполезной вашей славе...

И я — я с вами больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

От вас отречься я обязан,
Хоть вас любил и уважал:
Я не хочу быть так наказан,
Как вас патрон наш наказал...
За мной следить велит он слугам,—
И я от вас спешу бегом!

Мне... ваш преемник будет другом;
А с вами — я уж больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

МОЕЙ СВЕРСТНИЦЕ

A MA CONTEMPORAINE

Мы однолетки; счет наш верен...
Но вам Амур не верит, нет!
Когда-то Парки, я уверен,
Смешали нити наших лет.

С тех пор мой жребий стал несносен:
Из года каждого дана
На долю мне зима и осень,
А вам — вам лето и весна.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ КРИСТОФА,

или послание дворянства острова Гаити
трем союзным монархам

LA MORT DU ROI CRISTOPHE.

ou note présentée par la noblesse d'Haïti
aux irois grands alliés

Кристофа нет... Грозят повстанцы...
Надежда знати — лишь на вас:
Вильгельма, Александра, Франца...
О, сжальтесь и спасите нас!
Хоть далеко от вас Гаити, —
На нем бунтарский дух воскрес.
Скорей конгресс,
Второй конгресс,
Еще конгресс,
Седьмой, восьмой конгресс!
За смерть Кристофа отомстите,
Блюда монархов интерес!

Он умер, гнева не скрывая:
Народ, трудившийся, как вол,
Власть короля не отвергая,
Ее умерил произвол.

Но вы мятежных укротите,
Дадут вам пушки перевес...
Скорей конгресс,
Второй конгресс,
Еще конгресс,
Седьмой, восьмой конгресс!
За смерть Кристофа отомстите,
Блюдя монархов интерес!

Забыв о троице монархий,
Как и о троице святой,
Свободы (корень всех анархий!)
Народ добился озорной.
Святого духа известите!
Он продиктует вам с небес:
«Скорей конгресс,
Второй конгресс,
Еще конгресс,
Седьмой, восьмой конгресс!
За смерть Кристофа отомстите,
Блюдя монархов интерес!»

Однако вспомните испанцев:
Врагу отпор был ими дан.
И берегитесь итальянцев:
Страна их стала как вулкан.
С попутным ветром к нам плывите,
Штыков с собой везите лес!
Скорей конгресс,
Второй конгресс,
Еще конгресс,
Седьмой, восьмой конгресс!
За смерть Кристофа отомстите,
Блюдя монархов интерес!

О, самовласть донкихоты!
Кристоф вам братом был родным.
Хоть он и черный — что за счеты?
Вы миром мазаны одним.
Лишь одного вы все хотите —
Остановить везде прогресс.
Скорей конгресс,
Второй конгресс,

Еще конгресс!
Седьмой, восьмой конгресс!
За смерть Кристофа отомстите,
Блюдя монархов интерес!

ЛЮДОВИК XI

LOUIS XI

Пляши, счастливый наш народ!
Скорей затейте
Хоровод!
Звучите стройно, не вразброд,
И флейты
И фагот!

Старик король, укрывшись в башне-келье,—
О нем нам страшно и шепнуть,—
Решил на наше скромное веселье
Сегодня издали взглянуть.
Пляши, счастливый наш народ!
Скорей затейте
Хоровод!
Звучите стройно, не вразброд,
И флейты
И фагот!

Народ поет, смеется, веселится...
Король — чурается людей.
Вельмож, народа, бога он боится,
Наследника — всего сильней.
Пляши, счастливый наш народ!
Скорей затейте
Хоровод!
Звучите стройно, не вразброд,
И флейты
И фагот!

Взгляните, как на солнце заблестели
Мечи... Сверкает лат узор.
Вы слышите: засовы загремели,—
То стража двинулась в дозор.

Пляши, счастливый наш народ!
Скорей затейте
Хоровод!
Звучите стройно, не вразброд,
И флейты
И фагот!

Тем, кто живет в любой лачуге бедной,
Король завидует давно.
На миг мелькнул он, словно призрак бледный,
Украдкой выглянул в окно.
Пляши, счастливый наш народ!
Скорей затейте
Хоровод!
Звучите стройно, не вразброд,
И флейты
И фагот!

Мы думали, что пышный и блестящий
Наряд на нашем короле.
Как скиптру быть в такой руке дрожащей,
Венцу — на пасмурном челе?
Пляши, счастливый наш народ!
Скорей затейте
Хоровод!
Звучите стройно, не вразброд,
И флейты
И фагот!

Как вздрогнул он! Ведь пенье безобидно!
Ужель часов на башне бой
Мог испугать? Его он принял, видно,
За звук набата роковой.
Пляши, счастливый наш народ!
Скорей затейте
Хоровод!
Звучите стройно, не вразброд,
И флейты
И фагот!

Но он не рад веселью... Повернулся,
Сердито хмурясь, к нам спиной.
Страшась его, мы скажем: улыбнулся
Он детям, как отец родной.

Пляши, счастливый наш народ!
Скорей затейте
Хоровод!
Звучите стройно, не вразброд,
И флейты
И фагот!

ГРОЗА

L'ORAGE

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете,
Пойте, резвитесь, дети!

Книги скорей по шкафам!
В поле из комнаты душной!
Мальчики, девочки... Гам,
Песни и смех простодушный...
Пусть все притихло кругом,
Мрачной исполнясь тоски;
Пусть собирается гром!
Дети, сплетайте венки.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете,—
Пойте, резвитесь, дети!

Грозно молчание мглы...
В воду попрятались рыбки.
Птички молчат... Но светлы
Детские ваши улыбки..
Светел и верен ваш взгляд:
После не страшных вам бурь
Ваши глаза отразят
Ясного неба лазурь.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете,—
Пойте, резвитесь, дети!

Жребий нам выпал дурной;
Но мы за правду стояли:
Мстили одною рукой,
Цепи другою срывали.
И с колесницы побед
Пали, не сдавшись врагам,
Но изумившую свет
Славу оставили вам.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете,—
Пойте, резвитесь, дети!

В черный родились вы час!
Враг в свои медные горны
Первый приветствовал вас
Днем нашей участи черной;
Отозвались на зов
Средь разоренных полей
Вместе с слезами отцов
Первые крики детей.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете,—
Пойте, резвитесь, дети!

Лучших из ряда бойцов
Вырвала храбрых могила;
Над головами отцов
Буря детей просветила:
Пусть испытанья отцам!
Дети, господь вас хранит!
Нива грядущего вам
Лучшую жатву сулит.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете,—
Пойте, резвитесь, дети!

Дети, гроза все слыщней...
Гнев приближается Рока...
Рок, не пугая детей,
Взрослых страшит издалека...
Если я гибну певцом
Бедствий народных и слез,
Гроб мой украсьте венком,
Вами сплетенным из роз.
Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете,—
Пойте, резвитесь, дети!

ПЯТОЕ МАЯ

LE CINQ MAI

На свой корабль меня испанцы взяли
С тех берегов, где грустно я блуждал;
Империи обломок, я в печали
Туда, далеко, в Индию бежал.
Прошло пять лет. И снова планы строит
Оживший дух солдата-бедняка:
Я Францию увижу,— и закроет
Мои глаза сыновняя рука.

Святой Елены остров перед нами...
Мой бог, так вот томится где герой!
Испанцы, он был ненавидим вами;
Но он любим, любим доньше мной.
Кто путь ему к отчизне вновь откроет?
Увы, никто... Как эта мысль горька!
Я ж Францию увижу,— и закроет
Мои глаза сыновняя рука.

Быть может, спит наш вождь непобедимый,
Взорвав, как бомба, двадцать разных царств.
Воспрянь, герой, в войне неутомимый;
Умри, как жил, — грозою государств!
Но нет надежды! Больно сердце ноет:
Судьба орла богам уж не близка!
Я ж Францию увижу, — и закроет
Мои глаза сыновняя рука.

За ним следить Победа уставала.
Изнемогла... Он ждать ее не стал!
Ему судьба два раза изменяла,
И сколько змей он на пути встречал!
Есть в лаврах яд: смерть быстро яму роет
Тому, чья слава слишком велика...
Я ж Францию увижу, — и закроет
Мои глаза сыновняя рука.

Чуть где мелькнет неведомое судно,
Уж все кричит: «Не он ли вновь идет
Брать мир назад? Нам с ним бороться трудно!
Вооружим стомиллионный флот!»
Напрасный страх, тревожиться не стоит:
В нем точит жизнь по родине тоска!
Я ж Францию увижу, — и закроет
Мои глаза сыновняя рука.

Великий нравом, гением великий,
Зачем он взял и скипетр на земле?!
Теперь ему приютом остров дикий.
Но славы луч сияет и во мгле...
Он — наш маяк!.. Пусть буря в море воет —
Меж двух миров звезда его ярка.
Я ж Францию увижу, — и закроет
Мои глаза сыновняя рука.

Но что же там, там, на скале, чернеет?
Я трепещу... О боги! черный флаг!!
Как? Умер он? И слава овдовеет?..
За мною вслед заплакал даже враг!..
Но скоро даль от глаз тот остров скроет:
Померкло солнце, ночь уже близка...
Я ж Францию увижу, — и закроет
Мои глаза сыновняя рука.

ПЛАЧ О СМЕРТИ ТРЕСТАЛЬОНА

COMPLAINTE SUR LA MORT DE TRESTAILLON

Эй, католики, идите,
Плачь, иезуитов рой!
Умер, умер наш герой...
Неофиты, поспешите
К нам в печали и слезах
И почтите славный прах!

Трестальона чтим, который
Широко известен был.
Долго-долго он служил
Реставрации опорой.
Смерть героя в сем году
Предвещает нам беду.

В достопамятное время
Удивлял он город Ним
Благочестием своим,
И злодеем только теми
Прозван был, кому мстил он
За алтарь или за трон.

Краснощекий и плечистый,
Ром он часто попивал
И в борделях бушевал.
Все же душу блюл он чистой:
Причащался весельчак
Раз в неделю, натошак.

Горд своей кокардой белой,
Дал обет он не зевать,
Протестантов убивать.
Даже в праздник шел на дело,
У святых беря отцов
Отпущение грехов.

Что за чудо? Убивал он
Ночью так же, как и днем,

Но всегда перед судом
Чист как стеклышко бывал он
За отсутствием улик:
Всяк прикусывал язык.

Он и золота немало
Получал из высших сфер,
Крепко пил, на свой манер
Подражая феодалам.
Каждый бил ему поклон,
Если шел навстречу он.

Нанеся удар тяжелый,
Смерть похитила борца,
Кто помог бы до конца
Нам расправиться с крамолой.
Если б в мире не почил —
Он бы орден получил.

Гроб его несут дворяне,
Вслед судейские идут.
Непритворно слезы льют
И духовные всех званий.
Им — представьте, господа! —

Благодарность не чужда.
Добиваются у папы,
Чтоб святым его признать.
Очевидно, воздевать
Скоро к небу будут лапы
Волки, съевшие овец:
«Помолись за нас, отец!»

Мощи будут! Маловерам
Восхвалит его Монруж.
Станет сей достойный муж
Для католиков примером.
Мысли грешные откинь,
Подражай ему! Аминь.

НАВУХОДОНОСОСОР

NABUCHODONOSOR

В давно минувшие века,
До рождества еще Христова,
Жил царь под шкурою быка;
Оно для древних было ново.
Но льстили точно так же встарь
И так же пел придворных хор:
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

«Наш царь бодается, так что ж,
И мы топтать народ здоровы,—
Решил совет седых вельмож.—
Да здравствуют рога царицы!
Да и в Египте, государь,
Бык — божество с давнишних пор.
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!»

Державный бык коренья жрет,
Ему вода речная — пойло.
Как трезво царь себя ведет!
Поэт воспел царицево стойло.
И над поэмой государь,
Мыча, уставил мутный взор.
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

В тогдашней «Северной пчеле»
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челе
След царской думы необъятной,
Что из сердец ему алтарь
Воздвиг народный приговор.
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

Бык только ноздри раздувал,
Упитан сеном и хвалами,

Но под ярмо жрецов попал
И, управляемый жрецами,
Мычал рогатый государь
За приговором приговор.
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

Тогда не вытерпел народ,
Царя избрал себе другого.
Как православный наш причет,
Жрецы — любители мясного.
Как злы-то люди были встарь!
Придворным-то какой позор!
Был съеден *незабвенный* царь
Навуходоносор!

Льстецы царей! Вот вам сюжет
Для оды самой возвышенной —
Да и ценсурный комитет
Ее одобрит непременно;
А впрочем, слово «государь»
Не вдохновляет вас с тех пор,
Как в бозе сгнил последний царь
Навуходоносор!

БЕГСТВО МУЗЫ,

или Мой первый визит в суд

LA MUSE EN, FUITE OU MA PREMIERE VISITE
AU PALAIS DE JUSTICE

Брось на время, Муза, лиру
И прочти со мной указ:
В преступленьях — на смех миру —
Обвиняют нынче нас.
Наступает час расправы,
И должны мы дать ответ.
Больше песен нет для славы!
Для любви их больше нет!

Муза! в суд!
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

Мы идем. Лежит дорога
Мимо Луврского дворца:
Там в дни Фронды воли много
Было песенкам певца.
И на оклик часового:
«Кто идет?» — припев звучал:
«Это Франция!» Без слова,
Сторож песню пропускал.

Муза! в суд!
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

На другой конец столицы
Через мост изволь идти.
Буалò лежит гробница,
Между прочим, на пути.
Из обители покоя
Что б воскреснуть вдруг ему?!
Верно, автора «Налоя»
Засадили бы в тюрьму!

Муза! в суд!
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

Над Жан-Жаком суд свершился —
И «Эмиль» сожжен был им;
Но, как феникс, возродился
Он из пепла невредим.
Наши песни — невелички;
Но ведь, Муза, враг хитер:
Он и в них отыщет спички,
Чтоб разжечь опять костер.

Муза! в суд!
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

Вот и зала заседаний...
Что ж ты, Муза? Как, бежать
От напудренных созданий?
Ты же любишь их щелкать...

Возвратись; взгляни, вострушка,
Сколько смелости в глупцах,
Взявших весить погремушку
На Фемидиных весах.

Муза! в суд!
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

Но бежит моя буянка...
Я один являюсь в суд.
Угадайте ж, где беглянка
Отыскать могла приют?
С председательской гризеткой,
Смело к столику подсев,
За вином и за котлеткой
Повторяет нараспев:
«Муза! в суд!
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут».

ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ ДОНОС

DÉNONCIATION EN FORME D'IMPROMPTU

Попав под суд из-за доноса,
Я судьям сам строчу донос:
Когда я шел к вам для допроса,
Поэт стишки мне преподнес.
Судя по бойкости куплета,
Он вас язвит не в первый раз...
Арестовать его за это!
Арестовать его тотчас!

Он зло смеется над преградой,
Какую ставят для стихов,
Зовет их «страждущих отрадой»
И верит в славу храбрецов.
Ну как же вам простить поэта
За гимны Музочке моей?
Арестовать его за это!
Арестовать его скорей!

Он по героям правит тризну
И льстит гонимым без стыда.
Пожалуй, петь начнет Отчизну?..
Ведь это дерзость, господа!!
Он хвалит то, что мной воспето,
И видит ум во мне — не в вас...
Арестовать его за это!
Арестовать его тотчас!

ПРОЩАНИЕ С ПОЛЯМИ

ADIEUX A LA CAMPAGNE

Как кротко-ласково осеннее светило!
Как блеклый лес шумит и в глубь свою зовет!
Уже надежды нет, чтоб ненависть простила
Мои напевы мне и смелый их полет.
Здесь навещал меня мечтаний рой прекрасный,
Здесь слава мне порой шептала свой обет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Зачем не пел я так, как птица меж ветвями?
Как был бы волен здесь я с песнею своей!
Но родина моя — унижена врагами —
Клонила голову под иго злых людей;
Стихами колкими я мстил за край несчастный.
Лишь для стихов любви преследований нет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Их ярость скудных средств меня уже лишила;
Теперь грозят судом веселости моей.
Святою маскою их злость лицо покрыла:
Заставлю ль их краснеть я прямою своей?
Пред божествами лжи преступник я опасный;
Пред богом истины вины за мною нет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Величье наше пел я над его могилой,
О славе вспоминал в надгробной песне я;
Но — неподкупная — перед победной силой
Убийства государств хвалила ль песнь моя?
Когда давал ты, лес, мне свой приют прекрасный,
Империю ль я пел? Ее ли солнце? Нет!
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Надеясь мне нанести позор и униженье,
Пусть цепи для меня вымеривает суд!
В цепях и Франция. Оковы, заточенье
В ее глазах венец моим стихам дадут.
Пусть за окном тюрьмы мерцает день ненастный:
Мне слава принесет свой радующий свет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Не наведишь ли ты мой угол, Филомела?
Когда-то от царя терпела горе ты...
Пора: тюремщик ждет; ему так много дела!
Прощайте, нивы, лес, долины и цветы!
Готовы цепи мне; но я душою страстной
Свободе гимн пою, храня ее завет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

ДЕЙСТВИЕ ВИНА

MA GUÉRISON

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

От стакана доброго вина
Рассудил я здраво, что сатира,
В видах примиренья, не должна
Обличать пороки сильных мира.

Лучше даже в очи им туман
Подпускать куреньем фимиама,
Я решил, не затрудняясь, прямо,
Осушив еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

С двух стаканов доброго вина
Покраснел я, вспомнив о сатирах.
Вижу: вся тюрьма моя полна
Ангелами в форменных мундирах.
И в толпе счастливых поселян
Я воспел, как запевало хора,
Мудрость господина прокурора, —
Осушив еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

С трех стаканов доброго вина
Вижу я: свободны все газеты.
Цензоров обязанность одна:
Каждый год рассматривать бюджеты.
Милосердье первых христиан,
Что от нас веками было скрыто,
Я увидел — в сердце иезуита, —
Осушив еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

С двух бутылок доброго вина
Заливаться начал я слезами
И свободу, в неге полусна,
Увидал, венчанную цветами, —

И в стране, счастливейшей из стран,
Кажется, тюрьмы сырые своды
Рухнули б от веянья свободы...
Выпей я еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

Но избыток доброго вина,
И восторг, и умиленья слезы
Безраздельно все смешал сполна
В смутные, отрывочные грезы.
Будь же ты благословен, обман,
Что нам в душу, с утоленьем жажды,
Будто с неба посылает каждый
Шамбертена доброго стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

Тюрьма Сент-Пелажи

ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ НАПИТОК

L'AGENT PROVOCATEUR

В своей одежде с тальей узкой
И с осмоленной головой,
Вот — нектар нации французской
И честь Бургундии родной!

Хоть он почтенных лет, приятель,
И с громким именем в стране,
    Но тсс... друзья, — ведь это злой предатель:
Он подстрекает к болтовне.

«Вот друг несчастных», — мне сказали,
Его поставив здесь на стол.
Меня утешит он? Едва ли!
Он чрез полицию прошел, —
А там не раз благожелатель
Бывал доносчиком при мне.
    Но тсс... друзья, — ведь это злой предатель:
Он подстрекает к болтовне.

Едва мы им смочили глотку,
Как стали храбрых воспевать
И сквозь тюремную решетку
Вдали Надежду созерцать.
Один из нас, певец-мечтатель,
Запел уж песню о вине.
    Но тсс... друзья, — ведь это злой предатель:
Он подстрекает к болтовне.

Уже мы славим дружным хором
Его источник — виноград,
И пьем в честь Пробуса, которым
Был насажден наш первый сад, —
Богатств Бургундии создатель,
Достоин славы он вполне.
    Но тсс... друзья, — вино ведь злой предатель:
Он подстрекает к болтовне.

Нельзя не дать ему острастки;
Друзья, продлите ж наш обед:
Пусть, до тюрьмы побыв в участке,
Он чрез участок выйдет в свет!..
Ступай, несносный подстрекатель,
Нашли мы истину на дне.
    Но тсс... друзья, — ведь это злой предатель:
Он подстрекает к болтовне.

МОЙ КАРНАВАЛ

MON CARNAVAL

Друзья, опять неделя смеха длится —
Я с вами столько лет ее встречал!
Грохочет шутовская колесница,
Глупцов и мудрых Мом везет на бал.
Ко мне в тюрьму, где мгла царит без срока,
Пришли Амуры — вижу их в тени,
Смычки Веселья слышу издалека.
Друзья мои, продлите счастья дни!

Любви посланцы всюду проникают,
Танцоров радостный несетя круг.
Касаясь талий девичьих, взлетают
И падают счастливых сотни рук.
Меня забудьте — нет в печали прока —
И прикажите радости — «звени!»
Смычки Веселья слышу издалека.
Друзья мои, продлите счастья дни!

Не раз я, рядом с той, что всех прелестней,
Веселый пир наш брался возглавлять.
В моем бокале закипали песни,
Я пил, вы наливали мне опять.
Взлетали искры радости высоко,
Из сердца моего рвались они.
Смычки Веселья слышу издалека.
Друзья мои, продлите счастья дни!

Дней не теряйте радостных напрасно
И празднуйте — завет небес таков.
Когда любимая нежна, прекрасна,
Невыносимо горек груз оков.
А ныне я старею одиноко,
Порой гашу светильников огни.
Смычки Веселья слышу издалека.
Друзья мои, продлите счастья дни!

Когда ж пройдет неделя опьянения,
То соберитесь все в тюрьму мою
И принесите радости мгновенье, —

И вновь любовь я вашу воспою
И вашу радость разделю глубоко,
Как между нас ведется искони.
Смычки Веселья слышу издалека.
Друзья мои, продлите счастья дни!

Тюрьма Сент-Пелажи

ТЕНЬ АНАКРЕОНА

L'OMBRE D'ANACRÉON

«Мы победили! — молвил юный грек,
Кладя венки на свежие могилы.—
Покиньте Стикс! Мы повторим ваш век,
О полубоги, древних дней светилы!»
И пред собой в лучах утра
Он видит призрак, слышит пенье:
«Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

Мне жизнь была, о греки, сладкий сон
При ваших предках, гнавших прочь печали.
Когда на их пирах Анакреон
Им пел любовь, они цепей не знали.
Душе, не жаждущей добра,
Чужда любовь и вдохновенье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

Все так же к небесам летит орел,
Песнь соловья полна все так же чувства...
А где же ваш, о греки, ореол:
Законы, слава, боги и искусства?
Природа так же все щедра;
А пир ваш глух и нем без пенья.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

Иди же, грек, сражаться, побеждать!
Рви цепь свою! Проснулся страх в тиранах, —
Недолго будет варвар сладко спать
На ложе роз твоих благоуханных.

Недолго с данью серебра
Ему брать дев на унижение.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслаждение!
Пора!

Довольно, греки, потуплять глаза,
Довольно вам краснеть пред древней славой!
Помогут правой мести небеса,
Вернется слава... Мчитесь в бой кровавый!

И почва будет вновь щедра:
Ей кровь тиранов — удобренье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслаждение!
Пора!

Берите у соседей только меч;
Их рук не нужно, скованных цепями.
Гром Зевса будет с вами в вихре сеч!
Звезда Киприды всходит над полями;
Вин искрометная игра
Ждет победивших из сраженья.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслаждение!
Пора!»

Исчезла тень певца. Свой тяжкий плен
Клянут грозней, с мечом в руках, элины.
Дрожат надеждой камни ваших стен,
Коринф и Фивы, Спарта и Афины!

Тьму ночи гонит свет утра, —
И ваших дев нам слышно пенье:
«Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслаждение!
Пора!»

Тюрьма Сент-Пелажи

ЭПИТАФИЯ МОЕЙ МУЗЫ

L'ÉPITAPHE DE MA MUSE

Сюда, прохожие! Взгляните,
Вот эпитафия моя:
Любовь и Францию в зените
Ее успехов пела я.
С народной не мирясь обузой,
Царей и челядь их дразня,
Для Беранже была я музой, —
Молитесь, люди, за меня!
Прошу, молитесь за меня!

Из ветреницы своевольной
Я стала другом бедняка:
Он из груди у музы школьной
Ни капли не взял молока
И жил бродяги бесприютней...
Представ ему в сиянье дня,
Его я наградила лютней, —
Молитесь, люди, за меня!
Прошу, молитесь за меня!

Лишь моему послушный слову,
Он кинул в мир отважный клич,
А я лихому птицелову
Сама приманивала дичь.
Пленил он рой сердец крылатых;
Но не моя ли западня
Ему доставила пернатых? —
Молитесь, люди, за меня!
Прошу, молитесь за меня!

Змея... (ведь двадцать лет, о боже,
На брюхе ползал Маршанжи!)
Змея, что год, то в новой коже
Влачащая свои тяжи,
На нас набросилась, ликуя, —
И вот уже в темнице я...
Но жить в неволе не могу я, —
Молитесь, люди, за меня!
Прошу, молитесь за меня!

Все красноречие Дюпена
Не помогло нам: гнусный гад
Защитника четы смиренной
Сожрал от головы до пят...
Я умираю. В приоткрытом
Аду я вижу вихрь огня:
Сам дьявол стал иезуитом, —
Молитесь, люди, за меня!
Прошу, молитесь за меня!

Тюрьма Сент-Пелажи

СИЛЬФИДА

LA SYLPHIDE

Пускай слепой и равнодушный
Рассудок мой не признает,
Что в высях области воздушной
Кружится сильфов хоровод...
Его тяжелую эгиду
Отринул я, увидя раз
Очами смертными сильфиду...
И верю, сильфы, верю в вас!

Да! вы родитесь в почке розы,
О дети влаги заревой,
И ваши я метаморфозы
В тиши подсматривал порой...
Я по земной сильфиде милой
Узнал, что действовать на нас
Дано вам благодатной силой...
И верю, сильфы, верю в вас!

Ее признал я в вихре бала,
Когда, воздушнее мечты,
Она, беспечная, порхала,
Роняя ленты и цветы...
И вился ль локон самовластный,
В корсете ль ленточка рвалась —
Все был светлей мой сильф прекрасный...
О сильфы, сильфы, верю в вас!

Ее тревожить рано стали
Соблазны сладостного сна...
Ребенок-баловень она,
Ее вы слишком баловали.
Огонь виднелся мне не раз
Под детской шалостью и ленью...
Храните ж вы ее под сенью...
Малютки-сильфы, верю в вас!

Сверкает ум живой струею
В полуребьячьей болтовне.
Как сны, он ясен, что весною
Вы часто навевали мне...
Летать с ней — тщетные усилия:
Она всегда обгонит нас...
У ней сильфиды легкой крылья.
Малютки-сильфы, верю в вас!

Ужель пред изумленным взором,
Светла, воздушна и легка,
Как чудный гость издалика,
Она мелькнула метеором,
В отчизну сильфов унеслась
Царить над легкою толпою
И нас не посетит порою?
О сильфы, сильфы, верю в вас!

МЕССА СВЯТОМУ ДУХУ ПРИ ОТКРЫТИИ ПАЛАТЫ

LA MESSE DU SAINT-ESPRIT
POUR L'OUVERTURE DES CHAMBRES

Нахлобучив, как колпак,
Митру, чтобы не свалилась,
Возгласил епископ так:
«Дух святой, яви нам милость!»
На дворян твоих взгляни:
Нацию должны представлять они.

Чтоб беды не приключилось —
Ниспошли совет им хоть раз в году.
Дух святой, сойди! О, сойди, я жду!»
Молвил дух святой: «Нет, брат, не сойду!»

«Что такое? — вопросил
Тут бретонец горделивый. —
Иль спуститься нету сил?
Или он такой трусливый?
Откровенно говоря,
В троице святой состоит он зря.
Впрочем, этот дух болтливый
Пригодится нам — случай я найду.
Дух святой, сойди! О, сойди, я жду!»
Молвил дух святой: «Нет, брат, не сойду!»

Финансист: «Что за напасть?
Не дерите даром глотки.
Для того чтоб в рай попасть,
Надо вызолотить четки.
Вот дождешься — низложу!
Не таких, как ты, за нос я вожу.
Разговор со мной короткий!
Выгодней тебе жить со мной в ладу.
Дух святой, сойди! О, сойди, я жду!»
Молвил дух святой: «Нет, брат, не сойду!»

Закричал тут и судья:
«Долго ль ждать тебя мы будем?
Иль не знаешь ты, кто я?
Мы с Фемидой вместе судим.
Суд во всем нам подчинен,
Признает тебя лишь для виду он.
Всех к покорности принудим!
Подчинись, не то привлеку к суду!»
Дух святой, сойди! О, сойди, я жду!»
Молвил дух святой: «Нет, брат, не сойду!»

Тут промолвил Фрейсину:
«Мы без божьего глагола
Обойдемся. Подчеркну,
Что полезней нам Лойола.
Сети ткет свои Монруж,

И Сорбонну мы воскресим к тому ж.

Молодежь мы учим в школах,

Белый воротник нынче на виду.

Дух святой, сойди! О, сойди, я жду!»

Молвил дух святой: «Нет, брат, не сойду!»

«Объяснись же, дух святой!» —

«Ладно! Взор мой все же меток.

Я здесь вижу пред собой

Не людей — марионеток.

Не хочу я помогать

Вам обманывать, плутовать и лгать!

Не спасете души этак». —

«Тише! На тебя мы найдем узду!

Дух святой, сойди! О, сойди, я жду!»

Молвил дух святой: «Нет, брат, не сойду!»

НОВЫЙ ПРИКАЗ

NOUVEL ORDRE DU JOUR

Приказ, солдаты, вам...

Победа явно

Становится бесславна.

Приказ, солдаты, вам:

— Кру-гом! И по домам!

— Слышь, дядя, что испанцам нужно?

— Сынок, они уж не хотят,

Чтоб Фердинанд, король недужный,

Их вешал, как слепых котят.

А мы к монахам черным

На выручку спешим

И ядовитым зернам

Взойти у нас дадим...

Приказ, солдаты, вам...

Победа явно

Становится бесславна.

Приказ, солдаты, вам:

— Кру-гом и по домам!

— Слышь, дядя, как насчет войны-то?

— Сынок, не ладится она.

Наш государь, скажу открыто,
Святоша... Грош ему цена!

Нас Генриха потомки
Пошлют из боя в тыл,
Коль справки нет в котомке:
«У исповеди был».

Приказ, солдаты, вам...

Победа явно

Становится бесславна.

Приказ, солдаты, вам:

— Кру-гом! И по домам!

— Слышь, дядя, что это за птицы,
Зовут траппистами их, что ль?

— Сынок, хотела б поживиться

За счет французов эта голь.

Отомстить собратьям рады,

Готовы красть и лгать...

Им эмигранты-гады

Решили помогать.

Приказ, солдаты, вам...

Победа явно

Становится бесславна.

Приказ, солдаты, вам:

— Кру-гом! И по домам!

— Слышь, дядя! Что же будет с нами?

— Сынок, вновь палки ждут солдат,

А офицерскими чинами

Одних дворян вознаградят.

Усилят дисциплину:

Шпицрутены одним —

А ну, подставьте спину!

Жезл маршала — другим...

Приказ, солдаты, вам...

Победа явно

Становится бесславна.

Приказ, солдаты, вам:

— Кру-гом! И по домам!

— Слышь, дядя! С Францией родною
Что станется, пока мы тут? —

— Сынок, вновь жадною толпою
К нам иноземцы прибегут.

Домой вернувшись вскоре,
В те цепи попадем,
Что мы себе на горе
Испании куем.

Приказ, солдаты, вам...

Победа явно

Становится бесславна.

Приказ, солдаты, вам:

— Кру-гом! И по домам!

— Слышь, дядя! Ты умен, ей-богу!

Недаром ты давно капрал.

С тобой мы! Укажи дорогу!

— Вот это, брат, француз сказал!

Отчизна под угрозой,
Под тягостным ярмом...
Чтоб утереть ей слезы,
Мы старый стяг возьмем!

Приказ, солдаты, вам...

Победа явно

Становится бесславна.

Приказ, солдаты, вам:

— Кру-гом! И по домам!

СОВЕТЫ ЛИЗЫ

LES CONSEILS DE LISE

Я слышу от Лизетты

Негласные советы.

Вещунья шепчет от души: .

«Ты, сударь, пой, а не пиши.

Наличие службы подходящей —

Большой соблазн для бедняка;

Но вспомни гнет руки платящей,
Будь то честнейшего рука.
Тому ведь бедность не в обиду,
Чью лиру сам готов Амур
Настроить вновь, когда Фемида
Ее расстроит чересчур».

Я слышу от Лизетты
Негласные советы.

Вещунья шепчет от души:
«Ты, сударь, пой, а не пиши.

Старик-дитя, лишась свободы,
В конторе будущей своей
Сложить ты не посмеешь оды
Под звоны денежных ларей.
Пускай бы ты лишь друга славил —
Злорадный приговор глупца
Ему б твой стих в вину поставил,
Тебя ж возвел бы в чин льстеца».

Я слышу от Лизетты
Негласные советы.

Вещунья шепчет от души:
«Ты, сударь, пой, а не пиши.

Твою совсем придавит музу
Небезызвестный нам барон,
Агент Священного Союза
И многих королей патрон.
Он, ложь о греках смело сея,
Дрожит пред кризисом, как трус:
Ведь в интересах Моисея,
Чтоб стал банкротом Иисус».

Я слышу от Лизетты
Негласные советы.

Вещунья шепчет от души:
«Ты, сударь, пой, а не пиши.

Не то, утратив разум здравый
И вздумав льстить, напишешь вдруг,
Что черпает в Пактоле справа
Лишь интриганов жадных круг,

А слева — ловкачи и доки
Индустрии, что слева лишь
Текут к нам золота потоки,
Суля и беднякам барыш».

Я слышу от Лизетты
Негласные советы.
Вещунья шепчет от души:
«Ты, сударь, пой, а не пиши».

Тут мой оракул добавляет:
«Еще одна опасность есть, —
Любовь дистанций ведь не знает,
Но дружбе их не перенести.
Свободный дух всех благ нам краше.
Он искони Лафиттом чтим.
И ты, с богатством сблизив чаши,
За равноправье выпей с ним».

Я слышу от Лизетты
Негласные советы.
Вещунья шепчет от души:
«Ты, сударь, пой, а не пиши».

ЦЕНЗОР

LE CENSEUR

Мне говорят: пора остепениться —
Знаменам ветхим можно изменить, —
И, навсегда отрекшись от цевницы.
Обширный труд театру посвятить
Своих стихов тетрадку я оставил,
Но Мельпомена, мой услыша зов,
Воскликнула: «Судьба меня избави!
Избави, боже, нас от цензоров!»

В гробу свобода, и в изнеможенье
Искусство новых не находит слов.

Уж кто хоть раз пошел на унижение —
Тот угасил навеки жар стихов!
Когда б Мольер — как он умно лукавил! —
Когда б Корнель из гроба встал сейчас!
— Нет, говорят: да боже нас избави!
От цензора уж вы увольте нас!

Ты вновь огонь похитил с неба, милый,
Мой юный друг, ты лаврами увит.
А вот уже на свой уступ унылый
Твой труд цензура тащит и когтит.
Там стая гарпий дерзкого изложет,
И будешь ты истерзан и забыт.
Сын Прометея! Пусть тебе поможет
Господь — и от цензуры сохранит!

Мы с Талией сатирую накажем
Большого света рифмачей и слуг
И все пружины скверные покажем,
Чем движется высокий этот круг.
Доносчики! Вас Джеффри в судьи ставил?
Скорей за мной! На сцену! Вот я вас!
Но вы смеетесь?.. Господи, избави
Хоть от цензуры, многогрешных, нас!

Грешил Луи Одиннадцатый много,
И жертв его я вижу бледный рой.
Он был святошею, и мать бога
Он ставил между чортом и собой.
Увы, тирана старого ославить
Тристаны новые мне запретят тотчас!
Молчите, мертвые!.. О, боже, нас избави,—
От цензоров избави, боже, нас!

Нет, Мельпомену лучше я оставлю.
Дай, песней подразню я королей!
Я ей отныне сам законы ставлю,—
Потом другой придет мудрить над ней...
Республика да пребывает с нами!
Такой порядок вовсе уж не плох!
Друзья французы! Мир да будет с вами!
От цензоров да сохранит вас бог...

ДУРНОЕ ВИНО

LE MAUVAIS VIN

Будь благословенно, скверное вино!
Не опасно вовсе для меня оно.
Пусть льстецы, съедая даровой обед,
Восхваляют громко тонкий твой букет;
Будь благословенно: я тебя не пью —
Лишь цветы тарелки я тобой полью.
Будь благословенно, скверное вино!
Нашему здоровью не вредит оно:

Потому что, знаю, — как начну я пить,
Я могу советы доктора забыть, —
Доктора, который говорит: «Не пей!
Время миновало, — говорит, — затей.
Можешь петь стихами Вакха торжество,
Но, как жрец, не зная, славит божество».
Будь благословенно, скверное вино!
Постоянству страсти не вредит оно:

Потому что, знаю, — охмелев чуть-чуть,
Отыщу к соседке заповедный путь;
А уж там, известно, не уйдешь, пока
Не лишишься вовсе чувств и кошелька...
А хозяйка Лиза, как итог сведет,
Видимый упадок поутру найдет...
Будь благословенно, скверное вино!
Нашему сознанию не вредит оно:

Потому что, знаю, — ум воспламенив,
Ты возбудишь разом стихотворный взрыв;
А хмельной слагает песни без труда —
Да такие песни, что за них — беда!
С песенкой такую на кого найду!
Отрезвлюсь — да поздно: уж попал в беду!..
Будь благословенно, скверное вино!
Нашему веселью не вредит оно:

Потому что в клетке вовсе не смешно...
Будь благословенно... Где ж, друзья, вино?

Вместо этой дряни — весело, легко
Рвется из бутылки резвое клико.
Ну, уж будь что будет — наливай, друзья!
Наливай, не бойся — уж не трушу я,
Наливай полнее — мне уж все равно...
Будь благословенно, доброе вино!

ПОРТНОЙ И ВОЛШЕБНИЦА

LE TAILLEUR ET LA FÉE

В Париже, нищетой и роскошью богатом,
Жил некогда портной, мой бедный старый дед;
У деда в тысячу семьсот восьмидесятом
Году впервые я увидел белый свет.
Орфея колыбель моя не предвещала:
В ней не было цветов... Вбежав на детский крик,
Безмолвно отступил смутившийся старик:
Волшебница в руках меня держала...
И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

В смущенье дедушка спросил ее тогда:
— Скажи, какой удел ребенка в этом мире? —
Она в ответ ему: — Мой жезл над ним всегда.
Смотри: вот мальчиком он бегаёт в трактире,
Вот в типографии, в конторе он сидит...
Но чу! Над ним удар проносится громовый
Еще в младенчестве... Он для борьбы суровой
Рожден... но бог его для родины хранит... —
И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

Но вот пришла пора: на лире наслажденья
Любовь и молодость он весело поет;
Под кровлю бедного он вносит примиренье,
Унынью богача забвеньё он дает.
И вдруг погубило все: свобода, слава, гений!
И песнь его звучит народной тоской...

Так в пристани рыбак рассказ своих крушений
Передает толпе, испуганной грозой...—

И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

— Всё песни будет петь! Не много в этом толку!
Сказал, задумавшись, мой дедушка-портной.—
Уж лучше день и ночь держать в руках иголку,
Чем без следа пропасть, как эхо, звук пустой...

— Но этот звук пустой — народное сознание! —
В ответ волшебница. — Он будет петь грозу,
И нищий в хижине, и сосланный в изгнание
Над песнями прольют отрадную слезу...—

И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

Вчера моей душой уныние овладело,
И вдруг глазам моим предстал знакомый лик.
— В твоём венке цветов не много уцелело, —
Сказала мне она, — ты сам теперь старик.
Как путнику мираж является в пустыне,
Так память о былом — отрада стариков,
Смотри, твои друзья к тебе собрались ныне —
Ты не умрешь для них и будущих веков...—

И умирало ласковое пенье,
Как некогда, души моей смятенье.

БОГИНЯ

*(К женщине, олицетворявшей Свободу
на одном из празднеств Революции)*

LA DÈESSE

*(Sur une personne que l'auteur a vue représenter la Liberté
dans une des fêtes de la Révolution)*

Тебя ль я видел в блеске красоты,
Когда толпа твой поезд окружала,
Когда бессмертною казалась ты,
Как та, чье знамя ты в руке держала?
Ты прелестью и славою цвела;

Народ кричал: «Хвала из рода в роды!»
Твой взор горел; богиней ты была,
Богиней Свободы!

Обломки старины топтала ты,
Окружена защитниками края;
И пели девы, сыпались цветы,
Порой звучала песня боевая.
Еще дитя, узнал я с первых дней
Сиротский жребий и его невзгоды —
И звал тебя: «Будь матерью моей,
Богиня Свободы!»

Что темного в эпохе было той,
Не понимал я детскою душою,
Боясь лишь одного: чтоб край родной
Не пал под иноземною рукою.
Как все рвалось к оружию тогда!
Как жаждало военной непогоды!
О, возврати мне детские года,
Богиня Свободы!

Чрез двадцать лет опять уснул народ, —
Вулкан, потухший после изверженья;
Пришелец на весы свои кладет
И золото его и униженье.
Когда, в пылу надежд, для красоты
Мы воздвигали жертвенные своды,
Лишь грезой счастья нам явилась ты,
Богиня Свободы!

Ты ль это, божество тех светлых дней?
Где твой румянец? Гордый взгляд орлицы?
Увы! не стало красоты твоей.
Но где же и венки и колесницы?
Где слава, доблесть, гордые мечты,
Величие, дивившее народы?
Погибло все — и не богиня ты,
Богиня Свободы!

ДАМОКЛОВ МЕЧ

L'ÉPÉE DE DAMOCLÈS

Дамоклов меч давно известен миру.
Раз на пиру я сладко задремал —
И вижу вдруг: тиран, настроив лиру,
Под тем мечом мне место указал.
И я сажусь и смело восклицаю:
— Пускай умру, с вином в руке, шутя!
Тиран! твой меч я на смех поднимаю,
Пою и пью, стихам твоим свистя.

Вина! — кричу я слугам добродушно, —
Вина и яств!.. А ты, тиран-поэт,
Встречая смерть чужую равнодушно,
На мой же счет строчи пока куплет.
Ты убежден, что, всех нас угнетая,
Уймешь наш вопль, стихами заблестя.
Тиран! твой меч я на смех поднимаю,
Пою и пью, стихам твоим свистя.

Ты хочешь рифмой тешить Сиракузы;
Но если так, ты родине внемли:
Отчизны голос — голос лучшей музыки...
Жаль, вам он чужд, поэты-короли!
А как душист, поэзия родная,
Малейший цвет, с ветвей твоих слетя!..
Тиран! твой меч я на смех поднимаю,
Пою и пью, стихам твоим свистя.

Ты ждал, что Пинд тобой уж завоеван
Ценой твоих напыщенных стихов;
К ним лавр тобой был золотом прикован,
Чтоб ты в венке предстал на суд веков;
Но ты в другом венце дал цепи краю:
Их взвесит Клио много лет спустя...
Тиран! твой меч я — видишь — презираю,
Пою и пью, стихам твоим свистя.

— Презренье? Нет! мне ненависть сноснее! —
Сказал тиран и дернул волосок;
И меч упал над лысиной моею...

Тиран отмстил — свершился грозный рок.
И вот я мертв, но снова повторяю
В аду, крылами смерти шелестя:
— Тиран, твой меч я на смех поднимаю,
Пою и пью, стихам твоим свистя.

РАЗБИТАЯ СКРИПКА

LE VIOLON BRISE

Ко мне, мой пес, товарищ мой в печали!
Доешь остаток пирога,
Пока его от нас не отобрали
Для ненасытного врага!

Вчера плясать здесь стан врагов собрался.
Один из них мне приказал:
«Сыграй нам вальс». Играть я отказался;
Он вырвал скрипку — и сломал.

Она оркестр собою заменяла
На наших праздничных пирах!
Кто оживит теперь веселье бала?
Кто пробудит любовь в сердцах?

Нет скрипки той, что прежде вдохновляла
И стариков и молодых..
По звуку струн невеста узнавала,
Что приближается жених.

Суровый ксендз не строил кислой мины,
Заслышав музыку в селе.
О, мой смычок разгладил бы морщины
На самом пасмурном челе!

Когда играл он в честь моей отчизны
Победный, славный гимн отцов,
* Кто б думать мог, что в дни печальной тризны
Над ним свершится месть врагов?!

Ко мне, мой пес, товарищ мой в печали!
Доешь остаток пирога,
Пока его от нас не отобрали
Для ненасытного врага!

В воскресный день вся молодежь под липки
Уж не пойдет теперь плясать.
Пошлет ли жатву бог, когда без скрипки
Ее придется собирать?..

Смычок мой нес рабочим развлеченье,
Больных страдальцев утешал;
Неурожай, поборы, притеснения →
С ним все бедняк позабывал...

Он заставлял стихать дурные страсти,
Он слезы горя осушал;
Все то, над чем у Цезаря нет власти,
Простой смычок мой совершал!

Друзья! скорей... ружье мне дайте в руки,
Когда ту скрипку враг разбил!
Чтоб отомстить за прерванные звуки —
Еще во мне достанет сил!

Погибну я, но пусть друзья и братья
Вспомнят с гордостью о том,
Что не хотел в дни бедствия играть я
Пред торжествующим врагом!

Ко мне, мой пес, товарищ мой в печали!
Доешь остаток пирога,
Пока его от нас не отобрали
Для ненасытного врага!

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ

LE BON PARE

Мешая с истиной Писанье,
Трувер лукавый в старину
О папе нам сложил преданье.

Крестясь, его я вспомяну.
Святой отец своей служанке
Шептал: «Каков пуховичок!

Мой голубок,
Ликуй, дружок,
Танцуй, дружок:

Сам Петр не знал такой лежанки!
О, я Цитеры старожил:
Горяч мой пыл!

Характер мой весьма упорен:
Новаторы — мои враги.
Да будет шар земной покорен
Слуге последнего слуги.
Я в рай, на троне пыжась яро,
Сигнальный дергаю шнурок.

Мой голубок,
Ликуй, дружок,
Танцуй, дружок,

И убедись, что под тиарой
Любовь полна великих сил:
Горяч мой пыл!

Народов горестные хоры,
Вы — лишь рабов тупых орда:
Война, невежество, раздоры
В нее вербуют без труда.
Когда вас беды ждут сторожко —
Господь мне шлет щедрот поток:

Мой голубок,
Ликуй, дружок,
Танцуй, дружок, —

В моих туфлях — Венеры ножка,
Я Вакха в чаше утопил:
Горяч мой пыл!

Что мне король? О нищий глупый,
Бандит кичливый и хмельной!
Ты покупаешь сан за трупы,
Злодейством гроб готовишь свой.
Твой грех за деньги отпущу я
Иль скиптр сменю на посошок.

Мой голубок,
Ликуй, дружок,
Танцуй, дружок,—
Смотри, как молнии мечу я:
Сам Зевс меня усыновил.
Горяч мой пыл!»

Трувер старинный полн лукавства,
И папа так кончает сказ:
«Сменяем жар любви на яства,
Иль отощает мир у нас.
Сам Петр святой в момент опасный
Влагает в ножны свой клинок.
Мой голубок,
Ликуй, дружок,
Танцуй, дружок;
Непогрешимость — дар напрасный,
Я геркулесов труд свершил:
Горяч мой пыл!»

ЛАСТОЧКИ

LES HIRONDELLES

На берегу, влача оковы,
Арабов пленник как-то раз
Воскликнул: «Наконец-то снова,
О ласточки, я вижу вас!
Вы и сюда, где небо жгуче,
Несете вести о весне...
На языке своем певучем
О Франции пропойте, птицы, мне!

Я третий год, в тисках кручины,
Молю вас принести привет
Мне, пленнику, из той долины,
Где появился я на свет,
Где у излучины потока
Так часто вижу я во сне
Крестьянский домик... Он далеко...
О нем, о нем пропойте, птицы, мне!

Быть может, гнезда вы свивали,
О ласточки, под кровлей той?
Тогда вы мать мою знавали...
Жива ль она? — спрошу с тоской.
Иль умирает мать-бедняжка
И, не услыша в тишине
Моих шагов, вздыхает тяжело?
О ней, о ней пропойте, птицы, мне!

В наряд одеться подвенечный
Сестре любимой удалось?
Толпе односельчан беспечной
Плясать на свадьбе довелось?
А те друзья по детским годам,
С кем был я вместе на войне,
Домой вернулись из похода?
О них, о них пропойте, птицы, мне!

Жестокий враг опять, быть может,
Опустошает край родной...
Наш скромный дом он уничтожит,
Сестру он сделает вдовой...
Печален жребий мой. Уныло
Влачу я цепь в чужой стране.
Про бедствия отчизны милой,
О ласточки, скорее спойте мне!»

СТАРЫЙ СЕРЖАНТ

LE VIEUX SERGENT

Покамест дочь за прялкой распевает,
Седой отец — из славных храбрецов —
Рукой своей простреленной качает
Двоих внучат, малюток-близнецов.
Под старость дочь калеку приютила,
И рад старик над колыбелью петь:
«Вы родились... не в этом, детки, сила!
Пошли вам бог достойно умереть!»

Но вдруг вдали забили барабаны:
То по селу проходит батальон.
Весь вспыхнул дед, раскрылись сердца раны,
Как старый конь, почуял шпоры он...
«Вот знамя... Нет! Не то! Его не знаю
И не могу о прежнем не скорбеть!..
В борьбе за честь возлюбленного края
Пошли вам бог достойно умереть!

О, если б мог я чувствовать заранее,
Что там, где Рейн чужие свел края,
Как в те года, сойдутся вновь крестьяне.
На твой призыв, Республика моя!
Без хлеба мы, в разодранной одежде,
Умели жить и славою гореть.
Пусть встретит Рейн вас радостно, как прежде,
Пошли вам бог достойно умереть!

Победы свет горел нам год от года,
Любой солдат судьбой был опьянен.
Немало уз разорвала Свобода,
И не один в пожаре рухнул трон.
Народы шли на праздник возрожденья,
Военная победно пела медь,
И запах славы нес нам дым сраженья...
Пошли вам бог достойно умереть!

Увы! Не все ценили так отвагу,
Померкла быстро славы чистота!
Вожди другим свою отдали шпагу,
Тиранам льстить спешили их уста!
Свобода скрылась. Силе против права
Всем хочется за деньги порадеть...
В одних слезах отныне — наша слава...
Пошли вам бог достойно умереть!»

Отцовских жалоб нить прервать желая,
Тихонько дочь ту песнь запела вновь,
Которая, к свободе призывая,
Земным владыкам часто портит кровь.
«Народ! Проснись! — шепнул старик, смягчаясь, —
Пора тебе по-прежнему запеть!»
И продолжал, к внучатам наклоняясь:
«Пошли вам бог достойно умереть!»

ЧЕСТЬ ЛИЗЕТТЫ

LA VERTU DE LISETTE

О дамы! Что вам честь Лизетты?
Вы насмехаетесь над ней.
Она — гризетка, да... Но это
В любви всех титулов знатней!
Судью, священника, маркиза
Она сумеет покорить.
О вас не сплетничает Лиза...
Не вам о чести говорить!

Всему, что дарят ей, — ведете
Вы счет в гостиных без конца,

А на балах вы спины гнете,
Златого чествуя тельца...
Империя во время оно
Легко могла всех вас купить,
А Лиза гонит прочь шпионов...
Не вам о чести говорить!

Под пеплом разожжет Лизетта
Всегда огонь... Решил ввести
Ее в среду большого света
Один барон, чтоб быть в чести.
Ее краса и двор принудит
Ему вниманье подарить...
Хоть фавориткой Лиза будет —
Не вам о чести говорить!

Тогда вы станете, наверно,
Твердить, что вы — ее родня,
Хвалу кадить ей лицемерно,
К ней ездить каждые два дня...
Но хоть могли б ее капризы
Все государство разорить —
Не вам судить о правах Лизы,
Не вам о чести говорить!

Вы в чести смыслите, простите,
Не больше, чем любой лакей,
Что возглашает при визите
У двери титулы гостей.
Кто на ходулях этикета —
Душою тем не воспарить...
Храни господь от вас Лизетту!
Не вам о чести говорить.

НАЧНЕМ СЫЗНОВА!

RECOMMENÇONS!

Я счастлив, весел и пою;
Но на пиру, в чаду похмелья,
Я новых праздников веселья
Душою планы создаю...

Головку русую лаская,
Вином бокалы мы нальем,
Единодушно восклицая:
«О други, сызнава начнем!»

Люблю вино, люблю Лизетту, —
И возле ложа создан мной
Благословенному Моэту
Алтарь достойный, хоть простой.
Лизетта любит сок отрадный
И, мы чуть-чуть лишь отдохнем,
«Что ж, — говорит, лобзая жадно, —
Скорее сызнава начнем!»

Пируйте ж, други: позабудем,
Что скоро надо перестать,
Что ничего не в силах будем
Мы больше сызнава начать.
Теперь же, с жизнью играя,
Мы пьем и весело поем!
Красоток наших обнимая,
Мы скажем: «Сызнава начнем!»

ОКТАВИЯ

ОСТАВИЕ

— Иди ты к нам, увенчанным цветами,
Ищи меж нас избранника себе,
И только счастья сладкими слезами
Придется плакать, милая, тебе, —

Так дети Рима говорили нежно
Октавии, Нероновой звезде...
— Ужель тебе, голубке белоснежной,
Весь век вздыхать у коршуна в гнезде?

Скажи: на празднествах твоих в столице
Сверкала ль радость хоть когда-нибудь?

Мчат шесть коней тебя на колеснице, —
И за тобой далек Амурам путь!..

По роскоши твоей мы видим ныне,
Какой кредит везде имеешь ты;
Но ты глядишь и в пурпуре рабыней,
А рабство портит прелесть красоты!

Твой каждый шаг аккордом славит лира,
Твои желанья, мысль предупредить —
Вот в чем теперь задача сильных мира,
И даже жрец спешит тебе кадить.

Но ты прочти на этих паразитах —
На лицах их — написанный позор:
В истоках мутных, бурями размытых,
Всплыл грязный лжец, нахал, предатель, вор...

А здесь, у нас, ты чувств найдешь свободу:
Здесь тот любим, кто страстно любит сам.
Не призраку бессильному в угоду
Служить твоим пурпуровым устам!

Иди ты к нам, увенчанным цветами,
Ищи меж нас избранника себе,
И только счастья сладкими слезами
Придется плакать, милая, тебе.

Здесь чистоту вернешь своим ты чарам.
Нерон же нас не вздумает стеречь:
Его льстецы, уверили недаром,
Что на пирах заржавеет наш меч!..

Ты говоришь: «Я зла за ним не знаю;
Бедняк страданьем к ложу пригвожден».
Смотри: под маской ненависть скрывая,
Он втайне душит славу и закон.

Смотри: на все он налагает узы;
Он мертвых чтит, в живых ища врагов;
В цепях томятся мстительницы — музы...
В его делах познай его богов!

Ты Расскажи, как, грудь твою лаская,
В себе огня остатки он нашел,
Нечистой страстью стены оскорбляя,
В которых реет Цезаря орел...

Ваш слабый пол не помнит преступлений;
Но в этих стенах, в тишине ночной,
Ты не слыхала ль стонов привидений?
В них не терялся ль вздох невольный твой?

Но над тираном дрогнут неба своды!..
Пока не грянул гром — себя спаси
И на алтарь общественной свободы
Своих Амуров в жертву принеси!

Иди ты к нам, увенчанным цветами,
Ищи меж нас избранника себе,
И только счастья сладкими слезами
Придется плакать, милая, тебе.

СЫН ПАПЫ

LE FILS DU PAPE

— О мать, оставь суму! Сам папа
С тобою спал в пуховиках.
Пойду к нему — где плащ и шляпа? —
Скажу, что он дурной монах.
Пусть даст мне рясу капуцина, —
Хоть и ландскнехт я недурной.
    Вот ты какой,
    Создатель мой!
Святой отец, примите сына.
    Иль черт с тобой,
    Отец святой,
Я трон твой в пекло пхну ногой!

И вот я в дверь ломлюсь снахрапу.
Выходит ангел. — Эй, дружок,
Хочу скорее видеть папу,
Я от Марго, ее сынок.

С Марго валялся он в перинах,
И сам, должно быть, я святой.

Вот ты какой,
Создатель мой!

Святой отец, примите сына.

Иль черт с тобой,
Отец святой,

Я трон твой в пекло пхну ногой!

Вхожу с поклоном поневоле,

А он зевает — встал от сна.

— За индульгенцией ты, что ли?

— Э, нет! Им нынче грош цена!

Я — сын твой. Вот всему причина:

Твой рот, твой нос и голос твой.

Вот ты какой,
Создатель мой!..

Святой отец, примите сына.

Иль черт с тобой,
Отец святой,

Я трон твой в пекло пхну ногой!

Мои сестрицы — дочки ваши —

За хлеб и за цветной лоскут

В притонах, с ведома мамыши,

Любовь и ласки продают.

И дьявол только ждет почина...

Подумайте над их судьбой.

Вот ты какой,
Создатель мой!

Святой отец, примите сына.

Иль черт с тобой,
Отец святой,

Я трон твой в пекло пхну ногой!

Но он в ответ мне: — В эти годы
Бедны мы, что ни говори!

— Как? А церковные доходы?

А мощи? А монастыри? .

Дай мне хоть кости Августина —

Их купит ростовщик любой.

Вот ты какой,
Создатель мой!

Святой отец, примите сына.
Иль черт с тобой,
Отец святой,
Я трон твой в пекло пхну ногой!

— Вот сто экую, исчадь ада!
Ну и сыночек! Ну и мать!
— Пока мне больше и не надо,
А завтра я приду опять.
Крепка у церкви паутина,
Улов всегда в ней недурной.

Вот ты какой,
Создатель мой!
Святой отец, примите сына.
Иль черт с тобой,
Отец святой,
Я трон твой в пекло пхну ногой!

Пока довольны мы и малым.
Прощай, родитель, не скучай,
Приду — так сделай кардиналом
И красной шапкой увенчай.
Ведь это только половина
Того, что надо взять с собой.

Вот ты какой,
Создатель мой!
Святой отец, примите сына.
Иль черт с тобой,
Отец святой,
Я трон твой в пекло пхну ногой!

МОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

MON ENTERREMENT

Сегодня в солнечной пыли
Ко мне, овеянному снами,
Амуры резвые сошли.
Они за смерть мой сон сочли
И занялись похоронами.

Под одеялом недвижим,
Я проклял тех, с кем век-якшался.
Кому же верить как не им?

О, горе мне!
О, горе мне!
Вот я скончался!

И сразу все пошло вверх дном,
Уж тризну надо мною правят
Моим же собственным вином.
Тот сел на катафалк верхом,
Тот надо мной псалмы гнусавит.
Вот музыканты подошли,
И флейты жалобно гундосят.
Вот поднимают... понесли...

О, горе мне!
О, горе мне!
Меня выносят.

Они несут мой бедный прах,
Смеясь и весело и пылко...
Подушка в блестках, как в слезах,
На ней, как и в моих стихах,
Цветы, и лира, и бутылка!..
Прохожий скажет: «Ей же ей —
Ведь все равно уходят силы,
Но этак все же веселей!»

О, горе мне!
О, горе мне!
Я у могилы!

Молитв не слышно, но певец
Мои куплеты распевает,
И тут же тщательный резец
На белом мраморе венец
Меня достойный выбивает!
Призванье свыше мне дано,
И эту славу узаконят —
Досадно только лишь одно:

О, горе мне!
О, горе мне!
Меня хоронят!

Но пред концом произошла,
Вообразите, перепалка:

Ко мне Лизетта подошла
И враз меня оторвала
От моего же катафалка!
О вы, ханжи и цензора,
Кого при жизни я тревожил,
Опять нам встретиться пора!

О, горе мне!

О, горе мне!

Я снова ожил!

ПРИДВОРНЫЙ ПОЭТ

LE POËTE DE COUR

Нынче трели

Подешевели,

И вот — мне повезло в игре:
Я стал поэтом при дворе!..

Мария, для тебя словечка

Уж я теперь не подберу.

Смиренна Муза, как овечка,

И так и рвется ко двору!

Там, где купили б и Вольтера,

Я, скромный, разве устою?

Родной мне стала эта сфера

И для тебя я не спою!

Нынче трели

Подешевели,

И вот — мне повезло в игре:

Я стал поэтом при дворе!..

То, что нам нравилось доньше,

Теперь считается за грех;

Нет никакой любви в помине

И дружба вызывает смех;

Освистана любовь к отчизне, —

И, помня выгоду свою,

Я напишу об эгоизме,

А для тебя я не спою!

Нынче трели
Подшевели,
И вот — мне повезло в игре:
Я стал поэтом при дворе!..

Нет, не найду я вдохновенья,
Чтоб греков доблестных воспеть,
На их страданья и мученья
Я буду без стыда смотреть.
Их в горькой участи жалея,
Роняешь ты слезу свою,
А мне Испания милее,
И для тебя я не спою!

Нынче трели
Подшевели,
И вот — мне повезло в игре:
Я стал поэтом при дворе!..

Тому, кого народ прославил,
Сегодня не велик почет —
В наследство славу он оставил,
А слава — это не банкнот;
Ну что ж, венком его украсьте,
А я почтенье воздаю
Тому, кто в наши дни у власти,
И для тебя я не спою!

Нынче трели
Подшевели,
И вот — мне повезло в игре:
Я стал поэтом при дворе!..

Ты не считай, Мария, право,
Что друг твой позабыл про честь!
Свобода, честь, отчизна, слава, —
Ведь их, как вексель, не учесть!
Но ты пойми: мою сатиру,
Песнь откровенную мою,
Я не скажу открыто миру,
И для тебя я не спою!

Нынче трели
Подшевели,
И вот — мне повезло в игре:
Я стал поэтом при дворе!..

БУДЬ Я КОРОЛЬ

SI J'ETAIS ROI

Будь я король, — король всех песен в мире, —
Как мне шепнул недавно смелый льстец,
То мой престол твоя игра на лире
Поколебать грозила бы, певец!

Твоих стихов воинственному тону
Народ бы внял, свою б он понял роль, —
И я б дрожал за скипетр и корону,
Будь я король!

ГАЛЛЬСКИЕ РАБЫ

LES ESCLAVES GAULOIS

Ночной порой, почуяв волю
(Уснула стража на часах),
Рабы свою взимали долю
У властелина в погребах.
И песня их звучала дико:
«Завидуй, мир: мы можем здесь кутить!
И раб — король, когда уснет владыка!
Давайте пить, давайте пить!

Друзья! наш деспот эти вина
Конфисковал у тех из нас,
Кто изгнан властью господина,
Когда законов свет погас.

Уже заржавели оковы,
Которых тяжесть нам пришлось влачить,
Да, эти вина добрые — не новы...
Давайте пить, давайте пить!

Где нам искать друзей забытых?
На их могилах нет крестов.
Не плачут жены там убитых,
Весною нет на них цветов.
По ним поэт не правит тризну,
Их имена торопятся забыть...
Дурак же тот, кто умер за отчизну!
Давайте пить, давайте пить!

Еще Свобода в заговоре
С остатком доблести былой,
И говорит нам об Авроре,
Велит не спать перед зарей...
О божество! к чему напрасно
В ряды безумцев снова нас манить?
Богатство, слава — все тебе опасно...
Давайте пить, давайте пить!

Надежды нет. Молчат витии
О пережитых скорбных днях...
Зловещий молот тирании
Кует нам цепь на алтарях.
И боги мир не утешают:
Какой пример в них смертным может быть,
Когда жрецы их сами запрягают?..
Давайте пить, давайте пить!

Освищем всех — богов и мудрых —
И будем льстить лишь господам;
Своих сынишек златокудых
Дадим в заложники врагам.
Что стыд? Мы жизнь им лишь упрочим:
Напившись, легче горе выносить!
В грязи, смеясь, мы цепь тогда волочим...
Давайте пить, давайте пить!»

Проснулся деспот; по подвалам
Рабы распелись до утра.

«Эй, слуги, плеток гнусным галлам!
Унять веселость их пора».
И пред тираном, галлы, сами
Спешим колена робко мы склонить...
А ведь когда-то мир дрожал пред нами!..
Давайте пить, давайте пить!

Посылка

Друг Манюэль, в другое время
Я б не воспел тех мрачных дней!
Но галлов нынешнее племя
Не ценит доблести твоей;
А ты, опасность презирая,
Стремясь отважно родине служить,
Жалеешь тех, кто гибнет, повторяя:
«Давайте пить, давайте пить!»

ТРИНАДЦАТЬ ЗА СТОЛОМ

TREIZE A TABLE

Тринадцать нас, — и соль передо мною
Просыпана за праздничным столом...
Дурной приметой, цифрой роковою
Смущенные, мы смерть на праздник ждем.
И вот вошла: дух, фея иль богиня, —
Но молода, прекрасна и стройна...
Привет тебе, незваная! Отныне,
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

Венчанное душистыми цветами,
Чело ее горит сияньем дня;
Она гремит разбитыми цепями,
На грудь ее головку наклоня,
В руках ее лежит малютка спящий...
Друзья мои, налейте мне вина!
Я слышу голос ласково звучащий.
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

«За что меня боитесь вы — не знаю;
Я неба дочь, чем страшен образ мой?
Я узнику свободу возвращаю
С надеждою, моей родной сестрой.
Без крыльев здесь, на долгие томленья
Душа твоя судьбой обречена —
Я возвращу ей крылья для паренья...»
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

«Предстану я, — и, мир почуяв новый,
Твой смелый дух обрящет свой полет
И, тленные расторгнувши оковы,
Превыше звезд, в предел любви вспорхнет.
Теперь вкушай земное наслажденье!
Вам на любовь, на радость жизнь дана,
Как светлое пред утром сновиденье...»
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

Мой призрак скрылся без следа, без шума...
И пес дворовый жалобно завыл...
Друзья, зачем мучительная дума?
Не убоимся холода могил!
Пусть к пристани последней увлекает
Любой челнок всесильная волна —
Тринадцать нас; нас божий перст считает...
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

ПОДВЕНЕЧНЫЙ УБОР

LE CHAPEAU DE LA MARIÉE

Дождавшись завтрашнего дня,
Свершай же в церкви святотатство!
Обманщица, забудь меня.
Удобный муж сулит богатство.
В его саду срывать цветы
Я права не имел, конечно...
В уплату, друг, получишь ты
Убор сегодня подвенечный.

Вот флердоранж... Твоя фата
Украсится его букетом.

Пусть с гордостью: «Она чиста!» —
Твой муж произнесет при этом.
Амур в слезах... Но ты зато
Мадонне молишься предвечной...
Не бойся! Не сорвет никто
С тебя убор твой подвенечный.

Когда возьмет твоя сестра
Цветок — счастливая примета, —
С улыбкой снимут шафера
С тебя еще часть туалета:
Подвязки!.. Ты их с давних пор
Забыла у меня беспечно...
Послать ли их, когда убор
Тебе пошлю я подвенечный?

Наступит ночь... и вскрикнешь ты...
О!.. подражанье будет ложно.
Тот крик смущенной чистоты
Услышать дважды — невозможно.
Наутро соборищу гостей
Твой муж похвалится конечно,
Что... укололся Гименей,
Убор снимая подвенечный.

Смешон обманутый супруг...
Пусть будет он еще обманут!..
Надежды луч блеснул мне вдруг:
Еще иные дни настанут.
Да! Церковь, клятвы — только ложь:
В слезах любви чистосердечной
Платить к любовнику придешь
Ты за убор свой подвенечный!

ДЕШЕВОЕ И ДОРОГОЕ ИЗДАНИЕ

L'IN-OCTAVO ET L'IN-TRENTE-DEUX

Как, мои песни? И вы in octavo?
Новая глупость! На этот-то раз
Сами даете вы критикам право
С новой злобой преследовать вас.

Малый формат ваш для глаз был отводом,
В большем — вас больше еще разберут,
Кажется мошка сквозь лупу уродом...
Лучший формат для вас — малый формат.

Вмиг Клевета вас насмешкою встретит:
«Столько претензии в песнях простых!
Видно, певец в академики метит,
Хочет до Пинда возвысить свой стих».
Но так высоко не мечу я, право,
И понапрасну меня в том винят.
Чтоб сохранить вам народности славу,
Лучший формат для вас — малый формат.

Вот уж невежда толкует невежде:
«Я освистать трубадура велю.
Ради награды, в придворной одежде
Песни свои он несет королю».
Тот отвечает: «И то уж находит
Их недурными король, говорят...»
Так на монарха напраслину взводят...
Лучший формат для вас — малый формат.

В скромном формате вы были по нраву
Там, где искусство не сеет цветов:
Труженик бедный найти мог забаву,
Сунув в котомку мой томик стихов.
По кабачкам, не нуждаясь в подмостках,
Темными лаврами был я богат,
Славу встречая на всех перекрестках.
Лучший формат для вас — малый формат.

Я, как пророк, даже в пору успеха
Мрак и забвенье предвижу за ним:
Как бы ни громко вам вторило эхо —
Звуки его исчезают, как дым.
Вот уж венок мой ползет, расплетаясь...
Красные дни и для вас пролетят,
С первым же ветром исчезнуть собираясь...
Лучший формат для вас — малый формат.

ЧЕРДАК

LE GRENIER

И вот я здесь, где приходилось тугу,
Где нищета стучалась мне в окно.
Я снова юн, со мной моя подруга,
Друзья, стихи, дешевое вино...
В те дни была мне слава незнакома.
Одной мечтой восторженно согрет,
Я так легко взбегал под кровлю дома...

На чердаке все мило в двадцать лет!

Пусть знают все, как жил я там когда-то.
Вот здесь был стол, а в том углу кровать,
А вот стена, где стих, углем начатый,
Мне не пришлось до точки дописать.
Кипите вновь, мечтанья молодые,
Остановите поступь этих лет,
Когда в ломбард закладывал часы я.

На чердаке все мило в двадцать лет!

Лизетта, ты! О, подожди немножко!
Соломенная шляпка так мила!
Но шалью ты завесила окошко
И волосы нескромно расплела.
Со свежих плеч скользит цветное платье.
Какой ценой свой легкий маркизет
Достала ты — не мог тогда не знать я...

На чердаке все мило в двадцать лет!

Я помню день: застольную беседу,
Кружок друзей и песенный азарт.
При звоне чаш узнал я про победу
И срифмовал с ней имя «Бонапарт».
Ревели пушки, хлопали знамена,
Янтарный пунш был славой подогрет.
Мы пили все за Францию без трона...

На чердаке все мило в двадцать лет!

Прощай, чердак! Мой отдых был так краток.
О, как мечты прекрасны вдалеке!
Я променял бы дней моих остаток
За час один на этом чердаке.
Мечтать о славе, радости, надежде,
Всю жизнь вместить в один шальной куплет,
Любить, пылать и быть таким, как прежде!

На чердаке прекрасно в двадцать лет!

КАРЛ III ПРОСТОВАТЫЙ

LE SACRE DE CHARLES LE SIMPLE

Французы, в Реймс! Давно пора
Кричать на радостях «ура».

Там коронацию свершили
И, по обряду старины,
Вновь стаю пташек в храм впустили
В знак возрождения страны.
Пустой обряд! Сам Карл Десятый
Своей улыбки не сдержал...
весь народ, предчувствием объятый,
«Спасайтесь, пташки!» — закричал.

Раз дан обрядам старым ход —
Я расскажу вам в свой черед
О Карле Третьем Простоватом:
Он это имя заслужил
И, в веке царствуя девятом,
Своим вассалом свергнут был.
Но после вновь короновался
Под песни пташек и льстецов.
А весь народ кричал и волновался:
«Спасайтесь, пташки, от оков!»

В своем пристрастье к галуны,
Давя налогами страну,
Вот Карл идет, расшитый золотом,
Вассалы верные — за ним,
Хотя недавно тем же штатом
Они ходили за другим...
Но миллиард вернул их верность:
Цена не слишком высока!
Народ кричал, почуя зла безмерность:
«Спасайтесь, пташки! Сеть близка!»

У ног ксендзов, в парче, в шелках,
Карл скромно кается в грехах;
Потом на волосы и тело
Ему льют масло, он встает
И на святую книгу смело
Для клятвы руку уж кладет.
Но ксендз вещает: «Разрешенье
От клятвы шлет вам папа сам...»
Народ кричал: «Долой, долой сомненье!
Спасайтесь, пташки, по лесам!»

Вот пояс Карл надел с мечом;
Ходил сам Карл Великий в нем;

Но новый Карл в нем с ног свалился...
Раздался крик в толпе: «Вставай!»
Но ксендз над Карлом наклонился
И молвил: «Слово только дай,
Что нам заплатишь за подмогу,
И правь хоть лежа. Мы — с тобой!»
Народ за пташек вновь забил тревогу:
«Спасайтесь! Гнет грозит двойной!»

Да, пташки: ждет теперь рабов —
И Карла гнет и гнет ксендзов.
Хоть только вы в стенах аббатства
Смягчали песней горе нам,—
Летите прочь: ведь святотатство,
Что вы влетели в этот храм!
Ведь здесь палач ханжей усилям
Придет на помощь против вас!
Тяжел наш рок! Завидуем мы крыльям!..
Спасайтесь, пташки! Бросьте нас!

ПОХОРОНЫ ДАВИДА

LE CONVOI DE DAVID

«Нет, нет, сюда вам не пройти!» —
Кричала стража на границе
Тем, кто Давида прах нести
Хотел торжественно к столице.
«Ужели, — грустный был ответ, —
И память гнать даю вам право?
Как? Даже гробу места нет
Того, кто вам оставил славу?»

Хор

Будь он лишен всех благ земных,
Дрожи пред властью он при жизни —
Все ж счастлив тот, кто меж своих
Мог умереть в своей отчизне!

«Нет, нет, сюда вам не пройти», —
Твердила стража, угрожая...
А он — он глаз не мог свести
С отчизны, даже умирая!..
Величья блеск в родной стране
Он поддержал из недр изгнанья:
Его рукой на полотне
Полно прошедшее дыханья...

Хор

Будь он лишен всех благ земных,
Дрожи пред властью он при жизни —
Все ж счастлив тот, кто меж своих
Мог умереть в своей отчизне!

«Нет, нет, сюда вам не пройти», —
Твердила стража приказанье...
В свободе жаждал он найти
Одной свободы обаянье.
Он свел на землю счастья сны,
В убранстве празднеств вдохновляясь;
В них пробуждение страны
Искусства чтити, пробуждаясь...

Хор

Будь он лишен всех благ земных,
Дрожи пред властью он при жизни —
Все ж счастлив тот, кто меж своих
Мог умереть в своей отчизне!

«Нет, нет, сюда вам не пройти», —
Все тише стража повторяла...
Орла, который был в чести,
Нам кисть его нарисовала...
Наполеона гордый вид
В портрете встретя, мы краснеем:
В нем чтит Юпитера Давид...
Увы, он был лишь Прометеем...

Хор

Будь он лишен всех благ земных,
Дрожи пред властью он при жизни —
Все ж счастлив тот, кто меж своих
Мог умереть в своей отчизне!

«Нет, нет, сюда вам не пройти», —
Шептала стража в колебанье...
Но пал герой... Никто спасти
Не мог художника в изгнание...
Он мертв... О Франция, смотри:
Он умер с горя на чужбине...
Останкам гения простри
Объятья матери хоть ныне!

Хор

Будь он лишен всех благ земных,
Дрожи пред властью он при жизни —
Все ж счастлив тот, кто меж своих
Мог умереть в своей отчизне!

«Нет, нет, сюда вам не пройти», —
Был стражи голос неизменный...
Итак — назад! Увы, прости,
Край, для души его священный!
Погас искусства факел в нем;
Пред ним бледнели Рима силы...
Мы ж праху гения пойдем
Просить, как милости, могилы.

Хор

Будь он лишен всех благ земных,
Дрожи пред властью он при жизни —
Все ж счастлив тот, кто меж своих
Мог умереть в своей отчизне!

БУДУЩНОСТЬ ФРАНЦИИ

LES INFINIMENT PETITS, OU LA GÉRONTOCRATIE

Я дружен стал с нечистой силой,
И в зеркале однажды мне
Колдун судьбу отчизны милой
Всю показал наедине.
Смотрю: двадцатый век в исходе,
Париж войсками осажден.
Все те же бедствия в народе,—
И все командует Бурбон.

Все измельчало так обидно,
Что кровли маленьких домов
Едва заметны и чуть видно
Движенье крошечных голов.
Уж тут свободе места мало,
И Франция былых времен
Пигмеев королевством стала,—
Но все командует Бурбон.

Мелки шпиончики, но чутки;
В крючках чиновнички ловки;
Охотно попки-малютки
Им отпускают все грешки.
Блестят галунчики ливреск;
Весь трибунальчик удручен
Караньем крошечных идеек,—
И все командует Бурбон.

Дымится крошечный заводик,
Лепечет мелкая печать,
Без хлебцев маленьких народик
Заметно начал вымирать.
Но генеральчик на лошадке,
В головке крошечных колонн,
Уж усмиряет «беспорядки»...
И все командует Бурбон.

Вдруг, в довершение картины,
Все королевство потрясли
Шаги громадного детины,

Гиганта вражеской земли.
В карман, под грохот барабана,
Все королевство спрятал он.
И ничего — хоть из кармана,
А все командует Бурбон.

СТРЕЛОК И ПОСЕЛЯНКА

LE CHASSEUR ET LA LAITIÈRE

Проснулась ласточка с зарею,
Приветствуя весенний день.
— Красавица, пойдем со мною:
Нам роща отдых даст и тень.
Там я у ног твоих склонюся,
Нарву цветов, сплету венок...
— Стрелок, я матери боюся.
Мне некогда, стрелок.

— Мы в чашу забредем густую:
Она не сыщет дочь свою.
Пойдем, красавица! Какую
Тебе я песенку спою!
Ни петь, ни слушать, уверяю,
Никто без слез ее не мог...
— Стрелок, я песню эту знаю.
Мне некогда, стрелок.

— Я расскажу тебе преданье,
Как рыцарь к молодой жене
Пришел на страшное свиданье
Из гроба... Выслушать вполне
Нельзя без трепета развязку.
Мертвец несчастную увлек...
— Стрелок, я знаю эту сказку.
Мне некогда, стрелок.

— Пойдем, красавица. Я знаю,
Как диких усмирять зверей,
Легко болезни исцеляю;

От порчи, глаза злых людей
Я заговаривать умею —
И многим девушкам помог...
— Стрелок, я ладанку имею.
Мне некогда, стрелок.

— Ну, слушай! Видишь, как играет
Вот этот крестик, как блестит
И жемчугами отливает...
Твоих подружек ослепит
Его игра на груди белой.
Возьми! Друг друга мы пойдем...
— Ах, как блестит! Вот это дело!
Пойдем, стрелок, пойдем!

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ТЮРЛЮПЕНУ

ORAISON FUNÈBRE DE TURLUPIN

Умер он? Ужель потеха
Умирает? Полно врать!
Он-то умер, кто от смеха
Заставлял нас помирать?
Не увидим больше, значит,
Ах!

Мы ни Жилля, ни Скапена?
Каждый плачет, каждый плачет,
Провожая Тюрлюпена.

Хоть ума у нас палата —
Мы не смыслим ни черта:
Не узнали в нем Сократа
Мы под маскою шута.
Мир о нем еще усыпшит,
Ах!

Клио или Мельпомена
Нам опишет, нам опишет
Жизнь паяца Тюрлюпена!

Хоть обязан он рождением
Аббатисе некой был —

Знатным сим происхождением
Вовсе он не дорожил:
— Ведь один у всех был предок,
Ах!

Наплевать мне на Тюрпена.—
Как он редок, как он редок,
Ум паяца Тюрлюпена!

Он Бастилью брал, был ранен,
Был солдатом, а потом
Очутился в балагане,
Стал паяцем и шутом.
Выручая очень мало,
Ах!

Был он весел неизменно...
Поражала, поражала
Бодрость духа Тюрлюпена.

Всем, кто беден, — брат названный,
Он всех чванных осуждал
И, свой плащ латая рванный,
Философски рассуждал:
— Что за прок в наряде новом?
Ах!

Разве счастьем он замена? —
Каждым словом, каждым словом
Дорожили Тюрлюпена.

— Королевскую персону
Хочешь видеть? — А к чему?
Разве снимет он корону,
Если я колпак сниму?
Нет, лишь хлебопеку слава,
Ах!

Вот кто друг для Диогена! —
Крикнем «браво», крикнем «браво»
Мы ответу Тюрлюпена.

— Победителей народу
Восхваляй! Лови эку!
— Чтоб бесчестил я свободу?
Побежденных я пою!
— Так в тюрьму иди, да живо! —
Ах!

— Я готов, о тень Криспена! —
Как красиво, как красиво
Прямодушье Тюрлюпена!

— Ну, а черные сутаны?
— Мы соперники давно.
Церкви или балаганы —
Это, право, все равно.
Что Юпитер, что Спаситель —
Ах!

Два бездушных манекена. —
Не хотите ль, не хотите ль
Знать о боге Тюрлюпена?
У покойного, конечно,
Недостаток все же был:
Слишком влюбчив, он беспечно,
Как и мать его, любил...
Право, яблочко от Евы,
Ах!

Он бы принял непременно...
Стройте, девы, стройте, девы,
Мавзолей для Тюрлюпена!

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЛИЗЕТТЫ

LE PELERINAGE DE LISETTE

— Пойдем, — сказала мне Лизетта, —
К мадонне Льесской на поклон. —
Я, как ни мало верю в это,
Но коль задаст Лизетта тон,
Уверую и не в мадонн:
Ах, наша связь и нрав наш птичий
Становятся скандальной притчей.
— Так собирайся, друг мой, в путь.
В конце концов таков обычай.
Да кстати четки не забудь,
Возьмем же посохи — и в путь!

Тут я узнал, что богомольный
Сорбоннский дух воскрес опять;

Что по церквам, в тоске невольной,
Опять зевает наша знать;
Что философов — не узнать;
Что — век иной, иные моды;
Что пресса будет петь нам оды
И что потом за этот путь
Причислят Лизу все народы
К святым... — Так четки не забудь,
Возьмем же посохи — и в путь!

Вот два паломника смиренных —
Пешком шагаем и поем.
Что ни трактир, забыв о ценах,
Закусываем мы и пьем, —
Поем, и пьем, и спим вдвоем.
И бог, вином кропивший скверным,
Теперь из балдахинных сфер нам
Улыбки шлет. — Но, Лиза, в путь
Мы шли, чтоб с нами по тавернам
Амур таскался?! Не забудь:
Вот наши посохи — и в путь!

Но вот мы и у ног пречистой.
— Хвала божественной, хвала! —
Аббат румяный и плечистый
Зажег нам свечи. — О-ла-ла! —
Мне Лиза шепчет, — я б могла
Отбить монаха у Лойолы!
— Ах, ветреница! Грех тяжелый
Ты совершишь! За тем ли в путь
Мы снарядились, богомолы,
Чтоб ты... с аббатом?! Не забудь,
Как с посохами шли мы в путь!

Аббат же приглашен на ужин,
Винцо развязывает рот:
Куплетцем ад обезоружен,
И в папу — ураган острот.
Но я заснул: ведь зло берет!
Проснулся, — боже! паренек сей
От рясы уж давно отрекся.

— Изменница! Так, значит, в путь
Меня звала ты, чтоб вовлекся
И я в кощунство? Не забудь —
Вот посохи, и живо в путь!

Я о делах чудесных Льессы
Восторга в сердце не припас...
Аббат наш — там, все служит мессы,
Уже епископ он сейчас:
Благословить он жаждет нас.
А Лиза, чуть в деньгах заминка,
Она, гляди, уже бегинка.
Вот и для вас, гризетки, путь:
В паломничество — чуть морщинка!
Но только — четки не забудь
И, посох взявши, с богом — в путь!

СМЕРТЬ САТАНЫ

LA MORT DU DIABLE

Чтоб просветить моих собратий,
Я чудо расскажу для них:
Его свершил святой Игнатий,
Патрон всех остальных святых.
Он шуткой, ловкой для святого
(В другом была б она гнусна)
Устроил смерть для духа злого, —
И умер, умер Сатана!

Святой обедал. Бес явился:
«Пьем вместе, или тотчас в ад!»
Тот очень рад; но изловчился
Влить в рюмку освященный яд.
Бес выпил. В пот его кидает;
Упал он; жжет его с вина.
Как еретик, он издыхает...
Да, умер, умер Сатана!

Монахи взвыли в сокрушенье:
«Он умер! Пал свечной доход!

Он умер! За поминовенье
Никто гроша не принесет!»
В конклаве все в унынье впали...
«Погибла власть! Прощай, казна!
Отца, отца мы потеряли...
Ах, умер, умер Сатана!

Лишь страх вселенной управляет:
Он сыпал нам свои дары.
Уж нетерпимость угасает;
Кто вновь зажжет ее костры?
Все ускользнут из нашей лапы,
Всем будет Истина ясна,
Бог станет снова выше папы...
Ах, умер, умер Сатана!»

Пришел Игнатий: «Я решился
Его права и место взять.
Его никто уж не страшился;
Я всех заставляю трепетать.
Откроют нам карман народный
Убийство, воровство, война.
А богу то, что нам негодно, —
Хоть умер, умер Сатана!»

Конклав кричит: «В беде суровой
Спасенье нам в его руках!»
Своею рясой орден новый
Внушает даже небу страх.
Там ангелы поют в смущенье:
«Как участь смертного темна!
Ад у Лойолы во владенье...
Ах, умер, умер Сатана!»

ПАПА-МУСУЛЬМАНИН

LE PAPE MUSULMAN

В столетье, кажется, десятом,
Святейший папа (вот урок!)
Был схвачен на море пиратом
И продан в рабство на Восток.

Сначала взвыл он от печали,
Потом стал клясться невпопад.
— Святой отец, — ему сказали, —
Вы попадете прямо в ад.

Боясь, что скоро сядет на кол,
От ужаса лишаясь сил,
Светильник церкви вдруг заплакал
И к Магомету возопил:
— Пророк, молю тебя о чуде.
Признать тебя давно я рад.
— Святой отец, что скажут люди?
Вы попадете прямо в ад.

Подвергнут чину обрезанья,
Скучая в праздности, без дел,
Забыв проклятья, покаянья,
Он развлекался, как умел,
И даже Библию безбожно
Рвал по листочку, говорят.
— Святой отец, да разве можно?
Вы попадете прямо в ад.

Лихим он сделался корсаром,
Омусульманился совсем.
И, подражая янычарам,
Завел блистательный гарем.
Его невольницы, как розы,
У ног владыки возлежат.
— Святой отец! Какие позы!
Вы попадете прямо в ад.

Чума те страны посетила,
И в ужасе, забыв кальян,
Он, добродетели светило,
Удрал обратно в Ватикан.
— Вам снова надобно креститься. —
А он: — Зачем идти назад?
— Святой отец, так не годится,
Вы попадете прямо в ад.

С тех пор и ожидаем все мы,
Как папа — что ни говори —
Преобразит в свои гаремы
Все женские монастыри.
Народ оставлен им в покое,
Еретиков уж не палят...
— Святой отец, да что ж такое?
Вы попадете прямо в ад.

КРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

LE PETIT HOMME ROUGE

Я во дворце, как вы слышали,
Метельщицей была
И под часами в этой зале
Лет сорок провела.
Иную ночь не спишь
И, притаясь, глядишь,
Как ходит красный человечек:
Глаза горят светлее свечек.
Молитесь, чтоб творец
Для Карла спас венец!

Представьте в ярко-красном франта,
Он кривонос и хром,
Змея вокруг шеи вместо банта,
Берёт с большим пером.
Горбатая спина,
Нога раздвоена.
Охрипший голосок бедняги
Дворцу пророчит передраги.
Молитесь, чтоб творец
Для Карла спас венец!

Чуть девяносто первый минул,
Он стал нас посещать —
И добрый наш король покинул
Священников и знать.

Для смеху мой чудак
Надел сабо, колпак;
Чуть задремлю я левым глазом,
Он марсельезу грянет разом.
Молитесь, чтоб творец
Для Карла спас венец!

И раз мету я, как бывало,
Но вдруг мой кавалер
Как свистнет из трубы: «Пропал он,
Наш добрый Робеспьер!»
Парик напудрил бес,
Как поп с речами лез,
И гимны пел Верховной Воле,
Смеясь, что вышел в новой роли.
Молитесь, чтоб творец
Для Карла спас венец!

Он сгинул после дней террора,
Но вновь явился вдруг,
И добрый император скоро
Погиб от вражьих рук.
На шляпу наколов
Плюмажи всех врагов,
Мой франтик вторил тем, кто пели
Хвалу Анри и Габриэле.
Молитесь, чтоб творец
Для Карла спас венец!

Теперь, ребята, дайте слово
Не выдавать вовек:
Уж третью ночь приходит снова
Мой красный человек.
Хохочет и свистит,
Духовный стих твердит,
С поклоном оземь бьет копытом,
А с виду стал иезуитом.
Молитесь, чтоб творец
Для Карла спас венец!

СВАДЬБА ПАПЫ

LE MARIAGE DU PAPE

«Живо, карету!

Свадебку эту

Каждый увидит: католик, еврей.

Пойте, ликуя,

Все: аллилуя!

Женится папа! На свадьбу скорей!»

Так распевал один умалишенный,

Вообразив, что он — святой отец.

«Черт побери! — кричал он, — брак законный

Должны ввести для клира наконец!

Живо, карету!

Свадебку эту

Каждый увидит: католик, еврей.

Пойте, ликуя,

Все: аллилуя!

Женится папа! На свадьбу скорей!

Я — папа, да! Я захотел жениться!

Пляшите, пойте! Больше блюд и вин!

Пусть до утра веселый пир продлится!

Крестить ко мне пускай придет Кальвин!

Живо, карету!

Свадебку эту

Каждый увидит: католик, еврей.

Пойте, ликуя,

Все: аллилуя!

Женится папа! На свадьбу скорей!

Над Библией зевают век за веком.

Довольно нам утехи запрещать!

Спасая нас, Христос стал человеком, —

К чему ж меня вам в бога превращать?

Живо, карету!

Свадебку эту

Каждый увидит: католик, еврей.

Пойте, ликуя,
Все: аллилуя!
Женится папа! На свадьбу скорей!

Итак, теперь семейными мы будем,
Чтоб церковь тем от гибели спасти.
Из скромности не сообщим мы людям,
Что брак пришлось для этого ввести.

Живо, карету!
Свадебку эту
Каждый увидит: католик, еврей.
Пойте, ликуя,
Все: аллилуя!
Женится папа! На свадьбу скорей!

Разбейте же оковы целибата!
Давно пора отделаться от них.
Пусть все кюре, аббаты и прелаты
Без устали плодят для нас святых!

Живо, карету!
Свадебку эту
Каждый увидит: католик, еврей.
Пойте, ликуя,
Все: аллилуя!
Женится папа! На свадьбу скорей!

Мы были нетерпимы, были злобны...
Изменимся: придется жен терпеть.
Да и легко ль сжигать себе подобных,
Коль нужно над созданием их корпеть?

Живо, карету!
Свадебку эту
Каждый увидит: католик, еврей.
Пойте, ликуя,
Все: аллилуя!
Женится папа! На свадьбу скорей!

Папесса, ты веди себя как надо!
Пускай о нас везде заговорят.

Не то со смеху лопнут черти ада
Узнав, что даже папа был рогат.

Живо, карету!
Свадебку эту
Каждый увидит: католик, еврей.
Пойте, ликуя,
Все: аллилуя!
Женится папа! На свадьбу скорей!»

Так распевал мудрец, что слыл безумцем...
Ему сосед кричит: «Ну и дела!
Слыхал? Опять пожива вольнодумцам:
Ведь у кюре служанка родила!»

Живо, карету!
Свадебку эту
Каждый увидит: католик, еврей.
Пойте, ликуя,
Все: аллилуя!
Женится папа! На свадьбу скорей!

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

LES SOUVENIRS DU PEUPLE

О нем молва не смолкнет скоро
И в сельских хижинах простых;
Лет пятьдесят под кровом их
Все те же будут разговоры.
Там жители окрестных сел
К старухе пристают гурьбою:
«Чтоб вечер, бабушка, прошел,
Тряхните давней стариною.
Ведь лгут, что был он нам врагом:
Он люб народу, как бывало!
Да, как бывало!
У вас рассказов ведь немало.
Начните-ка о нем».

«Здесь, дети, проезжал он. Сколько
С ним было разных королей!

Прошло так много лет и дней!
Я вышла замуж только-только.
На холм поднялся он пешком,
Где я стояла, замирая,—
И, помню, шляпа небольшая
И серый был сюртук на нем.
Немного он меня смутил,—
Сказал он: «Здравствуй, дорогая!
Ну, здравствуй, дорогая!»
«Он с вами говорил, родная!
Он с вами говорил!»

«Мне, женщине простой, в Париже
Быть довелось потом. И вот,
К собору, вижу, он идет.
Весь двор я увидела ближе.
В сердцах царило торжество,
Сияли все, и глас народа
Был: «Видно, небо за него!»
Стояла чудная погода...
И рад и счастлив был он сам:
Отцом он стал по воле божьей,
По воле божьей...»
«Ну, мать, и вам был праздник тоже,
Какой был праздник вам!»

«Да, но когда Шампань досталась,
Несчастливая, врагам в удел,
Он все опасности презрел,
Один за всех стоял, казалось!
Раз вечерком — уже мы спим —
Стучится кто-то... Я открыла —
О боже! Это он! И с ним
Немного что-то свиты было.
Присев вот здесь, где я сейчас,
«Война-то, — он вскричал, — какая!
Война какая!»
«Как, здесь сидел он, дорогая?
Сидел он подле вас?»

«Я голоден», — сказал он... Флягу
Вина и темный хлеб даю.

Одежду сушит он свою,
И клонит в сон его, беднягу...
Проснулся, — видит, я грущу,
И говорит: «Надейтесь смело,
Все беды Франции отмщу,
Лечу в Париж закончить дело!»
Простился, вышел... Пуще глаз
Его стаканчик берегла я...
    Да, берегла я...»
«У вас еще он цел, родная?
    Еще он цел у вас?»

«Да, вот он... Только влекся роком
К последним бедствиям герой.
Он, папской венчаный рукой,
Погиб на острове далеком...
Тому не верилось тогда;
Все говорили: он вернется,
Примчится морем он сюда,
Пришельцам солоно придется!
Но долго длиться сон не мог...
Мне очень горько это было!
    Так горько было!»
«Родная, бог пошлет вам силы!
    Благослови вас бог!»

НЕГРЫ И КУКЛЫ

LES NÈGRES ET LES MARIONNETTES

В продажу негров через море
Вез португальский капитан.
Они как мухи гибли с горя.
Ах, черт возьми! какой изъян!
«Что, — говорит он им, — грустите?
Не стыдно ль? Полно хмурить лбы!
Идите кукол посмотрите;
Рассейтесь, милые рабы».

Чтоб черный люд не так крушился,
Театр воздвигли подвижной, —

И вмиг Полишинель явился:
Для негров этот нов герой.
В нем все им странно показалось.
Но — точно — меньше хмурят лбы;
К слезам улыбка примешалась.
Рассейтесь, милые рабы.

Пока Полишинель храбрился,
Явился страж городской.
Тот палкой хватъ — и страж свалился.
Пример расправы не дурной!
Смех вырвался из каждой груди;
Забыты цепи, гнет судьбы:
Своим бедам не верны люди.
Рассейтесь, милые рабы.

Тут черт на сцену выступает,
Всем мил своею чернотой.
Буяна в лапы он хватает...
К веселью повод им другой!
Да, *черным* кончена расправа;
Он стал решителем борьбы.
В оковах бедным снится слава.
Рассейтесь, милые рабы.

Весь путь в Америку, где ждали
Их бедствия еще грозней,
На кукол глядя, забывали
Рабы об участи своей...
И нам, когда цари боятся,
Чтоб мы не прокляли судьбы,
Давать игрушек не скупятся:
Рассейтесь, милые рабы.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

L'ANGE GARDIEN

Был бедняк разбит параличом...
Ангела-хранителя встречая,
Он его приветствовал смешком:

— Вот, скажи на милость, честь какая!
Квиты мы, мой ангел дорогой!
Кончено! Лети себе домой!

Родился в соломе я. Беда
До седин меня лишала дома.

— Что ж, — ответил ангел, — но всегда
Свежей ведь была твоя солома.

— Квиты мы, приятель дорогой,
Что нам спорить? Улетай домой!

— Расточая молодости пыл,
Скоро я лишился состоянья...

— Да, но ведь тебе я подарил
Крепкую суму для подаянья!

— Это правда. Квиты мы с тобой!
Что нам спорить? Улетай домой!

— Помнишь, ангел, как в бою ночном
Бомбою мне ногу оторвало?

— Да, но ведь подагрою потом
С ней пришлось бы мучиться немало.

— Это правда. Квиты мы с тобой!
Что нам спорить? Улетай домой!

— Помнишь, как судья меня пилил:
С контрабандой раз меня поймали?

— Да, но я же адвокатом был.

Только год в тюрьме тебя держали.

— Квиты мы, приятель дорогой!
Что нам спорить? Улетай домой!

— Вспоминаешь горький час, когда,
На свою беду, я шел к Венере?

— Да, — ответил ангел, — из стыда
Я тебя покинул возле двери.

— Квиты мы, приятель дорогой!
Что нам спорить? Улетай домой!

— Скучно без хорошенькой жены.
Мне моя дурнушка надоела.

— Ах, — ответил ангел, — не должны
Ангелы мешаться в это дело.

— Квиты мы, приятель дорогой!
Что нам спорить? Улетай домой!

— Вот умру у райского огня,
Мне дадут ли отдых заслуженный?
— Что ж! Тебе готовы — простыня,
Гроб, свеча и старые кальсоны.

— Квиты мы, приятель дорогой!
Что нам спорить? Улетай домой!

— Ну так что же, — в ад теперь мне путь
Или в рай, где радость вечно длится?

— Как сказать! Изволь-ка потянуть
Узелок: тем дело и решится!

— Квиты мы, приятель дорогой!
Что нам спорить? Улетай домой!

Так бедняк из мира уходил,
Шутками больницу потешая,
Он чихнул, и ангел взмахом крыл —
Будь здоров — взвился к чертогам рая.

— Квиты мы, мой ангел дорогой!
Кончено. Лети себе домой!

КОМЕТА 1832 ГОДА

LA COMÈTE DE 1832

Бог против нас высылает комету;
Бедной земле от толчка не уйти.
Компас бессилен, и нашу планету
Все астрономы не могут спасти.
Стол и товарищи-гости, — прощайте!
Впрочем, для многих ли весел банкет?..
Робкие! Кайтесь и душу спасайте.
Кончить пора: стар достаточно свет!

Да, бедный глобус, в пространстве блуждавший, —
Нет тебе больше ни дней, ни ночей!
Падай, вертись, и вертись, как упавший
Вертится с нитки сорвавшийся змей.

Пусть неизвестная людям дорога
Шар натолкнет на одну из комет,—
Оба пусть гибнут: ведь звезд еще много!
Кончить пора: стар достаточно свет!

Мы ль не устали от прозы житейской
И от претензий в тщеславных глупцах,
От заблуждений, от войн, от лакейской
Низости в высших и низших слоях?
Мы ль не устали, как стражи без смены,
Ждать, не мелькнет ли в грядущем просвет?
Слишком довольно для маленькой сцены!
Кончить пора: стар достаточно свет!

Мне молодежь говорит: «Все — в движенье;
Капля за каплей и камень пробьет,
Слово печатное, газ в освещенье,
Пар в судоходстве,— все движет вперед.
Ты подожди, старичок, и дождешься:
Лет через двадцать настанет расцвет»...
Жду я уж тридцать,— со счету собьешься!
Кончить пора: стар достаточно свет!

Правда, и сам говорил я иначе
Смолоду, чувствуя прелесть земли.
Веря любви, красоте и удаче,
Боже! — молил я,— мгновенье продли!
Ныне, под старость, я голос теряю,
Прежних успехов и радостей нет,
И я спокойно комету встречаю.
Кончить пора: стар достаточно свет!

МОГИЛА МАНЮЭЛЯ

LE TOMBEAU DE MANUEL

Все кончено... Толпа уже редет,
Сказав «прощай!» могильному холму,
И дружба, что вовек не охладет,
Известна будет богу одному.

Засыпана могила... Понемногу,
Французы, вы забудете борца!
Чтоб сыновья нашли сюда дорогу —
Услышьте просьбу нищего певца:

Пожертвуйте на камень над могилой!
Опорой вам был этот гражданин.
Ум, руки, сердце — все в нем говорило
О том, что он — народа истый сын.
Пусть будет данью скромная гробница
Ему взамен лаврового венца!
Друзья придут пред нею преклониться...
Услышьте просьбу нищего певца!

Я был к нему привязан всей душою.
Мы встретились двенадцать лет назад,
В дни горькие, когда над всей страной
Глумился враг... Как был я другу рад!
Про месть я пел, волнуясь, ветерану.
А он внимал с улыбкой мудреца.
Урачевать мою спешите рану,
Услышьте просьбу нищего певца!

Тщеславию чужд, мечтатель убежденный,
Своих идей провидя торжество,
Он ждал, когда народ освобожденный
Пробудится и позовет его.
С ним не страшна была мне смерти сила,
Я вместе с ним боролся б до конца...
Пусть ветви вяз склоняет над могилой!
Услышьте просьбу нищего певца!

Властей тупых противник громогласный,
Он их клеймил, отринув всякий страх.
Свои грома он не метал напрасно —
Он был мечом у Истины в руках.
Спешит столкнуть его с трибуны злоба,
Но все же путь находит он в сердца...
Врагов его гоните прочь от гроба!
Услышьте просьбу нищего певца!

Забыт он был, народом не прославлен...
Его к себе манила тишина.

Он был, как челн, на отмели оставлен,
Но знал: прилива близится волна.
Четырехлетнее уединенье
Прервала смерть по манию творца.
Чтоб искупить обидное забвенье —
Услышьте просьбу нищего певца!

Пусть памятник напомним через годы
О скорби тех, кому я воспевал
Надежду — в дни военной непогоды,
Свободу — в дни, когда народ страдал.
За песни дань сберу я без усилий.
Меж вами нет ни одного скупца!
Чтоб Манюэля славу не забыли —
Услышьте просьбу нищего певца!

КАМИН В ТЮРЬМЕ

LE FEU DU PRISONNIER

Мне взаперти так много утешений
Дает камин. Лишь вечер настает,
Здесь греется со мною добрый гений,
Беседует и песни мне поет.
В минуту он рисует мир мне целый —
Леса, моря в углях среди огня.
И скуки нет: вся с дымом улетела,
О добрый гений, утешай меня!

Он в юности дарил меня мечтами;
Мне, старику, поет о юных днях.
Он кажет мне перстом между дровами
Большой корабль на вспененных волнах.
Вдали певцам уж виден берег новый
В сиянии тропического дня.
Меня же крепко держат здесь оковы.
О добрый гений, утешай меня!

А это что? Орел ли ввысь несется
Измеривать путь солнечных лучей?

Нет, это шар воздушный... Вымпел вьется;
Гондолу вижу, человека в ней.
Как должен он жалеть, взносясь над нами,
Дыша всей грудью вольным светом дня,
О людях, обгороженных стенами!
О добрый гений, утешай меня!

А вот Швейцария... ее природа...
Озера, ледники, луга, стада...
Я мог бежать: я знал — близка невзгода;
Меня свобода кликала туда,
Где эти горы грозно громоздятся
В венцах снегов. Но был не в силах я
От Франции душою оторваться.
О добрый гений, утешай меня!

Вот и опять переменялась сцена...
Лесистый холм, знакомый небосклон...
Напрасно шепчут мне: «Согни колена —
И мы тюрьму отворим; будь умен».
Назло тюремщикам, назло оковам
Ты здесь, — и вновь с тобою молод я...
Я тещусь каждый миг виденьем новым...
О добрый гений, утешай меня!

Тюрьма Ла Форс

МОЯ МАСЛЕНИЦА В 1829 ГОДУ

MES JOURS GRAS DE 1829

Король! Пошли господь вам счастья,
Хотя по милости судьбы —
И гнева вашего отчасти —
В цепях влачу я дни свои
И карнавальную неделю
Теряю в чертовой тюрьме!
Так обо мне вы порадели, —
Король, заплатите вы мне!
Но в бесподобной речи тронной
Меня слегка коснулись вы.

Сей отповеди разъяренной
Не смею возражать, — увы!
Столь одинок в парижском мире,
В день праздника несчастен столь,
Нуждаюсь я опять в сатире.
Вы мне заплатите, король!

А где-то ряженым обжорам,
Забывшим друга в карнавал,
Осталось грянуть песни хором —
Те самые, что я певал.
Под вопли их веселых глоток
Я утопил бы злость в вине.
Я был бы пьян, как все, и кроток.
Король, заплатите вы мне!

Пусть Лиза-ветреница бредит,
Мое отсутствие кляня, —
А все-таки на бал поедет
И лихом помянет меня.
Я б ублажал ее капризы,
Забыл бы, что мы оба — голь.
А нынче за измену Лизы
Вы мне заплатите, король!

Разобран весь колчан мой ветхий —
Так ваши кляузники мстят.
Но все ж одной стрелою меткой,
О Карл Десятый, я богат.
Пускай не гнется, не сдается
Решетка частая в окне.
Лук наведен. Стрела взовьется!
Король, заплатите вы мне!

Тюрьма Ла Форс

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

LE QUATORZE JUILLET

Как ты мила мне, память, в заточенье!
Ребенком я услышал над собой:
— К оружию! На Бастилию! Отмщенье!

— В бой, буржуа! Ремесленники, в бой!
Покрыла бледность щеки многих женщин,
Треск барабанов. Пушек воркотня.
Бессмертной славой навсегда увенчан
Рассвет того торжественного дня,—
Торжественного дня.

Богач и бедный карманьолу пляшут,
Все заодно, все об одном твердят.
И дружелюбно треуголкой машет
Примкнувший к делу парижан солдат.
Признание Лафайета всенародно.
Дрожит король и вся его родня.
Светает разум. Франция свободна —
Таков итог торжественного дня,—
Торжественного дня.

На следующий день учитель рано
Привел меня к развалинам тюрьмы:
«Смотри, дитя! Тут капище тирана.
Еще вчера тут задыхались мы.
Но столько рвов прорыто было к башням,
Что крепость, равновесье не храня,
Сдалась при первом натиске вчерашнем.
Вот в чем урок торжественного дня,—
Торжественного дня».

Мятежная Свобода оглашает
Европу звоном дедовской брони.
И на триумф Равенство приглашает.
Сих двух сестер мы знаем искони.
О будущем грома оповестили.
То Мирабо, версальский двор дразня,
Витийствует: «Есть множество бастилий,
Не кончен труд торжественного дня,—
Торжественного дня».

Что мы посеяли, пожнут народы.
Вот короли, осанку потеряв,
Трясутся, слыша грозный шаг Свободы
И декларацию Священных Прав.
Да! Ибо здесь — начало новой эры,—

Как в первый день творенья, из огня
Бог создает кружащиеся сферы,
Чье солнце — свет торжественного дня, —
Торжественного дня».

Сей голос старческий не узнаю ли?
Его речей не стерся давний след.
Но вот четырнадцатого июля
Я сам в темнице — через сорок лет.
Свобода! Голос мой не будет изгнан!
Он и в цепях не отнят у меня!
Пою тебя! Да обретет отчизна
Зарю того торжественного дня, —
Торжественного дня!

Тюрьма Ла Форс

ДЕВУШКИ

PASSEZ, JEUNES FILLES

О боже! Вижу предо мною
Красавиц молодых цветник
(Ведь все красавицы весною!)
А я... что делать?.. я старик.
Сто раз пугаю их летами —
Не внемлют в резвости живой...
Что ж делать — будем мудрецами,
Идите, девушки, домой.

Вот Зоя, полная вниманья.
Ах! между нами ваша мать
Расскажет вам: в часы свиданья
Меня случилось ли ей ждать.
«Кто любит в меру — любит мало» —
Вот был девиз ее простой.
Она и вам так завещала.
Идите, девушки, домой.

От вашей бабушки... краснею...
Урок любви я взял, Адель...
Хоть я и мальчик перед нею,
Она дает их и досель.

На сельском празднике стыдливо
Держитесь лучше предо мной:
Ведь ваша бабушка ревнива.
Идите, девушки, домой.

Вы улыбаетесь мне, Лора,
Но... правда ль?.. ночью, говорят,
В окошко вы спустили вора,
И этот вор был светский фат?
А днем во что бы то ни стало
Вы мужа ищете с тоской...
Я слишком юн для вас, пожалуй.
Идите, девушки, домой.

Идите, вам заботы мало!
Огонь любви волнует вас.
Но чур! Чтоб искры не упало
На старика в недобрый час.
Пусть зданье ветхое пред вами,
Но в нем был склад пороховой, —
Так придержав огонь руками,
Идите, девушки, домой.

КАРДИНАЛ И ПЕВЕЦ

LE CARDINAL ET LE CHANSONNIER

Как для меня нападки ваши лестны!
Какая честь! Вот это я люблю.
Так песенки мои уж вам известны?
Я, монсиньор, вас на слове ловлю.
Любя вино, я перед Музой грешен:
Ее терять я скромность заставлял...
Грех невелик, коль хмель ее потешен;
Как ваше мненье, милый кардинал?

Как, например, вам нравится Лизетта?
Я посвящал ей лучшие стишки.
Вы отвернулись... Полноте! Секрета
Ведь в этом нет: мы с Лизой старики.

Она под старость бредит уж Лойолой,
В нем находя рассудка идеал,
И управлять могла бы вашей школой...
Как ваше мнение, милый кардинал?

За каждый стих свободный об отчизне
Со мной вести желали б вы процесс.
Я — патриот; вольно же вам при жизни
Считать, что все мы — граждане небес.
Клочок земли в краю моем родимом
Мне каждый мил, хоть я на нем не жал;
Не дорожить же всем нам только Римом!
Как ваше мнение, милый кардинал?

В моих припевах, часто беспокойных,
Не всё, признайтесь, ересь и раскол.
Не правда ль, много истин в них достойных
Самаритянин добрый бы нашел?
Держа в руках бальзам любви целебный,
Когда б в цепях он узника видал,
Не стал бы петь он судьям гимн хвалебный!..
Как ваше мнение, милый кардинал?

Еще не правда ль: сквозь веселость Музы
В моих стихах сверкает божество?
Остер и весел я, как все французы,
Но в сердце с небом чувствую сродство.
Став жертвой гнева, я смеюсь над гневом
И рад предстать пред высший трибунал...
Кто ж эту смелость дал моим напевам?
Как ваше мнение, милый кардинал?

Но вы в душе добры, я это знаю;
Простите ж мне, как я прощаю вам:
Вы мне — куплет, который я слагаю,
Я вам — проклятье всем моим стихам.
Да, кстати: папа, слышал я, скончался...
Еще конклав другого не избрал:
Что, если б вам престол его достался?
Как ваше мнение, милый кардинал?

Тюрьма Ла Форс

МОЯ ГРОБНИЦА

MON TOMBEAU

Хоть я здоров — а вы собратъ решили
Деньжонок для надгробья моего.
Надгробье — мне?! Вот, право, насмешили!
Какая чушь! Какое мотовство!
Ведь эта пышность, эта медь литая, —
Зачем бродяге мертвому она?
Пропьем, друзья, веселье прославляя,
Все, что гробница стоять вам должна!

Тысчонок в двадцать, может и поболе,
Влетел бы мой изящный мавзолей.
Не лучше ль с месяц где-нибудь на воле
Нам провести как можно веселей?
За этот срок в компании удалой
Мы радость жизни ощутим сполна.
Рискнем, друзья, и проедем, пожалуй,
Все, что гробница стоять вам должна!

Старею я — но молода подруга...
Нужны ей роскошь, блеск и красота,
Дабы занять часы ее досуга
И усладить иные дни поста,
Шаль долгожданную из кашемира
Пускай от вас получит в дар она.
Вложите в верность моего кумира
Все, что гробница стоять вам должна!

Почетной ложи на спектакль могильный
Не надо мне. Но как бы я хотел,
Чтобы бедняк, вон тот старик бессильный,
Хоть каплю счастья получить успел!..
Пред ним пораньше занавес взовьется.
— Займи, любезный, мне местечко, — на! —
Отдать со смехом нищему придется
Все, что гробница стоять вам должна.

Что нужды, коль на мраморе когда-то
Мое увидит имя кто-нибудь?
К чему цветов надгробных ароматы? —
Живому их приятнее вдохнуть!
В потомстве слава так недолговечна! —
Меня забудут. Лучше из окна,
Мудрейший смертный, выброшу беспечно
Все, что гробница стоять вам должна!

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ

LES DIX MILLE FRANCS

Десять тысяч. Десять тысяч штрафа
После стольких месяцев тюрьмы!
Видно, я живу не хуже графа.
Дешев хлеб, далеко от сумы.
О министр! Ведь нет таких законов,
Сбавьте хоть немного, вас молю.
Нет? За оскорбление Бурбонов
Десять тысяч франков королю?

Хорошо! Я заплачу. Но надо
Выяснить и мне один вопрос.
Это что ж? Всему суду награда
Или только плата за донос?
Сыщикам за грязную работу?
Цензору ли, мстящему стихам?
Так и быть! Две тысячи по счету
Отделяю этим поддечам.

Коль платить — так лопнувших от жира
И льстецов вношу я в свой бюджет.
Там, где трон, всегда ржавеет лира
И страдает насморком поэт.
Господа поэты! Для вельможи
Пойте лишь за деньги, — так и быть,
С этой суммы в вашу пользу тоже
Я готов две тысячи скостить.

Сколько наплодилось великанов
В орденах и лентах там и тут.
Как для коронованных болванов
Все они охотно спину гнут!
Много им добра перепадало.
Францию проглотят — дай лишь срок!
Двух-то тысяч им, пожалуй, мало.
Дам все три лакеям на зубок.

Что я вижу? Митры и тиары,
Женщины, пиры, монастыри...
Сам Лойола, греховодник старый,
Насыпает золотом лари.
Вопреки грядущему блаженству,
Ангел мой ошипан догола.
Менее трех тысяч духовенству
Дать нельзя за все его дела.

Подсчитаем! Две да две — четыре,
Шесть еще, — все десять есть как раз.
Лафонтен-бедняга в этом мире
Не платил за роковой указ.
Был добрей Людовик, — как хотите, —
Высылал, расходов не деля.
Ну, Лойаль, квитанцию пишите:
Десять тысяч в пользу короля,

Тюрьма Ла Форс

ДОЧЬ НАРОДА

LA FILLE DU PEUPLE

Цветов весенних ты даришь немало,
Народа дочь, певцу народных прав.
Ему ты это с детской задолжала,
Где он запел, твой первый плач уняв.
Тебя на баронессу иль маркизу
Я не сменяю ради их прикрас.
Не бойся, с музой мы верны девизу:
Мой вкус и я — мы из народных масс,

Когда мальчишкой, славы не имея,
На древние я замки набредал,
Не торопил я карлу-чародея,
Чтобы отверз мне замкнутый портал.
Я думал: нет, ни пеньем, ни любовью,
Как трубадуров, здесь не встретят нас.
Уйдем отсюда к третьему сословью:
Мой вкус и я — мы из народных масс.

Долой балы, где скука-староверка
Сама от скуки раскрывает зев,
Где угасает ливень фейерверка,
Где молкнет смех, раздаться не успев!
Неделя — прочь! Тыходишь в белом платье,
Зовешь в поля — начать воскресный пляс;
Твой каблучок, твой бант хочу догнать я...
Мой вкус и я — мы из народных масс!

Дитя! Не только с дамою любюю —
С принцессою поспорить можешь ты.
Сравнится ли кто прелестью с тобою?
Чей взор нежней? Чьи правильней черты?
Известно всем — с двумя дворами кряду
Сражался я и честь народа спас.
Его певцу достанься же в награду:
Мой вкус и я — мы из народных масс.

ТИРАН СИРАКУЗСКИЙ

DENYS MAÎTRE D'ÉCOLE

Как Дионисия из царства
Изгнал храбрец Тимолеон,
Тиран, пройдя чрез все мытарства,
Открыл в Коринфе пансион.
Тиран от власти не отстанет:
Законы в школе издает;
Нет взрослых, так детей тиранит.
    Тиран тираном и умрет.

Ведь нужно все чинить и ведать —
Он справедлив, хотя и строг:

Как подадут детям обедать —
Сейчас с их трапезы налог.
Несут, как некогда в столицу,
Орехи, виноград и мед.
Целуйте все его десницу!
Тиран тираном и умрет.

Мальчишка, глупый, как овечка,
Последний в школе ученик,
В задачку раз ввернул словечко:
«Тиран и в бедствиях велик».
Тиран, бессмыслицу читая,
«Он далеко, — сказал, — пойдёт», —
И сделал старшим негодяя.
Тиран тираном и умрет.

Потом, другой раз как-то, слышит
Он от фискала своего,
Что там в углу товарищ пишет,
Должно быть, пасквиль на него.
«Как? Пасквиль?! Это всё от воли!
Ремнем его! И чтоб вперед
Никто писать не смел бы в школе!»
Тиран тираном и умрет.

И день и ночь его страшили
Следы измены и интриг.
Раз дети на дворе дразнили
Двоих каких-то забулдыг.
Кричит: «Идите без боязни!
Им нужен чужеземный гнет.
Я им отец — им нужны казни».
Тиран тираном и умрет.

Отцы и матери озлились
На непотребный пансион
И Дионисия решились
И из Коринфа выгнать вон.
Так чтоб, как прежде, благодатно
Теснить и грабить свой народ —
В жрецы вступил он. Вот так знатно!
Тиран тираном и умрет.

Тюрьма Ла Форс

СТАРЫЙ КАПРАЛ

LE VIEUX CAPORAL

В ногу, ребята, идите.

Полно, не вешать ружья!

Трубка со мной... проводите

В отпуск бессрочный меня.

Я был отцом вам, ребята...

Вся в седилах голова...

Вот она — служба солдата!..

В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам,
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... Поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка никак догорела?
Нет, затанусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

К МОЛОДЕЖИ

COUPLET AUX JEUNES GENS

Любуясь ясностью лазури,
На берегу, когда-нибудь,
Вы пожалейте тех, чья грудь
Встречала в море ярость бури.

Отдайте честь им! С бурей споря,
В борьбе томительной устав,
Они погибли в бездне моря,
Вдали вам пристань указав!..

СЧАСТЬЕ

LE BONHEUR

Ты счастье видишь ли вон там,
Там, там, вдали? — твердит Надежда.
За ним стремятся по пятам
Король, прелат, мудрец, невежда...
Да, счастье там, — твердит Надежда.
Бежим туда, чтоб счастье нам
Скорей найти: оно — вон там...
Там... там...

Ты счастье видишь ли вон там,
Там, там, под свежую листвою?
Там верят сладостным мечтам,
Любовь считая вековою?..
Как хорошо под той листвою!
Бежим туда, чтоб счастье нам
Скорей найти: оно — вон там...
Там... там...

Ты счастье видишь ли вон там,
Там, там, в укромной деревушке?
Там счету детям нет, снопам
И ласкам милого подружке...
Как хорошо в той деревушке!
Бежим туда, чтоб счастье нам
Скорей найти: оно — вон там...
Там... там...

Ты счастье видишь ли вон там,
Там, там, в мешках казны богатой?
На рынке жизни богачам
Все приобрести возможно платой.
Как хорошо с казной богатой!
Бежим туда, чтоб счастье нам
Скорей найти: оно — вон там...
Там... там...

Ты счастье видишь ли вон там,
Там, там, в бою меж храбрым войском?
Там каждый счастье видит сам
В блестящем подвиге геройском.

Как хорошо в бою, меж войском!
Бежим туда, чтоб счастье нам
Скорей найти: оно — вон там...
Там... там...

Ты счастье видишь ли вон там,
На корабле в открытом море?
Лучи скользят по парусам,
И путь свободен на просторе...
Как хорошо в открытом море!
Бежим туда, чтоб счастье нам
Скорей найти: оно — вон там...

Там... там...

Ты счастье видишь ли вон там,
Там, в царстве неги, на Востоке?
Там служат всем земным богам,
Всесильным в злом и добром роке...
Как хорошо им, на Востоке!
Бежим туда, чтоб счастье нам
Скорей найти: оно — вон там...
Там... там...

Ты счастье видишь ли вон там,
Там, там, в Америке свободной?
Власть президента голышам
Там поручает глас народный...
Как хорошо в стране свободной!
Бежим туда, чтоб счастье нам
Скорей найти: оно — вон там...
Там... там...

Ты счастье видишь ли вон там,
Там, в облаках? Но мы устали:
За ним в погоню к облакам
Могли б подняться мы едва ли...
Мы тщетность поисков познали!
Пусть молодежь, подобно нам,
Теперь поищет счастья там...
Там... там...

ПЯТЬ ЭТАЖЕЙ

LES CINQ ÉTAGES

Я родилась в углу подвала...
В пятнадцать лет я всех милей.
Лакеи целого квартала
Искали близости моей.
Но приглянулась я вельможе:
Меня он видел в неглиже...
Прощай, невинность! Ну так что же?
Вот я — на первом этаже.

Роскошно убрана квартира...
Я припеваючи жила,
Наряды шила из кашмира
На деньги старого осла.
Хоть через год — какая жалость! —
Удар хватил его уже,
Но красота при мне осталась, —
И на втором я этаже.

Жила там с пэром я, но часто
Меня племянник вел к столу.
Один платил за пламя страсти,
Другой же — только за золу.
Потом танцора полюбила,
И вот он стал мой протеже.
Мне зеркало все так же льстило, —
И я — на третьем этаже.

Там я порядком пощипала
Двух англичан, а по пути
Увлечь успела кардинала...
За это бог меня прости!
Но плут-любовник обирает
Меня... Кричу о грабеже.
Он потихоньку удирает...
Я — на четвертом этаже.

Я сводней опытной стала,
И двух «племянниц» завела.
Мы — притча целого квартала,

Полиция недаром зла...
Я наскоро кусок съедаю,
Ведь надо быть настороже.
Стара, клиентов я пугаю,—
И я — на пятом этаже.

Теперь, уборщица простая,
Живу на чердаке, одна,
И, этажи все подметая,
Сижу частенько голодна.
Но, вспоминая жизнь былую —
Никто не верит мне уже! —
Ее соринки нахожу я
Подчас на каждом этаже...

РЫЖАЯ ЖАННА

JEANNE LA ROUSSE

Спит на груди у ней крошка-ребенок.
Жанна другого несет за спиной;
Старший с ней рядом бежит... Башмачонок
Худ и не греет ножонки босой...
Взяли отца их: дозор окаянный
Выследил, — кончилось дело тюрьмой...
Господи, сжался над рыжею Жанной...
Пойман ее браконьер удалой!

Жизни заря и для Жанны алела:
Сельский учитель отец ее был;
Жанна читала, работала, пела;
Всякий за нрав ее тихий любил,
Плясывал с ней и под тенью каштанной
Жал у ней белую ручку порой...
Господи, сжался над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

Фермер к ней сватался, — дело решили,
Да из пустого оно разошлось:
Рыжиком Жанну в деревне дразнили, —
И испугался он рыжих волос.

Двое других ее звали желанной,—
Но ведь у ней ни гроша за душой...
Господи, сжался над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

Он ей сказал: «Не найти мне подружки,
Краше тебя,— полюбил тебя я,—
Будем жить вместе: в убогой лачужке
Есть у меня дорогих три ружья;
По лесу всюду мне путь невозбранный,
Свадьбу скрутит капеллан замковой...»
Господи, сжался над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

Жанна решилася,— Жанна любила,
Жаждала матерью быть и женой.
Три раза Жанна под сердцем носила
Сладкое бремя в пустыне лесной.
Бедные дети!.. Пригожий, румяный,
Каждый взошел, что цветок полевой...
Господи, сжался над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

Чудо любовь совершает на свете.
Ею горят все прямые сердца!
Жанна еще улыбается: дети
Черноволосы, все трое — в отца!
Голос жены и подруги избранной
Узнику в душу вливает покой...
Господи, сжался над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

МОЩИ

LES RELIQUES

Однажды я главой приник
К гробнице местного святого.
Приятель мой, звонарь-старик,
Шепнул: — А хочешь зреть живого?

— Живого? Что ты?.. Бог с тобой!
Да разве может так случиться? —
И вдруг в гробу своем святой
Поднялся в ризе золотой.

Спешите, братья, приложиться!

Хохочет дерзостный скелет.
Еще немного — лопнут стекла,
— Друг, не одну уж сотню лет
Меня поджаривает пёкло.
Давно когда-то сгоряча,
Чтоб барышами раздобыться,
Прелат, дукатами бренча,
Купил мой труп у палача. —

Спешите, братья, приложиться!

— Я — шарлатан, убийца, вор,
Клятвопреступник и бродяга.
Во всех разбоях с давних пор
Моя участвовала шпага.
Все церкви грабил я подряд.
Мне что? Гробница так гробница, —
Сдирая камни и оклад,
Святых бросал я прямо в ад. —

Спешите, братья, приложиться!

— Вон та святая — как мила
И как на ангела похожа!
А все же, друг, она была
Простой еврейкой с белой кожей.
Из-за нее святой отец
Забыл однажды причаститься,
Двух кардиналов для колец
Она замучила вконец. —

Спешите, братья, приложиться!

— Склонись пред черепом пустым,
Уж ни на что теперь не годным.
Он был разбойником плохим,
Но палачом стал превосходным.
Был королями он любим
И сам умел повеселиться.

Увы! Я щедро взыскан им:
Ведь он помог мне стать святым. —
Спешите, братья, приложиться!

— В шелку и золоте гробниц
Нам отдыхать совсем не худо.
Сирот мы лечим и вдовиц,
Мы тянем деньги, — чем не чудо?
Однако дьявол трубит в рог —
И мне пора поторопиться. —
Стянув попутно образок,
Святой обратно в раку лег.
Спешите, братья, приложиться!

МОЯ КОРМИЛИЦА

MA NOURRICE

Память, память! Все ясней
Твой туман. Он свеж и редок.
О кормилице своей
Я спою вам напоследок.
Жизнь ушла. Пора опять
С давней песней засыпать:
«Спи, мой милый, я пою,
Баю, баюшки-баю!»

День был облачен и сер,
Лист летел, кончалось лето.
Под дождем везла в Оксер
Нас почтовая карета.
«Что, малыш мой, что кричишь?
Вон, смотри, дымит Париж.
Спи, мой милый, я пою,
Баю, баюшки-баю!»

Мы приехали в Бургонь.
(Чудный климат там для песен!)
Солнце жжет. Вино — огонь.
Белый домик прост и тесен.

Нянин муж — совсем старик —
Успокаивал мой крик:

«Спи, мой милый, я пою,
Баю, баюшки-баю!»

Там узнал я с юных дней
Вкус и запах винограда.
Дряхлый Жан — что год пьяней —
Спал один в беседке сада.

А веселая жена

Напевала: «Пей до дна!

Спи, мой милый, я пою,
Баю, баюшки-баю!»

К нам порой, хоть пес был лют,
Заходил кюре с кладбища.
Муж за дверь — он тут как тут.
Сна лишился я и пищи.
Жить мне стало нелегко:
Воском пахло молоко.

«Спи, мой милый, я пою,
Баю, баюшки-баю!»

Так и жили. Жан давно
У кюре строгаёт доски,
Я — чистейшее вино,
Словно бог, тяну из соски,
А кормилица моя
Все полнеет, вздох тая.

«Спи, мой милый, я пою,
Баю, баюшки-баю!»

С той поры в пути земном,
Сердцем чист и нравом кроток,
Я, приятствуя с вином,
Не люблю ни ряс, ни четок;
И, друзья, просил бы вас
Мне пропеть в мой смертный час:

«Спи, мой милый, я пою,
Баю, баюшки-баю!»

МОИМ ДРУЗЬЯМ, КОТОРЫЕ СТАЛИ МИНИСТРАМИ

A MES AMIS DEVENUS MINISTRES

Нет, нет, друзья! Мне почестей не надо,
Другим бросайте деньги и чины.
Я — бедный чиж — люблю лишь зелень сада
И так боюсь силков моей страны!
Мой идеал — лукавая Лизетта,
Обед с вином, друзья и жар поэм.
Родился я в соломе, в час рассвета, —
    Так хорошо на свете быть никем!

Вся роскошь дня вот здесь, в моем окошке.
Порой судьба, удачами маня,
И мне на стол отряхивает крошки,
Но я шепчу: — Твой хлеб не для меня!
Пускай бедняк, работник неустанный,
Возьмет по праву то, что нужно всем,
Я для него рад вывернуть карманы, —
    Так хорошо на свете быть никем!

Когда меня охватит вдохновенье,
Мои глаза уже не различат,
Кто там, внизу, достоин сожаленья —
Царь или раб? Сам маршал иль солдат?
Я слышу гул. Я знаю: это Слава,
Но имени не слушаю, — зачем?
Ведь имя — прах. Оно пройдет. И, право,
    Так хорошо на свете быть никем!

О кормишки на вахте государства!
Вы у руля! Я удивляюсь вам.
Оставя дом, презрев стихий коварство,
Вы свой корабль доверили ветрам.
Махнул вам вслед — счастливая дорога! —
А сам стою, мечтателен и нем.
Пускай судьбой отпущено вам много. —
    Так хорошо на свете быть никем!

Вас повезут на пышном катафалке
И провожать вас будет весь народ;

Мой жалкий труп в канаве иль на свалке,
Под крик ворон, без почестей сгниет.
Звезда удач меня ведь не манила,
Но мы в судьбе не рознимся ничем:
Не все ль равно, когда конец — могила?
Так хорошо на свете быть никем!

Здесь, во дворце, я предан недоверью,
И с вами быть мне больше не с руки.
Счастливый путь! За вашей пышной дверью
Оставил лиру я и башмаки.
В сенат возьмите заседать Свободу, —
Она у вас обижена совсем.
А я спою на площадях народу, —
Так хорошо на свете быть никем!

СОВЕТ БЕЛЬГИЙЦАМ

CONSEIL AUX BELGES

К делу, бельгийцы! Довольно! Нельзя ли
Вновь на престол короля возвести?
Много мы гимнов свободе слышали,
И марсельеза у нас не в чести.
За королями ходить недалеко —
Если не Жан, то сосед или я, —
Высидеть птенчика можно до срока.
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!

Мало ли с принцем сойдет благодати?
Пышный сначала дадут этикет.
Будет вам много и свеч, и распятий,
Лент, орденов и придворных карет.
После дослужитесь вы и до трона.
И в удивленье увидит земля,
Что увенчала кого-то корона.
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!

Будут приемы у вас и парады,
Будут балеты в бенгальских огнях,
Низкопоклонство, и льстивые взгляды,
И комплименты на рабьих устах.
Будут равны повелитель и нищий,
Всех донимает тщеславная тля.
Идола каждый по сердцу отыщет,
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!

Судьи, префекты, жандармы, шпионы
Сворой лакействовать ринутся к вам.
Вот уж солдаты идут, батальоны,
Всюду ракеты, и грохот, и гам.
Крепнет бюджет ваш, Афинам и Спарте
Стоили меньше родные поля.
Чудище жрет вас. Платите по карте,
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!

Что я? Как смел я? Гляжу как в тумане...
Как мог забыться я, граждане, как?
Всех нас история учит заранее!
Если король — это значит добряк.
Будет он править, не требуя платы,
Только доходы и земли деля, —
Карла Девятого сменит Десятый.
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!

ОТКАЗ

LE REFUS

Министр меня обогатить
Решил однажды. Так и быть!
Не надо шума, публикаций —
Привык я жить на чердаке.
Лишь думая о бедняке,
Возьму я пачку ассигнаций.

Ведь не разделишь с нищетой
Ни этикет, ни титул свой,
Ни почести, ни «близость к трону».
Делиться надо серебром!
Когда бы стал я королем,
Я б заложил свою корону!

Чуть заводился грош когда,
Он плыл неведомо куда.
(В богатстве я не знаю толку!)
Удел поэта был мне дан,
И, чтоб зашить пустой карман,
Я взял у дедушки иголку.

Что мне ваш «золотой запас»?
На утре жизни — в добрый час
Избрав любовницей Свободу, —
Я, легкомысленный поэт,
Любимец ветреных Лизетт,
Стал ей вернее год от году.

Свобода — это, монсеньор,
Такая женщина, чей взор
Горит, от ярости пьянея,
Чуть в городах моей страны
Завидит ваши галуны
И верноподданные шеи.

Правдив и смех ее и стон.
Правительственный пенсион
Меня совсем сживет со света.
Я только су, я только медь.
Велите золотом тереть, —
И я фальшивая монета.

Не надо денег ваших мне.
Всю жизнь я прожил в стороне,

Не повторяйте обещанья,
Министр! Я только выдам вас.
Коснетесь лиры — и тотчас
По ней пройдет негодование!

РЕСТАВРАЦИЯ ПЕСНИ

LA RESTAURATION DE LA CHANSON

Да, песня, верно: чуждый лести,
Я заявлял, скорбя,
Что ниспровергли с Карлом вместе
С престола и тебя.
Но что ни новый акт закона —
Призыв к тебе: «Сюда!»
Вот, песнь моя, тебе корона.
— Спасибо, господа!

Надежду я питал в душе ведь
На то, что дату дат,
Что дату «восемьдесят девять»
Дела у нас затмят.
Но лишь на подмалевку трона
Мы не щадим труда...
Вот, песнь моя, тебе корона.
— Спасибо, господа!

С декабрьских дней у нас палаты
(Регламент ли таков?)
Друг другу хлопают. Могла ты
Оглохнуть от хлопков.
Кто там — лисица, кто — ворона,
Поймешь ты не всегда...
Вот, песнь моя, тебе корона.
— Спасибо, господа!

Как он ни грязен — между нами, —
Министров птичий двор,
Потомственными каплунами
Засижен он. Позор!

А тронь — какая оборона!
Птенцов бог даст — беда!..
Вот, песнь моя, тебе корона.
— Спасибо, господи!

Но гвардии гражданской — слава!
Столпу закона! С ней
Общественный покой и право,
Ну право же, прочней.
В верхах об этом неуклонно
Заботятся. О да!..
Вот, песнь моя, тебе корона.
— Спасибо, господи!

Планета, что взошла над Гентом,
Чей свет почти угас,
Светить июльским инсургентам
Пытается у нас.
К чертям! Убрать бы с небосклона!
Подумаешь, звезда!
Вот, песнь моя, тебе корона.
— Спасибо, господи!

Министры наши, — кстати, грош им
Цена, пожалуй, всем, —
Сочтут барометр тот хорошим,
Какой замрет совсем.
Чуть где-то гром — спаси, мадонна,
От Страшного суда!..
Вот, песнь моя, тебе корона.
— Спасибо, господи!

Чтобы самим не впасть в опалу
(Считать их не берусь) —
Поддерживать кого попало
Привыкли вор и трус.
Коль никого я сам не трону,
Не будет мне вреда...

Вот, песнь моя, тебе корона.
— Спасибо, господа!

Ты восстановлена. Бодрее
Будь, песнь, моя любовь!
Трехцветная и без ливреи —
В тюрьму не сядешь вновь,
Тебя уже не свергнет с трона
Судейская орда...
Вот, песнь моя, тебе корона,
— Спасибо, господа!

Но я устал. И лучше мне бы
Спокойно отдыхать.
У юных же собратьев небо! —
Какая благодать!
Им — розы пышные Сарона,
Мне — скорби лебеда...
Вот, песнь моя, тебе корона,
— Спасибо, господа!

СТАРИК БРОДЯГА

LE VIEUX VAGABOND.

Я стар и хил; здесь, у дороги,
Во рву придется умереть.
Пусть скажут: «Пьян, не держат ноги»,
Тем лучше, — что меня жалеть?
Один мне в шапку грош кидает,
Другой и не взглянув идет,
Спешите! Пир вас ожидает.
Старик бродяга и без вас умрет.

От старости я умираю!
Не умер с голода. Я ждал —
Хоть при смерти покой узнаю.

Да нет — в больницу не попал.
Давно везде народ набился,
Все нет ему счастливых дней!
Я здесь, на улице, родился,
Старик бродяга, и умру на ней.

Я смолоду хотел трудиться,
Но слышал в каждой мастерской:
«Не можем сами прокормиться;
Работы нет. Иди с сумой!»
У вас, твердивших мне о лени,
Сбирал я кости по дворам
И часто спал на вашем сене.
Старик бродяга благодарен вам.

Приняться мог за воровство я;
Нет, лучше по миру собирать.
Дорогой яблоко чужое
Едва решался я сорвать.
Но двадцать раз меня сажают
В острог благодаря судьбе;
Одно, что было, отнимают:
Старик бродяга, солнца нет тебе!

Отечества не знает бедный!
Что в ваших тучных мне полях,
Что в вашей славе мне победной,
В торговле, в риторских борьбах?
Когда врагу ваш город сдался,
Поил-кормил гостей чужих,
С чего слезами обливался
Старик бродяга над подачкой их?

Что, люди, вы не раздавили
Меня, как вредного червя?..
Нет, лучше б вовремя учили,
Чтоб мог полезен стать и я!
Я был бы не червём — пчелою...
Но от невзгод никто не спас.
Я мог любить вас всей душою;
Старик бродяга проклиняет вас!

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

CINQUANTE ANS

Откуда вдруг цветы? В чем дело?
Рожденья не справляю, нет, —
Хотя и вправду пролетело
Над головой полсотни лет.
Как быстротечны эти годы!..
Как много миновало дат...
Как сморщили мой лоб невзгоды...
Увы, увы, — мне пятьдесят!

Жизнь ускользает ежечасно....
Кто там в мою стучится дверь?
Не буду открывать напрасно, —
Надеждам всем конец теперь!..

Уверен я, что доктор это, —
Ведь он моим страданиям рад.
Уж не воскликну: «Вот Лизетта!»
Увы, увы, — мне пятьдесят!

Как старость муками богата!
Подагра гложет без конца,
В ушах моих как будто вата,
И впереди — удел слепца...
Слабеет разум... Уж на свете
Я вижу только цепь утрат...
Ах, уважайте старость, дети!
Увы, увы, — мне пятьдесят!

Кто там стучится так упорно?
О небо! — Это смерть! — Пора!
Пойду, открою ей покорно...
Как видно, кончена игра!
Земля грозит войной, чумою...
Не видит звезд последний взгляд...
Открою!.. Бог пока со мною!
Увы, увы, — мне пятьдесят!

Но что я вижу?! Ты, подруга,
Опора юная любви!
Меня спасая от недуга,
Себя ты жизнью назови!
Ты, как весна, рассыпав розы,
Пришла в мой помертвелый сад,
Чтоб я забыл зимы угрозы!
Увы, увы, — мне пятьдесят!..

ЖАК

JACQUES

Эй, Жак, тебя судейский ищет!
Бедняга, твой недолог сон...
За податью явился он,
Со сборщиком повсюду рыщет.

Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

Впервые, Жак, ты спишь так долго...
Смотри: ведь на дворе светло.
Все с молотка уже пошло
У старого Реми в счет долга.
Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

Нет ни гроша... Скрипят ворота,
То он! Я слышу лай собак...
Проси хоть месяц сроку, Жак!
Ах, королю ждать неохота!..
Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

О, что нам делать? Ведь уплата
Нам не по силам: мы бедны
И семерых кормить должны:
Я — прялкою, а ты — лопатой...
Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

Как дорого — помещик знает —
Мы платим за участок свой!
Он унавожен нищетой,
А урожай лихва снимает.
Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

Один лишь труд, но мало пищи...
Нет ни свиньи у нас, ни кур...
Фунт соли дорог чересчур,
А соль — ведь это сахар нищих!
Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

Чтоб подкрепиться, не мешало б
Тебе глотнуть сейчас вина...
Продай кольцо, мой милый! На!
Я отдаю его без жалоб.

Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

Тебе, быть может, снятся ныне
И отдых, и волшебный клад?
Что нам налог, будь ты богат?!
На две-три мыши больше в скрыне...
Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

Стучатся... Нездоров ты, что ли?
Молчишь ты, бледен, недвижим...
Так терпелив, неутомим —
Вчера ты корчился от боли.
Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

Напрасен зов... Он холодеет...
Те, кто измучены нуждой,
Лишь в смерти обретут покой...
О, кто сироток пожалеет?
Эй, Жак, проснись! Вставай скорей!
Судебный пристав у дверей!

ОРАНГУТАНГИ

LES ORANGS-OUTANGS

Не знаю, верить ли Эзопу:
Он повествует, что в Европу,
Чтоб людям нанести изъян,
Пришло посольство обезьян.
«Беру историю порукой, —
Рек адвокат четверорукий, —
Вы обезьянили всегда
Орангутангов, господа.

Давно ль ваш род смешной и жалкий
С дубиной ходит или с палкой?
Кто вас учил для ваших щей
Заготовленью овощей?

Кто научил вас так кривляться,
Перед сильнейшим изгибаться?
Вы обезьянили всегда
Орангутангов, господа.

Где Диоген ваш научился
Жить так же просто, как родился?
Ведь нежной страсти образцы
Вам дали самки и самцы;
Но наши честные мартышки
Не так, как вы, ведут интрижки...
Вы лишь постыдное всегда
Перенимали, господа.

Пораньше вас орангутанги
Изобрели каре и фланги —
К вам перешли от наших драк
Начала правильных атак;
До вашего пожара в Трое
У нас героев было втрое. —
Вы обезьянили всегда
Орангутангов, господа.

Владеть дубиной или шпагой
С нечеловеческой отвагой
Умели деды наши встарь —
За что же человек — наш царь?
Где ж справедливость тут? О боги!
За что вы к обезьянам строги?
Зачем же эти господа
Нас обезьянили всегда?»

«Как? — загремел Юпитер с трона. —
Да так, пожалуй, и ворона,
Медведь, свинья придет теперь!
Пусть человек такой же зверь, —
Да льстит мне, молодец, здорово.
Скоты! отнять у них дар слова!
И пусть отныне и вовек
Их обезьянит человек».

БЕЗУМЦЫ

LES FOUS

Оловянных солдатиков строим
По шнурочку равняемся мы.
Чуть из ряда выходят умы:
«Смерть безумцам!» — мы яростно воем.
Поднимаем бессмысленный рев,
Мы преследуем их, убиваем —
И статуи потом воздвигаем,
Человечества славу прозрев.

Ждет Идея, как чистая дева,
Кто возложит невесте венец.
«Прячься», — робко ей шепчет мудрец,
А глупцы уж трепещут от гнева.
Но безумец-жених к ней грядет
По полуночи, духом свободный,
И союз их — свой плод первородный —
Человечеству счастье дает.

Сен-Симон все свое достоянье
Сокровенной мечте посвятил.
Стариком он поддержки просил,
Чтобы общества дряхлое зданье
На основах иных возвести, —
И угас одинокий, забытый,
Сознавая, что путь, им открытый,
Человечество мог бы спасти.

«Подыми свою голову смело! —
Звал к народу Фурье. — Разделись
На фаланги и дружно трудись
В общем круге, для общего дела.
Обновленная вся; брачный пир
Отпирует земля с небесами, —
И та сила, что движет мирами,
Человечеству даст вечный мир».

Равноправность в общественном строе
Анфантен слабой женщине дал.

Нам смешон и его идеал.
Это были безумцы — все трое!
Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый Свет;
Нам безумец дал Новый Завет —
Ибо этот безумец был богом.
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

САМОУБИЙЦЫ

LE SUICIDE

Две смерти вдруг! Две жизни в пышном цвете
Сил юности — не выдержали бой.
Как мучились пред смертью эти дети,
В их комнатке свидетель — дым густой.
Их мысль была: «Нет обществу спасенья!
Игрушка бурь, корабль идет ко дну.
Зачем нам ждать последнюю волну?
Спасемся вплавь от общего крушенья».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Если ваши грезы
Не расцвели под мглою черных туч —
Ведь что роса, то в молодости слезы:
Их высушит к полудню солнца луч».
Ответ их был: «Зачем нам солнце лета?
Оно для тех сияет, чья земля —
Цветы, плоды, деревья и поля, —
Нет у него для нас тепла и света».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Жизнь хулить пристало
Лишь старикам, когда в них стынет кровь.
В дни юности из каждого бокала
Сверкает жизнь — на дне его любовь».
Ответ их был: «Любовь, как песня рая,
Живет в сердцах, — но смысл ее пропал.
Нет божества — стоит лишь пьедестал,
И грязь на нем налипла вековая».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Дайте срок: крылами
Взмахнете вы — и от родимых гнезд
Далёко, ввысь умчитесь за орлами
И озаритесь славою среди звезд».
Ответ их был: «С высот небес в долины
Для отдыха спускаются орлы;
И чем дружнее всеобщие хвалы,
Тем гибельней яд клеветы змеиный».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Нет страстей и муки,
Чтоб долг святой не мог их утолять:
Отечеству отдайте мысль и руки,
Оно вас ждет со знаменем, как мать».
Ответ их был: «Внесут в дом генерала
С почетом знамя, чтоб спокойный сон
Его хранить: да не увидит он
Страданий тех, чья кровь его спасала».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Ум ваш омрачила
Сомнения отравы с юных дней.
Есть в мире бог. Его святая сила
Властна смирить тревожный гул страстей».
Ответ их был: «Покончим же мгновенно.
Не станем ждать среди мрака и тревог,
Чтобы в душе святое имя — бог —
За буквой буква стерлось постепенно».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

Две роковые жертвы самомнения!
Творец земли! Прости им тяжкий грех.
Не ведали, что мы, в цепи творенья,
Не для себя рождаемся — для всех.
Пророков нет, чтобы в борьбе направить
Мысль юную, внушая как завет:
Любить людей — подвижничества нет;
Любить тебя — стремись людей заставить.
И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

ЖАН-ПАРИЖАНИН

JEAN DE PARIS

Пой и смейся, смейся, пой,
Сдвинув шляпу на затылок,
И кружись по свету пылок,—
Твой Париж всегда с тобой!
Парижанин, твой Париж с тобой!

В архивах вычитал историк:
Готов ты взяться за тесак,
Когда насчет Парижа спорит
Неуважительный гусак.
Силен в стихах и в прозе,
Трубил ты городам,—
Лишь бы, подобно розе,
Сияла Нотр-Дам.

Пой и смейся, смейся, пой,
Сдвинув шляпу на затылок,
И кружись по свету пылок,—
Твой Париж всегда с тобой!
Парижанин, твой Париж с тобой!

Миль за две тысячи к Пекину
Перемахнешь ты в некий час,
Рога наставишь мандарину,
И, длинным странствием кичась,

Горишь мечтой — со вкусом
В каморке у портье
Расписывать зевакам
О дьявольском житье.

Пой и смейся, смейся, пой,
Сдвинув шляпу на затылок,
Колеси по свету пылок, —
Твой Париж всегда с тобой!
Парижанин, твой Париж с тобой!

«Добыть бы золота!» — И в Перу
На берег ступишь без гроша.
«Как! Здесь остаться? Прочь химеру!
Меня сочтут за торгаша.
Тьфу, золото! Мне ближе
Любовница моя!
Хоть госпиталь — в Париже,
Хоть койка, — да своя!»

Пой и смейся, смейся, пой,
Сдвинув шляпу на затылок,
Колеси по свету пылок, —
Твой Париж всегда с тобой!
Парижанин, твой Париж с тобой!

В различных войнах с равной силой
За полумесяц и за крест
Божись и грабь, бей и насилуй,
Потом пиши из многих мест:
«От Лувра до бульваров
Молва парижских уст
Среди других товаров
Пусть хвалит всем мой бюст!»

Пой и смейся, смейся, пой,
Сдвинув шляпу на затылок,
Колеси по свету пылок, —
Твой Париж всегда с тобой!
Парижанин, твой Париж с тобой!

Раз меж прелестных персиянок
Тебе шепнули: «Мой король!»...

«Что ж! Но со мною спозаранок
Бежать во Францию изволь!»
Дней восемь длился праздник.
Всем видеть довелось:
Чернь оперную дразнит
Чудак, задравши нос.

Пой и смейся, смейся, пой,
Сдвинув шляпу на затылок,
Колеси по свету пылок, —
Твой Париж всегда с тобой!
Парижанин, твой Париж с тобой!

Жан-парижанин! Ты зеркало
Для всех зевак, всех парижан.
Чём только слава не бряцала,
Как ни рвался из дома Жан, —
А все, не умирая,
Навеки нам дана
Любовь к модели рая,
Что строит Сатана!

Пой и смейся, смейся, пой,
Сдвинув шляпу на затылок,
Колеси по свету пылок, —
Твой Париж всегда с тобой!
Парижанин, твой Париж с тобой!

ЧУДЕСНЫЙ СКРИПАЧ

LE MÉNÉTRIÉ DE MEUDON

Друзья! Над скрипкой в добрый час
Смычок мой занесен.
Пускаю вас в веселый пляс,
В безумный ригодон!

Под листвою, густой и зыбкой,
Ученик и друг Рабле,
Он идет с волшебной скрипкой
По родной своей земле.

А за ним толпятся толки,
Что мудрец он и колдун
И что пляшут даже волки
От безумных этих струн.

Друзья! Над скрипкой в добрый час
Смычок мой занесен.
Пускаю вас в веселый пляс,
В безумный ригодон!

Колдовское чарованье!
Подымает струнный строй
В стариках — воспоминанье,
Счастье — в юности живой.
Ох, уж свадебные трели!..
«Молодые» — вот игра! —
Под смычок его в постели
Часто пляшут до утра.

Друзья! Над скрипкой в добрый час
Смычок мой занесен.
Пускаю вас в веселый пляс,
В безумный ригодон!

Раз увидел он в окошко
Дроги с важным мертвецом
И провел, совсем немножко,
Колдовским своим смычком.
Лицемерья сбросив маску,
Люди песню завели
И покойника вприпляску
До могилы донесли.

Друзья! Над скрипкой в добрый час
Смычок мой занесен.
Пускаю вас в веселый пляс,
В безумный ригодон!

Так молва о чудной скрипке
Долетела до двора.
Но иные там улыбки
И совсем не та игра.
Кружева, роброны, маски...

Даже хмель иной в крови.
Все там есть — есть даже ласки,
Нет лишь истинной любви.

Друзья! Над скрипкой в добрый час
Смычок мой занесен,
Пускаю вас в веселый пляс,
В безумный ригодон!

Он играет, и в награду
Ни один не блещет взор,
Вызывает лишь досаду
Струн веселый разговор.
Кто бы сердцем развернуться
В буйной пляске пожелал,
Если можно поскользнуться
На паркете модных зал?

Друзья! Над скрипкой в добрый час
Смычок мой занесен.
Пускаю вас в веселый пляс,
В безумный ригодон!

От придворной тирании,
От тебя, лукавый свет,
Он бежал в поля родные,
Где и умер в цвете лет.
Но не спится и в могиле:
При луне скрипач встает,
Чтоб играть печистой силе
Посреди почных болот.

Друзья! Над скрипкой в добрый час
Смычок мой занесен.
Пускаю вас в веселый пляс,
В безумный ригодон!

ПРЕДСКАЗАНИЕ НОСТРАДАМА НА 2000 ГОД PREDICTION DE NOSTRADAMUS POUR L'AN DEUX MIL

Свидетель Генриха Четвертого рожденья,
Великий Нострадам, ученый астролог,

Однажды предсказал: «Большие превращения
В двухтысячном году покажет людям рок.
В Париже в этот год, близ Луврского чертога
Раздастся жалкий стон среди радостных людей:
«Французы добрые, подайте ради бога,
Подайте правнуку французских королей!»

Так у толпы, к его страданьям равнодушной,
Попро́сит милости больной, без башмаков,
Изгнанник с юности, худой и золотушный,
Отрепанн^{ый} старик — потеха школяров.
И скажет гражданин: «Эй, человек с сумою!
Ведь нищих всех изгнал закон страны моей!» —
«Простите, господин! Мой род умрет со мною,
Подайте что-нибудь потомку королей!»

«Ты что толкуешь там о королевском сани?» —
«Да! — гордо скажет он, скрывая в сердце страх. —
На царство прадед мой венчался в Ватикане,
С короной на челе, со скипетром в руках.
Он продал их потом, платя толпе безбожной
Газетных крикунов, шпионов и вралей.
Взгляните — вот мой жезл. То посох мой дорожный.
Подайте что-нибудь потомку королей!»

Скончался мой отец в долгах, в тюрьме холодной.
К труду я не привык... И, нищих жизнь влача,
Изведать мне пришлось, что чувствует голодный
И как безжалостна десница богача.
Я вновь пришел в твои прекрасные владенья,
О ты, моих отцов изгнавшая земля!
Из сострадания к безмерности паденья
Подайте что-нибудь потомку короля!»

И скажет гражданин: «Иди, бедняк, за мною,
Жилища моего переступи порог.
Мы больше королей не чтим своей враждою, —
Остатки их родов лежат у наших ног.
Покуда наш сенат в торжественном собрание
Решение судьбы произнесет твоей,
Я, внук Цареубийц, не откажу в даянье
Тебе, последнему потомку королей!»

И дальше говорит великий предсказатель:
«Республика решит назначить королю
Сто луидоров в год. Потом, как избиратель,
В парламент он войдет от города Saint-Cloud.
В двухтысячном году, в эпоху процветанья
Науки и труда, узнают средь людей
О том, как Франция свершила подаянье
Последнему потомку королей».

ЧЕТЫРЕ ЭПОХИ

LES QUATRE AGES HISTORIQUES

Как ты старо, общественное зданье!
Грозишь ты нам паденьем каждый час,
И отвести удар не в силах знанье...
Еще в руках нет свечка у нас!
Куда идем? Раз двадцать сомневаться
В том суждено и высшим мудрецам!..
С пути лишь звезды могут не сбиваться,
Им бог сказал: «Вот путь, светила, вам!»

Но жизнь нам в прошлом тайну раскрывает,
И человек уверен хоть в одном:
Чем больше круг труда он расширяет,
Тем легче мир обнять ему умом.
У берегов времен ища причала,
Ковчег народов предан весь труду:
Где пал один, другой начнет сначала...
Нам бог сказал: «Народы, я вас жду!»

В эпохе первой в мир инстинктов грубых
Вошла звеном связующим семья:
Особняком, в каких-то жалких срубах
С детьми ютились жены и мужья.
Но вот сближаться робко стали дети:
И тигр, и волк для них был общий враг...
То колыбель была союза в свете,
И бог сказал: «Я буду к смертным благ!»

А во второй эпохе пышным древом
Цвела отчизна; но и ей в крови
Пришлось расти: к врагам пылая гневом,
Лишь за своих вступались свои!
За рабством вслед упрочилось тиранство,
И раболепством был испорчен век.
Но засияло в мире христианство —
И бог сказал: «Воспрянь, о человек!»

И, вопреки господствовавшим нравам,
Эпохи третьей выдвинут Алтарь.
Все люди — братья; силу гонят правом;
Бессмертен нищий так же, как и царь.
Науки свет, закон, искусства всходы —
Всё, всё для всех! С победой на челе,
В одно связует пресса все народы...
И бог сказал: «Все — братья на земле».

Царит сама Гуманность в веке новом.
Идей отживших власть уж не страшна:
В грубейших странах ветер с каждым словом
Гуманной мысли сеет семена...
Мир, мир труду, снабжающему хлебом, —
И пусть любовь людей соединит!
Когда ж опять мы землю сблизим с небом,
В нас бог детей своих благословит.

Одну семью уж люди составляют...
Что я сказал? Увы, безумец я:
Кругом штыки по лагерям сверкают,
Во тьме ночной чуть брезжится заря...
Из наций всех лишь Франция вступила
На путь широкий с первою зарей.
Ей бог сказал: «Ты новый путь открыла —
Сияй же миру утренней звездой!»

НИЩАЯ

LA PAUVRE FEMME

Снег валил. Тучами заволокло все небо.
Спешит народ из церкви по домам.

А там, на паперти, в лохмотьях, просит хлеба
Старушка у людей, глухих к ее мольбам.
Уж сколько лет сюда, едва переступая,
Одна, и в летний зной и в холод зимних дней,
Плетется каждый день несчастная — слепая...
Подайте милостыню ей!

Кто мог бы в ней узнать, в униженной, согбенной,
В морщинах желтого, иссохшего лица,
Певицу, бывшую когда-то примадонной,
Владевшей тайною обворожать сердца.
В то время молодежь вся, угадав сердцами
Звук голоса ее и взгляд ее очей,
Ей лучшими была обязана мечтами.
Подайте милостыню ей!

В то время экипаж, певицу уносивший
С арены торжества в сияющий чертог,
От натиска толпы, ее боготворившей,
На бешеных конях едва проехать мог.
А уж влюбленные в ее роскошной зале,
Сгорая ревностью и страстью всё сильней,
Как солнца светлого — ее приезда ждали.
Подайте милостыню ей!

Картины, статуи, увитые цветами,
Блеск бронзы, хрусталей сверкающая грань...
Искусства и любовь платили в этом храме
Искусству и любви заслуженную дань.
Поэт в стихах своих, художник в очертаньях —
Все славили весну ее счастливых дней...
Вьют гнезда ласточки на всех высоких зданьях...
Подайте милостыню ей!

Средь жизни праздничной и щедро-безрассудной
Вдруг тяжкая болезнь, с ужасной быстротой
Лишивши зрения, отнявши голос чудный,
Оставила ее с протянутой рукой.
Нет! не было руки, которая б умела
Счастливить золотом сердечней и добрей,
Как эта — медный грош просящая несмело...
Подайте милостыню ей!

Ночь непроглядная сменяет день короткий...
Снег, ветер все сильнее... Бессильна, голодна,
От холода едва перебирает четки...
Ах! думала ли их перебирать она!
Для пропитанья ей немного нужно хлеба.
Для сердца нежного любовь всего нужней.
Чтоб веровать она могла в людей и небо,
Подайте милостыню ей!

ИЮЛЬСКИЕ МОГИЛЫ

LES TOMBEAUX DE JUILLET

Июльским жертвам, блузникам столицы,
Побольше роз, о дети, и лилей!
И у народа есть свои гробницы —
Славней, чем все могилы королей!

Промолвил Карл: «За унижение трона
Отмстит июль. Он даст победу нам».
Но чернь схватила ружья и знамена,
Париж кричит: «Победа трем цветам!»

О, разве мог победоносным видом
Наш враг-король глаза нам отвести?
Наполеон водил нас к пирамидам,
Но Карл... куда народу с ним идти?

Он хартией смягчает нам законы,
А сам в тиши усиливает власть.
Народ! Ты не забыл, как рушат троны.
Еще король, который хочет пасть!

Уж с давних пор высокий голос строго
В сердцах людей о Равенстве твердит:
К нему ведет широкая дорога,
Но этот путь Бурбонами закрыт.

«Вперед, вперед! По набережным Сены!
Идем на Лувр, на Ратушу, вперед!» —

И, с бою взяв дворца крутые стены,
На старый трон вскарабкался народ.

Как был велик он — бедный, дружный, скромный,
Когда в крови, но счастлив, как дитя,
Не тронул он казны своей огромной
И принцев гнал, так весело шутя!

Июльским жертвам, блузникам столицы,
Побольше роз, о дети, и лилей!
И у народа есть свои гробницы —
Славней, чем все могилы королей!

Кто жертвы те? Бог весть! Мастеровые...
Ученики... все с ружьями... в крови...
Но, победив, забыли рядовые
Лишь имена оставить нам свои.

А слава их — всегда гроза для трона!
Воздвигнуть храм им Франция должна.
Уж не забыть преемникам Бурбона,
Что вся их власть отныне не страшна.

«Нейдут ли вновь со знаменем трехцветным?»
Твердят они в июльский жаркий день.
Они дрожат пред знаменем заветным:
На их чело оно бросает тень.

То знамя путь далекий совершило:
К скале святой Елены в океан, —
И перед ним раскрылась там могила,
И встал ему навстречу великан.

Свое чело торжественно склоняя,
«Я ждал тебя!» — сказал Наполеон,
И, в небеса навеки исчезая,
Меч в океан, ломая, бросил он.

Какой завет оставил миру гений,
Когда свой меч пред знаменем сломал?
Тот меч грозой был прежних поколений;
Он эту мощь Свободе завещал.

Июльским жертвам, блузникам столицы,
Побольше роз, о дети, и лилей!
И у народа есть свои гробницы —
Славней, чем все могилы королей.

Напрасно смысл великому движенью
Вельможи дать хотели бы иной, —
Не приравнять им подвиг к возмущенью!
Кто мстил тогда, тот жертвовал собой.

Слыхали мы, что с ангелами, дети,
Вам говорить дано во время сна:
Узнайте, что ждет Францию на свете, —
Утешьте тех, кем вольность спасена!

Скажите им: «Герои! Ваше дело
Нам суждено в грядущем охранять.
Вы нанесли удар громовый смело,
И долго мир он будет потрясать».

И пусть в Париж все армии, народы
Придут стереть следы июльских дней, —
Отсюда пыль и семена Свободы
В мир унесут копыта их коней.

Во всех краях Свобода водворится.
Отживший строй погибнет наконец!
Вот — новый мир. В нем Франция — царица,
И весь Париж — царицы той дворец.

О дети, вам тот новый мир готова,
В могилу здесь борцы сошли уснуть,
Но в этот мир следы французской крови
Для всех людей указывают путь!

Июльским жертвам, блузникам столицы,
Побольше роз, о дети, и лилей!
И у народа есть свои гробницы —
Славней, чем все могилы королей!

ПРОЩАЙТЕ, ПЕСНИ!

ADIEU, CHANSONS!

Чтоб освежить весны моей трофеи,
Когда-то полный блеска и огня,
Я вздумал петь, — но слышу голос феи,
Что у портного нянчила меня:
«Взгляни, мой друг, зима уж наступила.
Ищи приют для долгих вечеров.
Ты двадцать лет пропел под шум ветров,
И голос твой борьба уж надломила.
Прощайте, песни! Старость у дверей.
Умолкла птица. Прогремел Борей.

Те дни прошли, когда в клавиатуре
Твоей души был верен каждый звук,
Когда, как молния, навстречу буре
Твоя веселость вспыхивала вдруг.
Стал горизонт и сумрачней и уже,
Беспечный смех друзей твоих затих.
Сколь многих нет из сверстников твоих,
Да и Лизетты нет с тобой к тому же!
Прощайте, песни! Старость у дверей.
Умолкла птица. Прогремел Борей.

Ты пел для масс — нет жребия чудесней!
Поэта долг исполнен до конца.
Ты волновал, сливая стих свой с песней,
Всех бедняков немудрые сердца.
Трибуна речь всегда ль понятна миру?
Нет! Но, грозивший стольким королям,
Ты, не в пример напыщенным врялям,
Простой волынке уподобил лиру.
Прощайте, песни! Старость у дверей.
Умолкла птица. Прогремел Борей.

Ты стрелы рифм умел острить, как жало,
Чтоб ими королей разить в упор.
Ты — тот победоносный запевало,
Которому народный вторил хор.
Чуть из дворца перуны прогремели.
Винтовки тронный усмирили пыл.

Твоей ведь Музой взорван порох был
Для ржавых пуль, что в бархате засели.

Прощайте, песни! Старость у дверей.
Умолкла птица. Прогремел Борей.

Ты сердцем чист был в годы испытаний,
Ты на добычу не хотел смотреть.

Теперь, в венце своих воспоминаний,
И годы старости достойно встретить.

Учи пловцов искусству переправы,
Им повествуя про былые дни;

Когда ж возвысят Францию они,

Согрейся сам у пламени их славы».

Прощайте, песни! Старость у дверей.
Умолкла птица. Прогремел Борей.

О фея добрая, в мою мансарду

Пришла ты вовремя пробить отбой.

Забвенье скоро стихнувшему барду,

Рожденное покоем, даст покой.

Когда ж умру, свидетели сраженья —

Вздохнут французы, грустно говоря:

«Его звезду, сверкавшую не зря,

Бог погасил задолго до паденья».

Прощайте, песни! Старость у дверей.

Умолкла птица. Прогремел Борей.

ВИЛЬГЕМУ

L'ORPHEON

Мой старый друг, достиг ты цели:

Народу подарил напев —

И вот рабочие запели,

Мудреным ладом овладев.

Твой жезл волшебный, помогая,

Толпу с искусством породнит:

Им озарится мастерская,

Он и кабак преобразит.

Вильгем, кем юношеству в школе
Открыты Моцарт, Глюк, Гретри,
С народом, темным поневоле,
Словами песни говори!
В сердца, не знавшие веселья,
Высоких чувств пролить елей, —
Друг, это сумрак подземелья
Осыпать золотом лучей.

О музыка, родник могучий,
В долину бьющий водопад!
Упоены волной певучей
Рабочий, пахарь и солдат.
Объединить концертом стройным
Земную рознь тебе дано.
Звучи! В сердцах не место войнам,
Коль голоса слились в одно.

Безумен бред литературы,
Ты покраснеть ее заставь!
Ее уроки — злы и хмуры,
Ей новый Вертер снится въявь.
Осатанев от пресыщенья,
В стихах и в прозе, во всю прыть,
Она взалкавших утешенья
Спешит от жизни отвратить.

Над девственным пластом народа,
Чей разум темен, резок нрав,
Ты приподымешь тусклость свода,
Покров лазурный разостлав.
И звуки, властные сальфиды,
Овеют молот, серп и плуг.
И смертоносный нож обиды
Ненужно выпадет из рук.

Презрев успех на нашей сцене, —
Доходной славы ореол,
Довольство, толки об измене, —
К рабочим детям ты пришел.
Толпу влекло твое раденье,
Твоих уроков щедрый сев, —
И к небесам, в горячем рвенье,
Ты направлял ее напев.

Придет ли время шумной славе
Слететь на тихий подвиг твой?
Не все ль тебе равно? Ты вправе
Гордиться славной нищетой.
Ты дорог тем, в ком светлой силой
Душевный мрак рассеял ты.
Верь: будут над твоей могилой
Напевы, слезы и цветы!

ГОЛУБИ БИРЖИ

LES PIGEONS DE LA BOURSE

Вы, голубки, — которым Муза
Служить Любви вручала честь, —
Куда ваш путь? — Мы от француза
Несем бельгийцу с биржи весть.
— Все в руки забрано дельцами!
И, не избегнув кабалы,
Должны служить им маклерами
Венеры нежные послы!

Ужель поэзией напрасно
С любовью вскормлен человек?
Увы! страсть к золоту опасна:
С ней красоты короче век!..
От нас, о голуби, летите
И, в наказанье миру вновь,
С земли на небо унесите
И вдохновенье и любовь!

КРЕСТИНЫ ВОЛЬТЕРА

LA BAPTÊME DE VOLTAIRE

В храм народ толпой стремится,
Наступает час крестин:
Нынче должен там креститься
Казначей хилый сын.

Сам кюре распорядился,
Чтоб звонарь поторопился...
Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Денег хватит, по расчету
Дальновидного кюре,
С тех крестин на позолоту
Всех сосудов в алтаре;
Может — если постараться —
И на колокол остаться!..
Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Органист — и тот в волнении,
В ожидании крестин,
И пророчит в умиленьи:
«По отцу пойдет и сын!
Будет старостою в храме,
Ну, и в доле будет с нами...»
Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Крестной матери прекрасной
Шепчет поп: «Как хороши
Ваши глазки! Свет их ясный —
Признак ангельской души.
Крестник ангела земного!
Вижу я в тебе святого...»
Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

А причетник добавляет:
«По уму пойдешь ты в мать,
В мать родную; всякий знает:
Ей ума не занимать!
Строгий нравом, — будешь, малый,
Инквизитором, пожалуй!»
Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Вдруг, с небес, как привиденье,
Тень насмешника Рабле
Появилась на мгновенье
Над малюткой Аруэ —
И пошла сама пророчить,
В мудрецы ребенка прочить...

Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

«Франсуа-Марией вами
Назван мальчик этот... — Нет,
Под такими именами
Знать его не будет свет;
Но ему — с поместьем пэра —
Слава имя даст Вольтера».

Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

«Как философ и новатор
Скоро мир он поразит
И, как смелый реформатор,
Даже Лютера затмит.
Суждено ему, малютке,
С корнем вырвать предрассудки».

Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Тут кюре прикрикнул строго:
«Взять под стражу тень Рабле!
И крестины стоят много,
И обед уж на столе...
Мы управимся с ребенком,
Будь он после хоть чертенком!..»

Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Но Рабле умчался быстро,
Крикнув: «Чур, меня не тронь!
Бойтесь крошки: в нем есть искра,
Вас сожжет его огонь, —
Иль повеситесь вы сами
Наряду с колоколами».

Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

КЛАРА

CLAIRE

Что за девушка! Так кротко
Светит взгляд из-под бровей,
Так легка ее походка,
Столько радостей у ней!
Хоть швея, а с ней сравниться
И не думай — так стройна.
Кларой сам отец гордится, —
    Дочь могильщика она.

За кладбищенской оградой
Весь в плюще и розах дом.
Вместе с утренней прохладой
Зяблик свищет под окном.
Белый голубь над могилой
Замедляет свой полет.
Не его ли песней милой
    Дочь могильщика зовет?

У стены, где все цветенье,
Замираешь сам не свой,
Потому что чье-то пенье
Так и реет над душой.
Эта песня счастьем веет,
То печальна, то ясна.
Ах, зачем так петь умеет
    Дочь могильщика одна!

Клара встанет до рассвета
И смеется целый день.
В руки Клары — для букета —
Так и просится сирень.
Сколько роз здесь в мае будет
Для того, кто хочет жить...
Никогда их не забудет
    Дочь могильщика полить.

Завтра праздник — быть угару.
Жан-могильщик сгоряча
Раскошелился и Клару
Выдает за скрипача.

Уж совсем готово платье,
Сердце бьется и поет.
Пусть от жизни больше счастья
Дочь могильщика возьмет!

ПОТОП

LE DÉLUGE

Я выполнил священный долг пророка,
О будущем я бога спросил.
Чтоб покарать земных владык жестоко,
Залить весь мир потопом он решил.
Вот океан, рыча свирепо, вздулся...
«Глядите же!» — кричу князьям земли.
Они в ответ: «Ты бредишь! Ты рехнулся!»
Потонут все бедняжки-короли...

Но в чем вина монархов этих, боже?
Двух-трех из них благословят в веках,
А коль несем мы иго — ну так что же? —
Забыл народ о собственных правах.
Валы кипят и с ревом налетели
На тех, кто жил от всех забот вдали:
Они ковчег построить не успели...
Потонут все бедняжки-короли!

Воззвал к волнам потомок черный Хама,
Царь Африки, что босиком весь год.
«Смиритесь же! — он им кричит упрямо, —
Я — божество! Удвойте мой доход!»
Ведь золото царю всех черных наций
Должны везти пиратов корабли:
Он продаст им негров для плантаций...
Потонут все бедняжки-короли!

«Сюда, ко мне! — кричит султан жестокий. —
Рабы, рабыни, все, кто уцелел!
Воздвигну я, чтоб обуздать потоки,
Плотину из покорных ваших тел!»

В гареме, где он нежиться так любит,
Невольники у ног его легли.
Куря кальян, он головы им рубит...
Потонут все бедняжки-короли!

Вот началось... Дрожат цари Европы,
Спасет союз священный их едва ль.
Все молятся: «Избавь нас от потопа!»
Но бог в ответ: «Тоните, мне не жаль!»
О, где ж они, венчанные персоны?
Где троны их? Всё волны унесли.
Все будут переплавлены короны,
Потонут все бедняжки-короли!

«Пророк, скажи, кто океан сей грозный?» —
«То мы, — народы... Вечно голодны,
Освободясь, пойдем мы, хоть и поздно,
Что короли нам вовсе не нужны.
Чтоб покарать гонителей свободы,
Господь, на них наш океан пошли!
Потом опять спокойны станут воды:
Потонут все бедняжки-короли».

УЛИТКИ

LES ESCARGOTS

С квартиры выгнан, по полям
Скитаюсь я, связав пожитки.
Присел передохнуть, а сам
Смотрю, как ползают улитки.
О, как чванливы, как жирны
Вы, слизняки моей страны!

Вот эта — очень уж жирна —
Мне крикнуть хочет: «Друг сердечный,
Проваливай скорей!» (Она —
Домовладелица, конечно!)
О, как чванливы, как жирны
Вы, слизняки моей страны!

У раковины на краю
Приятно кланяться знакомым.
В ней буржуа я узнаю,
Своим гордящегося домом.

О, как чванливы, как жирны
Вы, слизняки моей страны!

Не надо ей дрожать зимой
И на квартиру разоряться.
Горит сосед — она домой
Сумеет вовремя убраться.

О, как чванливы, как жирны
Вы, слизняки моей страны!

Для скуки слишком неумна,
Не оставляя гордой позы,
Живя за счет других, она
Слюнявит виноград и розы.

О, как чванливы, как жирны
Вы, слизняки моей страны!

Напрасно свищет соловей, —
Зачем улитке птичье пенье?
Жирея в ракушке своей,
Она вкушает наслажденье.

О, как чванливы, как жирны
Вы, слизняки моей страны!

«Как, жить процентами ума,
Когда имеешь дом доходный?» —
Улитка не сошла с ума.

Иди-ка прочь, бедняк голодный!

О, как чванливы, как жирны
Вы, слизняки моей страны!

Улитки — что ни говори —
Сзывают съезды по палатам,
И эта вот (держу пари!)
От правых будет депутатом.

О, как чванливы, как жирны
Вы, слизняки моей страны!

Не научиться ль ползать мне
И, всем друзьям своим в забаву,
Пройти в Сенат по всей стране —
По избирательному праву?

О, как чванливы, как жирны
Вы, слизняки моей страны!

МОЯ ВЕСЕЛОСТЬ

MA GAÏETE

Моя веселость улетела!
О, кто беглянку возвратит
Моей душе осиротелой —
Господь того благословит!
Старик, неверною забытый,
Сижу в пустынном уголке
Один — и дверь моя открыта
Бродящей по свету тоске...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она бы, резвая, ходила
За стариком, и в смертный час
Она глаза бы мне закрыла:
Я просветлел бы — и угас!
Ее приметы всем известны;
За взгляд ее, когда б я мог,
Я б отдал славы луч небесный...
Ко мне ее, в мой уголок!
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Ее припевы были новы,
Смирjali горе и вражду;
Их узник пел, забыв оковы,
Их пел бедняк, забыв нужду.
Она, моря переплывая,
Всегда свободна и смела,
Далеко от родного края
Надежду ссыльному несла.

Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

«Зачем хотите мрак сомнений
Внушать доверчивым сердцам?
Служить добру обязан гений, —
Она советует певцам. —
Он как маяк, средь бурь манящий
Ветрила зорких кораблей;
Я — червячок, в ночи блестящий,
Но эта ночь при мне светлей».
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она богатства презирала
И, оживляя круг друзей,
Порой лукаво рассуждала,
Порой смеялась без затей.
Мы ей беспечно предавались,
До слез смеялись всем кружком.
Умчался смех — в глазах остались
Одни лишь слезы о былом...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она восторг и страсти пламя
В сердцах вселяла молодых;
Безумцы были между нами,
Но не было меж нами злых.
Педанты к резвой были строги.
Бывало взгляд ее один —
И мысль сверкнет без важной тоги,
И мудрость взглянет без морщин...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

«Но мы, мы, славу изгоняя,
Богов из золота творим!»
Тебя, веселость, призывая,
Я не хочу поверить злым.
Без твоего живого взгляда
Немеет голос... ум бежит...

И догоревшая лампада
В могильном сумраке дрожит...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

КОНЕЦ СТИХАМ

PLUS DE VERS

Конец стихам, как ни кипит желанье!
Старинной силы в рифмах нет моих.
Теперь мне школьник страшен в состязанье,
По пальцам составляющий свой стих.
Когда, как встарь, мой голос начинает
Беседу с сердцем в глубине лесов,
Родной их шум мне прозой отвечает...
    Меня покинул светлый дар стихов.

Конец стихам! Как осенью глухою
Поселянин в увядший сад идет
И смотрит: под последнею листвою
Не притаился ль где забытый плод, —
Так я хожу, ищу. Но все увяло;
На дереве ни листьев, ни плодов:
Корзины не наполнить, как бывало...
    Меня покинул светлый дар стихов.

Конец стихам! Но я душой внимаю
Зов бога к вам, поникшие сердца:
«Воспрянь, народ, тебя провозглашаю
Отныне я наследником венца!»
И радостен, и полон веры ясной,
Тебе, народ-дофин, я петь готов
О милости и кротости... Напрасно!
    Меня покинул светлый дар стихов.

ФЕНИКС

LE PHENIX

Мирные семьи простых пастухов
Жили когда-то в долине цветущей
И управлялись уж много веков
Сами собою, без власти гнетущей.

Феникс является вдруг за рекой,
Кличет к себе их на берег крутой,
Вышел герольд. «Торопитесь! — кричит. —
Редкая птица, как раз улетит.

Птица великая мой властелин:
Крыльями в кесарском их трепетанье
Двадцать народов покроет один.
Ради их блага готов на закланье —
Феникс не может вполне умирать:
Он возродится из пепла опять.
Эй, торопитесь! — герольд им кричит. —
Редкая птица, как раз улетит.

Эй, торопитесь! — Молчанье в ответ. —
Эх! Кабы вышел властитель мой чудный,
Вас ослепил бы невиданный свет:
Гребень алмазный и клюв изумрудный —
Что твое солнце, не выдержит глаз —
Сразу б колосья созрели у вас.
Эй, торопитесь! — герольд им кричит. —
Редкая птица, как раз улетит».

«Будет болтать! — отвечает старик. —
Что ты заладил: мол, редкий да редкий!
Наш брат-хозяин к таким не привык,
В доме потребнее куры-наседки.
А насчет песен — для здешних людей
Песня малиновки будет нежней.
Экое счастье, что гребень блестит:
Редкая птица пусть мимо летит!

Наши прапрадеды видели раз
Феникса этого пепел горящий.
Что ж в нем нашли? Вместо сердца алмаз —
Крупный, взаправду, как солнце блестящий.
Точно, красив, — да тепла, значит, нет.
Не ко двору нам твой феникс, мой свет.
Так-то, не грея, и месяц блестит,
Редкая птица пусть мимо летит!»

МУРАВЬИ

LES FOURMIS

Муравейник весь в движенье,
Все шумит, кричит, снует.
Войско в сборе к выступленью, —
Царь ведет его в поход.
Полководец горячится,
Возглашая храбрецам:
«Целый мир нам покорится!
Слава, слава муравьям!»

Войско в марше достигает
До владений гордой тли,
Где былинка вырастает
Из-за камня, вся в пыли.
Царь командует: «Смелее!
С нами бог — и смерть врагам!
Молодцы, ударь дружнее!
Слава, слава муравьям!»

Есть у тли свои герои
Для свершенья славных дел:
Все помчалось в вихорь боя.
Сколько крови, мертвых тел!
Наконец — хоть храбро билась —
Тля бежит по всем углам.
Участь варваров свершилась!
Слава, слава муравьям!

Двое старших адъютантов
Сочинили бюллетень,
Днем сражения гигантов
В нем был назван этот день.
Край разграбить покоренный
Остается молодцам.
Что трухи тут запасенной!
Слава, слава муравьям!

Вот под аркой из соломы
Триумфальный вьется ход,
Чернь, работавшая дома,

Натошак «ура» ревет.
Местный Пиндар в громкой оде
Всем другим грозит врагам
(Оды были очень в моде).
Слава, слава муравьям!

В пиитическом паренье
Бард гласит: «Сквозь тьму времен
Вижу мира обновенье;
Муравьи, ваш данник он!
И когда земного шара
Все края сдадутся нам,
Ты, о небо, жди удара!
Слава, слава муравьям!»

Он еще не кончил слова
Пред восторженной толпой,
Как нечаянно корова
Залила их всех мочой.
Лишь какой-то Ной остался...
«Океан на гибель нам, —
Говорит он, — разливался!»
Слава, слава муравьям!

МОЙ САДИК

MON JARDIN

Я часто бога беспокою;
Но он так благ, что мне в ответ
Шлет вечно что-нибудь такое,
Чем я утешен и согрет.

Раз я сказал: «Летят мгновенья;
Мне шестьдесят; в моей груди
Уж гаснут искры вдохновенья...
Чем скрасить время впёреди?»

Вино зажечь могло бы радость,
Вернуть веселье с ним легко, —

Но одному и пир не в сладость,
А все друзья так далеко!..

Любви не ждет меня улыбка,
И сердцу не к чему вздыхать,
Хоть жаждет бедное, как рыбка,
И подо льдом еще играть.

Твердили мне: «Чтоб ждать без страха
Суда людей твоим стихам,
Трудись; для собственного праха
Готовь бессмертья фимиам».

Но и хвала теперь мне — бремя,
В мои лета уж не поют!
И хоть часы заводит время, —
Они идут, но уж не бьют.

Да, отдых здесь, с тобой, природа, —
Вот мой удел. Но пусть творец
Мне не откажет в капле меда,
Который любит и мудрец!..

О боже, дай мне к счастью средство!
Словам бесхитростным внемли:
Я, как старик, впадаю в детство, —
Игрушку, боже, мне пошли!»

Сказал — и вижу: распустились
Вокруг меня рои цветов;
Зари алмазы заискрились
В оправе пестрых лепестков.

Беру я грабли, чищу, сею —
И за цветком растет цветок.
По воле бога я успею
В рай превратить мой уголок.

Деревья! тень свою мне дайте!
Цветы! мне запах дайте свой!
Вы ж, птички, бога прославляйте
В саду, укрытые листвою!

УРОК ИСТОРИИ

LA LEÇON D'HISTOIRE

Великий пленник океана
Один по острову гулял.
Красивый мальчик, сын Бертрана,
К нему с цветами подбежал.
Наполеон присел вздыхая:
— Дитя, приди ко мне на грудь!
Быть может, в Вене там, страдая,
Мой сын обласкан кем-нибудь...

Скажи: ты учишься? Чему же?
— Я, государь, с отцом моим
Учу историю... Не хуже
Других детей я знаю Рим!
— Да, Рим... А Францию?.. Хоть славе
Мы римлян честь отдать должны,
Родной истории не вправе
Не знать отечества сыны!

— О государь! Ее я знаю,
Известны галлы, франки мне...
Всегда охотно я читаю
О нашей славной старине:
О том, как веру принял Хлодвиг,
Как пал язычества престиж,
Как Женевьевы скромный подвиг
Спас от Атиллы наш Париж;

Как, из железа будто скован,
Грозой арабов был Мартелл;
Как, в Риме папой коронован,
Потом учиться Карл хотел;
Как с крестоносцами своими
Людовик дважды выступал:
Герой — ходил он за больными,
Король — страдальцев утешал!

— Да, сын мой!.. не было честнее
Законодателя, чем он!

Теперь скажи: кто всех храбрее
Шел защищать народ и трон?
— Баярд, Конде, Тюренн... Нам вечно
Примером будет их успех!
Но подвиг Жанны д'Арк, конечно,
Для сердца трогательней всех.

— Ах! Это имя пробуждает
Всё, чем гордиться мы должны.
Всех женщин Жанна возвышает,
Явясь защитницей страны...
Чудесной силою молитвы
Владела дочь родной земли —
И там выигрывала битвы,
Где отступали короли.

Взамен искусства и науки
В ней искра божия была:
Судьбу всей Франции ей в руки
Лишь божья власть отдать могла!..
Когда для общего спасенья
Рок только жертвы чистой ждёт,
Господь ту жертву искупленья
Из темных масс всегда берет...

Позор и горе тем, кто брани
Подверг тебя — борцов сестру...
И да погибнут англичане,
Тебя влачившие к костру!
Их гордость стоит наказанья,
Смириться их заставит бог:
Он вместо пепла покаянья
Для них твой пепел приберег!..

И, забывая, где и с кем он,
Наполеон воскликнул вдруг:
— Как Жанну д'Арк — меня ты, демон!
Лишь мертвым выпустишь из рук!
Но, Альбион! чтоб от насилья
Ей не томиться, как в аду,
Она в костре нашла хоть крылья...
А я пять лет уж смерти жду!

Заплакал мальчик. Детским горем
Герой растроган. — Вот, смотри:
Идет с улыбкой там, над морем,
Отец твой. Слезки оботри!
Зови его... А я на камне
Здесь подожду вас...ну, лети!
Ах, как ни плачь мой сын, нельзя мне
К нему с улыбкой подойти!

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ АВГУСТА

(Моим друзьям)

DIX-NEUF AOÛT

(A mes amis)

Август! Девятнадцатое! Боже,
Что за дата! В этот самый день
Я пришел на свет, под солнцем тоже
Влечь свою коротенькую тень.
Плакал ангел, мать моя стонала.
Для того чтобы родиться, я,
Знаю, побарахтался немало, —
Вы уж извините мне, друзья!

Добрый ангел протянул мне руку,
Но, щипцы расставив, акушер
Взял к себе в помощницы науку
И извлек младенца на простор.
Оттого ль, что горьким наважденьем
Показалась мне вся жизнь моя,
Только долго медлил я с рожденьем, —
Вы уж извините мне, друзья!

Ангел не был неразумным скрягой:
Он сказал, что в жизни кочевой
Буду полунищим я бродягой
Песни петь и плакать над толпой.
Что отныне, как бы мне ни пелось,
Ждет меня тюремная скамья.

Оттого и жить мне не хотелось, —
Вы уж извините мне, друзья!

Добрый ангел предсказал мне тоже
Много для страны родимой гроз:
Будет счастье на любовь похоже,
Будет убивающий мороз.
Самое глухое из столетий!
Слава канет в пропасть забытья...
Как мне не хотелось жить на свете! —
Вы уж извините мне, друзья!

Но родиться мог я и с улыбкой,
Если б ангел захотел сказать,
Что с друзьями в этой жизни зыбкой
Научусь я горе забывать.
Если б знать мне: сколько обещаний
Сдержит дружба, спутница моя,
Если б знать! Но я не знал заранее, —
Вы уж извините мне, друзья!

СВЕРЧОК

LE GRILLON

У камина, дремотно мечтая,
Шевелю я щипцами золу.
Мне сверчок подпеваёт в углу,
Тянет песню старик, не смолкая.
Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

Наших песенок сходно значенье.
Ты своей забавляешь ребят,
А моей селянин да солдат
Услаждают полночное бденье.
Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

Но, быть может, ты — хитрый бездельник,
Проскользнувший в наряде сверчка
Подглядеть, не завел ли грешка
В одиночестве старый отшельник?

Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

Паж волшебницы ль ты благосклонной?
Сильф ли, чуждый огню моему,
Прилетевший разведать, чему
Служит сердце порою преклонной?
Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

Нет, иное мне чудится, право:
Ты поэт, воскрешенный в сверчке,
Что замерз на сыром чердаке,
Карауля жестокую славу.
Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

Славой бредят врачи, дипломаты,
Но поэтам нужнее венец.
Всем воздай по заслугам, творец!
Не оставь и сверчка без отплаты.
Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

Слава, ты лишь безумцу желанна,
Мудрый выше тщеславных забот.
Счастлив тот, кто в свой дом унесет
Лиру, честь и любовь невозбранно.
Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

Зависть глухо и злобно грозитя
Всем, чьи в мире гремят имена.
Что же, если земля так тесна,
Значит, надо уметь потесниться!
Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

Ты судьбе послужил на забаву.
О, я тайну твою разгадал!
Независимость тот проиграл,
Кто, безумствуя, выиграл славу.
Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

У огня пред уютным камином,
Распевая и тешась вдвоем,
Мы, забытые, здесь заживем:
Ты — в норе, я — на кресле старинном.
Хорошо нам с тобою, сверчок,
Вдалеке от житейских тревог.

ТАМБУРМАЖОР

(Молодому критику)

LE TAMBOUR-MAJOR

(A un jeune critique)

Я на вопрос: «Как ваше мнение?» —
Скажу вам вот что: ложный вкус
Пора изгнать, и я гоненье
Начать немедленно берусь.
Авось окажет вам подмогу
И в деле критики певец:
Где мгла, там часто на дорогу
Выводит зрячего слепец!

О, гром стихов высокопарных!
Как ты противен мне и дик!
Толпа новаторов бездарных
Совсем испортит наш язык;
Собьет нас с толку фраз рутина,
И будут впредь, к стыду страны,
Для Лафонтена и Расина
Нам переводчики нужны.

На музу глядя, я краснею!
Она теряет всякий стыд
И давит формою идею,
Приняв отменно важный вид;
Не скажет «страсти», а «вулканы»,
Не «заговор», а «грозный риф»!
Ее герои — истуканы,
И вся их слава — дутый миф...

Искусство быстро вымирает,
Где вырождаться начал вкус.
Ведь лексикон свой расширяет
Народ без нас, без наших муз...
Он новых слов даст много свету
При новом веянье в стране;
К чему ж подделывать монету,
Которой нет еще в казне?!

Язык наш любит смесь величья
И простоты; он чужд прикрас.
Педант и школьник — без различья —
Пугают вычурностью фраз!
В нем есть давно слова угрозы,
Слова любви в нем есть давно,
И тем, кто вызвать хочет слезы, —
Их исказить запрещено.

Цель языка: чтоб мысль царила
Без всяких блесков и затей.
Пойдем на площадь; окружила
Там батальон толпа детей.
Вот барабанщик. Все в волненье;
Расшит тесемками убор!..
Он — бог войны, в их детском мненье...
«Ура! Ура, тамбурмажор!»

А там, далеко на чужбине, —
Другой, в походном сюртуке,
С холма за битвою в долине
Следит, бинокль держа в руке.
План действий весь его системы:
— Направо! В тыл! Отрежь; ударь!..
Так. Хорошо. А кстати: где мы?
— Мы в Аустерлице, государь.

Вот этот серый человечек
И есть герой; он — мысль... Она
Без фраз, без блесков и колечек
В вожде и в авторе видна!
Она теряет от убора.
И дело критики — следить,
Чтоб в галуны тамбурмажора
Не смели гения рядить!..

ГУСАР

L'OFFICIER

«Лиза, выйдем за ворота!
Выходи скорей, сестра!
Посмотри: гусаров рота,
Трубы, сабли, кивера!
Всё красавцы — да какие!
Сколько слез поди об них...
Нет, мы, девушки простые,
Не найдем мужей таких».

Вышла девушка-красотка —
Подлетел гусар лихой.
«Вот, товарищи, находка,
Вот цветочек полевой!
Сердце выдержать не может;
Через год на ней женюсь,
Если пуля не уложит
Или в плен не попадусь».

Слово, вырвавшись, забылось,
Чуть деревня назади...
Лиза слышала — забилося
Сердце в девичьей груди.
Сон летит от глаз влюбленной,
И все ночи напролет
Целый год перед иконой
Лиза молится — и ждет.

Срок настал — заря сверкает,
Глазки девушки горят,
Сердце бьется; надевает
Лиза праздничный наряд.
Лиза ждет — не он ли скачет...
Лиза слушает... дрожит...
Полночь било. Лиза плачет:
«Бедный, умер!» — говорит.

ИДЕЯ

UNE IDÉE

От зол земных душой скудея,
Искал я выхода в мечтах,
И вот гляжу: летит Идея,
Всем буржуа внушая страх.
О, как была она прекрасна,
Хотя слаба и молода!
Но с божьей помощью, — мне ясно, —
Она окрепнет, господа!

Я крикнул ей: — Куда, бедняжка?
Шпионы притаились тут,
И от судей придется тяжело,
Полиция, жандармы ждут! —
Она в ответ: — Тебя тревожит
Попытка их меня сгубить?
Она народу лишь поможет
Меня понять и полюбить.

— Но ведь твой путь загородили.
Я стар... Боюсь я за тебя!
Солдаты ружья зарядили,
И мчится конница трубя.
— Штыки преградой мне не будут,
Проникну я во вражий стан.
Сердца людей мой голос будит,
Гремя сильней, чем барабан.

— Беги, дитя! Беги скорее!
Тебя сотрут с лица земли!
Взгляни: готова батарея,
Уже дымятся фитили!
— Быть может, нашей завтра станет
Та пушка, что тебя страшит.
Кем адвокат сегодня нанят,
Тому служить он и спешит!

— Тебя невзлюбят депутаты!
— Они ведь с теми, кто сильней.
— В тюрьме сырые казематы!

- Но крылья вырастают в ней.
- Тебя от церкви отлучили!
- Ее проклятий не боюсь.
- Тебя изгнать цари решили!
- Я во дворцы их проберусь.

И вот резня... Властей насилья...
 И кровь и смерть... И смерть и кровь...
 Напрасны мужества усилия —
 Восставшие разбиты вновь.
 Но, в пораженье став сильнее,
 И мертвых лавром увенчав,
 Вновь к небесам летит Идея,
 У побежденных знамя взяв.

ДРОЗД

LE MERLE

Весной, в лесу, где свет неярок
 И где журчит живой родник,
 Я флейту взял, простой тростник,
 Волшебный мудреца подарок.
 На зов ее слетелось вмиг
 Пернатых множество товарок.

Налетели,
 Загалдели,
 Засвистели,
 Льются трели,
     Трели,
     Трели.

Малиновки и коноплянки,
 Дрозды, щеглы и снегири,
 И жаворонок, друг зари,
 Певучей уступив приманке,
 Мой дар за песни — сухари —
 Клевали на лесной полянке.

Налетели,
 Загалдели,

Засвистели,
Льются трели,
Трели,
Трели.

Я встал перед дроздом болтливым:
«Скажи мне, дрозд, откуда страх
Передо мной у вольных птах?
Чуть покажусь я — и пугливо
Уже вы прячетесь в кустах.
А я душой почти сродни вам».

Налетели,
Загалдели,
Засвистели,
Льются трели,
Трели,
Трели.

Дрозд молвил: «Воздух, землю, воды
Для нас одних лишь создал бог.
Не зная никаких тревог,
Плодились мы — закон природы!
Но скоро мир уже не мог
Вместить все виды и породы».

Налетели,
Загалдели,
Засвистели,
Льются трели,
Трели,
Трели.

Но бог дела заметил эти,
И рек он: «Пресеку напасть —
Кому-нибудь доверю власть,
Кто б их убавил на две трети,
Чтоб ими лакомиться всласть».
И человек возник на свете...

Налетели,
Загалдели,
Засвистели,
Льются трели,

Трели,
Трели.

«С тех пор от деспота беда нам:
Он нашу птичью мелюзгу
На каждом стережет шагу.
Пресыщен хлебом он румяным, —
Идет нередко на рагу
Сам соловей к иным гурманам!»

Налетели,
Загалдели,
Засвистели,
Льются трели,
Трели,
Трели.

«Забудь, мой дрозд, свои проклятья, —
Сказал я, — вот мой талисман:
Я с ним, поверь, не злой тиран
И всех люблю вас без изъятья.
Мне общий с вами жребий дан:
Ведь птицы и поэты — братья».

Налетели,
Загалдели,
Засвистели,
Льются трели,
Трели,
Трели.

Тут поднялись восторгов бури,
А дрозд, сквозь гам и кутерьму,
Кричит: «Он знает песен тьму!
Он добрый малый по натуре!
Не худо б крылья дать ему,
Чтоб с нами он парил в лазури».

Налетели,
Загалдели,
Засвистели,
Льются трели,
Трели,
Трели.

ГУТЕНБЕРГ

GOUTENBERG

Ах, господа! Совсем некстати
Мне, старику, такой почет!
Напрасно колыбель печати
На торжество меня зовет:
Приличней мне блюсти келейно
Мой уголок в пример другим,
Чем опечалить эхо Рейна
Дрожащим голосом своим.

Вам Ламартина мало, что ли?
Он гимн такой вам сочинит,
Что весь свой труд — хоть против воли —
Сочтет оплаченным Давид.
О, Гутенберг! Теперь по праву, —
Увидев статую свою, —
Ты в небесах поверишь в славу
Неоспоримую твою!

Стекло к стеклу шалун приставил, —
Глядь — телескоп изобретен!
А тот, кто Страсбург ваш прославил, —
Чего хотел? Чем грезил он?
Шепнул ли бог ему, что дело
Печати — выше ремесла?
Что лампа труженика смело
Осветит мир добра и зла?

Он барышей искал иль славы,
Когда, согнувшись над огнем,
Все буквы — будто для забавы —
В обратном виде лил свинцом?
Потом сложил их в строчку... Эка!
А вот и оттиск... Как он рад!
— «Победа!.. Знание человека!
Уж не отступишь ты назад»

Яйцо становится предметом
Забот дальнейших... Гутенберг
Нам дал проект; в проекте этом
Мир это принял, то — отверг.

Мысль совершенствуется миром —
И только та царить начнет,
Которой силу стать кумиром
Все человечество дает.

А ореол-то человека?
Хочу ли я, чтоб он исчез?
Нет! Гутенберг — эмблема века,
Девиз — упроченный прогресс.
И торжество его в отчизне
Жаль пропустить мне, господа!
Но в путь иной, — в путь к вечной жизни, —
Велят готовиться года!

ДЕНЬГИ

L'ARGENT

Друг, помоги поэту:
В долг франков дай пятьсот,
Верней лекарства нету
От всех земных невзгод.
И в городе, и в поле
Тот трижды счастлив сам,
Кто, видя ближних боли,
Даст ранам их бальзам.

Мне деньги станут благом, —
То правдой трудно счесть;
Сурово, шаг за шагом,
Меня водила честь.
Когда неумоимо
Я брел ее путем —
Мелькало счастье мимо
С набитым кошельком.

Кто не родился жадным,
Тот цену деньгам знал.

С упорством беспощадным
Жан-Жак их презирал.
Благословляю каждый
Исток того ручья,
Что исцелит от жажды
С голубкой соловья.

Как копятя богатства?
На это прост ответ: —
Злодейством, кровью братства,
Мне ль жаждать этих бед?
Но деньги — толк напрасный —
Не дьявольский отвар.
Они — товар прекрасный,
Хоть дорогой товар.

Явись творцу охота
Дешевле их сбывать, —
И я смогу без счета
Миллионы раздавать.
Глушцы, которых лирой
Я осмеял, скорей
Дождутся, чтоб сатирой
Хлестнул я богачей.

Творец забыл про это.
Ты ж, друг, будь мне банкир!
Не мелкая монета, —
Кредитка мой кумир.
С кредиткой жить не трудно.
Увы! Сей редкий дар
Мне шлет фортуна скудно
И тает он, как пар.

СОВЕТ

L'AVIS

— О Счастье, Счастье! Неужели
Мы не увидимся никак? —

В бреду предсмертном, на постели,
Твердил мечтатель и чудак.
И вот — чудесное виденье!
— Бедняга, Счастье — пред тобой.
Я всем являюсь в час мученья
В одежде царственной такой.

Ты знал в полях меня когда-то,
Простой Сюзанной я слыла,
Но то, что сердцу было свято,
Твоя ж рука оборвала.
Иной охвачен властью женской,
Ты променял, познав тоску,
То Счастье в юбке деревенской
На Наслаждение в шелку.

Меня узнать ты мог бы в тетке,
Которая тебя всегда
Учила мудрости столь кротко
И правде строгого труда.
С тобой беседуя, как с сыном,
Она дала такой совет:
«Стань, милый, просто гражданином!»
А ты ответил: «Я поэт!»

Не я ль, когда в долгах, в неволе
Ты собирался изнемочь,
Был стариком, ссудившим поле
И за тебя отдавшим дочь?
Не торопя тебя расплатой,
Он говорил: «Здесь, на лугу,
Трудись сохою и лопатой».
А ты ответил: «Не могу».

Тебя уже манила слава,
И я из тихого угла —
Не лицемерно, не лукаво —
Назад безумного звала.
Но ты, в волненье и в тревоге,
Бежал, не слушая, глупец.
И вот очнулся на пороге
Своей могилы наконец.

Бедняк воскликнул: — Боже, боже!
В угаре славы и похвал
Судьба сводила нас — и что же?
Я только грош тебе швырял.
Вся жизнь мне кажется ошибкой,
И лишь теперь, в конце пути,
Я впрямь согрет твоей улыбкой.
Закрой глаза мне!.. Так! Прости!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ

RETOUR A PARIS

Ура, Париж, — владыка мира!
Как он растет, наш властелин!
Вооружась в защиту мира,
Шагает гордо исполин.
И я, заброшенный судьбою
На берег родины моей,
Помолодеть хочу душою, —
Хочу найти своих друзей!

Вот предо мной дворцов громады;
Вот церкви, порт... Куда ни глянь, —
Театры, арки, колоннады —
Искусств божественная дань.
В Париже — перлы их созданий:
Все щедры к родине своей!..
Как в лабиринте этих зданий
Мне отыскать своих друзей?

О прошлом Франции пред светом
Здесь каждый камень говорит,
И слава прошлого приветом
Мечты о будущем дарит. •
Найду ли здесь я вдохновенье?
Едва ль! Но мне, на склоне дней,
И то — большое утешенье,
Что я найду своих друзей!

Париж любое сбросит бремя,
Зарежет словом без ножа
И на остроты тратит время,
Их солью слишком дорожа.
Он легкомыслен по природе, —
Вот мненье сведущих людей;
Но для меня в своем народе
Милей всего найти друзей!

Вот и друзья. Они поэта
Встречают сами в этот день.
Тебя, Париж, за счастье это
Пою, стряхнув невольню лень.
Душа в разлуке засыпает,
Воспоминанья дремлют в ней;
Но этот день их пробуждает:
Я вновь нашел своих друзей!

ПУТЕШЕСТВИЕ

LES VOYAGES

«Хочешь, смелой силой пара
Я тебя с собой умчу
И вокруг земного шара
Шибче птицы пролечу?
Я — железный путь — чрез горы,
Сквозь леса, везде проник;
Ты доверься мне — и вскоре
Будешь знать, как мир велик!»

«Хочешь, — парус предлагает, —
Посмотреть людей тех стран,
От которых отделяет
Нас широкий океан?
Там, быть может, ты откроешь
Новый, чудный свет, старик;
Сумму знаний ты утроишь,
Будешь знать, как мир велик!»

«Хочешь, — молвил шар воздушный, —
К облакам взлететь со мной?
К блеску звезд равнодушный,
Ты коснешься их рукой!
Мир неведомый, чудесный
Я исследовать привык;
Ты, проникнув в свод небесный,
Будешь знать, как мир велик!»

— Прочь! других пусть соблазняют!
Счастлив я и здесь вполне:
Птицы слух мой услаждают,
Тень дают деревья мне;
А когда та тень стуситя
И дневной стихает крик,
И звезда в ручей глядится —
Вижу я, как мир велик!

СВЯТОЙ

LE SAINT

Отшельник не шел на приманки...
Но — бес ведь упрям! —
Пришел к нему сам
Он в образе юной служанки.
Был тверд старина:
«Уйди, сатана! —
Твердит он. — Уйди, сатана!»

Черт вскоре вернулся гризеткой:
С румянцем в лице,
С цветком на чепце
И с речью свободной и меткой...
Но тверд старина:
«Уйди, сатана! —
Твердит он. — Уйди, сатана!»

Танцовщицей после пришел он:
Короткий наряд
И огненный взгляд —
Весь облик соблазна в ней полон...

Но тверд старина:
«Уйди, сатана! —
Твердит он. — Уйди, сатана!»

Тот снова предстал — в виде Музы,
С улыбкой святой
На лире златой
Любви воспевающей узы...
Но тверд старина:
«Уйди, сатана! —
Твердит он. — Уйди, сатана!»

Тогда он явился графией:
С бровями дугой
И с пылкой душой —
Графиня казалась богиней...
Но тверд старина:
«Уйди, сатана! —
Твердит он. — Уйди, сатана!»

Бес выбрал оружие другое:
Он вечером раз
Послал к нему вас...
Свершите, мол, дело благое!..
И что ж? Старина
«Уйди, сатана», —
Не шепчет... Приманка сильна!

Ваш ум, ваша ловкость, веселье —
Все греет в нем кровь,
Все будит любовь...
И смело, в отворенной келье,
Вскричал старина:
«Ко мне, сатана!
Ко мне! О, ко мне, сатана!»

ЧЕГО Я БОЮСЬ

MES CRAINTES

Лебрен, меня ты искушаешь!
Ведь я всего — простой певец;

А ты в письме мне предлагаешь
Академический венец!..
Но погоди, имей терпенье!
Всю жизнь проживши как в чаду,
Я полюбил уединенье
И на призыв твой не пойду.

Ваш светский шум меня пугает;
Я пристрастился к тишине.
«Свет по тебе давно скучает...»
Свет вряд ли помнит обо мне!
Ему давайте меньше славы
И больше денег — свет таков;
А для пустой его забавы
И так достаточно шутов!..

«Займись политикой!» — поэту
Твердят настойчиво одни.
Ужель, друзья, на тему эту
Я мало пел в былые дни?!
Другие мне кричат: «Пророком
Ты назовись отныне сам,
И в этом звании высоком
От нас заслужишь фимиам».

Прослыть великим человеком
Я никогда бы не желал:
Неэкономным нашим веком,
Увы, опошлен пьедестал!
Есть свой пророк у каждой секты,
И в каждом клубе гений есть:
Того спешат избрать в префекты,
Тому спешат алтарь возвесть...

Но переменчива бывает
Судьба подобного столпа,
И часто в год охладевает
К любимым идолам толпа!

Она их гонит: «Вы — не боги,
Вы устарели; отдохнуть
Пора бы вам, покуда дроги
Вас не сvezут в последний путь!»

Да, век наш грубо своенравен;
В нем всякой славе есть конец,
И только тот до смерти славен,
Кто смело топчет свой венец!..
При мне свет многим поклонялся,
И после... грязью в них бросал!
Их ореолу я смеялся,
Над их паденьем — я рыдал!..

Так пусть же, друг мой, вихорь света
Нас за собой не увлечет!
Страшна нужда, но для поэта
Страшней обманчивый почет!..
Боюсь... талантам первоклассным
Твой друг дорогу заградит...
«Быть умным — значит быть опасным»
(Так мне Лизетта говорит).

Умен ли я? Ленив я слишком!
Мне умным быть мешает лень.
Боюсь и с маленьким умишком
Я на других набросить тень!..
Когда страданье тяготеет
Над всеми, вплоть до богачей, —
Верь, самый умный не сумеет
Быть самым лучшим из людей!

Пусть мой пример тебя научит
Свет по достоинству ценить...
Пускай мой пост другой получит,
А я в тиши хочу пожить...
И — в оправдание поэту —
Одно лишь я друзьям скажу:
Чем меньше отдаюсь я свету,
Тем больше им принадлежу!

ФЕЯ РИФМ

(Поэтам-рабочим)

LA FÉE AUX RIMES

(Aux ouvriers poètes)

Вот фея рифм, властительница песен.
В земной туман для счастья послана,
Она поет, и взгляд ее чудесен.
Отдайся ей — иль улетит она.
В размахе крыл простор есть лебединый,
Она несет вступившим с ней в союз
Завидный дар для наших бедных муз:
Алмазы, бриллианты и рубины.
В ее словах для нас любовь и май,
Останься с нами, пой, не улетай!

Пускай мудрец порой кричит: «Куда ты? —
Мечтателю безумному. — Пстой!»
Уж он бежит, горячкой рифм объятый,
От школьных парт за фесей молодой.
Ведь с этих пор и горе и лишенья
Он для нее готов претерпевать.
Чтоб в смертный час к безумцу на кровать
Она присела с песней утешенья.
В ее словах для нас любовь и май.
Останься с нами, пой, не улетай!

Как богачи ей жадно смотрят в очи!
Но, их минуя, предпочтет она
Скупой огонь в простой семье рабочей,
Где песнь ее как хлеб и соль нужна.
Пусть прост обед и темный угол тесен, —
Чтоб здесь жилось бедняге веселей,
Она его из пригоршни своей
Поит вином и дерзким хмелем песен.
В ее словах для нас любовь и май.
Останься с нами, пой, не улетай!

Где дышит пар, в пыли свинцовой гранок,
Она поет, чтоб каждый видеть мог —
В цветах кирку, лопату и рубанок,
Стихи без рифм и славу без сапог.

А с нею в такт поет рабочий молот,
И весь народ уж подхватил припев,
Меж тем как трон внимает, присмирив,
Как там, внизу, отплясывает голод.
В ее словах для нас любовь и май.
Останься с нами, пой, не улетай!

Покрой же, фея, нищету крылами,
Зажги единой радостью сердца;
Вином надежд, а не пустыми снами
Гони заботу с пыльного лица.
И сделай так, чтоб в хижине убогой
Произнесли при имени моем:
«Ведь это он привел ее в наш дом —
Певец вина и юности нестрогой».
В ее словах для нас любовь и май.
Останься с нами, пой не улетай!

ЯМЩИК

LE POSTILLON

Недолгий срок людское племя
Гуляет по тропам земным.
Возница наш — седое Время.
Уже давно дружу я с ним.
Роскошно ль, скромно ли свершаешь путь по свету —
Нешадно гонит старина,
Пока не взмолишься: «Останови карету!
Хлебнем прощального вина!»

Он глух. Ему по нраву — гонка.
Он плетью хлещет, разъярьсь;
Пугая нас, хохочет звонко,
Пока не выворотит в грязь.
Боишься, как бы вдруг не разнесло планету
Копытом звонким скакуна.
Останови, ямщик, останови карету!
Хлебнем прощального вина!

Глупцов разнузданная свора
Швыряет камни в седока.

Бежим, не затевая спора,
Победа будет не легка!
Какой удар несет грядущий день поэту,
Какая смерть мне суждена?
Останови, ящик, останови карету!
Хлебнем прощального вина!

По временам к могильной сени
Нас приближает день тоски.
Но слабый луч — и скрылись тени,
И страхи смерти далеки.
Ты увидал цветок, услышал канцонетту,
Скользнула мышка, чуть видна.
Останови, ящик, останови карету!
Хлебнем прощального вина!

Я стар. На новом перевале
Меня подстава ждет в пути.
Ящик все тот же, но едва ли
Коней он может соблюсти.
Для вас, друзья мои, уже спускаясь в Лету,
Сдержанность хочу я скакуна.
Останови, ящик, останови карету!
Хлебнем прощального вина!

И пусть мой юбилей поможет
Креплению наших старых уз.
Ведь шпора времени не может
Сердечный разорвать союз.
О Радость, приводи друзей к анахорету
Еще хоть двадцать лет сполна.
Останови, ящик, останови карету!
Хлебнем прощального вина!

ПОРОКИ

LES DÉFAUTS

Старик шестидесяти лет —
Царь над мятежными страстями,
Но мне милей весенний цвет
С его роскошными цепями.

О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Мне эти цепи не чужды;
Спасибо им — в дни увлеченья
Я вырвал из когтей нужды
Минуты счастья и забвенья.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

В златые дни счастливых снов
Нас юность к небу устремляла —
В обмане чувственном пиров
Или на крыльях идеала.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Права у старости свои;
Теперь на пиршестве с друзьями
На призыв резвого аи
Не отзываюсь я стихами.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Гризеток в танцах огневых
Вся прелесть для меня поблёкла:
Я не протру, чтоб видеть их,
Своих очков немые стекла.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Мой смех запальчив был — и вот
Пора приходит исправляться...
Над миром плакать должен тот,
Кто уж колеблется смеяться.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Лукавый грех счастливых дней:
Что слава в блеске нестерпимом
Мне повелит идти за ней —
А я скажу: ступайте мимо!

О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Рок добродетелей цветы
Во мне взрастил, но тем же роком
У старца ноги отняты,
Чтобы вернуться за пороком.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

РОЗАН

LE ROSIER

Ты в вазе хрустальной — ты в роскошь попал!
Мне жаль тебя, розан душистый.
Богатый, огнями сверкающий зал
Исполнен заразы нечистой.
В нем ладан клевет и продажных похвал
Чернит твой венец серебристый.
Мне жаль тебя, розан душистый!

От почвы родимой отторгнут и смят,
Ты золотом куплен всевластным.
Тщеславия жертва — весны аромат,
С расцветом, как молодость, ясным.
Служи богачу, как кумиру кадят
Жрецы величаньем согласным.
Ты золотом куплен всевластным!

При радужном блеске несметных огней
Увянешь ты, солнца лишенный.
Отживший богач довременных смертей
Не видит душой утомленной...
Бедняжка, красою поблекшей твоей
Не тронется взор его сонный —
Увянешь ты, солнца лишенный!

С толпою безличной поэт молодой
В волшебном, сверкающем зале
Прошел, благородной склонясь головой
Пред силой, сокрытой в металле.

И в гордой душе безобразной мечтой
Корысть и стяжание встали
В волшебном, сверкающем зале.

Его, как тебя, отравил этот яд.
Пошли, господь, солнца им снова!
Им воздуха нет, стены давят, теснят...
Спаси от нечестья мирского
Весенний расцвет и провидящий взгляд
С венцом из могучего слова, —
Дай, боже, им солнышка снова!

ТЕНЬ СОЛОВЬЯ

L'OISEAU FANTÔME

Раз примадонна молодая
Проснулась ночью. Кто поет?
Иль то любовь к себе зовет,
Волшебной песнью слух лаская?
Нет, это тень, — тень соловья;
Воздушный призрак, в нежной трели
Глубокий замысел тая,
Поет, порхая у постели:
«Послушным был мне чудный голос твой;
Внемли же снова мне — и пой!

Я — дух тебя любившей птицы;
Меня ты сделала ручным,
И думал я, что я любим,
Что я — возлюбленный певицы.
И как я пел! Когда ж в тиши,
В часы бессонницы иль грезы,
Ты подражала мне — души,
Твоей души я слышал слезы!
Послушным был мне чудный голос твой;
Внемли же снова мне — и пой!

Раз ты в театре приводила
В восторг толпу своей игрой;
А дома — враг заклятый мой —

Мартышка клетку отворила...
И вот уж я в ее когтях!
Тебя напрасно призываю:
В блаженстве славы, вся в цветах,
Ты там царишь, — я ж умираю!
Послушным был мне прежде голос твой;
Внемли же снова мне — и пой!

Но у души есть также крылья:
Незримый людям, я исчез,
И, за тобой следя с небес,
Навек стряхнул земную пыль я.
О, сколько плавает миров
По волнам светлого эфира!
И сколько птиц, людей, богов
Поют любовь в пространстве мира!
Послушным был мне прежде голос твой;
Внемли же снова мне — и пой!

На каждой видимой планете
Находит предков человек:
Мудрец, герой, индус и грек
Из тьмы сияют в вечном свете...
И чем мы дальше от земли,
Тем ближе сердцу мир наш тленный,
Хоть он и кажется вдали
Лачужкой в области вселенной.
Послушным был мне прежде голос твой;
Внемли же снова мне — и пой!

Но, населяя бесконечность,
Связать обязан — и навек —
Миры любовью человек,
Внося любовь в обмен за вечность.
Пройдут века и в веке новом —
Каким? бог весть! — сплотит тесней
Бог ореол своих лучей
И озарит нас вечным словом...
Послушным был мне прежде голос твой;
Внемли же снова мне — и пой!

Я — только птица... Много, много
Я вижу птичек над собой!

Мне, перед вечною зарей,
За ними вслед лежит дорога.
Там ждут другие небеса,
И, хору ангельскому вторя,
В них бога славят голоса
Певцов полей, лесов и моря.
Послушным был мне прежде голос твой;
Внемли же снова мне — и пой!

Но из любви к тебе слетаю
Я вновь на землю с высоты —
Здесь обо мне грустила ты —
И песни рая напеваю
Тебе всю ночь я до зари;
Ты пой их после в совершенстве
И всем страдальцам говори
Об общем будущем блаженстве.
Послушным был мне прежде голос твой;
Внемли же снова мне — и пой!»

МОЙ КАРНАВАЛ

MON CARNAVAL

Пока собой ты оживляешь
И каждый пир, и каждый бал,
Ты, друг Антье, узнать желаешь,
Как я справляю карнавал?
Изволь: со мной мой кот — приятель
Да лампа верная моя.
В воспоминаньях как мечтатель
Под старость лет витаю я.

Я вижу призрак пред собою
Былых затей... Вот в маскарад
Спешим мы целою гурьбою, —
На каждом маска и наряд.
Кричим: «Вино, любовь и ласки
Уподобляют нас богам!»
Зачем тогда нам были маски?
Они нужнее старикам!

А помнишь ужины ты наши
С шампанским, купленным в кредит?
И — что всего в них было краше —
Наш смех и волчий аппетит?
Как весел был припев куплета!
Как поцелуй тогда звучал!
Так пировали мы до света, —
Пока нас день не разлучал...

Воспоминанием расцветшим
Я вдохновляюсь, как певец,
И, улыбаясь дням прошедшим,
Готовлюсь встретить свой конец.
Но быть ханжой я не умею:
Ловлю поэзии мечты —
И на краю могилы сею
Свои последние цветы.

Не каюсь я, что, как кумира,
Всю жизнь веселье воспевал,
И, уходя теперь из мира,
Лишь одного бы я желал:
Желал бы я, чтоб прах поэта
Ковер цветов, покрыл весной
И в блеске солнечного света
Резвились дети надо мной!

УРОК

LEÇON DE LECTURE

На лужайке детский крик:
Учит грамоте ребят
Весь седой ворчун-старик,
Отставной солдат.
— Я согнулся, я уж слаб,
А виды видал!
Унтер не был бы, когда б
Грамоте не знал!
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

У меня ль в саду цветок
Насадил я каждый сам,
И из тех цветов венок
Грамотному дам.
Битый — правду говорит
Молвь людей простых —
Стоит двух, кто не был бит,
Грамотей — троих.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Митя, видишь карандаш?
За моей следи рукой:
Это *уже*, а не *наш*;
Экой срам какой!
Да, прислушайте: с полком
В Греции я был,
В двадцать, значит... а в каком,
Значит, позабыл.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Отстояли мы друзей!
Раз иду себе один,
Вижу — школа для детей
У ворот Афин.
В школе учится моряк,
Детям не под стать;
Я взглянул — и как дурак
Начал хохотать.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Но учитель мне сказал:
«Ты глупей ребенка сам:
Ты героя осмеял,
Страшного врагам.
Он за греков мстил — пред ним
Трепетал султан,

И упал, сожжен живым,
Вражий капитан».
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

«Гордость края моего —
Он Канари — да!
В мире встретили его
Горе и нужда;
Он, умея побеждать,
Сел букварь учить,
Всё затем, чтобы опять
Греции служить!»
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Весь зардевшись, в стороне
Я в смущении стоял;
Но герой сжал руку мне,
Слово мне сказал...
Мне послышался завет
Бога самого:
«Знание — вольность, знание — свет;
Рабство без него!»
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

ЗЕМНОЙ ШАР

NOTRE GLOBE

Шар наш земной — да что же он такое?
То — просто старый мчащийся вагон.
Хоть астрономы говорят: «Пустое!» —
Но с рельс сойдет когда-нибудь и он.
Вверху, покорны силе притяженья,
Вращаются такие же шары...
Хочу я знать, небесные миры,
Кто вас привел в движенье?

О странном детстве, прожитом планетой,
Писал Бюффон и говорил Кювье.
Огонь и грязь... И вот из смеси этой
Жизнь началась когда-то на земле.
Зародыш тот волной питало море,
И слизняки лениво поползли.
А человек — недавний гость земли,
Хоть мир погибнет вскоре.

«О прошлое! Ведь мы — над бездны краем! —
Воскликнул я. — Скажи мне, как давно
Вертится мир, в котором мы страдаем?»
Но в прошлом все загадочно, темно.
Там много догм... Разноречивы мненья.
Где правда, ложь — не отыскать вовек.
Оставили индус, и перс, и грек
В наследство нам сомненье.

Мне разъедает душу яд сомнений,
Грядущее пытаться решил я.
Навстречу мне попался новый гений...
«Учитель, как, погибнет ли земля?» —
«Нет, никогда! Жить суждено ей вечно,
Как Троице!» — ответ его гласит.
И песню вновь с друзьями голосит
Мессия тот беспечный.

Грядущее туманно и безгласно,
А прошлое уже покрыла тень.
Сужден иль нет земле прыжок опасный —
Скажи хоть ты, о настоящий день!
Но он молчит, щедедушный и несмелый,
Торопится он, Будущим гоним.
Дни прочие уходят вслед за ним,
Ворча: «Нам что за дело?»

Конец придет — ведь было же начало!
Мир родился — мир должен умереть.
Когда? Судьба об этом умолчала.
Сегодня ль? Или век ему стареть?
Покуда мы о сроках спорим чинно,
Когда земле погибнуть надлежит, —
Она в углу вселенной все висит,
Висит, как паутина...

СВЯТОЙ НАПОЛЕОН

(Посвящается одному барону Империи)

SAINT NAPOLEON

(A un baron de l'Empire)

Барон мой гордый, выползший на свет
Уж после битв, создавших нашу силу,
Вы в честь попали в эти тридцать лет,
Унесших честь Империи в могилу.
Орел оставил Францию скворцам,—
И биржевик наследовал борцам.

Едва покажется великий человек,
Рожденный в мир, чтоб до небес подняться,
Все карлики кричат: «Каков наш век?!» —
И ну за сапоги его цепляться!
Не замечает карликов герой,
Хоть в гору их он тащит за собой.

Вот, мой барон, и вам такой гигант
Сказал однажды: «Будь моим слугою».
Вы как исправный шли официант,
Куда кивал хозяин головою;
Но потерял в пути он скипетр, слуг...
Вы ж — герцогов теперь первейший друг!

Но не краснейте, милый мой гордец!
Не вы один пробились из лакейской...
Наш император смелый был творец:
Горсть праха делал знатью европейской...
Чего же лучше вам? Из ничего
Он и патрона создал своего!

Да, да, патрона! Встарь «Наполеон»
Встречался только в баснях древних хроник,
А в наши святцы был он помещен
Уже потом, когда один каноник
Жизнь прошлую его присочинил
И в календарь торжественно включил.

Тогда озлился самый календарь;
На пришлеца имен восстала банда:
«Откуда он? И это — государь?

Нет, это имя — просто контрабанда!
Изгнать его! Оно мешает нам!»
Да, тяжело бывает новичкам!

Но позже — в дни, когда Наполеон
Героем стал Иены, Аустерлица, —
Возликовал непризнанный патрон:
Ему цветы дарила вся столица.
И вскоре папской буллою *ad hoc*¹
Наполеоном подменен был Рок.

Тогда не то запели имена:
«Он больше царь, чем сам Людовик, право!»
Ведь у имен с людьми черта одна:
Кому везет, тому и честь, и слава!..
Казаться даже стало пришлецу,
Что фимиам — ему, а не творцу!

Барон и герцог — все узнайте в нем
Свой прототип. Наполеон из праха
Извлек его, как вас в пути своем
Он вывел в знать с единого размаха, —
И пал... Увы! в упрек себе тогда
Вас прежде всех он ставил, господа!

ВОЛШЕБНАЯ ЛЮТНЯ

LE JONGLEUR

Во дни чудесных дел и слухов
Доисторических времен
Простой бедняк от добрых духов
Был чудной лютней одарен.
Ее пленительные звуки
Дарили радость и покой
И вмиг снимали, как рукой,
Любви и ненависти муки.
Разнесся слух об этом чуде —
И к бедняку под мирный кров
Большие, маленькие люди
Бегут толпой со всех концов.
«Идем ко мне!» — кричит богатый;

---

¹ Специально для этого случая (лат.).

«Идем ко мне!» — зовет бедняк.
«Внеси спокойствие в палаты!»
«Внеси забвенья на чердак!»

Внимая просьбам дедов, внуков,
Добряк на каждый зов идет.
Он знатным милостыню звуков
На лютне щедро раздает.
Где он появится в народе —
Веселье разольется там, —
Веселье бодрость даст рабам,
А бодрость — мысли о свободе.

Красавицу покинул милый —
Зовет красавица его;
Зовет его подагрик хилый
К одру страданья своего.
И возвращают вновь напевы
Веселой лютни бедняка —
Надежду счастья для девы,
Надежду жить для старика.

Идет он, братьев утешая;
Напевы дивные звучат...
И, встречу с ним благословляя,
«Как счастлив он! — все говорят. —
За ним гремят благословенья.
Он вечно слышит стройный хор
Счастливых братьев и сестер, —
Нет в мире выше наслажденья!»

А он?.. Среди ночей бессонных,
Сильней и глубже с каждым днем,
Все муки братьев, им спасенных,
Он в сердце чувствует своим.
Напрасно призраки он гонит:
Он видит слезы, видит кровь...
И слышит он, как в сердце стонет
Неоскудевшая любовь.

За лютню с трепетной заботой
Берется он... молчит она...
Порвались струны... смертной нотой
Звучит последняя струна.

Свершил он подвиг свой тяжелый,
И над могилой, где он спит,
Сияет надпись: «Здесь зарыт
Из смертных самый развеселый».

ПАКТОЛ

LE PACTOLE

На смрадных берегах Пактола древних басен
Цветы косила смерть; в нем только коршун пил, —
Пугал всех мирных птиц его зловонный ил:
Яд испарений был ужасен!
Тогда к реке богатств Амур не подходил...
У нас — не то: в век, полный прозы,
Хотя и наш Пактол всех хищников манит,
Но берега его другой имеют вид:
Там и голубки есть и розы!

У КАЖДОГО СВОЙ ВКУС

CHACUN SON GOÛT

Отдал бы я, чтоб иметь двадцать лет,
Золото Ротшильда, славу Вольтера!
Судит иначе расчетливый свет:
Даже поэтам чужда моя мера.

Люди хотят наживать, наживать...
Мог бы я сам указать для примера
Многих, готовых за деньги отдать
Юности благо и славу Вольтера!

НЕТ БОЛЬШЕ ПТИЦ

PLUS D'OISEAUX

Я возделал скромное владенье:
Уголок зеленый был тенист.
Мне стихи в моем уединенье
Диктовал веселый птичий свист...

Стал я стар. Тут все мертво и глухо,
Прежней шумной жизни — ни следа.
Отклика напрасно жаждет ухо:
Птицы улетели навсегда!

Спрóсите, что это за владенья?
Я отвечу: это — песнь моя.
Но напрасно стал бы целый день я
Вдохновенья тут искать, друзья!
Серебрится на ограде иней,
Старостидохнули холода.
Нет певцов пернатых и в помине:
Птицы разлетелись навсегда!

Лето ль снова всколосится пышно,
Осень свой багрец ли разольет —
Только птиц уже не будет слышно.
Кто ж дары природы воспоет?
Нет! Цветы, весною оживая,
Нам не скрасят старости года,
Раз — любовь чужую воспевая —
Птицы разлетелись навсегда.

Не звучать тут больше хорам птичьим:
Их моя зима спугнула. Ах!
Я уже страдать косноязычьем
Стал за чашей дружеской — в стихах.
Но тебе и старость — не помеха:
Пой, Антье, и дружбу, как тогда,
Прославляй, чтоб не твердило эхо:
«Птицы разлетелись навсегда!»

ГОЛУБЬ И ВОРОН ПОТОПА

LA COLOMBE ET LE CORBEAU DU DÉLUGE

В о р о н

Куда ты, пташка молодая?

Г о л у б ь

Лечу я к Ною, веры полн,
Конец потопа возвещая.
Уйдем в ковчег от этих волн!

В о р о н

Нет! С гор бежит поток проворный,
Добычу воронам суля:
Покрыта трупами земля.

И рассмеялся ворон черный.

Г о л у б ь

Неси со мной в ковчег надежды,
Мир патриарху возвести:
С земли спадают вод одежды —
Нас человек сумел спасти!

В о р о н

Чтоб погубить наш род покорный,
Людьми он вновь наполнит край:
Ему здоровья пожелай!

И рассмеялся ворон черный.

Г о л у б ь

Но человек есть царь созданья
И горним светится огнем.

В о р о н

Навряд ли, ибо мирозданье
Бледнеет пред своим царем.
Ковчегу в бездне непокорной
Удастся ли себя сберечь?
Я вижу, он дает уж течь.

И рассмеялся ворон черный.

Г о л у б ь

Нет, бог семью его спасает,
Спадает моря высота,
На небе радуга сияет:
То к миру новому врата.

В о р о н

Тот мир — он будет самый вздорный,
Коль человек — хозяин в нем;
Бог не спросил меня о том.

И рассмеялся ворон черный.

Г о л у б ь

Ты весел в злобном ожиданье,
Пророк отчаянья слепой.
Но я, чтоб утолить страданья,
Отдам крыла и голос мой.
Прощай! Хулы ты ждешь позорной,
Но я хочу любовью жить...

В о р о н

Ты хочешь только день прожить.

И рассмеялся ворон черный.

Г о л у б ь

Что ж! Злобствуй, яростный и лживый,
Меня не в силах уколоть:
Несу я смертным ветвь оливы,
Что посылает мне господь.

В о р о н

На тех ветвях — удел бесспорный —
Тебя зажарят, мой птенец:
Ведь смертный — дьяволу близнец!

И рассмеялся ворон черный.

МОЯ ТРОСТЬ

MA CANNE

Вот солнышко в поле зовет нас с тобою;
В венке из цветов удаляется день...
Идем же, товарищ мой, — бывший лозою, —
Пока не сгустилась вечерняя тень.

Давал ты напиток волшебный... Который?
Веселье в твоём ли я черпал вине?
С вина спотыкаться случилось мне,—
Так пусть же лоза мне и служит опорой!
Идем — васильки на полях подбирать
И песен последних искать!

Идем: помечтаем с тобой на досуге.
Тебе я все тайны поверю свои,
Спою тебе песенку в память о друге,
О славе героев, о нежной любви...
И — грянет ли буря, со свистом и воем
Промчится ли ветер, ударит ли град —
Под старую шляпой ну так и жужжат
Идеи привычным бесчисленным роем!
Идем — васильки на полях подбирать
И песен последних искать!

Ты, трость моя, знаешь, как часто в мечтаньях
Я мир перестраивал, ближних спасал...
Мой ум не стеснялся в благих начертаньях;
Какие стихи я создать обещал!
А раньше трудился я ради алтына,
Затерянный в массе безродных детей;
Но Муза, отметив печатью своей
Меня еще в детстве, — нашла во мне сына.
Идем — васильки на полях подбирать
И песен последних искать!

Как нянька, с любовью она мне твердила:
«Рассматривай, слушай, читай». Иль со мной
Шла в поле и за руку нежно водила:
«Рви, милый, цветы; их так много весной!»
С тех пор, в стороне от соблазнов наживы,
Со мной она любит сидеть у огня,
Баюкая даже под старость меня,
Иные, вечерние выбрав мотивы.
Идем — васильки на полях подбирать
И песен последних искать!

«Эй ты! Управляй колесом государства!» —
Кричат мне безумцы. Родная страна!

Подумай: под силу ль мне власти мытарства,
Когда самому мне опора нужна?!

А ты, моя трость, что мне скажешь на это?

Ну что, если б в ноше обычной твоей

Прибавилась к тяжести лично моей —

Вся тяжесть политики целого света?!

Идем — васильки на полях подбирать

И песен последних искать!

Храню я до старости верность былому:

Оно умирает, — умру с ним и я.

Тебя ж завещаю я веку иному:

Другим будь опорой, опора моя!

От ложных шагов избавлял ты, друг милый,

Меня, осторожно в потемках вода;

Так вот — для трибуна, главы иль вождя

Тебя я оставляю у края могилы.

Идем — васильки на полях подбирать

И песен последних искать!

БАРАБАНЫ

LES TAMBOURS

И днем и ночью — сущий ад!

Гремят, гремят, гремят, гремят...

В ушах звенит... И невпопад

Они, проклятые, гремят.

Угомонитесь, барабаны!

О, дайте мне покой, молю!

Политик я не очень рьяный,

А шума вовсе не терплю.

И днем и ночью — сущий ад!

Гремят, гремят, гремят, гремят...

В ушах звенит... И невпопад

Они, проклятые, гремят.

От вашей трескотни устала

И муза старая моя,

Поспешно крылья отыскала
И улетает от меня.

И днем и ночью — сущий ад!
Гремят, гремят, гремят, гремят...
В ушах звенит... И невпопад
Они, проклятые, гремят.

Когда справляют новоселье,
Едва поднимется бокал —
Забили сбор... Прощай, веселье!
Прощайте, песни и фиал!

И днем и ночью — сущий ад!
Гремят, гремят, гремят, гремят...
В ушах звенит... И невпопад
Они, проклятые, гремят.

Я пел о братстве... Вдруг в азарте
Бьет барабанщик полковой.
Я грезил... Лишь враждебных партий
Браталась кровь на мостовой.

И днем и ночью — сущий ад!
Гремят, гремят, гремят, гремят...
В ушах звенит... И невпопад
Они, проклятые, гремят.

Во дни Империи на славу
Они гремели, заглушив
В одних рассудка голос здравый,
Других совсем ума лишив.

И днем и ночью — сущий ад!
Гремят, гремят, гремят, гремят...
В ушах звенит... И невпопад
Они, проклятые, гремят.

Кто будет править нашим стадом,
Пускай сочтет для пользы дел,
Ослиной кожи много ль надо,
Чтоб мир от грома обалдел.

И днем и ночью — сущий ад!
Гремят, гремят, гремят, гремят...
В ушах звенит... И невпопад
Они, проклятые, гремят.

Глядь: барабан и в церкви грянет,
Повсюду — барабанный дух.
И шарлатаны барабанят,
И малыши терзают слух.

И днем и ночью — сущий ад!
Гремят, гремят, гремят, гремят...
В ушах звенит... И невпопад
Они, проклятые, гремят.

Они то льстиво провожают
На кладбище глупца в крестах,
То всех желаньем заражают
Кидаться в бой врагам на страх.

И днем и ночью — сущий ад!
Гремят, гремят, гремят, гремят...
В ушах звенит... И невпопад
Они, проклятые, гремят.

Мы любим шум и позументы,
В политику мы влюблены,
И, право, выбрать в президенты
Тамбурмажора мы должны!

И днем и ночью — сущий ад!
Гремят, гремят, гремят, гремят...
В ушах звенит... И невпопад
Они, проклятые, гремят.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИДЕИ

HISTOIRE D'UNE IDÉE

Идея, проснись поскорей!
Господь тебя кличет! Живее!

В мозгу у каких королей
Иль пап ты дремала, Идея?

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

Трибуна, вельможи ли ты
Творение, или находка?
О нет, ты — дитя нищеты,
Ты — дочь бедняка-самородка.

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

«Опять? — закричал мещанин. —
Претензиям станем преградой!
Звать к бунту! Скажу не один:
Идей у нас больше, чем надо!»

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

Ученый ворчит институт:
«Послушайте, как вас, девица!
Давать мы согласны приют
Лишь тем, кто от нас народится!»

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

Философ воскликнул: «Брехня!
Какой доморощенный гений
Идею родил без меня,
Не зная моих сочинений?»

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

Священник — тот речи повел:
«Страшитесь идеи, о чада!
Бог создал, а черт изобрел...
Идея — творение ада!»

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

Идею украв, шарлатан
Заметил: «Реклама потребна.
Возьму я трубу, барабан,—
Пусть гимн раздастся хвалебный!»

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

В ответ ему слышится: «Ба!
Идея стара, без сомненья.
К чему барабан и труба?
Свои предпочтем измышленья!»

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

Бедняжку английский купец
Купил на одной распродаже,
Построил ей пышный дворец,
Признал ее дочерью даже...

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

Во Францию едут они,
И золота с ними немало.
Чиновникам — много возни,
Захлопнули двери сначала.

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

Хитер англичанин-делец,
И вот при дворе она все же...
А что ж настоящий отец?
Он умер на нищенском ложе.

Хор буржуа

Идея стучится сюда...
Запремте-ка дверь, господа!

АД И ДЬЯВОЛ

L'ENFER ET LE DIABLE

Вы говорите, Адель младая,
Что дьявол и ад амурам страшны.
Ангела злого видела вчера я, —
И замыслы беса коварства полны.

Да, лик его нежный мой страх умерил,
У Люцифера был дивный взгляд!
И вот, чем больше я в дьявола верил,
Тем меньше хотелось мне верить в ад.

Годы меня научили вере,
И я стыжусь сомнений былых:
В ад уж давно отыскал я двери,
Дьявола видел в селеньях злых.

Кто в море скорби еще не плавал,
Того все страхи, Адель, смешат.
Но знайте: каждый — свой собственный дьявол,
И каждый строит себе свой ад.

ДЕВИЧЬИ МЕЧТЫ

RÊVE DE NOS JEUNES FILLES

Страстно на ветке любимой
Птичка поет наслажденье;
Солнцем полудня палима,
Лилия дремлет в томленьи.
Страстно на ветке любимой
Птичка поет наслажденье.

Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.
Блещут на солнце, с цветами,
Кружев тончайших узоры.
Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.

Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.
Спит она, будто играя
Всем, что на свете ей мило.
Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.

Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!
Видны все проблески чувства,
Хоть не видать ее взгляда.
Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!

Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной.
Что ж в этой сладкой дремоте
Грудь ей волнует так страстно?

Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной.

Снится ли паж ей влюбленный,
Ночью, на лошади белой?
Обнял ее и, смущенный,
Ручку целует несмело...
Снится ли паж ей влюбленный,
Ночью, на лошади белой?

Сниться ль, что новый Петрарка
С песнью приник к изголовью —
И разукрасились ярко
Бедность и слава любовью?
Снится ль, что новый Петрарка
С песнью приник к изголовью?

Снится ль ей небо родное?
Юности небо знакомо.
Так прилетают весною
Ласточки к крову родному.
Снится ль ей небо родное?
Юности небо знакомо.

Вырвался вздох. Голубые
Глазки лениво раскрылись.
— Ну, расскажи нам, какие,
Милая, сны тебе снились? —
Вырвался вздох. Голубые
Глазки лениво раскрылись.

— Ах! Что за сон, что за чудо!
Дивные, светлые чары!
Золото, груды за грудой,
Муж мне нес, старый-престарый.
Ах! Что за сон, что за чудо!
Дивные, светлые чары!

— Как? тебе деньги росую
Были, цветок ароматный?
— Всех я затмила собою.
Выше всех быть так приятно!

— Как? тебе деньги росую
Были, цветок ароматный?

Если так юность мечтает,
Прочь все мечты о грядущем!
Золото все омрачает
Блеском своим всемогущим.
Если так юность мечтает,
Прочь все мечты о грядущем!

ДУША И ТЕЛО

LE CORPS ET L'ÂME

Жизнь провлачив в труде, в заботе,
Старик смыкал отживший взор...
Как вдруг с душою на отлете
Заводит тело разговор:

— «Душа моя, простимся кротко;
В жизнь без печали, без конца
Не устремляйся, как кокотка
От разоренного глунца».

Бальзамированным особам
Почет в гробу и лесть за гробом.
Простую плоть зарыть свезут —
Все тут!

Душа и мысли не имела,
Что удержать ее могло б
Дрянное, старческое тело.
— «Молчи, ложись в свой темный гроб.
Тебе — ничтожество и тленье,
Мне — свет негаснущих лучей.
А там, пожалуй, пусть растенья
Из пыли вырастут твоей».

Бальзамированным особам
Почет в гробу и лесть за гробом.
Простую плоть зарыть свезут —
Все тут!

— «Душа без тела и без чувства!
Во мне всего пять чувств простых;
Но мир науки и искусства
Тебе открыт посредством их.
Тебя, детей, ни крик невольный
Не обнаруживал, ни взгляд, —
Кто ж был тебе учитель школьный?
Все я ведь, твой молочный брат!»
    Бальзамированным особам
    Почет в гробу и лесть за гробом.
    Простую плоть зарыть свезут —
    Все тут!

— «Настала молодость; весною
Мы все бываем хороши;
Не я, а ты гордилась мною:
Лицо есть зеркало души.
И что же? В жизненном потоке
Ты извратила по весне
Мои потребности — в пороки,
И в страсти — склонности во мне».
    Бальзамированным особам
    Почет в гробу и лесть за гробом.
    Простую плоть зарыть свезут —
    Все тут!

— «Позднее, испытав невзгоду,
Ты за обманутую страсть
Меня, как есть, стащила в воду,
Превысив надо мною власть.
Но страх затмил твое сознание:
Я стал барахтаться в волнах
И спасся — и твое страданье
Излилось все в моих слезах».
    Бальзамированным особам
    Почет в гробу и лесть за гробом.
    Простую плоть зарыть свезут —
    Все тут!

— «Потом лишенья и болезни
Перенося, я не роптал;
Но ты ведь утонула в бездне
Метафизических начал.

Я голодал, а ты алкала;
Но путь свершили мы вдвоем;
Душа — на крыльях идеала,
А тело — чуть не босиком».

Бальзамированным особам
Почет в гробу и лесть за гробом.
Простую плоть зарыть свезут —
Все тут!

— «Нас старость, наконец, накрыла;
Устали оба — я и ты,
И утомленье насадило
В сознании мудрости цветы;
Но тем не хвастай, что душою
Была ты редкой на земле:
Цветы подобные зимою
Мороз рисует на стекле».

Бальзамированным особам
Почет в гробу и лесть за гробом.
Простую плоть зарыть свезут —
Все тут!

— «Освобождаясь от пеленок,
В безвестный направляясь путь,
В далеких небесах, ребенок,
Земной свой облик не забудь!
Не забывай, что это тело,
Отдавшись на земле трудам,
Все выносило, все терпело,
Не порываясь к небесам».

Бальзамированным особам
Почет в гробу и лесть за гробом.
Простую плоть зарыть свезут —
Все тут!

КУДА КАК СКУЧНЫ СТАРИКИ!

LE SEPTUAGÉNAIRE

Я праздную свое рожденье:
Мне семьдесят сегодня лет.

Тот возраст будит уваженье,
Но вряд ли кем-нибудь воспет...
Старик семидесятилетний —
Солидный титул!.. Но, дружки,
    «Куда как скучны старики! —
Твердит мне опыт многолетний. —
    Куда как скучны старики!
    Одно безделье им с руки».

Для женщин — всюду исключенье:
Им старость портит цвет лица,
Но вечно юное влеченье
Хранят до гроба их сердца.
Старушки толк в мужчинах знают —
Им милы только смельчаки.
    «Куда как скучны старики! —
Они тихонько повторяют. —
    Куда как скучны старики!
    Одно безделье им с руки».

От старика не жди поблажки:
«На что — прогресс? Спешить на что?
Не опрокиньте мне ромашки!
Не перепутайте лото!» —
Ворчит он, голову понуря,
На то, что смелы новички.
    Куда как скучны старики!
Для них в улыбке неба — буря...
    Куда как скучны старики!
    Одно безделье им с руки.

Больной политике рвать зубы
Они большие мастера;
Но все их средства слишком грубы:
Их устранить давно пора!
Рецепты старцев устарели,
Как их декокт и парики.
    Куда как скучны старики!
Состарить Францию хотели!..
    Куда как скучны старики!
    Одно безделье им с руки.

Переживя свою же славу,
Останься жив Наполеон —

Над ним трунили бы по праву:
Он был бы жалок и смешон.
И гений — творчества лишился
Под гнетом старческой тоски!
    Куда как скучны старики!
Корнель под старость исписался...
    Куда как скучны старики!
    Одно безделье им с руки.

Жить до ста лет — избави боже! —
Не пожелаешь и врагу.
Мне только семьдесят — и что же? —
Совсем уж петь я не могу!
Корплю над рифмами плохими,
Боюсь не дописать строки...
    Куда как скучны старики!
Друзья! Посмейтесь же над ними:
    «Куда как скучны старики!
    Одно безделье им с руки».

БУДУЩНОСТЬ ПИСАТЕЛЕЙ

L'AVENIR DES BEAUX ESPRITS

Писателей исчезнет слава,
Когда, в стремлении вперед,
Народы мира величаво
Сольются все в один народ.
Поэмы, драмы, песни, речи
Глупцов и умных — все равно —
Не выдержат подобной встречи,
Им всем погибнуть суждено.

Хоть языков темны истоки,
Любой — великая река, —
И, точно челны, ваши строки
Она несет издалека,
Лишь только мирты, лавры, розы
Украсят весело ваш борт,
Вам грезятся апофеозы,
Прибытье радостное в порт.

Но в океан вливает воды
Столь мирно несший вас поток,
Объединятся все народы...
Корабль тут нужен, не челнок!
Могу я предсказать заранее,
Что, не найдя по звездам путь,
В безбрежном наций океане
Вам всем придется потонуть.

А если две иль три страницы
От вас удастся сохранить —
Найдутся ль сведущие лица,
Чтоб их прочесть и объяснить?
О Академии светила!
Вы станете — увы и ах! —
Навек немыми, как могила,
Как Лувра мумии в гробах...

Писатели! В грядущем мире —
Его в веках провижу я —
Нужды не будет ни в кумире,
Ни в груди ветхого старья.
И помнить нам отнюдь не лишне,
Что наши голоса туда,
Куда ведет наш мир всевышний,
Не донесутся никогда!

ПРОЩАНИЕ

LA PRÉDICTION

Мудрость, вещая Сивилла,
Уж не раз мне говорила:
«Старику пора домой;
Вот твой посох, понемногу
Собирайся в путь-дорогу,
Песнь последнюю пропой
И, простившись с белым светом,
Уходи к своим Лизеттам
На свиданье в край иной».

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Мудрость снова шепчет строго:
«Шестьдесят лет слишком много;
Рассчитаться срок настал.
Небо в тучах почернело,
Солнце жизни тихо село —
Здесь последний твой привал.
Шаг нетвердый увлеченья —
И смотри, чтоб без движенья
На постель ты не упал».

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Я спокоен, умирая:
Мир — квартира дорогая.
Мой укромный уголок,
Как он ни был мал и тесен,
Я купил ценою песен
И расплачивался в срок;
Жатвы сняв в полях и нивах,
Я из грез своих счастливых
Не один им сплел венок.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Из всего, чем сердце жило,
Память сердца сохранила
Только милые черты,
Нежный взор да смех лукавый...
Нет, действительнее славы
Обаянье красоты!

На одре моих страданий
Тени милых мне созданий
Будят светлые мечты.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Юноша, певец весенний,
Жду тебя без опасений,
Продолжай мой путь земной!..
Дар твой светел и чудесен.
Ты — король, владыка песен,
Дорогой наследник мой.
Мир спокойно покидаю, —
Ведь наверное я знаю:
Трон мой будет за тобой!

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Что в лазури мне прозрачной?
Что в пучине этой мрачной,
Что волной о скалы бьет?
В сердце смолк ответ движенью.
Всё — иному поколенью,
Всё — для юности цветет!
А для живших наши лета
Эта грязная планета
Только кровью отдает.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Не горюй, друзья, прощаясь;
Небо падает, склоняясь

Над моею головой,
И уж ясно видеть стало,
Что наличных слишком мало
Кошелек содержит мой.
Но я полон упования
Повторить вам: «до свиданья»,
Миновав предел земной.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

ЗОЛОТО

По поводу обесценения этого металла

L'OR

Век, в котором мы цвели,
Королей свергавший в бездны, —
Много злата из земли
Ты набрал рукой железной!
Падает его цена, —
Богачей катя до дна.

Золото теперь ни в грош.
Сколько хочешь, наберешь!

Из Сибири ледяной,
Из американских прерий
Плещет золото волной
В мир, больной от суеверий.
От волны, что разлилась,
Станет нищим наш Мидас.

Золото теперь ни в грош.
Сколько хочешь, наберешь!

Сколько крахов с этих пор,
Сколько мелкого обмана!
Тщетно бьет монетный двор

Деньги старого чекана.
Дожили мы до времен:
По два су «наполеон».
Золото теперь ни в грош.
Сколько хочешь, наберешь!

Но, растрогавшись бедой,
Ты совсем неправ, философ!
Култ монеты золотой
Был не только у отбросов;
Сана им достиг барон
Сам достойнейший Верон.
Золото теперь ни в грош.
Сколько хочешь, наберешь!

Ах, подвластные грошам,
Будут ли поэты кротки?
И платить по мелочам
Разрешат ли нам красотки?
Если денег не видать,
Кто же будет клеветать?
Золото теперь ни в грош.
Сколько хочешь, наберешь!

В ожидании бумаг
Золото сберет тряпичник.
Им какой-нибудь чужак
Подобьет окна наличник.
Из теляток золотых
Ваз наделаем ночных.
Золото теперь ни в грош.
Сколько хочешь, наберешь!

Золото, несчастный бог,
Ты, гордясь ценой своею,
Не ступал на мой порог,
Но я все ж тебя жалею.
Загляни-ка ввечеру
К песеннику в конуру.
Золото теперь ни в грош.
Сколько хочешь, наберешь!

КОРОЛЕВСКАЯ ФАВОРИТКА

LA MAÎTRESSE DU ROI

Д о ч ь

Ах! Какие лошади! Экипаж какой!
И какая дама в нем — посмотри, мамаша, —
Уж такой красавицы в мире нет другой.
Это, я так думаю, королева наша.

М а т ь

Королеве, брошенной мужем-королем,
Стыд встречаться с этою вывескою срама;
Это — ночь позорная, выплывшая днем:
Короля любовница — вот кто эта дама:

Дочь, вздохнув, подумала: «Ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!»

Д о ч ь

Бриллианты звездами, маменька, горят;
Тоньше и узорчатей кружев уж нигде нет.
Нынче будни, кажется, а такой наряд, —
Что ж она для праздника на себя наденет?

М а т ь

Как ни нарядилась бы — встретись с земляком,
Отвернется, вспомнивши, хоть давно забыла,
Как бежала с родины ночью босиком,
Где жила в работницах и коров доила.

Дочь, вздохнув, подумала: «Ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!»

Д о ч ь

Маменька, а это кто, вон на рысаках,
Гордая, надменная, проскакала шибко;
Как сравнялись — ненависть вспыхнула в глазах,
А у фаворитки-то будто бы улыбка...

М а т ь

Эта, видишь, родом-то будет покрупней;
Герб каретный дан еще прадедам за службу.
К королю бы в спальную раз пробраться ей —
Уж она б коровнице показала дружбу!

Дочь, вздохнув, подумала: «Ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!»

Д о ч ь

Видно, королю она всех дороже дам:
На коне следит за ней молодой придворный.
Посмотри-ка, маменька, он влюблен и сам:
Не спускает глаз с нее — нежный и покорный.

М а т ь

По уши запутался, молодец, в долгах.
Получить бы полк ему нужно для прибытка.
Пусть дорогу заняли старшие в чинах —
Вывезет объездами в гору фаворитка.

Дочь, вздохнув, подумала: «Ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!»

Д о ч ь

Подкатали лошади к пышному дворцу.
Маменька, священник ей отворяет дверцу...
Вот целует руку ей... вводит по крыльцу,
Руку с умилением приложивши к сердцу.

М а т ь

Норовит в епископы седовласый муж
Чрез овцу погибшую, худшую из стада...
А ведь как поет краснó — пастырь наших душ —
Нищим умирающим о мученьях ада!

Дочь, вздохнув, подумала: «Ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!»

Д о ч ь

Свадьба деревенская мимо них прошла.
Пусть невеста краше всех наших деревенщин,
Вряд ли уж покажется жениху мила —
Как сравнит с божественной, с лучшейо из
женщин.

М а т ь

Нет, стыдиться стал бы он суетной мечты,
Заповедь народную памятуя свято:
Сколько было пролито пота нищеты,
Чтоб создать подобное божество разврата.

Дочь, вздохнув, подумала: «Ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!»

ПРОВИНЦИАЛ В ПАРИЖЕ

PROVINCIAL A PARIS

Покинув захоlustья тишь,
Чтоб сын не рос невеждой серым,
Отец привез его в Париж
На выучку к придворным сферам.
Он наставлял, боясь беды:
«Не сбейся с правильного тона —
Во все концы, на все лады,
Мой сын, отвешивай поклоны!»

Вот холм открылся им вдали,
Что стал могилой нашей славы:
«Там смерть себе юнцы нашли,
На подвиг ринувшись кровавый.
Здесь крови пролился поток,
Бесплодно обагрив склоны.
О пораженьи их — молчок!
Мой сын, отвешивай поклоны.

«А здесь бессмертьем наделен
По воле дивного искусства
Тот, кто когда-то к Ментенон
И к Лавальер был полон чувства.
Здесь — Франции былая боль,
Улыбкой скрашенные стоны.
Он был святошей? Наш король?!
Мой сын, отвешивай поклоны.

Вот этой бронзе подивись:
Она — пример для поколений.
Ее, стремящуюся ввысь,
Венчает лаврами сам гений.
Чтоб слава не давила так
На капитель литой колонны,
Над нею реет белый флаг...
Мой сын, отвешивай поклоны.

«Бьет барабан, трубит рожок.
Какой дворец! Какие виды!
Ты сразу встретишь там, дружок,
Сынов Беллоны и Фемиды.
Лишь знатность рода ценят там,
А если глуп, в том нет препоны...
Всем родовитым господам,
Мой сын, отвешивай поклоны.

«Будь с этим маршалом учтив,
Маркизе кланяйся пониже,
Всем генералам угодив
И всем епископам в Париже.
Лакеев даже не забудь —
И те здесь важные персоны...
Ведь ко двору ты держишь путь,—
Мой сын, отвешивай поклоны».

•

Запомнив папенькин урок,
Юнец пускается в дорогу.

Его поклон всегда глубок,
Он наготове держит ногу.
Поклонов отмахал он тьму —
В честь орденов и в честь короны,
А через день уже ему
Весь двор отвешивал поклоны!

ЧЕТКИ ГОРЕМЫКИ

LE CHAPELET DU BONHOMME

— На связку четок скорби черной
Зачем ты слезы льешь упорно? —
— Ах, плакали бы тут и вы:
Я друга схоронил, увы!
— Вон в той лачуге — голод. Можешь
Утешиться, коль им поможешь.
А четки черные скорбей
Ты на пути оставь скорей.

Но он опять рыдает вскорее.
— Что, горемыка, снова горе?
— Ах, плакали бы тут и вы:
Скончался мой отец, увы!
— Ты слышишь крик в лесу? Бандиты!
Беги! Там люди ждут защиты!
А четки черные скорбей
Ты на пути оставь скорей.

Опять он слезы льет потопом.
— Как видно, беды ходят скопом?
— Как не рыдать? Поймите вы:
Жену я схоронил, увы!
— Беги, туши пожар в селенье:
В благодеянии — забвенье.
А четки черные скорбей
Ты на пути оставь скорей.

Он вновь рыдает.— Человече!
Все любящие жаждут встречи.
— О, горе мне! Слыхали вы?
Дочь умерла моя, увы!
— Вот — тонет девочка. Не медли!
Ты этим мать спасешь от петли.
А четки черные скорбей
Ты на пути оставь скорей.

Но вот он тихо как-то плачет.
— Еще кой-кто скончался, значит?
— Я стар и слаб. Судите вы:
Могу лишь плакать я, увы!
— Там, у крыльца, ты видишь пташку?
Согрей озябшую бедняжку.
А четки черные скорбей
Ты на пути оставь скорей.

От умиленья он заплакал,
И тут сказал ему оракул:
— Зовусь я Милосердем. Тот
Блажен, кто вслед за мной идет:
Так всем, от мала до велика,
Вещай закон мой, горемыка,
Чтоб людям растерять скорей
Все четки черные скорбей!

ЧЕРВИ

VERMINE

Тебе, о Франция, развесистое древо,
Я пел двенадцать лет: «Плоды свои лелей
И вечно в мир кидай щедроты их посева:
Их возрастил господь в течение трех дней.

И вы, что мне вослед в восторженных глаголах
Воспели древо и сей обильный год,

О дети счастья, — с ветвей его тяжелых
Привитый предками срывайте спелый плод!»

Они торопятся, — и кончен сбор до срока.
Но вижу я: плоды изгнившие лежат,
Надежду обманув старинного пророка,
Льют в сердце и в уста ему свой тлен и яд.

О древо родины, не с неба ли пролился
Источник гибели и беды возрастил?
Иль благородный сок нежданно истощился?
Иль ядовитый ветер побегу отравил?

Нет, черви, тихие, глухие слуги смерти,
Замыслили беду принести исподтишка,
Осмелились они, губительные черви,
Нам осквернить плоды в зародыше цветка.

И вот один из них предстал перед глазами:
«Чтоб ныне властвовать, надменно хмуря лоб,
Нам подлость низкая протягивает знамя:
Эй, братья-граждане, готовьте трон и гроб!

Пусть это дерево, чья так пышна вершина,
Под нашим натиском, сгнивая, упадет,
А у подножия разверзнется пучина,
Что роем мы тебе, о дремлющий народ!»

Он правду говорил: святого древа лоно
Посланники могил прожорливо грызут;
С небесной высоты легла на землю крона.
И древний ствол его прохожий топчет люд.

Ты верить нам три дня дозволил, боже правый,
Что снова греет нас луч милости твоей;
Спаси же Францию и восходы ее славы
От сих, в июльский зной родившихся червей!

БОНДИ

BONDY

Всяких званий господа,
Эмиссары
И корсары —
К деньгам жадная орда —
Все сюда,
Сюда!
Сюда!

Мы все поклонники Ваала.
Быть бедным — фи! Что скажет свет?..
И вот — во имя капитала —
Чего-чего в продаже нет!

Все стало вдруг товаром:
Патенты, клятвы, стиль...
Веспасиан недаром
Ценить учил нас гниль!..

Всяких званий господа,
Эмиссары
И корсары —
К деньгам жадная орда —
Все сюда,
Сюда!
Сюда!

Живет продажей индульгенций
Всегда сговорчивый прелат.
И ложью проданных сентенций
Морочит судей адвокат.

За идеал свободы
Сражаются глупцы...
А с их костей доходы
Берут себе купцы!..

Всяких званий господа,
Эмиссары
И корсары —
К деньгам жадная орда —
Все сюда,
Сюда!
Сюда!

Дать больше благ для большей траты
Спешит промышленность для всех,
Но современные пираты
Ей ставят тысячи помех!..

И не стыдятся сами
Обогащать свой дом
Отчаянья слезами
И гения трудом!

Всяких званий господ, —
Эмиссары
И корсары —
К деньгам жадная орда —
Все сюда,
Сюда!
Сюда!

Корона нынче обнищала...
Лохмотья кажет всем она.
Но миллионы, как бывало,
С народа стребует казна.

Немало есть, как видно,
Тиранов-королей,
Что нищим лгут бесстыдно
О нищете своей!
Всяких званий господ,
Эмиссары
И корсары —
К деньгам жадная орда —
Все сюда,
Сюда!
Сюда!

Поэт — и тот не чужд расчета!
Все за богатством лезут в грязь:
Закинуть удочку в болото
Спешит и выскочка и князь!

Вот — жертва банкометов —
Понтер кричит: «Мечи!»
И сколько сводят счетов
На свете палачи!

Всяких званий господ,
Эмиссары
И корсары —
К деньгам жадная орда —
Все сюда,
Сюда!
Сюда!

Сюда! Скорей! Рукой Фортуны
Здесь новый клад для вас открыт:

В Бонди, на дне одной лагуны,
Кусками золото лежит...

Хоть каждый там от смрада
Зажмет невольно нос,
Но жатвы ждать и надо
В том месте, где навоз!

Всяких званий господа,

Эмиссары
И корсары —

К деньгам жадная орда —

Все сюда,
Сюда!
Сюда!

И все — да, все! — в болоте смрадном
Сокровищ ищут... Плачу я!

Но стыд утрачен в мире жадном, —

И скорбь осмеяна моя!

Солдаты! В битву шли вы,
Как шел Наполеон:

От рыцарей наживы
Закройте ж Пантеон!

Всяких званий господа,

Эмиссары
И корсары —

К деньгам жадная орда —

Все сюда,
Сюда!
Сюда!

СМЕРТЬ И ПОЛИЦИЯ

LA MORT ET LA POLICE

Я из префектуры к вам направлен.
Наш префект тревожится о вас.
Говорят, вы при смерти... Доставлен
Нам вчера был экстренный приказ —
Возвратить здоровье вам тотчас.

Прекратите всякое лечение:

От него лишь докторам жиреть.

Ваша смерть теперь под запрещеньем, —

Не посмейте, сударь, умереть!

Хоронить вас было б нам неспорно!
Гроб окружат тысячной толпой
Плакальщики низкого разбора,
Падкие на всяческий разбой.
Или вы хотите, сударь мой,
Чтоб империя о гроб споткнулась,
Чтоб в могилу с вами ей слететь?
Вам смешно, вы даже улыбнулись!
Не посмейте, сударь, умереть!

Запретили вам сопротивление
Император и его совет:
«Хоть он пел народу в утешенье,
Все же он — нестоящий поэт,
В нем совсем к нам преданности нет».
В списке нет такого гражданина!
Велено за вами глаз иметь,
Вы со всяким сбродом заедино, —
Не посмейте, сударь, умереть!

Дайте срок, Законность, сытость всюду
Милостию трона процветут.
Золота нам всем отсыпят груды,
А свободе руки отсекут.
И тогда уж болтовне капут.
О печати сгинет даже память!
Баста — разномыслие иметь!
Вновь народ помирится с попами!
Не посмейте, сударь, умереть!

Что ни год, то будет умяляться,
Доложу вам, ваша слава! Да-с!
И венки ваши будут осыпаться...
Вот тогда-то, сударь, в добрый час
Помирайте, не тревожа нас.
Без шумихи отвезем вас сразу
На кладбище втихомолку тлеть.
А пока извольте внять приказу —
Не посмейте, сударь, умереть!

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

ADIEU!

О Франция, мой час настал: я умираю!
Возлюбленная мать, прощай: покину свет,—
Но имя я твое последним повторяю.
Любил ли кто тебя сильнее меня? О нет!
Я пел тебя, еще читать ненаученный,
И в час, как смерть удар готова нанести,
Еще поет тебя мой голос утомленный.
Почти любовь мою — одной слезой. Прости!

Когда цари пришли и гордой колесницей
Тебя растоптанной оставили в пыли,
Я кровь твою унять умел их багрянницей,
И слезы у меня целебные текли.
Бог посетил тебя грозой благотворной,—
Благословениям грядущего внимай:
Осемила мир ты мыслью плодотворной,
И равенство пожнет плоды ее. Прощай!

Я вижу, что лежу полуживой в гробнице.
О, защити же всех, кто мною был любим!
Вот, Франция, — твой долг смиренный голубице,
Не прикасавшейся к золотым полям твоим.
Но чтоб ты слышала, как я к тебе взываю,
В тот час, как бог меня в иной приемлет край, —
Свой камень гробовой с усилием поднимаю...
Рука изнемогла, — он падает... Прощай!

ПРОЗА

МОЯ БИОГРАФИЯ

Какая забота великим поэтам, узнает ли потомство историю их жизни? Вся она — в славе их произведений; нередко поэты только выигрывают от тех легенд, которыми народы, за отсутствием положительных сведений, украшают колыбель или могилу своих любимых певцов.

Поэт-песенник — более или менее верный отголосок своего времени — не может мечтать о подобном ореоле. Если и случится, что его песни переживут несколькими годами его самого, то, чтобы хорошо понять их, следующее поколение будет нуждаться в знании тех особых обстоятельств и чувств, которые его вдохновляли.

Так не раз говорили мне друзья, убеждая меня написать воспоминания.

А я постоянно отвечал им:

— Ну что интересного в жизни человека, который решительно ничего не представлял собою в ту пору, когда столько людей были на самом деле значительными или же такими себя считали?

На это следовало неизменное возражение:

— Ваша биография, написанная вами самим, может стать наилучшим объяснением к вашим песням.

Наконец я превозмог свою лень и собрал здесь довольно много воспоминаний.

Должен, однако, предупредить читателя: современник величайших событий столь созидательной эпохи, я не собираюсь в своих рассуждениях и размышлениях переступить пределы, очерченные моей деятельностью песенника.

Озабоченный всегда и прежде всего благом родины, я, конечно, мог бы глубже затронуть некоторые вопросы государственного устройства; политик по натуре, я мог бы высказать свое мнение по поводу иных важных начинаний. Но в этих заметках я отвожу место событиям, касающимся лишь одного меня, происшествиям не важным и подчас весьма обидным. Что же касается влияния, которое я оказывал на политику, то я сошлюсь на то, что будет угодно сказать об этом историкам, — если только найдутся такие, которым придет охота отыскивать это влияние в последних событиях истории Франции.

Читая эти воспоминания, легко прийти к заключению, что мой созерцательный характер часто заставлял меня ограничиваться ролью зрителя. Вот почему, когда в пятьдесят лет я был недалеко от власти, я только взглянул на нее и прошел мимо. Так, во времена моей полной лишений молодости я любил, остановившись перед зеленым сукном, заваленным грудями золота, наблюдать за ходом игры, — и насколько не завидовал игравшим. Тут не было ни пренебрежения, ни благоразумия: таков уж мой характер.

Размышления, рассеянные в моем рассказе, будут отзываться тою будничностью, которая так была мне по душе. Великим людям — великие дела и великие сказания! А здесь — только история сочинителя песен.

Если бы люди сами выбирали себе место рождения, я непременно выбрал бы Париж, который еще до нашей великой революции был городом свободы и равенства, городом, где несчастье встречается, может быть, наиболее сочувствия. Я родился там 19 августа 1780 года, под кровом моего доброго дедушки, порт-

ного Шампи, в доме, который до сих пор еще стоит на улице Монторгёй¹.

Кто бы подумал, что я, уроженец одной из самых грязных и шумных улиц Парижа, так буду любить леса, поля, цветы и птиц!

На этой-то улице мой отец, одно время служивший писцом у провинциального нотариуса, начал свое столичное поприще как счетовод какого-то бакалейного торговца. Лет тридцати он решил стать дельцом и задумал жениться. Каждое утро мимо бакалейщика шла на работу в модный магазин девятнадцатилетняя девушка, живая, миловидная, грациозная. Она понравилась отцу. Он посватался и получил согласие портного Шампи, у которого было еще шестеро других детей.

Дедушка не дал другого приданого моему отцу, кроме полезных связей, которые могли бы ему пригодиться.

Но не тут-то было! Спустя полгода после свадьбы, промотав все, что у них имелось, супруги разошлись. Отец уехал в Бельгию, мать вернулась к родным и снова принялась за ремесло модистки, несколько не сожалея об отсутствующем муже, которого никогда не любила, хотя он был добр, любезен, весел и хорош собой.

Рождение мое едва не стоило жизни матери: пришлось прибегнуть к шипцам, чтобы помочь мне появиться на этот свет, откуда я хотел бы уйти с гораздо меньшими церемониями. Впоследствии всегдашнее недоверие к своим силам заставляло меня всюду видеть препятствия. И часто я повторял, что для меня на свете все было трудно — даже родиться!

Меня отослали к кормилице в окрестности Оксерра. Там я прожил три с лишним года. За все это время никто и не побеспокоился узнать, хорошо ли мне, или плохо.

А мне было хорошо, даже очень хорошо.

Правда, после узнали, что у кормилицы моей с первых же месяцев пропало молоко и что смоченный

---

¹ С того времени, как это было написано, на месте дома устроен садок для устриц. (Здесь и дальше подстрочные примечания принадлежат самому Беранже.)

вином хлеб заменял мне, по обычаю Бургундии, детскую кашу. Но кормилица растила меня любовно и заботливо. И хотя платили ей очень неисправно, она все же искренне горевала, отдавая меня дедушке, на попечении которого я и оставался до девяти лет.

И он и жена его не слишком-то были нежны к своим детям, но, верные званию дедушки и бабушки, баловали меня как нельзя более. Дядей и теток моих они превратили в моих покорнейших слуг. И уж, конечно, не они виноваты в том, что у меня так и не развился вкус одеваться изящно и изысканно.

Несколько раз я опасно хворал. С младенческих лет подверженный ужасным головным болям, я поздно начал ходить в школу, хотя она была напротив нашего дома, в тупике *Бутылки*.

Не думаю, чтобы я побывал в школе более двадцати раз, — до того искусно придумывал я все новые предлоги с целью избавиться от этой тягостной повинности. Добрые мои дедушка и бабушка неохотно мне ее навязывали, хотя сами были большие любители чтения. Я помню бабушку, читающую романы Прево и сочинения Вольтера, и дедушку, рассуждающего вслух о книге в то время весьма популярного Рейналя. Впоследствии я стал сомневаться в том, понимает ли моя милая бабушка хоть что-нибудь из того, что читает, — несмотря на всю ее страсть к чтению. Она то и дело ссылалась на «господина де Вольтера», что вовсе не помешало ей в день праздника тела господня провести меня под святыми дарами.

Любовь к школе все не приходила.

Мне было куда приятнее тихонько сидеть в уголке, вырезывать всякие фигурки, а не то рисовать или же, наконец, вытачивать из вишневых косточек корзиночки — настоящие шедевры, которые поглощали все мое время и приводили в восхищение всех моих родных.

Мать моя уехала от своих родителей и поселилась одна неподалеку от Тампля. Иногда я проводил у нее одну-две недели, и это несколько разнообразило мою жизнь. Часто она брала меня в бульварные театры, на бал или на загородные гулянья.

Я много слушал и мало говорил. Я многое узнал, а читать не научился.

Отец по-прежнему жил отдельно — помнится, в Анжу, — и я виделся с ним всего два-три раза, когда он бывал в Париже. В начале 1789 года он возвратился в столицу. Решено было отдать меня в один из пансионов Сент-Антуанского предместья, куда вскоре меня и отвели.

Оттуда, с высокой кровли дома, я видел взятие Бастилии.

И это как будто все, что я там узнал, — не помню, чтобы нам дали хотя бы один урок чтения или письма. А между тем я уже прочитал «Генриаду» со всеми примечаниями и вариантами, а также сделанный Мирабо перевод «Иерусалима» — подарки дяди, он был портным, как и дедушка, и хотел приохотить меня к чтению. Каким же образом я научился читать? Никогда не мог я дать себе в этом отчета.

От короткого пребывания в пансионе у меня осталось два воспоминания, кроме взятия Бастилии. Охотно расскажу о них.

К нам часто приходил глубокий старик — навещать своего внука. Тот, будучи самым взрослым из питомцев пансиона, имел право пользоваться в отведенном для него уголке сада беседкой из зелени. Старикку нравилось сидеть в ней.

Я тихонько пробирался, чтобы взглянуть сквозь обвивавшие беседку душистый горошек и настурции на восьмидесятилетнего старца, имя которого не раз произносили при мне товарищи. Это был Фавар, основатель Комической оперы и автор многих пьес, например «Аннетта и Любен», «Искательница ума» и «Три султанши». И теперь еще задаю себе вопрос, отчего мне, при всем моем неведенье, так нравилось с любопытством рассматривать старого поэта, ни достоинств, ни славы коего я еще ценить не умел.

Уж не предчувствие ли моего будущего призвания влекло меня к Фавару, автору стольких песен? Ведь он, рассказывая о своих театральных вояжах, предпринятых им во время военных действий, говаривал: «Маршал Саксонский дал мне звание песнопевца своей армии».

Второе мое воспоминание совсем в другом роде.

В числе учеников были у нас в пансионе дети Граммона, трагического актера Французского театра. Явственно вижу перед собой самого младшего из них, одетого в красный плащ, переделанный из какого-то «героического костюма» его отца. В каком я бывал восторге, когда он репетировал перед нами роль Иоаса, — он уже упражнялся в ней! Я сошелся с ним потому, что он был кроток и тих, а это так подходило к моей беззаботной мечтательности.

Не то со старшим Граммоном, которому было по меньшей мере пятнадцать лет. Своим дурным обхождением он мне внушал непреодолимый ужас. К счастью, наши встречи были очень редки: он принадлежал к числу больших, а я — маленьких. Позже я догадался о причине его отвращения ко мне.

У меня была там покровительница, состоявшая в каком-то родстве с моим дедушкой, давняя знакомая аббата***, содержателя пансиона. Чтобы угодить моей кухне, учителя меня баловали, а из-за частых мигреней я то и дело получал освобождение от занятий. Такие милости повели к тому, что мне стали завидовать. Однажды, в день школьных торжеств, и проявилась ненависть ко мне Граммона. Раздавали награды. Я вовсе не притязал на них и обычно смотрел без сожаления, даже когда их давали товарищам гораздо младше меня. Но на этот раз меня, к несчастью, наградили знаком отличия за хорошее поведение — обыкновенная привилегия школьных ослов. Впрочем, говоря чистосердечно, я имел на него некоторое право, так как не был ни проказником, ни крикуном, ни упрямым. Ученики не упустили случая закричать: «Осел, осел!» Но это не помешало начальству украсить меня несносным крестом.

Если я и почувствовал гордость, то она была непродолжительна. В тот же самый день на школьном дворе во время перемены собрались ученики всех возрастов, еще не взятые родителями на вакации. Я стоял у решетки на улице и смотрел на торговцев пирожками и фруктами — искусителей тощего кошелька школьников. Незначительные суммы, которые родители давали детям под названием «недельных», очень скоро обменивались на эти лакомства. Увы! Я был осужден только глазеть на них, потому что у

меня не водилось «недельных». Особенно зарился я на огромное аппетитно-румяное яблоко. Я пожирал его своими детскими глазами, как вдруг кто-то грубо прошептал мне на ухо:

— Возьми это яблоко, возьми! А не то я тебя поколочу!

Это не был змей-искуситель, это был страшный Граммон. Его железная рука прижала меня к решетке. Что происходило тогда в моей невинной душе? Я не осмеливался... Но страх и соблазн восторжествовали. Уступая настоятельному требованию моего врага и невзирая на украшавшее меня отличие, я протягиваю трепещущую руку и робко схватываю роковое яблоко. Но едва преступление совершилось, Граммон хватает меня за шиворот, кричит: «Держите вора!» — и предъявляет сбежавшемуся пансиону неопровержимую улику. Какой срам! Образец благонравия — и такой проступок!

Меня повели к учителям. Смущение мое было так велико, что я не слышал, какой приговор они изрекли. Думаю, что дурная слава моего обвинителя, — его ненавидели и ученики и учителя, — да чьи-либо показания в мою пользу раскрыли глаза судьям.

Так или иначе, мне возвратили крест, которого лишил было меня Граммон. Не это ли происшествие, стоившее мне столько слез, стало причиной моего отвращения к яблокам и предубеждения к крестам?

Не однажды смеялся я впоследствии, вспоминая об этом приключении своего детства! Что касается Граммона — счастлив был бы он, если бы ограничился только такими проделками!

Спустя четыре года я узнал, что он вместе со своим отцом стал одним из вождей революционной армии, покрывшей кровью и развалинами департамент Уэст; отец и сын проявили столько жестокости, что Комитет общественного спасения, примера ради, отправил их на ту самую гильотину, которую они возили с собой в обозе своей армии.

Я услышал об этой смерти с ужасом. Уже и до этого испытал я, какое впечатление производила на меня пролитая убийством кровь. В октябре 1789 года, в свободный от занятий день, я переходил улицу вместе с одной из моих теток. Вдруг мы очутились в

толпе мужчин и женщин, на которых страшно было глядеть. Они несли на длинных пиках головы королевских гвардейцев, умерщвленных в Версале. При этом зрелище я почувствовал такой ужас, что до сих пор еще вижу одну из этих окровавленных голов, пронесенную мимо меня. И я благословлял небеса за то, что оказался далеко от Парижа во времена террора.

Вскоре моему отцу, с некоторого времени ставшему нотариусом в Дюртале, надоело платить за меня в пансион, и он отослал меня в городок Перонну.

Деревенский кабак в окрестностях был местом его рождения; это, однако, не мешало отцу предъявлять претензии на дворянство. Он подтверждал свои права глупейшими семейными преданиями. И, опираясь на них, он прибавил к моему имени в свидетельстве о рождении феодальную частицу *де*, которой украшал и свое имя; мать моя, хотя и заведомо дочь портного, дорожила ею не менее, чем он. Следует сказать в оправдание моего отца, что это было слабостью многих отцов семейств. У деда были те же претензии, несмотря на то, что он, будучи брошен своим отцом (вторично женившимся в Англии под именем Беранже де Формантель), всю жизнь оставался кабатчиком.

Эти притязания на дворянское происхождение все еще очень распространены во Франции. Я знал одного пикардийского небогатого буржуа, утверждавшего с большой самоуверенностью, что он состоит в родстве с Бурбонами. Но тут по крайней мере было хоть о чем помечтать.

Что же касается меня самого, то я решил, — и то по совету Арно, — прибавлять к начальным буквам моих крестных имен и к фамилии частицу *де* только тогда, когда мне стали приписывать плохонькие стишки некоего Беранже, автора «Провансальских вечеров», напечатанных где-то в альманахе; так я заодно устанавливал различие между моей подписью и подписью нескольких Беранже, писавших в те времена. Один из них сочинил стихи на рождение римского короля, — их опять-таки стали приписывать мне. Я не протестовал на этот раз, но написал несколько писем в «Котидьен» для ограждения интере-

сов того Беранже, — мне очень хотелось, чтобы его не считали виновником моих злосчастных стихов. «Котидьен» не обратил никакого внимания на это свидетельство, и в литературе стало одной дворянской частицей *де* больше. Во времена Реставрации некоторые друзья мои пожелали, чтобы я отказался от этого *де*. Но у меня было достаточно веры в свои убеждения, чтобы не доказывать их таким ребяческим способом. В наследство от моего отца я только и получил, что генеалогическое древо, к которому нам недоставало лишь законных документов, исторической достоверности и всяческого правдоподобия.

Но возвратимся к моей поездке в Пикардию.

Отец отправил меня туда в дилижансе к одной из своих сестер, бездетной вдове, не предварив ее ни единым словом. И вот я приезжаю, в сопровождении старушки родственницы, в трактир «Королевская шпага», который тетка держала на окраине Пероны, — это было все ее достояние. Я вовсе не знал ее. Она встретила меня в крайнем замешательстве, прочитала письмо моего отца, в котором он поручал меня ее заботам, и сказала моей родственнице:

— Я никак не могу принять его на свое попечение.

Живо представляю себе эту минуту.

Дедушка мой, разбитый параличом, оставил свои дела и не в силах был меня содержать. Отец сбрасывал с себя бремя моего воспитания. А матери не было до меня никакого дела. Мне шел только десятый год, но я уже глубоко чувствовал это всеобщее отчуждение. Что же будет со мною? При таких обстоятельствах рассудок быстро созревает у тех, кого природа хоть немного наделила им.

Выросши, я стал некрасив, но в детстве был прехорошеньким мальчиком. И часто я говаривал потом себе, что за это мне следует благодарить провидение. Красота первых детских лет оказывает влияние на всю последующую жизнь, хотя бы потому, что она вызывает улыбки окружающих — в возрасте, когда так нуждаешься в поддержке и в сочувствии. Я вовсе не хочу уменьшать достоинств моей тетушки, но помню, как, взглянув на меня украдкой, она вдруг

взволнованно и нежно обняла меня и сказала с на-
вернувшимися на глаза слезами:

— Покинутый бедняжка, я заменю тебе мать!

И она отлично исполнила это обещание.

Не так давно я потерял эту превосходную жен-
щину. Она умерла восьмидесяти шести лет от роду,
продиктовав для себя следующую эпитафию:

*Она никогда не была матерью,
но оставила детей, которые ее оплакивают.*

Ее племянник-поэт не сумел бы сказать лучше.
Но да позволено будет ему написать здесь несколько
слов в похвалу той, которая была ему настоящей
матерью.

Обладая от рождения незаурядным умом, она
восполнила пробелы образования чтением хороших
и серьезных книг. Чуткая ко всему выдающемуся,
она и в последние годы своей жизни интересовалась
новыми открытиями, успехами промышленности и
даже украшением столицы. Она отличалась живой
впечатлительностью, и революция сделала из нее
настолько ревностную республиканку, насколько это
не противоречило ее человеколюбию. И она всегда
умела соединять любовь к отечеству с религиоз-
ностью, которая многим экзальтированным душам
прививается не воспитанием, а достается в удел от
природы.

Такова была та бедная трактирщица, которая взя-
ла меня на воспитание в мои отроческие годы.

Она окончательно выучила меня читать по «Теле-
маку», Расину и пьесам Вольтера, составлявшим всю
ее библиотеку. Дело в том, что если я уже знал
почти наизусть две эпические поэмы, то читал их еще
только глазами, не будучи в состоянии произнести
вслух двух слогов подряд, так как не имел ни малей-
шего понятия о сочетании звуков.

И, наконец, старый школьный учитель научил ме-
ня писать и считать правильнее, чем я до него вы-
учился самоучкой.

Вот и все науки, которые я тогда прошел. У моей
тетки не было средств дать мне более блестящее об-
разование, тем более что и коллеж в Перонне за-

крылся. Но она охотно поощряла бы мою необычайную склонность к рисованию, если б не тот же недостаток средств.

Зато тем больше обращалось внимания на воспитание моральных качеств посредством всякого рода наставлений, которые она умело связывала с любым предметом, приспособляясь к моему пониманию и сообразительности, довольно быстро развивавшимся до двенадцатилетнего возраста.

Моя наставница даже считала нужным спрашивать иногда мнение своего воспитанника. Таким образом, вот, пожалуй, уже пятьдесят лет, как я даю советы другим. И кажется, я самой судьбой предназначен к этому глупому ремеслу, столь малоприбыльному как для того, кто получает советы, так и для того, кто их дает.

Могут спросить, не избавлял ли меня самого от ошибок этот скороспелый разум? Увы, нет. Но этот разум научил меня с детства помнить о моих малейших ошибках. И ему-то я обязан тем, что даже в настоящее время, не слишком краснея, припоминаю замечания моей наставницы.

Расскажу сейчас об одном случае. Он даст понятие о тех средствах, которыми пользовалась моя тетка, чтобы внушать мне свои принципы.

В эпоху террора некоторые из ее друзей, проживавшие в соседнем селе, были арестованы и приведены ночью в Перонну для заключения в тюрьму. Когда они проходили мимо нашего трактира, им позволили поговорить с моей теткой. Шум этого посещения не разбудил меня; утром же, не говоря мне ни слова об этом аресте, она повела меня с собой в город; я с удивлением увидел, что она направляется к тюрьме. Собираясь постучаться в тюремную дверь, она сказала:

— Дитя мое, мы увидим сейчас с тобой честных людей, хороших граждан, лишенных свободы из-за клеветнического обвинения: я хочу, чтобы ты узнал, каким преследованиям подвергается добродетель во времена политических волнений.

Подобные уроки, данные при таких обстоятельствах, глубоко и навсегда западают в молодой ум.

Дан был мне и другого рода урок. Покуда церкви в стране оставались отпертыми, тетка ходила туда со мною сама или же неукоснительно посылала меня одного. Она даже велела мне прислуживать во время обедни знакомому священнику, которого мне потом часто напоминал брат Жан дез Антомер. Пришлось заняться церковной латынью. Но, странное дело, несмотря на превосходную память, я никогда не мог ничего выучить по-латыни наизусть; даже при первом моем причащении кюре, нарушая установленные правила, принужден был позволить мне читать молитвы по-французски.

Однако возвратимся к моим обязанностям церковного служки.

Я исправлял их очень неискусно, искажал и перепутывал ответы на возгласы священника и очень неловко подавал сосуды; аббат вовсе не был придирой, но, заметив однажды, что недостает освященного вина, он обозвал меня словечком, в котором не было ничего священного. Наскоро закончив обедню, он ушел в ризницу и поклялся, что отныне лишит меня чести прислуживать у алтаря. Но я и не испытывал ни малейшей охоты возвращаться к этим обязанностям.

Гораздо больше мне нравилось слушать разговоры о политике.

Бесполезно рассказывать обо всех обстоятельствах, объясняющих, почему я, будучи столь юным, с таким участием относился к судьбам нашей великой революции и почему так горяч был мой патриотизм.

Помню, с какой печалью и тревогой мы узнали о вторжении коалиционных армий, передовые отряды которых прошли Камбре! Вечером, сидя у ворот нашего постоянного двора, мы прислушивались к грому пушек англичан и австрийцев, осаждавших Валансьен, в шестнадцати лье от Перонны.

Мой ужас перед нашествием чужеземцев возрастал с каждым днем. Но с какой радостью слушал я вести о победах республики! Когда пушки возвестили о том, что мы отбили Тулон, я был на валу. С каждым выстрелом сердце мое билось сильнее, так что я вынужден был сесть на траву, чтобы перевести дыхание.

Теперь, когда патриотизм в нашей стране дремлет, эти волнения ребенка могут показаться странными. Не менее удивительным покажется то, что и в шестьдесят лет я все еще сохраняю эту патриотическую восторженность и что мне нужно собрать всю силу моей любви к человечеству и весь запас разума, обогащенного жизненным опытом, чтобы удержаться от проклятий по адресу народов, наших соперников, от проклятий, которые я так расточал в пору моей молодости.

Это пылкое чувство — тем более пылкое, что оно рано развилось во мне, как и другие чувства, — оказало влияние на все, вплоть до моих литературных суждений. Друзья удивлялись иногда моему равнодушию к Вольтеру, хотя я и уважал его как преобразователя и восхищался чудесной плодовитостью его могущественного гения. Эта холодность к некоторым его сочинениям возникла у меня еще до того, как стала распространенной во Франции: она восходит к той эпохе, когда я, еще юноша, заметил в Вольтере несправедливое предпочтение к иностранцам; впоследствии же я чуть не возненавидел его, прочитав поэму, в которой он глумится над Жанной д'Арк — истинным божеством патриотизма, предметом моего обожания с детских лет. Разумеется, я теперь не осмелился бы так говорить, если б когда-либо позволил себе надругаться над Наполеоном, умиравшим в плену у англичан.

Да простят мне читатели, что я так много пишу о моей любви к родине, любви, которая была величайшей, я сказал бы даже — единственной страстью всей моей жизни.

Здоровье мое в Перонне, кроме лихорадок и все усиливавшихся головных болей, не подвергалось особым напастям, исключая одной, которая могла оказаться губительной.

В мае 1792 года я стоял на пороге дома, наблюдая заканчивавшуюся грозу. Вдруг загремел гром, и возле меня ударила молния, оглушив меня и повалив на пол без дыхания. Густой дым наполнил весь дом, молния разрушила его внутри и повредила самый щипец крыши. Тетка, помня только обо мне, замертво распростертом на полу, хватает меня на руки и

выносит на воздух, под дождь. Окруженная сбежавшейся толпой, она щупает мой пульс, слушает сердце, тщетно ищет признаков жизни и кричит: «Он мертв!»

Я слышал ее вопли задолго до того, как мог пошевелиться и вымолвить хоть слово для ее успокоения. Мало-помалу придя в себя, я ласково ответил на проявленную ею радость, но не мог удержаться от замечания ребенка-резонера — замечания, за которое потом так часто упрекала меня тетка, прибавляя всякий раз: «Тут я поняла, что ты никогда не будешь набожным христианином». Я уже сказал, что она была искренне религиозна. Когда собиралась гроза, тетка обычно кропила весь дом святой водой. «Это для того, чтобы уберечь нас от грома», — говаривала она. Придя в себя и еще лежа на постели, принесенной соседями, я выслушал рассказ о том, что случилось, и воскликнул:

— Ну что, помогла нам твоя святая вода?

Долго я не мог оправиться от этого ужасного удара. Мое зрение, до тех пор чрезвычайно хорошее, казалось очень пострадало, и мне уже нельзя было поступить в ученье к часовых дел мастеру. А я так хотел стать часовщиком! Это занятие так подходило мне, отличавшемуся большой ловкостью в работе. Да, нужно было непременно овладеть каким-нибудь ремеслом, — как видите, и я опирался на всем известную фразу Руссо.

Тетка моя тоже чувствовала, что если я буду только помогать ей содержать трактир, то это вовсе не обеспечит моей будущности. К тому же она видела, как страдало мое самолюбие, когда я прислуживал за столом или шел в конюшню. И она находила, что мое хрупкое телосложение не позволяет мне заниматься какой ни пошло работой.

Для первого опыта я поступил к золотых дел мастеру. Но мне пришлось иметь дело с плохим мастером: он посвятил меня во все тайны своих любовных походов, а научился я у него лишь кое-как обрабатывать медь.

Из его заведения я перешел на должность посыльного к нотариусу, ставшему мировым судьей. Этот судейский чиновник, друг моей тетки, ум которой он

ценил, осыпал меня знаками благоволения, и память о нем стала для меня одним из приятнейших воспоминаний юности.

Господин Баллю де Белленглиз, ревностный ученик Руссо и горячий сторонник революции, был избран в Законодательное собрание. А когда окончился его полномочия, он возвратился в Перонну и учредил там бесплатные начальные школы по принципу, достойному, пожалуй, серьезного изучения.

Желая воспитать не столько ученого, сколько человека, г-н де Белленглиз предоставил своим питомцам самим блюсти дисциплину. Они избирали из своей среды судей, окружных членов, мэра, муниципальных чиновников и мирового судью, — и те обязаны были действовать сообразно потребностям этого общества мальчуганов, из которых старшему было не более пятнадцати лет.

У нас было войско, — в него зачислялись все ученики, — с подразделениями стрелков, гренадер и артиллеристов, при выборном командном составе. Во время прогулок мы носили пики и сабли и возили зарядный ящик с маленькой пушкой, — нас научили, как следует с нею обращаться. И если нам не хватало ружей, то потому только, что их тогда не успевали достаточно изготовлять для двенадцати армий, защищавших республику.

У нас был также и клуб, — его заседания привлекали толпу пероннцев всех возрастов.

Что касается учебных занятий, то латинский язык был изгнан, хотя основатель школы был ученый латинист. Вопреки его советам мы мало обращали внимания на изучение грамматики родного языка. Ее преподавал нам старый священник, для которого это заведение послужило полезным убежищем во времена смут.

Гораздо привлекательнее уроков языка были для нас республиканские песни. А так как в моей семье пели решительно все, то надо полагать, что в ту пору у меня и развился вкус к песне.

Тогда же я приобрел навык говорить публично; то и дело избираемый председателем нашего клуба, я обязан был выступать с приветствиями членам Конвента, проезжавшим через Перонну, и произносить

речи своего сочинения во время национальных празднеств, на которых мы играли заметную роль. Да еще, при исключительных событиях, мне поручали составлять адреса Конвенту и Максимилиану Робеспьеру.

Отвлекаясь от этого самовольного вторжения мальчуганов в высокую политику и от запущенности учебных занятий (двойное неудобство, порожденное тогдашним революционным кипением и оказавшееся непреодолимым для г-на де Белленглиза), следует сказать, что разработанный им план воспитания в сущности всего более отвечал потребностям граждан в той стране, где избирательные принципы были столпом всей системы управления.

Наш Ликург распространил метод своего воспитания даже на девиц, сообразуясь, однако, с их полом.

Внушать детям любовь к формам и принципам, принятым в том обществе, которое их ожидает как граждан, — значит упрочить на несколько веков установления, порожденные более или менее новыми принципами, на основе которых возникли эти формы. Это значит — развить раннюю опытность в детях, родившихся при новом политическом строе, и приучить их не только к исполнению, но и к серьезному изучению законов, которые ведь еще предстоит улучшать.

А разве наши учебные заведения не заняты только тем, что выпускают ничтожное количество ученых и множество школьников?

Людей — разве выходит оттуда много?

А граждан — об этом уж нечего и спрашивать.

Заведение г-на де Белленглиза просуществовало недолго: школу оклеветали, и она закрылась. Беда человеку, возвышающемуся над уровнем посредственности и осужденному жить в маленьком городке — особенно если он там же и родился! Наименьшее зло для него — не найти человека, кто бы его понимал. Но глупость и зависть употребят все усилия, чтобы доставить ему как можно больше врагов. У Белленглиза было их много, хотя он не подавал виду, что замечает их.

Этот человек был республиканский Фенелон. Никогда не мог я себе представить, чтобы у автора «Те-

лемака» был иной внешний облик, иной голос, чем у этого достойного друга моего детства. Выражение его лица, скромное и вместе важное, было необычно. Я помню его прекрасные глаза, бледное лицо, улыбку. Так и вижу его широкий темный кафтан до пят, с одним рядом пуговиц, и его широкополую круглую шляпу. Как он был представителен! Две маленькие собачки сопровождали его в уединенных прогулках, и он брал на руки то одну, то другую, если прогулка затягивалась. Дома, среди множества цветов, бесчисленные предестные птицы развлекали его своим пением, не мешая ему ни работать, ни размышлять.

Господин де Белленглиз, посвященный во все науки, чуткий ко всем отраслям искусства, с большим успехом играл в комедиях, а еще большим в драмах — тогда еще совсем новом жанре драматургии. Он заронил в нас мысль начать заучивать роли и охотно репетировал их с нами. Речь его отличалась изяществом и лаконичностью. Мораль его была кроткой, и она проникала прямо в сердце. Он мог и не говорить: «Оставьте младенцев сих приходить к мне», чтобы мы устремились за ним.

Родные мои часто повторяли, будто он, полюбив меня, предсказывал, что со временем я непременно стану выдающимся человеком. Но он не дожил до моей скромной известности. Он умер в Амьене, еще далеко не в преклонных летах, председателем палаты по уголовным делам департамента Соммы. Эта высокая должность причиняла ему много скорби. Так, например, ему однажды очень не хотелось осудить несчастного, который отомстил поджогом за несправедливый, но учиненный на законном основании грабеж. И он в открытом заседании так энергично выразил свое неодобрение хищнику, что тот, несмотря на все свои богатства, вынужден был покинуть департамент. Г-н де Белленглиз отвергал смертную казнь, и всякий раз, как первый консул проезжал через Амьен, он не пропускал случая указать ему на всю ее несправедливость и бесполезность.

Превосходный человек, истинный философ, судья снисходительный, богач нищелюбивый, да будет память твоя благословенна!

Он-то и определил меня в типографию, которую благодаря его поддержке книгопродавец Ленэ открыл в Перонне. Я пробыл там около двух лет, охотно занимаясь типографской работой, но нисколько не совершенствуясь в орфографии. Наука эта никак не давалась мне, несмотря на все старания сына Ленэ, который, хотя и был несколько старше меня, очень скоро сделался моим другом и старался научить меня основным правилам родного языка. Но достиг он только того, что с его помощью я приобщился к законам стихосложения. Не скажу, чтобы именно он приохотил меня к сочинению стихов: я любил заниматься этим уже давно. Двенадцати лет от роду, еще не подозревая, что стихи подчинены какому-то ритмичному размеру, я — худо ли, хорошо ли — нацарапывал рифмованные строчки, которые были все одинаковой длины благодаря двум вертикальным чертам, проведенным карандашом на листе бумаги, и был уверен, что пишу стихи такие же правильные, как у Расина. Однако, познакомившись с вольными стихами Лафонтена, я стал наконец подозревать, что в моем методе не все благополучно.

Тетка моя вышла замуж по второму разу за некоего г-на Бувэ, человека просвещенного и ума, быть может, даже выдающегося, но со странностями, которые прояснили мне характер Руссо. Да он и в самом деле приближался к нему как по своим идеям, так и по манере выражаться, не лишенной иногда истинного красноречия.

Он пытался учить меня французскому языку, но тоже тщетно. Менее чем кто-либо другой мог он оказывать на меня влияние, потому что, рано выучившись самостоятельно судить об окружающих меня людях, я скоро заметил, что моя тетка с ним несчастлива; я заранее предсказывал ей это, пытаюсь отговорить ее от замужества. «Мне следовало послушаться тебя», — часто повторяла мне потом бедная женщина.

В то время как она прививала мне республиканские убеждения в городе, предохраненном Андре Дюмоном¹ от убийств, которые в нескольких милях

¹ Немногие из членов Конвента, посылавшихся им в провинцию, отличались такою разъяренной декламацией, как Андре Дюмон; он

оттуда заливали кровью Аррас (там царил свирепый Лебон), — отец мой получил в Бретани место управляющего у графини де Бурмон, — ее сын теперь маршал. И вот моего отца арестовали как федералиста, и он попал в список ста тридцати двух жителей Нанта под именем Беранже де Мерси. Родные мои скрыли от меня и его арест и страдания, перенесенные им до освобождения, которое произошло в судебном порядке после девятого термидора.

Когда отец навестил нас в 1795 году, он был весьма озадачен различием моих мнений и своих собственных: он был самым ревностным роялистом. Моя молодость внушила ему мысль, что нетрудно будет повлиять на мои убеждения. Но скоро он увидел, что имеет дело с завзятым спорщиком, не поддававшимся ни на его уговоры, ни на ласку. Рассердясь, он завел с теткой в моем присутствии разговор, которого мне не забыть, потому что она часто со смехом напоминала мне о нем.

— Сестра, — сказал он ей, — этот ребенок заражен якобинством.

— Лучше скажи, брат, вскормлен республиканскими воззрениями. У нас якобинство — пустой звук.

— Якобинец или республиканец — это для меня одно и то же. Мальчишке привиты самые вредные взгляды.

— Они принадлежат мне и всем лучшим гражданам.

— Как это ты, при всей твоей религиозности, могла допустить, чтобы он получил первое причащение от священника, присягнувшего государству?

— Неужели лучше было дожидаться закрытия церкви и запрещения деятельности священников, что вскоре и случилось?

завоевал себе этим доверие и использовал его к выгоде своего департамента. Хотя было произведено — с большим шумом — немало арестов, но лишь один или двое неосторожных оказались в Амьене единственными жертвами, принесенными ради спасения всех остальных. Я всегда удивлялся тому, как мало благодарности внушил своим согражданам этот человек, хотя присущая ему любовь к людям составляла такой мужественный контраст с жестокостью многих его коллег. Я видел своими глазами, как он публично расправился с нелепыми доносами, отправив доносчиков в тюрьму. В ту пору я еще не мог как следует оценить, какому риску подвергался он, действуя подобным образом.

— Да, лучше, — ко благу религии, которая возродится вместе с королевской властью.

— До чего, братец, я люблю слушать, как ты, ни во что решительно не веруя, рассуждаешь о религии!

— Сестра, мы, аристократы, должны стоять за трон и алтарь. Служа им, я больше года таскался по тюрмам и, не будь особенной милости божией, умер бы на эшафоте.

— Скажи лучше, что тщеславие заставило тебя присоединиться к людям, нисколько тобой не дорожившим. Но довольно спорить об убеждениях, пусть они будут свободны, возвратимся к твоему сыну.

— Так что же ты хочешь, чтобы я для него сделал?

— То же, что ты делал до сих пор. Вчера, глядя, с какой уверенностью он председательствует в своем клубе, ты слушал, как жарко и трогательно говорил он об отечестве, и когда рукоплескания прерывали его речь, у тебя на глазах были слезы.

— Я не отрицаю его способностей, сестра, Но, будучи убежденным роялистом, могу ли я не опасаться того, как он вздумает их употребить?

— Он употребит их на службу республике.

— Боже мой! Неужели ты не хочешь ничего понять? Вашей республике осталось жить всего полгода. Я уже говорил тебе: наши законные государи скоро возвратятся к нам. Один из тех, кто подготавливает в Париже их возвращение, граф де Клермон-Галлеранд, недавно опять уверял меня в этом. Того же мнения и молодой граф де Бурмон, который сражается за королевский дом в Бретани. Через полгода, повторяю тебе, мы сможем броситься к ногам Людовика Восемнадцатого.

— Кто он такой, этот Людовик Восемнадцатый?

— Это твой король, сестра, мой король, король Франции и Наварры со времени кончины Людовика Семнадцатого. Неужели ты не знаешь, что этот последний — молодой и несчастный государь — умер в Тампле жертвою омерзительнейшего обхождения?

— О, не говори! Я часто оплакивала судьбу этого бедного ребенка. Но что же за дело до этой смерти его дядям и главное — твоему сыну?

— А такое дело, что когда Бурбоны возвратятся, я надеюсь пристроить сына в число пажей его величества.

— Право, Беранже, ты сумасшедший! Если, по несчастью, к нам возвратится эта династия, вооружившая всю Европу против Франции, неужели ты полагаешь, что и последний из ее членов удостоит тебя малейшего внимания?

— Конечно, да. Я докажу свои права на дворянство.

— Опять эта чушь! Не забывай, что ты родился в деревенском кабаке. Наша добрая мать была служанкой, что вовсе не мешало ей обладать здравым смыслом. Эта достойная женщина, правда, соглашалась иногда шутки ради, что в жилах твоих и твоего отца течет дворянская кровь. «Ведь мой муж, — говаривала она, — бездельничал всю жизнь и напивался пьян вином из своего кабака, как добрый деревенский помещик. А сын мой не может жить без долгов, словно аристократ».

— Сестра, все эти твои рассказы не помешают моему сыну, который после меня станет главой рода, сделаться пажом его величества.

— Твой сын никогда не захочет стать лакеем.

— Королевского пажа ты называешь лакеем? Этой чести добиваются знатнейшие дома!

— Это успокаивает меня за его судьбу.

— Сестра, клянусь тебе, что когда Бурбоны возвратятся, я представлю своего сына нашим превосходнейшим принцам.

— Берегись, чтобы он не спел им марсельезу.

Не подумайте, что я сочинил этот диалог. Последующие разговоры отца сотню раз напоминали мне все оттенки его тогдашних выражений.

Вскоре после этого я переехал к нему в Париж, где наконец он поселился, вновь сойдясь с моей матерью. Он стал заниматься разными биржевыми операциями, — надо же было чем-нибудь жить в ожидании возвращения Бурбонов.

Я часто мечтал о жизни в Париже — городе, который невозможно забыть, хотя бы ты покинул его в самые юные годы. Но в минуту расставания с теткой я был очень взволнован. Мудрыми советами, которы-

ми она, плача, напутствовала меня, я был растроган до слез и проплакал почти всю дорогу, а ее в то смутное время дилижансы проезжали за двое с половиною суток. Способность к предвидению (качество, которое я почти готов назвать недостатком), редко покидавшая меня, заставляла меня и в пятнадцать лет предчувствовать грядущие превратности моей новой жизни.

Я знал, что отец, несмотря на всю свою доброту, не может быть для меня руководителем, и я рано почувствовал необходимость стать что называется мужчиной. Но такая мысль пугала меня, — это может показаться странным, но так оно и было. И вот необыкновенное доказательство тому: меня до того тяготила мысль, что надо же наконец когда-нибудь стать и казаться мужчиной, что, услышав однажды, будто при постоянной стрижке бороды она не растет такой густой, как при ее бритье, я не стал употреблять бритвы в молодости и даже до сих пор стригу бороду пожницами.

Чем я занимался в Париже?

Увы! Я сделался, подобно отцу, большим искусником в денежных операциях. Способность к вычислениям внезапно развилась во мне, хотя я никогда не мог принудить себя следовать определенным правилам. Во всяком труде я умел находить свои собственные приемы, и вот я с удивительною быстротою привык считать в уме.

Бедствия того времени вынуждали моего отца хвататься за всевозможные дела. Известно, с каким трудом устраивались тогда всякие сделки и какой беспорядок внесла общественная неурядица во все учетные и банковские операции. Отец же мой усмотрел в этом средство избавиться от нужды и нашел здесь поле для своей деятельности.

Обесценение ассигнаций сильно подняло стоимость звонкой монеты. Мы доставали ее за два с половиною и даже за три процента и все-таки получали барыши. Я все еще оставался ребенком, и это ремесло сначала забавляло меня, может быть, потому еще, что тут был простор для моей сообразительности, так восхищавшей отца. Но, как и можно было предвидеть, это недолго служило мне забавою. Вско-

ре я достаточно познакомился с существом наших операций — и они опротивели мне.

Отец, изумленный быстрым расширением своих дел, не был ни жаден, ни недоверчив. Первый встречный мог воспользоваться его добротой, только сумеет пустить слезу или польстить. Я старался доказать отцу, что это вовсе не идет к его профессии. И вскоре я, в семнадцать лет, принужден был один вести его дела. Это было в то время, когда я только что лишился матери, с которой провел не более десяти месяцев. Нужда заставила ее сойтись с отцом, но она редко жила с ним в добром согласии. Она не хотела взять к себе мою сестру, жившую в деревне у друзей. Ее равнодушие ко мне было весьма извинительно. Бюффон сказал, что мальчики во многом похожи на матерей, — но едва ли когда-нибудь сын менее походил на свою мать и в физическом и в духовном отношении. Она хотела сделать из меня щеголя — мюскадена, как говорили тогда, но это решительно противоречило моим наклонностям. Всевозможные безрассудства ускорили кончину моей матери, она не дожила до тридцати семи лет.

Отец мой оставался все тем же роялистом и попрежнему был глух к моим увещаниям насчет его политических взглядов и к замечаниям относительно его финансовых оборотов. Вскоре после смерти матери он дал вовлечь себя в заговор Бротье и Вильернуа, таким странным образом раскрытый генералом Мало.

В нашу фирму поступали деньги из Лондона, где их всегда можно было достать для поддержки врагов Франции. А я, бедный маленький патриот, принужден был тайно доставлять это золото заговорщикам. Но мне казалось, что они, к моему большому облегчению, употребляли его более на собственные нужды, нежели на выполнение своих планов. Должен прибавить, что никогда еще заговорщики-роялисты не были так дешевы: эти удовольствовались всего двумястами тысяч франков.

Граф де Бурмон, скрывавшийся в Париже, вероятно для того, чтобы стать в случае удачи во главе восстания, казался мне единственным во всей партии стоящим человеком, хотя он был еще так молод, что

его можно было принять за переодетую девушку. Я навещал его на улице Марэ-дю-Тампль, где он нашел верное убежище среди обширных садов. Я удивлялся его смелости и умению сбить с толку полицию.

Что же касается других заговорщиков, то они служили мишенью для моих эпиграмм, которые были довольно метки и забавляли даже моего отца.

Открытие этого заговора послужило причиной ареста как моего отца, так и тех, кто возглавлял заговор или был рядовым его участником. Военный суд судил их всех, но отец был освобожден за отсутствием достаточных улик.

Вынужденный в пору его заключения заменять его в делах, я заключил сделок почти на двести тысяч франков. Тогда-то, восхищенный моими финансовыми талантами, он предсказал, что со временем я стану первым банкиром Франции. Так он утешал себя на тот случай, если я не буду пажом Людовика XVIII.

Не он один из роялистов старался вознаградить себя денежными оборотами за неудачи политические. Люди высшего света вступали с нами в деловые отношения. Некоторые из них, правда, удовлетворялись скромной ролью наших должников, притом не из числа исправных; кое-кто вовсе не заплатил. Отец мой, подобно г-ну Журдену, тщеславился такими должниками, а они унижали себя до того, что делались его льстецами в надежде на всякие блага. Я сам видел, что некоторые даже помогали ему одеваться.

Выше я упомянул уже о г-не де Клермон-Галлеранде. Этот господин казался мне полным достоинством. Он прибегал к нашим услугам только по делам биржи, неизбежным в то время почти для всякого. Граф, которого я видел лишь несколько раз, казался мне человеком умным и твердым. Он играл тайную роль в дни вандемьера, к которым так причастен был роялизм, в дни, когда благодаря генералу Бонапарту восторжествовал Конвент. По окончании своих первых итальянских походов генерал расположился в отеле Шантерен. Из апартаментов г-на де Клермона, прилегавших к этому отелю, я впервые увидел его, когда он пересекал вдали аллею.

— Какой великий воин! — сказал я графу.

— Да, но республика его убьет, если он не убьет республику.

— Он провозгласит себя диктатором.

— Это предсказание школьника, молодой человек. Для таких республик, как эта, достаточно нескольких взмахов метлы, чтобы очистить место законным государям.

— Уж не думаете ли вы, господин граф, что Бонапарт захочет стать дворником?

Граф помолчал, а затем ответил:

— Он дворянин. Он воспитывался вместе с такими людьми, как мы: это навсегда оставляет след. Да наконец и Директория не позволит ему возвыситься.

Я кое-что знал в истории, чтобы видеть, что г-н де Клермон готовит герою итальянских походов роль Монка. Не один он ласкал себя этой надеждой, даже во времена Консульства.

Как видите, я попал в милую школу «божественного права» и, кажется, проявил достаточно упрямства, так как отнюдь не стал ее горячим приверженцем.

Разговор этот напоминает мне другой, подобный этому и состоявшийся в те же времена.

Отец мой упрашивал всех своих знакомых учить уму-разуму такого республиканца, как я. Особенно полагался он в этом отношении на шеваляе де ла Картери, человека пожилого, которого моя болтовня чрезвычайно забавляла. Однажды, когда я с ним заспорил, он тоже начал мне проповедовать о моих «законных государях». Уставши слушать все одно и то же, я сказал:

— Да растолкуйте же мне, сударь, что это за люди, относительно которых даже их приверженцы не во всем согласны?

— О ком это вы говорите, мой молодой друг? — прервал меня с важностью старый шеваляе.

— Да о вашем Людовике Восемнадцатом, о графе д'Артуа, об их сыновьях.

— Ах, так вы о них! Но ведь это же династия узурпаторов.

— Это-то и смущает меня. Как же так? Эти властители, для которых жертвуют собой столько

дворян, столько вандейцев,— всего лишь узурпаторы?

— Настоящие узурпаторы, мой друг, и они отлично знают это сами.

— Вразумите же меня, прошу вас. Я тут ровно ничего не понимаю.

— Еще бы! Выслушайте меня, и вы увидите, в какое заблуждение ваши роялисты ввели вас. Прежде Людовика Четырнадцатого и брата его, герцога Орлеанского, у Анны Австрийской родился сын, известный под именем Железной Маски. Его-то права и были благодаря обману переданы незаконнорожденным детям королевы.

— Но разве Железная Маска был более законным сыном?

— Да, именно он и был сыном Людовика Тринадцатого. Но Анна Австрийская, всегда подозреваемая своим мужем, рассчитала, что король, из-за происков Ришелье, может усомниться в своем отцовстве по причине редких отношений со своей царственной супругой. И она согласилась скрыть своего первенца, вследствие данных ей обещаний, что на будущее время она вступит во все права супруги и что не будет более причин подозревать незаконность детей, которые у нее родятся. Ришелье, притворившийся, в своих видах, влюбленным в королеву, вскоре узнал о ее любовных интригах. Допустивши скрыть своего первенца, Анна уже не могла поправить свою ошибку, которая поставила ее в полную зависимость от фаворита. Так-то вот, мой друг, незаконные дети и унаследовали трон Генриха Четвертого.

Хотя я в то время не очень-то был силен в истории, но все же мог бы и тогда сделать несколько возражений по поводу романтической стороны этого рассказа. Но я воздержался, ограничившись замечанием, что притязания истинных роялистов были бы основательны только в том случае, если б Железная Маска оставил после себя наследников.

— По милости божией, он и оставил их,— ответил г-н де ла Картери.— Знайте же, что сначала он воспитывался в Нормандии, где за ним надзирали не очень-то строго. Лет двадцати он тайно женился на молодой девушке дворянского происхождения. От

нее у него родился сын, которого несчастный не знал, потому что с самой своей женитьбы подвергся суровому заключению, столь его прославившему. Его супруга только тогда узнала, какой он крови, и сочла необходимым скрыть от света дитя, рожденное от него, опасаясь, чтобы с сыном не поступили так же, как с отцом, или того хуже. Это дитя, воспитанное с особенным попечением, не ведало о своих правах до тех пор, пока оно не пришло в такой возраст, что могло сохранить тайну, которая и была ему передана со всеми документами, засвидетельствовавшими достоверность событий, о коих я сейчас вам рассказал. И это наследие переходило к старшим в роде преемникам, от поколения к поколению, до настоящего дня.

— Кто же теперь счастливый смертный, пользующийся такой честью?

— Это человек лет около тридцати, который носит имя де Вернон и обитает в одном из замков Бретани. Многие из его верноподданных считают своей обязанностью навещать его там. Он пользуется уважением даже тех, кто не знает о его королевском происхождении: ум, образование и величественная осанка выделяют его из ряда обыкновенных смертных. Во времена террора даже революционеры покровительствовали ему, и он спокойно пережил грозу, которой было суждено освободить его от самых злейших врагов.

— Когда же он думает воспользоваться своими правами?

— Погодите, погодите. Кажется, явился уже человек, который предназначен судьбой возвратить ему трон.

— Уж не Бонапарт ли?

— Разумеется, и он вовсе не то, что о нем думают, вот увидите.

История Железной Маски слишком часто занимала меня, чтобы мне захотелось посмеяться над простодушием старого шевалье, который объяснил мне эту необъяснимую историю. Но я воспользовался ею в моих нескончаемых спорах с отцом, и это мне больше всего доставило удовольствия. И в самом деле, при первой же его проповеди в пользу наших

«законных государей» я пустился излагать эту чудесную историю перед моим отцом и еще несколькими роялистами, которых я нарочно поджидал с большим нетерпением.

— Какая глупость! — вскричал мой отец. — Кто это мог выдумать такую сказку?

— Господин де ла Картери.

Бедняга был ошеломлен.

— Как! — сказал отец. — Он, обещавший мне излечить тебя от мании республиканизма?

Его друзья, видя, как он обманулся в своих ожиданиях, объявили старого шевалье сумасшедшим. Но они ошибались. Позже я узнал, что он принадлежал к секте иллюминатов, основанной Сведенборгом и преобразованной во Франции Сен-Мартеном, сильно умножившим число ее сторонников. Казотт, автор «Влюбленного дьявола», говорят, был одним из ее ревностнейших последователей. У многих французских иллюминатов были те же политические идеи, что и у моего шевалье. А один из них так даже предсказал мне в 1806 году падение Наполеона, потому что тот не исполнил возложенного на него богом призвания возратить трон Франции потомкам Железной Маски. Смейтесь же после этого над деревенскими предрассудками, когда в просвещенном обществе вы встречаете людей, подверженных подобным бредням!

Вероятно, никому не покажется странным, что я в течение многих лет старался узнать, кто же такой в самом деле этот господин де Вернон.

Долго я не мог напасть на его след. Наконец одна достойная доверия особа сообщила мне, что знала или, лучше сказать, видела его в Бретани. Это был в самом деле человек, наружность которого в значительной степени соответствовала портрету, нарисованному де ла Картери. Этот г-н де Вернон жил в весьма скромном замке, но, кажется, не без некоторого достатка благодаря легковерию своих приверженцев. А кругом поговаривали на ушко о его происхождении и о его правах. Кажется, во времена Империи над ним был установлен полицейский надзор. По крайней мере особа, со слов которой я сообщаю это, уверяла меня, что префекты нередко приглаша-

ли г-на де Вернона навещать их. Не восставая против их вежливых приказаний, он подчинялся только в последней крайности, как тот, кому приходится поневоле склоняться перед людьми ниже его. Без сомнения, де Вернон, проникнутый мыслями, которые ему внушили, верил в свое происхождение, и он достоин нисколько не меньшего уважения, чем всякие другие претенденты. Если его уже нет на свете, то он, вероятно, оставил наследников своей короны, в равной степени убежденных в правах Железной Маски на престол Франции.

Пусть не думают, что я говорю о некоторых сношениях наших со знатью с целью ослабить впечатление от того, что было тяжелого и отталкивающего в наших занятиях. Мы вели дела преимущественно с низшими классами и с бедняками.

Бедственное состояние государственного казначейства и чрезвычайное понижение ценности бумажных денег, вызывавшие такую огромную потребность при любых денежных операциях в звонкой монете, — привели к тому, что ломбард (учреждение, которое при лучшей его организации могло бы стать гораздо полезнее) перестал быть прибежищем бедноты. И рабочий, чтобы раздобыть немножко металлических денег, притом на весьма тяжелых условиях, принужден был обращаться в частные ссудные кассы, а правительство поневоле их терпело.

Врожденное чувство сострадания могло только еще более развиться во мне, когда я лицом к лицу сталкивался с такою ужасною нищетой, которую мы своей помощью делали еще ужаснее. Однако я рад, что могу воздать отцу должную справедливость: он не только предоставил мне полную свободу облегчать участь бедняков, но сплошь и рядом сам подавал пример человеколюбия. Сколько несчастных уносили от нас вместе с деньгами, которые мы давали им, и то платье, которое они снимали с себя, чтобы отдать его в залог. Добрая старая бабушка Шампи¹, помогавшая нам, нередко говорила мне: «Тебя

¹ Перечитывая рукопись и видя имя бабушки, я считаю необходимым сопроводить его примечанием, чтобы критики знали, что со-

надувают». Эти слова она часто повторяла и тогда, когда я стал более опытен, но она не могла сделать меня глухим к стенаниям ближних.

В огромном числе бедняков, которых приходилось мне видеть в то время, мне посчастливилось встретить и старую работницу, присутствовавшую при моем рождении. Ее история совершенно не касается истории моей жизни, но она настолько типична для женщин этого класса, что её стоит здесь рассказать.

Тетушке Жари, когда я вновь увиделся с нею, было по меньшей мере лет шестьдесят. Небольшие услуги, которые я оказывал ей, даже когда бедность сменила наш непродолжительный достаток, и ее услуги — починка изношенного платья, забота о моем холостяцком хозяйстве — очень сблизили нас, и это продолжалось до самой ее смерти. Однажды, когда старушка убирала мою комнату, мне показалось, что она плачет.

— Что с вами, тетушка Жари?

— Ох, старая печаль щемит сердце. Простите меня.

— Садитесь и расскажите о вашей старой печали. Или опять квартирная плата — причина вашей тревоги? Нынче я богат.

— Нет, нет, дитя мое. На этот раз не в квартире дело. Но я никогда еще не рассказывала вам мою жизнь, мою жалкую жизнь. О, как она была печальна!

— Расскажите мне ее, тетушка Жари.

чиненная мною песня «Бабушка» не дает портрета ни одной из моих бабок, — и та и другая были женщинами равно почтенными. Выпековавшая меня жена портного, большая труженица, не знала других развлечений, кроме чтения книг; а мать моего отца, не менее славная женщина, тоже была образцом добродетели.

Я думал, что среди сочинений писателя легко отличить те, которые порождены особенностями его жанра и его фантазией, от тех, где он изображает себя самого. Оказалось, что это вовсе не так. Вот, например, сестра у меня монахиня, и я вынужден сказать, что песня «Сосед», где имеется строчка «мне монахиня-сестра говорит» и т. д., написана мною задолго до того, как моей сестре вздумалось пойти в монастырь.

Я не хочу подавать повода к злоупотреблению фразой, находящейся в одном из моих предисловий: «Мои песни — это я». Да, это, конечно, я, но и другие тоже; и я признателен критику, который, говоря о моих книгах, метко окрестил их, назвав «Песенной комедией».

- Но вы, я вижу, пишете.
- Что ж за беда!
- Ну, так я расскажу. Может быть, вы мне можете.

ИСТОРИЯ ТЕТУШКИ ЖАРИ

— Я была очень хороша собой, очень весела и большая хохотунья.

Мать моя, швея, научила меня своему ремеслу, и из меня вышла искусная работница. Мне было семнадцать лет, когда Жари посватался ко мне. Красивый малый, веселого нрава, он занимал какую-то должность при королевских конюшнях.

Это была удача!

Мать моя, по смерти сына, который был гораздо старше меня, стала прихварывать, ослабела, видимо предчувствуя близкую кончину. Заметив, что Жари мне нравится, она постаралась ускорить наш брак. В течение целого месяца это был счастливейший брак на свете. Но скоро Жари выказал себя тем, кем он был на самом деле: игроком, пьяницей и развратником. Мы жили в Версале. Он возвращался домой пьяный, бил меня и приводил с собою девок. Горе мое стало еще тяжелее с потерей матери, от которой я все скрывала, — и она умерла с утешительной мыслью, что я совершенно счастлива. Я и была бы счастлива, будь Жари иного поведения. Но он наделал долгов, потерял место и однажды, возвратившись домой, сказал:

— Нанетта, я уезжаю в Англию; там я постараюсь усовершенствоваться в ремесле конюшего.

— А я-то как буду жить? — воскликнула я.

— На вот тебе луидор, — ответил он. — Ты бережлива. Продай нашу мебель и домашнюю утварь, возвратись в Париж и работай. Выйди замуж, если хочешь. Я вышлю тебе из Лондона свидетельство о моей смерти.

Он целует меня и уходит. А я остаюсь, безмолвная, ошеломленная. С тех пор я о нем больше ничего не слыхала.

Нам, бедным людям, некогда вдоволь и поплакать. Я поскорее переехала в Париж, наняла крошечную каморку на чердаке и стала работать на портних.

Мне еще не было тогда восемнадцати лет, и меня томило одиночество. За работою я пела, но и то без удовольствия. Подруги моего детства разбрелись кто куда. Страх удерживал меня от новых знакомств. Но я все ждала, что судьба пошлет мне настоящего друга.

В доме, где я жила, против узкого окошечка моей каморки было точно такое же оконце. Однажды весною я заметила там молодого работника-портного, до того поглощенного своим делом, что во весь этот день — а я провела его без песен — он ни разу не взглянул в мою сторону. Это был статный блондин, только уж очень бледный.

Назавтра, чуть рассвело, я увидела его за прежней работой. И он трудился все с тою же усидчивостью. Но на этот раз я осмелилась запеть, правда потихоньку. Он взглянул на меня, и мы поклонились друг другу. Потом начались встречи на лестнице. Потом — соседские услуги. И наконец между нами, бедными людьми, установилась полная близость.

Он был четырьмя годами старше меня и содержал своим трудом больную мать, которую посещал по воскресеньям и праздникам в Шаронне. Вскоре взаимная любовь сделала нас неразлучными. И мы нашли, что гораздо экономнее жить общим хозяйством и тратить деньги из одного кошелька. Я часто просила в этом прощения у бога, которому мы молились вместе. Увы! Я сделалась беременна после нескольких первых месяцев этой счастливой связи — и одной радостью стало больше в нашем бедном уголке.

Мой друг только что лишился матери, которая, умирая, благословила нас, и мы зарабатывали достаточно, чтобы воспитать наше дитя.

В моей памяти все еще живы месяцы счастья, проведенные с этим добрым Полем Гоше. И больше не было в жизни месяцев, подобных тем, чтобы я могла позабыть их!

А несчастье уже подстерегало нас!

У Гоше давно болела грудь. Внезапно болезнь усилилась. Несмотря на всю его бодрость, я заметила, что он уже не может работать столько, сколько раньше; потом ему пришлось прибегнуть к помощи врача, а затем он вынужден был до полудня валяться в постели. Наши ничтожные сбережения исчезли. Затем стали расти долги. Белье, мебель, все пожитки были отданы в залог. Это бы все ничего, если бы только здоровье поправлялось. Но Поль слабел день ото дня, и когда мне настало время родить, мы еле еле наскребли, чтобы заплатить повивальной бабке.

Бог даровал мне сына, прекрасного мальчика, но не дал молока, чтобы кормить его. Этим он хотел, видно, наказать меня за мою вину. Мы никак не могли отыскать кормилицы. Отчаяние отравило всю мою материнскую радость! И в довершение беды я медленно и с трудом оправлялась после родов. Мы не знали, как унять крики бедного дорогого малютки. Спустя три дня после его рождения Гоше, распростертый на матраце, вдруг быстро поднялся.

— Подай сюда моего сына, — сказал он. — Я уверен, что найду ему кормилицу в той деревне, где умерла моя мать. Побегу туда.

Не знаю, как достало у него силы встать и уйти со спеленатым ребенком на руках, которого я покрывала поцелуями и слезами.

По моим расчетам, он мог управиться с этим за день. Но он пришел спустя всего несколько часов и, задыхаясь, повалился на матрац, не произнеся ни единого слова. Несмотря на жар, начавшийся у меня, я кое-как дотащила до Гоше и уговорила его выпить остаток вина, который он приберегал для меня.

Наконец он пришел в себя. Но тут слезы полились по его бледному, изможденному лицу. Тайное беспокойство овладело мной.

— Где наш сын? — спросила я.

При этих словах слезы его хлынули с новой силой. Он сжал меня в объятиях слабыми руками.

— В воспитательном доме, — ответил он, падая на матрац.

Вот, дорогой мой, самые ужасные минуты моей жизни. Они наполнили ее такой горечью, которую все блага мира не могли бы усладить.

— Так вот куда ты отнес моего сына? — вскричала я.

— Послушай, Нанетта, — сказал он, взявши меня за обе руки. — Мне остается жить несколько дней, несколько часов, может быть. Я оставляю тебя в долгах, без друзей, без чьей-либо поддержки. Что ты будешь делать, имея на руках ребенка, которого не в состоянии прокормить? А что будет с ним, дорогим малюткой? И к тому же, кто знает, разве твой муж не может возвратиться? Прости меня и выслушай, умоляю тебя. Прежде чем отдать его в этот дом, я сделал ему метку на левом бедре — в виде креста, точно такого, какой ты отдала в залог. И так как он еще не крещен, то я привязал к пеленкам записочку, в которой просил, чтобы ему дали мое имя — Польш.

Как ни трудно было ему долго говорить, он должен был несколько раз повторить свой рассказ, — страшная слабость лишила меня возможности и слышать и понимать.

Он прибавил:

— Крест не сотрется. Я выжег его каленым железом.

— Каленым железом! — закричала я, объятая ужасом, и отодвинулась от него, как от убийцы.

— Успокойся, — сказал несчастный Гоше, — я принял такие предосторожности, что он едва вскрикнул.

Горе мое стало утихать только при мысли, что я вскоре постараюсь взять назад ребенка. Но состояние моего здоровья, должно быть, под влиянием испытанного потрясения, сделалось хуже и не позволило мне выходить. А с вечера того памятного дня у Гоше, измученного всем, что он перенес, начались судороги, которые я сочла было предсмертной агонией.

Доктор не подавал мне ни малейшей надежды, а так как я не в состоянии была платить ему, он перестал ходить к нам. Гоше угасал еще полторы недели. Когда я уже стала надеяться, что он возвратится к жизни, он скончался на моих руках после ужасного кризиса. Бедный друг! Как он был добр и честен! Сжался, боже, над его душой! Сколько раз я

молилась за него пресвятой богородице и его святому покровителю!

Увы, мой дорогой, вот уже сорок восемь лет как воспоминания о нем и о моем сыне никогда не покидают меня. Да, с девятнадцати лет я живу одна, вечно одна. Иногда ваш дедушка принимал меня к себе в дом. Он научил меня своему мастерству и всегда потом давал мне работу, которая в его глазах была хорошим развлечением; сам-то он и не знал других развлечений, кроме разве воскресных прогулок, на которые позже отпраплялся с вами,— и вы, еще крошечкой, бегали тогда по полям. На одной-то из этих прогулок, задолго до замужества вашей матери, я, по счастью, встретила с ним. Я была вместе с Гошей, который работал на него, и с тех пор он по своей доброте всегда мне помогал.

Да, я работала. Но я осталась со ста семьюдесятью пятью франками долга. Трудно поверить, сколько нужно времени для бедной работницы, чтобы заплатить такую большую сумму, каковы бы ни были ее трудолюбие и бережливость. Вычитать каждый год семнадцать ливров и десять су из дневного заработка — это ужасно. Я все заплатила, милое дитя, все заплатила. Но мне понадобилось для этого десять лет.

Вы понимаете, что в течение этих десяти лет, считая с того времени, как мое здоровье несколько поправилось, немало делала я для того, чтобы узнать что-нибудь о моем сыне. Все попытки мои были тщетны, потому что начальство воспитательного дома ввело обычай скрывать от матерей места, куда их детей посылают на воспитание. Я с отчаянием увидела это по первым же ответам, которые своей грубостью запугали меня до такой степени, что я не смела ничего сказать и ничего предпринять.

Никто нас, бедных людей, не слушает, никто нам не помогает! О, если бы я знала, что с ним случилось! Чего бы не дала я, чтобы иметь его при себе, чтобы его воспитывать! Сколько еще ночей я согласилась бы провести за работой! После многих лет неотступных просьб одна из сестер воспитательного дома сжалилась надо мною. Она перебрала все списки, нашла, что в показанное мною время крещен был

младенец под именем Поль, и написала в то дальнейшее место, куда он был отослан. Оттуда ответили, что кормилица и ее муж умерли, а дитя отдано богатому путешественнику, которому понравилось его хорошенькое личико. С тех пор о нем ничего не слыхали, а деревенский священник позабыл и как звали путешественника и откуда он.

Всего этого было так мало для матери, и, однако, эти сведения доставили мне большую радость. Сын мой избежал первых детских болезней. Он, должно быть, жив. Он наверное жив! Чем более думала я об этом, тем тверже было мое убеждение. Да, все мне внушало надежду!

С тех пор я в мыслях жила с моим сыном, с моим Полем. И я не только искала его повсюду, насколько позволяли мне редкие досуги моей трудовой жизни, но год от году я все яснее представляла себе его образ. Я видела его малюткой. Видела, как он подрастал, становился мужчиной. А теперь я вижу его в зрелом возрасте. Он похож на меня. У него мои силы. Он жив, сердце не обманывает меня. И только останусь я одна, как он уж перед моими глазами. Недавно еще я воскликнула: «Сколько у тебя седых волос, Поль!» И в ответ он мне грустно улыбнулся.

Верно, и он испытал немало горя. Не знаю почему, но я убеждена, что в конце концов он преуспел в жизни. Я иначе не представляю себе его, как хорошо одетым. Но будь он даже в рубище, как мне хотелось бы прижать его к моему сердцу, прежде чем я умру!

С каким участием слушал я эту мать, творившую образ сына, о котором она неотступно мечтала! Не подумайте, что эта женщина была помешанная. Напротив, ум у нее был зрелый и прямой. Но одиночество и потребность любить — до какой степени развили они в ней материнское чувство! Сердце матери — неисчерпаемый источник чудес!

Приметив, с каким волнением я слушаю, она спросила меня:

— Не правда ли, я найду его?

— Я надеюсь, как и вы, тетушка Жари. Если бы он умер, вы утратили бы способность так отчетливо

видеть его. Бог не станет забавляться такой трогательной любовью.

Глаза бедной женщины светились радостью. Она поспешно прибавила:

— О, я и сама часто повторяла это себе. Ах, если бы вы знали! Когда я иду по улице, я смотрю на каждого прохожего одних лет с Полем. Несмотря на всю свою робость, я осмеливалась даже останавливать некоторых, потому что они ростом, сложением, чертами лица напоминали мне брата — он был удивительно похож на меня. Одни смеялись и отталкивали меня, называя сумасшедшей, а другие, кажется, жалели меня, видя, до чего я смущена. Скажу более: я, женщина, ходила на берег реки смотреть на купающихся мужчин — в надежде увидеть выжженный крест, который должен был сохраниться на бедре Поля! Сколько часов по воскресеньям, после обедни, проводила я на Пон-Неф, где всегда так много народа, ожидая, не встрепенется ли при взгляде на кого-нибудь мое материнское сердце и не заговорит ли в ком-нибудь родная кровь, увидя меня! По случайно собранным сведениям я осмеливалась заходить к некоторым буржуа и рабочим, носившим имя Поля, или, как я узнавала, не имевшим вовсе родных. Вот и сейчас, мой дорогой, я занята новыми розысками, и вот почему я сочла необходимым рассказать вам историю моих несчастий. Есть в Комической опере актер по имени Поль, но я никак не могу узнать его адреса. Не можете ли вы как-нибудь добыть его? Кажется, я буду счастлива, если вы не откажетесь мне помочь.

— Тетушка Жари, — сказал я, — сегодня же вы будете знать, где он живет.

И в самом деле, я тотчас же отправился в театр и поспешил принести ей адрес. Случилось то, чего я ожидал: на другой день она возвратилась грустная и усталая. У актера Поля были отец и мать. Он ей представил их, потому что понял чувство, владевшее сердцем бедной женщины, и принял ее очень ласково.

Спустя несколько месяцев возраст, бедность и душевные невзгоды сломили наконец ее крепкий организм. Опасные раны открылись у нее на ногах.

Она слегла в больницу для бедных, и я не мог помешать этому. При первом же моем посещении она сказала:

— О, если бы я только осмелилась!

— Смелей, смелей, тетушка Жари!

— Я узнала в тот день, как пришла сюда, что какой-то найденыш по имени Поль живет на набережной де-ла-Феррай. Меня заверили, что он одних лет с моим сыном.

Я повидался со славным малым, рабочим. Но человеку этому, уроженцу юга, было только тридцать шесть лет. Пришлось еще раз опечалить бедную женщину, состояние которой все ухудшалось.

Одна из сиделок палаты полюбила ее. Она сказала мне, что нечего рассчитывать на ее выздоровление и что нужно ее побаловать. Однажды утром я принес ей варенья, какого ей хотелось. Но она не обратила на это ни малейшего внимания.

— Мой добрый друг, добрый друг, — сказала она со сияющими радостью глазами, уже отмеченными смертью, — я видела его наконец, вот здесь, у моей постели. Это он! Я совсем в этом уверилась. И как две капли воды похож на портрет, который господь напечатлел в моем сердце, — с седыми волосами, как я уже говорила вам. Это он! Я буду здорова!

— Тем лучше, тетушка Жари! Но расскажите, как же это произошло.

— Он был окружен множеством докторов и студентов; казалось, он был их начальником. О, какой у него приятный голос! Он подошел к моей постели. Но не знаю, как случилось, что он исчез в ту самую минуту, как я закричала: «Поль! Сын мой!» — и упала без памяти. Добрая наша сестра-сиделка привела меня в чувство, и я рассказала ей, что видела его. Он опять придет завтра с обходом. Она обещала привести его к моей постели. Это он! Приходите завтра, приходите.

Выслушав ее, я подумал, что чувство, которое одушевляло всю ее жизнь превратилось в некий бред, предвещавший близкий конец, несмотря на живость голоса, быстроту взгляда и силу, с которой она сжимала мою руку.

На другой день она умерла, умерла счастливая, потому что это случилось в лучшую из всех минут ее материнской грезы, которая одна давала ей силу переносить на протяжении пятидесяти лет горе и нищету!

История ее жизни, которую мне хотелось передать во всей наивной простоте ее собственного рассказа, послужит переходом к моим личным невзгодам.

В 1798 году наш дом потерпел крах, и несчастье, которое я предвидел, нанесло мне один из сокрушительнейших ударов, какие на меня когда-либо обрушивались в жизни.

Воспитанный теткой в правилах строжайшей честности, я едва не занемог от отчаяния при мысли о катастрофе, которую я мог бы лишь несколько отдалить и за которую боялся ответить. В самом деле, полагаясь на меня, дельцы продолжали оказывать доверие нашему дому, хотя я уже около года не занимался делами. Большинство их считало себя вправе упрекать меня, чего я никак не заслуживал. Мой отец, по природе расточительный, издерживал чересчур много, зато я не был в тягость кассе: жил я в мансарде, без печи, и дождь или растаявший снег часто заливали мою койку. Развлечения мои стоили пустяки. Я мало тратил на одежду. Игра никогда меня не соблазняла. «Богатство твоего отца непрочно», — говорила мне тетка, и я жил, сообразуясь с этими словами. Некрасивый, тщедушный, я не тратился на женщин, а ведь только они могли бы толкнуть меня на сумасбродную расточительность.

Среди таких злополучных обстоятельств другая страсть развилась во мне. До тех пор я сочинял стихи как попало и без всякой цели, но наконец истинная любовь к поэзии овладела мною. Все еще не очень-то сильный в грамматике, я принялся изучать все роды поэзии, перепробовал едва ли не все жанры и в несколько лет создал себе более или менее полную систему поэтики, которую впоследствии усовершенствовал, но почти не изменил основных ее правил. В это время я стал много размышлять о языке и его духе, принимаясь, таким образом, прямо

сверху за науку, низшие ступени которой внушали мне всегда какое-то отвращение.

Когда бедность стала угрожать нам, поэзия показала мне утешением, ниспосланным самим небом. Некоторые из связанных с нами капиталистов, уверенные, несмотря на мои молодые годы, в моих финансовых способностях и в моей честности, о которой красноречиво свидетельствовали мои слезы и отчаяние, предлагали мне значительные суммы для возобновления дела. Отец настаивал, чтобы я принял предложение, но все было напрасно. Это занятие внушало мне такое отвращение, что я предпочитал терпеть нищету, чем возвращаться на биржу, мимо которой с тех пор я не мог пройти без содрогания.

Горько сожалел я и о том, что меня оторвали от типографии, которую я всегда любил. Но я не настолько надеялся на свои знания, чтобы искать в ней средств к жизни. А между тем это была ошибка: я убедился, хотя и слишком поздно, что в короткий срок мог бы стать искусным рабочим и тем избавить себя от многих лет лишений и тщетных ожиданий.

В то время как мой отец, преследуемый кредиторами и посаженный даже в тюрьму, не стал от этого ни менее беспечным, ни менее легкомысленным, — я готов был спрятаться от всех на свете и предавался грусти, тем более глубокой, что, будучи откровенен и общителен в радости, я становился замкнутым в печали. Боязнь встретиться со свидетелями или жертвами нашего разорения побуждала меня совершать длинные прогулки по парижским окрестностям. Сен-Жерве, Роменвиль, Булонь, Венсенн, — какими успокоительными мечтами обязан я вам!

Но скоро мне пришлось вступить в заведование кабинетом для чтения, приобретенным отцом. Это стало причиной новых забот: отец дал мне в помощь моего двоюродного брата, веселого малого, тратившего на свои удовольствия часть наших доходов, тогда как я стоял у конторки и между делом писал стихи. Отец мой взял наконец на себя управление кабинетом, сделавшимся для нас единственным источником средств к существованию. Кабинет этот находился на улице Сен-Никез. Как-то вечером, когда я шел туда, я чуть было не взлетел на воздух от

взрыва адской машины, опередившего меня всего на несколько секунд.

По странному стечению обстоятельств, за несколько дней до этой ужасной катастрофы, г-н де Бурмон, который вел переговоры с консулатом, аббат Ратель, весь отдавшийся роялистским разговорам, некий Шарль, фамилию которого не помню, и еще два-три человека, принадлежавшие к той же партии, обедали у моего отца. Но это отнюдь не было тайное собрание. Тут я заметил, как мало было единомыслия у этих господ. В особенности г-н де Бурмон внушал всем недоверие и вызывал общее недовольство. И я очень удивился, узнав, что он замешан в деле Карбона и Сен-Режана. С того дня я не встречался с ним. Упомянутый Шарль, арестованный, кажется, на третий день после этого собрания, был расстрелян по одному старому приговору, вынесенному против него. Перед тем как его взяли под стражу, он задумал убить первого консула и вверил свою тайну отцу, который сделал все, чтобы отвлечь его от этого намерения. Связь с такими людьми навлекла на нас подозрения. Но надзору подвергли только моего отца, которого полицейский комиссар называл роялистским банкиром. Если о богатстве партии судить по богатству банкира, то ее банкротство было неминуемо.

Я спохватываюсь, что ничего не говорил о политических событиях двух последних лет XVIII века. Эти события были вовсе не таковы, чтобы смягчить мою печаль. Я, столь радовавшийся успехам нашего оружия, скоро принужден был оплакивать его многочисленные неудачи и даже трепетать за независимость отечества. Под конец правления Директории анархия взяла такую силу, что и мужественные духом люди потеряли всякую надежду. Судите, что же испытывали робкие сердца! Я со стыдом слышал, как почтенные буржуа желали в то время, чтобы иностранная коалиция восторжествовала. Люди, подобные генералам Массена и Брюну, прославившим французское оружие в Швейцарии и Голландии, казалось не были в силах восстановить безопасность нашего отечества,—до того беспорядки, разврат и сумасбродства правительства Барра заставили упасть

духом нацию, недавно еще полную веры в свои силы.

В пору этих общественных неурядиц я, бедный ученик Ювенала, сочинял александрийские стихи против Барра и его единомышленников. Как видите, я рано почувствовал влечение к сатире, которая тогда была в моде, как это доказывают стихи Шенье, Лормиана, Депаза и многих других.

Но моим произведениям в этом роде некогда было расцвести. Бонапарт вернулся из Египта. Когда разнеслась ошеломляющая весть о его неожиданном возвращении, я был в нашем кабинете для чтения, где находилось тогда более тридцати читателей. Все как один поднялись, издавая долго не смолкавшие радостные клики. То же было почти во всей Франции, которая сочла себя уже спасенною. Кто оказывает такое действие на народ, тот уже его властелин, — тут и мудрецы не помогут. Высадившись во Фрежюсе, Бонапарт был уже императором Наполеоном.

Я всегда с каким-то лукавым удовольствием предвещал моему отцу будущее возвышение победителя при Арколе и Лоди. Его поход в Египет отнюдь не заставил меня отказаться от предсказания, что он достигнет верховной власти. Отец, как и все другие роялисты, видел в нем только второго Монка. Что же касается меня, то я рукоплескал вместе со всей Францией перевороту 18 брюмера, опасаясь, однако, что молодой генерал не остановится на консульстве.

Если меня спросить, как я, при моей способности предвидеть, не возмущился 18 брюмера нарушением конституции, — я скажу просто и откровенно, что во мне патриотизм всегда преобладал над политическими доктринами и что провидение не всякий раз предоставляет нациям возможность выбирать средства спасения. Один только он, этот великий человек, мог вырвать Францию из той пропасти, в которую Директория наконец низвергла ее. Мне было девятнадцать лет, и казалось, что все стали такими же молодыми, ибо все думали, как и я. Насилие уничтожило партии, а их попытки бороться, которых так опасались, были только предсмертными судорогами. Одно-го страха оказалось достаточно, чтобы помешать не-

большому числу голосов, требовавших настоящей свободной республики, найти широкий отголосок. Думали, что такая республика уже существовала в 1793 году и что у нее не было иных приверженцев, кроме фанатиков. Умные люди хотя и говорили еще о свободе, но говорили с недоверием, какое поселили в них все эти несчастные или неудачные опыты. Сверх того, лишь очень немногие из этих политиков сумели бы на практике осуществлять свои принципы, без чего люди быстро теряют уважение к самым лучшим идеям. А главное, Франция нуждалась в правительстве твердом и сильном, которое спасло бы ее и от якобинцев и от Бурбонов, от вечной неуверенности и от анархии. Молодежь, в восторге от славы молодого консула, готова была выполнять его намерения и не думала даже спрашивать, каковы они на деле. Чтобы иметь об этом понятие, нужно было слышать, с каким иступлением аплодировали в театрах всем намекам на разгон депутатов в Сен-Клу и каким смехом сопровождалась стрельба, пущенные в ничтожное число Брутов, которые — употребляю тогдашнее выражение — осмеливались противиться новому Цезарю!

Кто поверит, что мое первое покушение стать в оппозицию консулату было вызвано заимствованием у римлян и греков названий — сначала для новых должностей, а потом для учреждений народного образования! Консулы, трибуны, префекты, пританеи, лицеи — все эти слова, казалось мне, состояли в заговоре против нового мира, порожденного 1789 годом, хотя и он завещал нам довольно много слов подобного происхождения. Без сомнения, это было ребячеством с моей стороны, но я всегда ненавидел рутинное подражание древним.

Полюбуйтесь-ка у нас на Эро де Сешелля, который не мог приняться за работу по составлению нашей конституции, прежде нежели достал где-то законы Миноса. Из смешения древнего с новейшим, язычества с христианством родилась лоскутная цивилизация — платье арлекина, которое, к счастью, уже сваливается с плеч, превратившись в лохмотья.

Мой гнев по этому поводу вызывал тогда смех, да и теперь, быть может, его встретят смехом. Это

не помешало мне, однако, несмотря на всю мою любовь к грекам, критически отнестись ко всем этим великим мужам Плутарха, да и к самому Плутарху — этому греку, не осмелившемуся признать ни политическое величие Демосфена, ни гений Аристофана. Так будем же изучать древность, уважать предания, но возьмем от них только то, без чего нам нельзя обойтись.

Мое восхищение Бонапартом не мешало мне иногда называть его школьником, Паоли разгадал его: это был во многих отношениях герой Плутарха. А потому надеюсь, что он останется последним, а может быть, и величайшим из людей старого мира, который он, однако, так любил переделывать на свой лад. Но, увы! Самое губительное дело — это борьба против нового мира! Наполеон пал, занявшись этим делом. В 1815 году, как будто в подтверждение слов Паоли, он писал регенту Англии, что, подобно Фемистоклу, собирается найти приют у британского очага¹. Английский народ и принц-регент проявили большую чувствительность к этому воспоминанию из Плутарха.

Вначале консулата, стремясь избавиться от мучивших меня всевозможных затруднений, я решил было хлопотать, чтобы меня послали в Египет, где наша армия, казалось, еще долго продержится. Парсеваль-Гранмезон, с которым я был знаком, — он возвратился вместе с Наполеоном, — указал мне на множество неудобств, какие могут возникнуть при выполнении этого предприятия. Мне пришлось согласиться с ним. Сколько раз повторял он впоследствии: «Не прав ли я был?» Но и я не совсем был неправ: я не хотел быть в тягость моему отцу и старался найти средства к жизни, а где, в каком краю — все равно.

Однако в моей бедности была и некоторая прелесть. Я жил в мансарде, на седьмом этаже, на буль-

---

¹ В 1840 году мы судили о Наполеоне соответственно его собственным вкусам. Первые опубликования протокола об извлечении его останков, которые сохранились в таком состоянии, что можно было кричать о чуде, в газетах и официальных обращениях к населению говорилось, однако, о «прахе» Наполеона. Разумеется, поэты поспешили также воспользоваться словом «прах». Рассказывают, что какой-то ветеран, часто слыша это слово, воскликнул: «Ну вот, эти прохвосты англичане все-таки сожгли его!»

гаре Сен-Мартен. Каким прекрасным видом я там наслаждался! Как любил я по вечерам смотреть на обширный город, когда к его непрерывному шуму примешивалось грохотанье сильной грозы! Я поселился на этом чердаке с невыразимым удовольствием, — без денег, без надежды на будущее, но счастливый тем, что освободился наконец от дурных занятий, которые с самого моего возвращения в Париж были мне совсем не по душе. Жить одному, писать стихи когда только вздумается — казалось мне блаженством. Притом же мое благоразумие не лишало меня безусловно всех удовольствий: многие оно допускало. Быть может, я никогда и не знал вполне того, что наши прежние и новые романисты называют любовью; я никогда не смотрел на женщину ни как на жену, ни как на любовницу, — а это часто делает ее или рабою, или тираном, — но видел в женщине только подругу, дарованную нам богом. Почтительная нежность, которую внушали мне женщины в моей молодости, никогда не переставала быть для меня источником сладчайших утех.

Так восторжествовал я над моим глубоким предрасположением к меланхолии, припадки которой становились все реже и реже благодаря женщинам и поэзии. Я благодарен женщинам, потому что им обязана своим существованием моя поэзия.

Но даже и тогда, когда меня сильно донимало это несносное расположение духа, я оставался одним из самых сумасбродных и веселых участников наших дружеских сходок. Какое наслаждение иметь друзей!

Каковы бы ни были мои размышления о литературе, они не мешали мне сочинять песенки для наших веселых обедов, которые мы устраивали с согласия нашего тощего кошелька. Мы были непременно участниками маскарадов во время карнавала. Играть комедии было моей любимой забавой, и я часто составлял на разные торжественные случаи маленькие водевили, хотя это вовсе не согласуется с тем, что я впоследствии так мало находил удовольствия в посещении театра.

В те годы я завел немало дружеских связей, которые поддерживаю до сих пор: с Антье — он мно-

го писал для наших второстепенных театров и сочинил столько прекрасных песен, оставшихся неизданными, ибо он не искал славы, хотя при его таланте ему нетрудно было бы ее добиться; с Лебреном — человеком таким чистым и добрым — он стал академиком, сочинения его имели большой и заслуженный успех, но он рано разочаровался в себе; с Вильгемом Бокийоном — изобретателем превосходной музыкальной методы, которая, сделав музыку доступнее, оказала великую услугу Франции, особенно трудящимся классам, на нравы которых музыка оказывает благотворное действие.

Говоря о Вильгеме, авторе таких приятных композиций к иным моим песням, музыканте, которому время, отданное его «Методу», помешало приобрести имя выдающегося композитора, я не прочь привести стихотворное письмо, каких я написал немало и которое адресовал ему по случаю Те Деум, исполненного в Соборе Парижской богородицы в присутствии всех королей — придворных Наполеона. У меня был туда входной билет.

Пять королей сберутся в храме
Хвалу всевышнему гнусить.
Меня, надеюсь (между нами),
Не позабудут пригласить.
Рубашка чистая готова,
Чулки и галстук сменены,
И фрак есть черный, хоть не новый,—
Но где парадные штаны?

Я в них имел бы вид приличный,
Как академик иль танцор...
Ты знаешь, что весьма различны
Причуды девяти сестер.
В их добродетель, скажем честно,
Мы оба верить не должны:
Ведь у друзей их, как известно,
Подчас отсутствуют штаны.

Вильгем, ты щедр, всегда радушен,
Ты чуток к горестям чужим.
Ты — сам бедняк — великодушен
И не найдешь меня смешным.
Судьбы коварство мне знакомо,
В деньгах мы оба стеснены...
Не можешь ли остаться дома
И мне отдать свои штаны?¹

¹ Здесь и дальше стихи переведены Валентином Дмитриевым.

Только один человек из числа старых друзей разошелся со мною в 1815 году из-за политики. Это был знаменитый художник, человек нрава кроткого и любезного, но из тщеславия пристрастившийся к аристократическим кругам. Вскоре этот друг раскаялся в том, что отдалился от меня, но в дружбе я никогда не верил в возможность примирения, разве что поводом к разрыву было недоразумение.

Художник этот однажды заболел, и вот во время его долгой болезни, когда я не переставал ухаживать за ним, мне в первый раз пришлось в голову записать свои песни. Я припомнил их более сорока во время бессонных ночей у постели больного, который совершенно не переносил присутствия сиделок, хотя мог бы нанять их сколько угодно. Написав песню, я пел ее больному, чтобы как-нибудь развлечь его в часы печальной бессонницы. Как ни хороша у меня память, я все-таки позабыл многие из этих песен: столько я сложил их! Но я припоминаю еще нынче куплеты, сочиненные мною в ответ на письмо, в котором этот неблагодарный друг писал мне после 20 марта, что если мы хотим повидаться, то нам надо для этого подождать возвращения Бурбонов. Я не отослал ему эти стихи и, пока он был жив, не считал возможным опубликовать их.

По дружбе ты справляешь тризну:
Нам не дружить до лучших дней —
До возвращения в отчизну
Законных, прежних королей.
От этого избави боже!
Меня страшат твои мечты.
Мне слезы Франции дороже,
Чем друг,— хотя б такой, как ты.

Тебя любил я... Дружбу эту
Нельзя прогнать небрежно прочь,
Как нищего, что до рассвета
У очага проводит ночь.
Ее из дома, где делила
Она и радость и печаль,
Неблагодарность удалила,—
И дружба выживет едва ль.

Она умрет, мне ясно это...
От всей души жалею я
О жертве твоего запрета.

Но если партия твоя
Одержит верх — то, негодуя,
Хотя б врагов грозил мне рой,
К твоим дверям не подойду я,—
Ты чужеземцам их открой!

Но возвратимся к 1801 году, на мой чердак на бульваре Сен-Мартен. Нужда усиливалась, а рекрутский набор внес в мою жизнь новые тревоги. Как ни был велик мой аппетит, нетрудно было насытиться хлебом и сыром. Но как избежать рекрутского набора и тех, кто обязан был его проводить?

Слабое телосложение и особенно близорукость, при которых я был бы никуда негодным солдатом, делали весьма вероятным мое освобождение от военной службы. Никто не верил, — так я был худ и бледен, — что я доживу до тридцати лет. У меня была столь слабая грудь, что отец то и дело говорил: «Ты не жилец на свете. Вскоре я тебя похороню». И это не печалило ни меня, ни его. Но его имущественный ценз как владельца кабинета для чтения обязывал его, если б меня и не взяли, поставить за меня рекрута, а это было ему совершенно не по карману.

Успокоив свою совесть тем, что я решительно был неспособен к военной службе, я нашел только одно средство избавить отца от издержек, связанных с рекрутчиной: я не внес себя в списки подлежащих призыву, что тогда было еще возможно. Но, поступив так, я ставил себя под угрозу почти неизбежного ареста. Еще одно жестокое беспокойство в дополнение к стольким другим! При таких обстоятельствах многие молодые люди теряют присутствие духа. Но я стойко переносил все невзгоды, и небо пришло мне на помощь. Без какой-либо ощутимой причины, если не считать головных болей, я в двадцать три года совершенно лишился волос; благодаря старообразному виду из-за столь раннего облысения я мог не бояться жандармов и полицейских офицеров, которые везде подстерегали уклонявшихся от явки рекрутов, — стоило мне только снять шляпу, проходя мимо них, чтобы им и в голову не пришло спросить у меня документы, потому что, хотя мне и было еще далеко до тридцати, на вид можно было

дать по крайней мере сорок пять лет. И мне долго пришлось раскланиваться с этими господами, так как уклонявшиеся были амнистированы только при бракосочетании Наполеона с Марией-Луизой, из чего следует, что маленькие люди не всегда бывают в накладе от глупостей больших людей.

Казалось, что и судьба умилоствовала наконец надо мною. Три года ушли у меня на поиски хоть какой-нибудь должности и особенно на сочинение стихов, где я от политической сатиры переходил к одам и идиллиям, от комедии — к эпической поэме. Между тем нужда моя все возрастала, и я однажды решился написать г-ну Люсьену Бонапарту. Это было в начале 1804 года. Я уже говорил в другом месте о счастливых последствиях, которыми сопровождалась для меня эта отчаянная попытка. Но я люблю вспоминать, среди каких плачевных обстоятельств и при каком угрожающем будущем упал на меня этот солнечный луч.

Уже с давних пор золотые часы и некоторые другие остатки нашего мимолетного богатства были в ломбарде. Гардероб мой состоял из трех сорочек (которые даже руки друга уставали чинить), легкого, очень поношенного сюртука, панталон, прорванных на колене, и пары башмаков — главной причины моего отчаяния, потому что каждое утро, принимаясь их чистить, я открывал в них все новые изъяны.

Я послал по почте в письме к г-ну Люсьену четырехста или пятсот стихов, не говоря никому об этой новой попытке, сделанной после многих других. Два дня прошли без ответа, но как-то вечером мой лучший друг, добрая Жюдит, с которой я оканчиваю мои дни, предсказывает мне, раскладывая карты, что будет получено письмо и оно принесет мне большую радость. Несмотря на мое неверие в искусство мадемуазель Ленорман, я почувствовал радость при этом пророчестве Жюдит: бедность суеверна.

Вернувшись в свою берлогу, я уснул, мечтая о почтальоне. Но утром: прощайте мечты! Дырявые ботинки бросаются мне в глаза, а сверх того внук портного должен засесть за починку своих старых панталон. Сидя с иглой в руке, я мысленно сочиняю ми-

зантропические стихи, что часто дельвал в то время,— как вдруг, запыхавшись, вбегает привратница и подает письмо. Почерк мне незнаком. Стихи, иголка, панталоны — все разом исчезло. Я был так взволнован, что не смел распечатать письмо. Наконец трепещущей рукой ломаю печать: сенатор Люсьен Бонапарт прочел мои стихи и желает меня видеть!

Пусть молодые поэты, находящиеся в таком положении, в каком был я, представят себе мое счастье и опишут его, если могут. Не богатство представилось мне прежде всего, но слава. На глазах моих выступили слезы, и я возблагодарил бога, которого никогда не забывал в счастливые мгновения моей жизни.

Быстро раздобыв себе более приличную одежду, я отправился к брату первого консула. В самом деле, когда я подумаю о двух слабых дифирамбических поэмах («Восстановление культа» и «Потоп»), которые я осмелился послать этому выдающемуся человеку, оратору, да вдобавок и поэту, я удивляюсь тому благоволению, какого был им удостоен. Он заверил меня, что позаботится о моей судьбе, — и успел доказать это, несмотря на скорый отъезд в Рим, откуда прислал мне доверенность на получение своего жалованья академика. Мне тотчас же выдали его за три прошедших года. Большую часть этих денег я отдал отцу, которому должен был за многие месяцы содержания, для меня же вполне хватало тысячи франков ежегодного жалованья, положенного академику¹.

За два свидания с г-ном Люсьеном, которые у меня только и были в ту пору, он сделал мне много замечаний насчет смелости моего слога. Я не хотел защищать себя и сказал ему, что не получил классического образования. Невыразимо тяжело было мне признаться, что я не знаю латинского языка, без знакомства с которым, как я полагал тогда вместе со всеми, нельзя хорошо писать по-французски. И г-н Люсьен, должно быть, думал так же. Но он был столь

---

¹ Жалованье академиков составляло тысяча пятьсот франков во всех разрядах института; но в разряде литературы у каждого члена удерживается треть — на пожертвовательную плату и на пенсию для тех, которые по достижении шестидесяти лет не имеют шести тысяч франков личного дохода.

любезен, что не высказал своего мнения, а только предложил мне для разработки тему из римской истории: «Смерть Нерона».

Я попытался в небольшой поэме в две-три сотни стихов изобразить последние минуты коронованного лицедея. Но это была вовсе не моя сфера. Всегда в жизни я писал только о тех предметах, которые сами собой приходили мне на ум, а подражание было не в моем характере. Кроме того, язычество и древность, с которыми я так хорошо был знаком, как будто просидел несколько лет в коллеже,— нимало не прельщали мою юную музу, вполне современную, совершенно французскую и уже успевшую возмутиться против мифологии, которой в то время особенно злоупотребляли Делиль и Лебрен-Пиндар.

В этой поэме о Нероне было лишь несколько довольно сильных мест, где проглядывало влечение к простоте, которую я так стал уважать, когда, отказавшись от почти невероятной легкости, с какой раньше нагромождал сотни стихов, начал работать вдумчивее, чем прежде,— что, говоря мимоходом, немаловажная заслуга для двадцатилетнего рифмача. Правда, у меня хватило терпения дважды переписать «Гофолию», изучение которой принесло мне, как я думаю, много пользы.

Разговаривая однажды о французской поэзии с г-ном Люсьеном, приверженцем форм, которые мне казались уже устарелыми, я, чтобы пояснить мое понимание стиля, прочел ему стихов сорок, написанных в манере, совершенно противоположной манере Делиля. Поэт этот был тогда в большой чести, но, несмотря на его удивительное мастерство, его манера казалась мне во многих отношениях ложною и опасною. В этом отрывке я говорил о падении Бурбонов и возвышении Бонапарта. Там, между прочим, были следующие стихи:

И солнце, обозрев с высот края земные,
Увидит во дворцах династии иные,
И гибель их узрит — династий и дворцов...

Если тут и не было ничего нового в выражении, то было по меньшей мере странно читать подобные стихи представителю новой династии в великолепно-

ной галерее, где он меня принимал. Все это было похоже на пророчества Аввакумовы. Несмотря на это, мой благосклонный слушатель похвалил эти стихи.

Покровительство г-на Люсьена, несмотря на изгнание, которому он обрек себя с тех пор, не переставало быть мне полезным. Надо непременно иметь что сказать о себе, а много уже значило иметь право говорить, что он тебе покровительствует.

В двадцать пять лет у меня было наконец то, чего я так давно желал: скромная должность. Я поступил в контору живописца Ландона, где составлял текст для его «Музея». Это было собрание штриховых рисунков статуй и картин Лувра, столь богатого в те времена плодами благородных и честных побед,—что бы ни говорил Виллингтон, который мог бы приберечь свои *уроки нравственности* для грабителей Индии.

Вместе с несколькими живописцами мне было легко исполнять свои новые обязанности. Благодаря советам Ландона, который обладал и тактом и познаниями, я развил свой вкус в области изобразительных искусств. Тысяча восемьсот франков по этой должности в соединении с тысячью франков из академии позволили мне вкушать сладчайшие плоды богатства; я мог теперь помогать отцу и моей бедной бабушке, вдове старого портного, разорение которого довершили бумажные деньги; я мог быть полезен и моей сестре, работавшей у одной из наших теток. Но меня постоянно мучил страх, что мне придется когда-нибудь превратить занятия литературой в промысел, и я чувствовал ненадежность моей теперешней должности; поэтому, не пренебрегая ничем, чтобы доставить себе более надежное место, я обратился за этим к г-ну Арно, драматургу, другу Люсьена Бонапарта, начальнику отделения народного просвещения в министерстве внутренних дел.

Я мог бы также обратиться и к г-ну Фонтану, тоже другу моего покровителя, но мне говорили о независимости поведения Арно, который и в самом деле не вошел в милость у первого консула: это как раз и решило мой выбор. Арно сделался вскоре моим другом. И если, в силу ограниченности своего влияния, он смог только спустя три года предоставить мне

место, — тем не менее он никогда не переставал выказывать мне истинное участие и открыл мне двери в литературный мир, в который я до тех пор не был вхож.

Он хотел, чтобы я писал для периодической печати. Но я никогда не чувствовал призвания к этому роду занятий, поглотившему у нас так много молодых дарований, рожденных, быть может, для славы, и отпугивавшему мое ленивое перо и щепетильную совесть. Чтобы заняться такой профессией, нужно было отказаться от всех прекрасных надежд, от всех мечтаний. А это значило превратить мою мансарду в пустыню.

«Гений христианства», несмотря на критику, вызванную этим творением в мире философическом, и если отвлечься от принятой автором формы, привел меня в восторг. Шатобриан заново открывал красоты древних писателей и вводил в литературу начало религиозное, казалось бы, изгнанное из нашей поэзии. Книга его стала для меня курсом учения, которое совершенно иначе вдохновляло меня, нежели Баттё или Лагарп.

«Илиада» в переводе госпожи Дасье исторгала у меня слезы восхищения, и я чувствовал какую-то страсть к Аристофану — гению, который, кажется, недостаточно оценен у нас. Но я не мог разобраться в греческой поэзии. Я обязан г-ну де Шатобриану тем, что стал постигать последнюю, наряду с поэзией библейской. Ему же обязан я более здравым суждением о нашей родной литературе, хотя я и не подчинял себя всем вообще суждениям великого писателя. К несчастью, — и это в самом деле несчастье, — я не склонял моей головы ни под каким ярмом, что не мешало мне, однако, питать искреннюю благодарность к тем, кого я избрал себе в наставники.

С той непоколебимой основой веры, которую мы называем деизмом, веры, так твердо напечатленной в сердце моем, что, в соединении со всеми другими чувствами, она могла бы перейти в суеверие, если бы только мой рассудок допустил это, в меланхолическом настроении (которого источником были мои несчастья) и под влиянием Шатобриана я покушался было возвратиться к католицизму. Я посвящал ему

мои поэтические опыты, ходил в церкви в часы, когда они бывали пусты, читал книги священного писания — не только евангелие, которое, несмотря на мои деистические верования, я всегда считал книгою философской, самую утешительной из всех книг.

Увы! Эти попытки были напрасны. Я всегда говорил, что разум годится только на то, чтобы утопить нас, когда мы упадем в воду. Однако в этом случае разум остался хозяином в доме. Глупец! Он не допустил меня верить в то, во что верили Тюрени, Корнель и Боссюэ. Однако я всегда был, есть и до самой смерти буду тем, кого в философии называют спиритуалистом. И мне кажется, что это глубокое чувство просвечивает даже в моих игривых песенках, за которые милосердные души, лет двадцать тому назад, готовы были сжечь меня на площади, как некогда были сожжены Доле и Ванини.

От этого обращения к вере, которое, должно быть, было вызвано все тем же моим всегдашним спиритуализмом, у меня осталось несколько плохих стихотворений, которые, вероятно, я вскоре сожгу и которые вызывают мою улыбку всякий раз, как попадают мне на глаза. Насколько я люблю, чтобы поэт был религиозен в сюжетах религиозных, настолько же нахожу непростительно глупым, когда хотят выказать веру, которой на самом деле вовсе не имеют¹. Истинно благочестивых людей никогда не обманешь показной религиозностью, да и те, кто ее выказывает, рано или поздно изменяют ей.

А кроме того, тут есть опасность поступиться своим дарованием, истинной опорой которого всегда остается искренность чувств.

Я вовсе не из тех, кто полагает, что в наши времена поэт — это жрец. Я далек от этого анахронизма. Но, чтобы не быть каким-то предметом роскоши в современном мире, поэт должен стремиться к такому моральному единству во взглядах, которым он служит и которые он проповедует, чтобы не могла быть заподозрена искренность его убеждений.

Говоря как можно короче о моих первых опытах, скажу, что мне приходило в голову написать поэму о Хлодвиге, где я хотел изобразить галльское епи-

¹ В скольких ересях можно обвинять самого Шатобриана!

скопство, помогавшее ему основать нашу древнюю империю. Я почти что закончил пасторальную поэму из времен Жанны д'Арк и набросал ряд идиллий, касавшихся новейших нравов. Я начал несколько комедий, две из них даже в пяти актах; одна из моих комедий была об ученых, или, вернее, против ученых (к которым мне часто-таки приходилось терять уважение, несмотря на то, что я преклонялся перед наукой); а в другой, под несколько странным названием «Гермафродиты», я осмеивал женоподобных мужчин, остаток старого режима, и женщин, подражавших привычкам нашего пола. Я уже написал несколько актов этих двух пьес. И не из-за недостатка в них здравого смысла я бросил их, но из-за того старания, с каким я, вопреки самому себе, отделял фактуру стиха, занимаясь тщательным изысканием формы, придумыванием игры слов и заменяя иногда целой картиной простое выражение мысли. Таким способом, сбивающимся на жанр послания, сочиняют пьесы типа комедии «Негодный» Грессе, но далеко не доходят — не скажу до Мольера, единственного, кто достиг совершенства в комическом роде, — но даже и до Реньяра, который, подобно автору «Мизантропа», но совсем отличными средствами и с другими целями, сразу придает тираде и диалогу форму, полную остроумия, легкости и веселья. Я не могу удержаться, чтобы не сказать тут, что этим автором слишком пренебрегают в наших курсах литературы и недостаточно ценят его слог — смелую и пленительную импровизацию, всего достоинства которой не почувствовал Лагарп. На мой взгляд, Реньяр был бы первым из наших комедиографов, не будь у нас Мольера. Чем больше дарования мы станем признавать в нем, тем более будем восхищаться Мольером и еще с большим удивлением измерим пространство, их разделяющее. Руссо, который всегда, казалось, думал, что те, кто заставляет других смеяться, смеются над ним, отзывался о Реньяре не лучше, чем о Мольере. Но я спрашиваю: что бы он сказал, если б комедии «Единственный наследник» дать заглавие «Старый холостяк»?

По сто раз я принимался перечитывать своих любимых авторов, и у меня не стало духу закончить мои

комедии, так что семь с лишним актов их присоединились ко многим другим незавершенным наброскам. Я понял, что владею слогом, что у меня даже есть развитое воображение, но сознавал, что никогда не смогу стать хорошим драматургом. В годы юного самодовольства мы редко умеем найти в себе слабые стороны. И я бесконечно благодарен себе за это проявление здравого смысла.

Если, позднее, я покушался иногда выступить на сцене, то меня побуждала к этому нужда. К счастью, я никогда не мог добиться чести, чтобы мои драматические произведения были прочитаны. Не говоря уже об отсутствии надлежащего дарования — что́ было бы со мной на поприще, усеянном препятствиями, где корысть и самолюбие борются беспрестанно, не разбирая средств? Имей я гений Мольера, я и тут с моим характером потерпел бы неудачу в театре¹.

В годы Империи почти вовсе не занимались политикой. А между тем политика всегда меня занимала. И хотя я предвидел почти весь путь, по которому устремится честолюбие Бонапарта, восстановление трона очень меня опечалило. Не ради доктрины, но просто по инстинкту и по чувству, я — человек глубоко республиканского направления. Я оплакивал республику не чернильными слезами, со многими знаками восклицания, на которые так щедр поэты, но слезами, которые душа, жаждущая независимости, проливает в действительности при виде ран, нанесенных родине и свободе. Мой восторг перед гением Наполеона нисколько не уменьшал моего отвращения к его деспотическому режиму, тем более что в то время я не считался с необходимостью, ко-

---

¹ И все же мое имя было однажды названо в афишах театра «Водевиль»; это было в первые годы Реставрации. Моро и Вафляр предложили мне сотрудничать в пьесе, озаглавленной «Хамелеоны». Но я не выполнил своей части работы, отказался от сотрудничества, и меня не должны были именовать соавтором. Я ни разу не видел и не читал эту пьесу и, несмотря на настояния обоих авторов, отказался от своей доли гонорара. Мне известно, что некий библиоман, г-н де Солейн, приписал мне куплеты в нескольких пьесах Антье. Это смешно, так как у меня и Антье для такого рода работы резко отличные дарования. Помнится, я написал не более дюжины куплетов для «Хамелеонов», и из этого числа Моро, к его изумлению, нашел сильными не более трех-четырех.

тору ю нала гала на него борьба против коалиций, все вновь и вновь затеваемых европейской аристократией.

Другое горе присоединилось к этому. Единственный из всех братьев Наполеона, Люсьен, не разделял с ним плодов его возвеличения; он оставался в изгнании, которое окончилось только во время Ста дней. Я был благодарен ему, страдал оттого, что он живет, забытый, в Риме, и возымел намерение открыто выказать ему свое уважение. Я только что закончил несколько пасторалей. Махнув рукой на свое авторское самолюбие и отказавшись от всякого притязания на совершенство, которого этим сочинениям и не суждено было достигнуть, я составил из них небольшой томик, украсил его стихотворным посвящением и стал подыскивать издателя. Будь печать хоть сколько-нибудь свободна, я нашел бы издателя, — уже только благодаря одному посвящению. Но мне нужно было продираться сквозь литературную полицию.

Арно рекомендовал меня академику Лемонтею, который считался снисходительнее других императорских цензоров. С первого же взгляда он осудил посвящение и эпилог пасторальной поэмы, адресованный г-ну Люсьену. Вот этот эпилог: достаточно прочтите его, чтобы понять официальную щекотливость доброго Лемонтея, который, впрочем, с глазу на глаз отзывался весьма неодобрительно и о королях и об императорах.

...Ужель должны в век нынешний, век славы,
Мои стихи безвестно умереть?
Увы, секрет напевов чудной силы
Античность мне в наследство не дала;
Наука та, что гениев вскормила,
Кормилицей моею не была.
Что спрашивать с того, кто не учился?
Уроки мне давала лишь беда,
И колос мой на божий свет явился,
Не будучи посеян никогда...
Хотел бы я, чтоб сельские картины
И вас влекли... На что вам пышный двор,
Мой добрый принц? Ведь мирные долины,
Луга, леса так услаждают взор.
Хоть шлет господь и грозы и лавины,
Но скоро вновь яснеют выси гор.

Вы роетесь прилежно средь обломков¹
Престолов тех, пред кем склонялся ниц
Весь мир... Но что осталось для потомков?
Лишь пыль веков да пустота гробниц.
Какой пример для всех царей кичливых!
О, если б вас всегда к себе влекла
Краса полей, утесов горделивых!
Она внушит вам добрые дела.
Прекрасен путь, каким доныне шли вы;
Верны ему, вы будете счастливым,
Не отягчив короною чела!

Если по этому образчику можно судить о строгости цензуры, то можно также видеть при чтении этих стихов, сколько было личного самоотвержения с моей стороны в решимости их напечатать. Доказательством того, что я думал так обо всем сборнике, служит следующее: я совершенно отказался от мысли опубликовать его, убедившись в невозможности воздать должное уважение г-ну Люсьену. Этому отрывку не повезло и при Реставрации. Сделав в нем несколько изменений, требуемых обстоятельствами, я послал его в «Альманах Муз», но и там его не напечатали. Наконец только в 1833 году я смог несколькими строками прозы подобающим образом публично выразить мою благодарность знаменитому изгнаннику, которого я видел всего лишь два раза после 20 марта 1815 года. А так как у меня тогда установилась репутация поэта-песенника, то он сделал мне несколько жестоких упреков за пренебрежение высокими родами поэзии. Не будучи в состоянии уверить его, что я пока и не думал оставлять их, я старался не показываться ему на глаза до самого сражения при Ватерлоо. Но после этого рокового события я уже не смог повидаться с принцем и, быть может, больше не буду иметь счастья видеть его.

Вернемся к 1807 году. К этому времени Ландон почти закончил свой труд, и я лишился у него места. Приходилось довольствоваться одним жалованьем из института; обремененный довольно значительными обязанностями, я впал бы снова в нищету, если бы не друг моего детства, Кенекур из Перонны, который помог мне дождаться лучших времен.

---

¹ Г-н Люсьен Бонапарт производил в окрестностях Рима значительные раскопки.

Меня часто упрекали в гордости, потому что я не раз отказывался от предложений многих богатых людей. Это ошибка. Я готов был принимать помощь, но только из рук друзей. Как только мне предлагали какую-нибудь политическую роль, я отказывался, невзирая на настояния достойных лиц и даже если я не мог сомневаться в их расположении. Но эти могущественные друзья занимали в то время слишком важные места в оппозиции, и моя независимость поэта-песенника легко могла бы быть заподозрена, если б я стал им чем-нибудь обязанным. Я никогда не отталкивал из гордости руку, протянутую в несчастье мне другом: это сделало бы меня недостойным самому помогать моим несчастным друзьям. Благодарение небу, моя бережливость позволила мне в дни благополучия делать многим одолжения, и, думаю, у тех, кто принимал мои услуги, никогда не было причины краснеть; а помогая другим, я испытывал никак не меньше удовольствия, чем те, которые были мне обязаны.

Впрочем, я не единственный из писателей того времени отстаивал свою независимость бескорыстным поведением. Очень многие поступали так, вопреки распространявшейся о них клевете. Часто печатали, например, что Тьер материально обязан Лафитту, тогда как этот писатель, живший своим трудом и в то время еще молодой, часто помогал финансисту; суровый Манюэль был посредником их отношений, и я твердо уверен, что они всегда складывались не в пользу писателя.

Тьер навсегда сохранил доброе сердце и чистые руки. Когда его упрекали в неблагодарности к Лафитту, он молчал: я сам свидетель этой благородной твердости; и должен присовокупить, что из уст Лафитта никогда не исходило столь несправедливое обвинение. Напротив, он часто в разговоре со мной хвалил поведение Тьера по отношению к нему во многих критических обстоятельствах после 1830 года.

В этой моей биографии, которую я желал бы составить как можно короче, я беспрестанно пробегаю сверху вниз и снизу вверх лестницу моей жизни и, увлекшись иногда одним словом, ухожу на десять или пятнадцать лет вперед и потом опять возвращаюсь

назад. Вот и теперь, давайте вернемся к моей молодости и к некоторым ее счастливейшим минутам: для старика это большое удовольствие.

Частые путешествия в Перонну для свидания с теткой и с Кенекуром, у которого я и останавливался, оказали большое влияние на мое почти незаметное развитие как песенника. Старые друзья, добрые родственники, в частности семья Форже, все почти что мои ровесники, собирались вместе и устраивали для меня праздник. Застольные удовольствия — единственное развлечение маленьких городов: тут представляется случай повеселить собеседников куплетами во время десерта, который часто затягивается до полуночи. Я почти импровизировал эти куплеты, и некоторые из тогдашних песенок вошли в мои сборники. Песня «Беднота» относится к той поре, — ведь нам и в самом деле было далеко до больших господ. Одним из постоянных участников наших пиршеств был наборщик, который некогда в типографии дал мне первые уроки. Славный Больё, превосходный ты человек! Стакан вина утешал тебя во многих бедствиях, и как же любили мы утешать тебя!

Доживши теперь до того возраста, который греки называли концом пира, я не прочь припомнить за моим печальным десертом некоторые из песенок того времени радости и дружбы.

Мы дали своим сходкам название «Монастырь беззаботных», и я в честь этого события сочинил куплеты на мотив «Летамини»:

Мы братством беззаботных
Свой монастырь зовем.
Сбираемся охотно.
Обычно вшестером.
Тут заповедь одна:
Садись и пей до дна!

Обычай установлен:
Кто хочет к нам вступить —
Под нашей только кровлей
Обязан петь и пить.
Тут заповедь одна:
Садись и пей до дна!

Не звоном колокольным,
А песней знак даем

Педантам богомольным
О празднике своем.
Тут заповедь одна:
Садись и пей до дна!

Усердно молим бога,
Чтоб слать грозу и град
Он подождал немного,
Сберег нам виноград...
Тут заповедь одна:
Садись и пей до дна!

На исповедь, девицы,
Спешите только к нам!
Монахини-сестрицы,
Игумен нужен вам.
Тут заповедь одна:
Садись и пей до дна!

Пусть дружба мир упрочит!
Я верю: ни один
Из братьев не захочет
Расстричься до седин!
Тут заповедь одна:
Садись и пей до дна!

Возвратясь в 1809 году в Перонну, я приветствовал нашу общину стихами:

В монастыре я снова...
Собратьям мой привет!
Бездельника иного
Блестящий манит свет,—
Но ангел, мой хранитель,
Ниспосланный с небес,
Зовет в сию обитель,
Чтоб я душой воскрес.

Стучу я в дверь стаканом:
Усердный прозелит
К своим собратьям рьяным,
Таким же полупьяным,
Вернуться вновь спешит.

Траппист бубнит — что проку? —
«Удел наш — умереть...»
Но, покоряясь року,
Мы смерть хотим презреть.
Умрем и мы, конечно,
Но хныкать погодим:
Жить весело, беспечно
Покамест мы хотим.

Стучу я в дверь стаканом... и т. д.

Учили тамплиеры
Всех истине простой,
Что лучше вкус мадеры,
Чем вкус воды святой!
Мы шутим, пьем, болтаем...
Унынья не стерпев,
Псалмам предпочитаем
Вакхический напев.

Стучу я в дверь стаканом... и т. д.

Я, братцы, видел черта...
Взор, голос так нежны!
А ножка, грудь!.. Не спорьте,
Мы все обречены.
Но спасся, слава богу,
Я от бесовских чар,
Нашел сюда дорогу —
И весел, как школяр...

Стучу я в дверь стаканом:
Усердный прозелит,
К своим собратьям рьяным,
Таким же полупьяным,
Вернуться вновь спешит.

Но мне часто приходилось оставлять Перонну, и я писал прощальные куплеты:

Друзья, не надо горевать!
Пусть за столом царит веселье.
Все странствуют, и нам опять
Удастся справиться новоселье.
Так до свиданья! Брат-монах
Вас прижимает к сердцу ближе,
Надеясь встретить на пирах,
Когда вы будете в Париже.

Друзья, не надо горевать... и т. д.

Без долгих сборов я сейчас
Отправляюсь весело в дорогу.
Воспоминания о вас —
Вот весь багаж мой, слава богу.

Друзья, не надо горевать... и т. д.

Мы молоды, и день любой
Встречаем песнею хвалебной:
Ведет надежда за собой
Под звуки музыки волшебной.

Друзья, не надо горевать... и т. д.

Пешком, в карете ль — знаю я,
Что путь — к одной и той же цели,
И счастлив тот, кого друзья
В дорогу проводить успели!..

Друзья, не надо горевать!..
Пусть за столом царит веселье.
Все странствуют, и нам опять
Удастся справить новоселье.

Вот другой отъезд:

Ну, друзья, пора проститься!
Час разлуки настает...
Мне позволит возвратиться
Только времени полет.

Покидаю кров уютный,
Где когда-то я нашел,
Одинокый, неприютный,
Утешение от зол.

Ну, друзья, пора проститься... и т. д.

Мы должны за счастьем гнаться,—
Говорят нам... Нет, друзья!
С ним я вынужден расстаться:
От него уеду я.

Ну, друзья, пора проститься... и т. д.

Кто бокал неосторожно
Бьет, вздыхая глубоко?
Да, увидеть в подорожной
Имя друга нелегко.

Ну, друзья, пора проститься... и т. д.

Может, в путь чрезмерно дальний
Я сегодня ухожу...
Все же будьте беспечальны:
Вам дорогу укажу.

Ну, друзья, пора проститься!
Час разлуки настает...
Мне позволит возвратиться
Только времени полет.

Однажды я прибыл в Перонну на праздник патрона типографов — св. Иоанна, что у Латинских ворот. Я отправился вместе с рабочими поднести букет старику папаше Ленэ, моему первому хозяину; в колпаке и в переднике из бумаги, я пропел ему и его жене песенку:

Надел колпак я и передник...
Почтенье, дядюшка Ленэ!
Ваш ученик и собеседник
Не позабыл об этом дне.

Если в сердце дружба
Запечатлена —
Напечатать нужно,
Что велит она!

Скорей беритесь за верстатки,
Кто в орфографин силен,
А мы — за пресс! Пусть печатки
Корректор правит,— где же он?
Если в сердце дружба и т. д.

Святой! Вернуть меня ты вправе
К наборной кассе... Ведь давно
Искусство это близко к славе,
Меня кормило бы оно!
Если в сердце дружба
Запечатлена —
Напечатать нужно,
Что велит она!

Эти песенки возвращают меня к счастливым воспоминаниям и говорят мне о друзьях, из которых многие, увы, прежде меня сошли в могилу. Я написал тогда и несколько сумасбродных песенок, наделавших немало шуму в нашей стороне. Одна из них чуть-чуть не причинила мне серьезных неприятностей.

В Перонне существовало, а может быть, еще и теперь существует, общество стрелков из лука. Я как раз был в городе, когда эти господа стреляли в сойку — деревянную разрисованную птицу, прикрепленную на верхушке мачты высотой в пятьдесят футов. Они стреляли по два раза, и ни один не попал. Я наскоро набросал нечто вроде водевиля, и вот он пошел гулять по городу с прибавлением двух десятков эниграмм, назатейливых, но колких, насчет каждого неудачливого стрелка. Скандал был большой, сам Пирон в Боне не произвел большего смятения своим неблагоразумием в том же роде. И если бы я не поспешил уехать из города, была бы мне беда! От министров и даже от королей можно отделаться тюремным заключением или денежным штрафом, а наши рыцари-стрелки и не подумали бы помириться на такой безделице. Но добрые пикардийцы так же быстро успокаиваются, как и выходят из себя. Они простили мне мою шалость и сами стали смеяться.

А я мог возвратиться в Перонну и снова распевать свои песни в городе, который по стольким причинам так дорог мне. Вот песня возвращения:

В этом городе — глупцов
Раздразнил язык мой острый.
Что же делать? Я таков —
Не люблю я дураков.
Не простили мне вину:
Глупость, злоба — это сестры.
Не простили мне вину:
Объявили мне войну.

Рассердились как — беда!
И в меня без проволочек
Целят... Ах, я никогда
Сойкой не был, господа!
Шуткой метче я стрельну:
Тут и зазвенит звоночек¹.
Шуткой метче я стрельну...
Объявили мне войну.

Этим злобным дуракам
Вспомнить надобно Пирона.
Он педантам и ханжам
Досаждал и здесь и там...
Как Пирону в старину
Обыватели Перонны,
Как Пирону в старину,
Объявили мне войну.

За подмогой к вам бегу...
Эй, друзья! Сюда, собратья!
С вашей помощью смогу
Дать и я отпор врагу.
Мы стаканы сдвинем... Ну!
Скука — враг всем без изъятья.
Мы стаканы сдвинем... Ну!
Объявляем ей войну.

Любопытно, быть может, взглянуть и на другую сторону жизни молодого человека. Наряду с этими радостными песнями, из которых самые веселые я (ставший столь благоразумным) не смею привести, приступы тоски внушали мне стихи вроде нижеследующих:

ЗАРЯ²

Заря моей весны все меркнет, угасает,
Уходит навсегда.

¹ Во время стрельбы из лука при каждом попадании в цель раздавался звонок.

² Эта ода случайно уцелела от огня, истребившего стольких ее незадачливых сестер.

Зачем родился я? Зачем живу? Кто знает?
Зачем бегут года?

Росинки на траве, как слезы, засверкали...
Распустятся цветы.
Но высохла роса, и вот цветы увяли...
Увянут и мечты.

Пока еще поют беспечно птичьи хоры,
Но близок птицелов.
Их песни, как мои, унылы станут скоро.
Унылы и без слов.

О жалкий человек! Так слаб он, и напрасно
Он жизнью дорожит.
Как рано б он ни встал — пути его всечасно
Несчастье сторожит.

Мне двадцать пятый год... Ужели не осталось
Запаса юных сил?
Ужель не для меня природа улыбалась
И солнца луч светил?

Глаза, как пеленой, мне время закрывало,
Я слеп был до сих пор.
Но мчится прочь оно... Спадает покрывало,
И старость видит взор.

Так странник в темноте, путь истинный не зная,
Лишен проводника,
У края пропасти окажется, блуждая,
А пропасть глубока.

Да, старость вижу я... Дрожащими ногами
Ступая, как во сне,
Подходит... Подошла... Холодными руками
Сжимает сердце мне.

Так солнца яркий луч в берлогах пробуждает
Опаснейших зверей.
Хоть ярко светит он, но человек страдает
Все больше, все острее.

Мечтанья о любви, и сладостной и нежной,
Исчезнуть вы должны.
Я умереть хочу, коль это неизбежно,
С зарей своей весны.

Я привел много юношеских воспоминаний и много цитат. Возвратимся же к другим происшествиям моей жизни.

Когда я получил место, меня постигло горе — я потерял отца, умершего от апоплексического удара пятидесяти девяти лет от роду, в то самое время, когда у меня явилась надежда обеспечить его лучше.

Вскоре после этого сестра моя вместе со своей теткой, у которой она работала, вступила в монастырь. Сколь я ни старался всякими разумными советами отвратить Софи от ее решения, принятого в двадцать два года, вероятно из боязни быть со временем в тягость мне, она была непреклонна и впоследствии благословляла судьбу, как и ее старая тетка. Они нашли в монастыре покой и помощь, в которых свет наверное бы им отказал.

При учреждении императорского университета Арно выхлопотал мне место в университетской канцелярии. Он представил меня ректору Фонтану, многим обязанному г-ну Люсьену, отчего, впрочем, Фонтан не стал ко мне внимательнее, хотя Арно и расхваливал ему мои литературные опыты.

Сначала мне предложили на выбор две должности — с двумя и тремя тысячами франков жалованья. Я выбрал низшую, должность экспедитора, — как известно, совсем необременительную для ума, что весьма подходило рифмачу. Это была ошибка: с тремя тысячами франков я мог бы приносить своим гораздо больше пользы; но я еще не дошел до того, чтобы ставить долг выше своих склонностей. И в результате получилось, что г-н де Фонтан, видя, как мало я обращаю внимания на высокие оклады, ограничился, несмотря на настойчивые просьбы Арно, обещанием места в тысячу франков — хуже оплачиваемого не оказалось. Меня это не так уж огорчило, хотя мне и понадобилось потом лет восемь-девять, чтобы от прибавки к прибавке дойти до жалованья в две тысячи, обещанного вначале. Г-н де Фонтан давно уже перестал быть ректором, когда меня сделали таким богачом.

Едва эта должность досталась мне, как новая тягота была возложена на меня провидением. Я принял ее, как и все тяготы, которые оно посылало мне прежде. А в этой я мог бы даже видеть утеху своей старости. Но вышло не так, и я несу ее без чувства

удовлетворения, но и без ропота. Странно, что, я, с давних пор предчувствуя ненадежность своего поприща и уклоняясь от всего, что могло бы увеличить ношу бедного странника, добился лишь того, что она становилась все тяжелее. Меня поддерживала одна только надежда на бога, и не моя вина в том, что те, чья судьба была предметом моих постоянных забот, не умели извлечь для себя выгод из всех лишений, которым я подвергал себя, чтобы избавить их от рытвин жизненного пути, подобного моему.

Часто я жаловался на это. Но у какого сердца нет своей язвы? У старого солдата всегда есть рана, готовая открыться.

Я не желал другого счастья, — и это совершенная правда, — как сделать счастливыми других, по крайней мере тех, кто окружал меня. Но молитвы мои не были услышаны.

Назло некоторым сумасбродствам юности и несмотря на тернии, которые впиваются в ноги тех, кто идет по пути нужды, — с этих пор в жизни моей стало больше порядка. Я выходил уже из критической поры, — критической в особенности для людей, разум которых развивается сам собой и, так сказать, наудачу. Между двадцатью шестью и тридцатью годами в них происходит борьба воображения, возбужденного чувствами, с разумом, озаряемым первым опытом жизни. И разум не всегда торжествует. Но какой бы ни был исход, поле битвы бывает всегда глубоко взрыто. Во мне эта борьба была долгой и мучительной, и были минуты, когда мне казалось, что я схожу с ума. Наконец рассудок восторжествовал: вскоре у меня на душе стало яснее, приступы меланхолии исчезли. Я стал видеть людей такими, каковы они на самом деле, и терпимость к их слабостям начала проникать в мой ум. С тех пор моя веселость, прежде шумная и беспорядочная, стала спокойной и сдержанной; я редко расставался с нею в обществе и всегда наслаждался ею в моем уединении или же в кругу друзей, для которых она часто была утехой, а это дает мне основание сказать, что она «не оскорбляла печали других».

Тогда же я сделал огромные усилия, чтобы усовершенствовать свой стиль. У меня не было недо-

статка в идеях, удачных или неудачных. Но мне не хватало строгости в выборе выражений. Когда учишься, предоставленный самому себе, дело подвигается медленно. Я научился терпеливо высиживать свою мысль, ждать, пока она проклюнет свою скорлупу, и старался схватить ее там, где это было выгоднее всего. Я пришел к убеждению, что любому сюжету должен соответствовать свой грамматический строй, свой словарь и даже своя манера стихосложения, и только в элегии не требуется большой точности рифмы. Я касаюсь этих подробностей ради тех людей, кто полагает, что можно хорошо писать, кое-как роняя на бумагу слова, не утруждая себя раздумьем, а также не подготовив себя предварительно чтением книг. Если так будет продолжаться, то, пожалуй, найдутся люди, которые примутся писать, не научившись чтению. Правда, есть гении, которым все дается без больших усилий. Но кто вправе считать себя гением?

Поправки, сделанные мною в черновике моей незаконченной пасторальной поэмы, были такою работою, которая открыла мне много тайн нашего языка. Я писал оды и дифирамбы, но скоро увидел, что эти экзотические растения, перенесенные к нам из античного мира, не пускали на новой почве глубоких корней, несмотря на заслуги наших великих лириков. Не знаю, прав ли я, но мне все кажется, что ода, как мы ее сочиняем, ведет к напыщенности, то есть почти что к фальши, и нет ничего более противоречащего французскому духу, для которого простое — необходимый элемент возвышенного, как это доказывает красноречие Боссюэ и самые прекрасные места у Корнеля. Часто приводят цитаты из Пиндара, которого, может быть, никто и не понимает; но какое различие между современными поэтами и греческим лириком! Ведь тот действительно выступал как настоящий жрец перед двадцатью братскими народами, собравшимися на Олимпе; прославлял героев, родину и богов и, окруженный хорами поющих и танцующих граждан, читал свои стихи голосом, усиленным музыкой! У нас поэт, в глазах равнодушных читателей, всегда стоит где-то вне своего творения, и это обстоятельство должно бы подсказывать ему не-

обходимость отчетливой общей идеи при разработке почти всех его сюжетов. Именно вниманием к этой стороне творчества должен прежде всего знаменовать его гений, а не потопом стихов, без сомнения прекрасных, но напоминающих о той сказочной принцессе, которая рта не могла открыть, не роняя из него потоков жемчуга, рубинов и изумрудов,— бедная принцесса!

Если я впал здесь в литературную ересь, то да простят мне это наши академики, которые так сильны в латинском и греческом языках! Так или иначе, я оставил оду и дифирамб и сжег напыщенный томик, внушавший мне нелепые надежды. Говорят, ничто не светит так ярко, как пламя рукописей, мужественно брошенных в огонь. Если это так, то я должен бы обладать большой ясностью зрения. Я знал поэтов, которые сберегали все свои стихи до последнего. Я же не сохранил и четверти своих, а теперь вижу, что и то уцелело слишком много.

Из всего сейчас мною сказанного можно понять, какую я всегда испытывал досаду, когда, желая похвалить мои песни, их называли «одами». Кажется, нам очень трудно сбросить с себя всякого рода аристократию, а в литературе аристократия жанров все еще не перестает господствовать вопреки могучим усилиям так называемой романтической школы. В этом отношении, как и во многих других, я очень благодарен этой школе. Стих «учителя», не захотевшего дать места басне в своем «Поэтическом искусстве»: «Даже и в песне простой ум и искусство нужны», — остался, по мнению многих, наивысшей оценкой того рода стихотворений, которому я в конце концов посвятил все свое время и свои заботы. Отсюда, от этого пренебрежения к песне, произошло и название «ода», данное тем из моих песен, которые относили к высшему роду, несмотря на действительное совпадение в значении обоих слов. Но я слышал от самого Руже де Лиля, что он, напротив, сердился, когда его «Марсельезу» называли песней. О, если бы при чтении этих рассуждений мне не поставили в вину ничего, кроме защиты личных интересов! Этот упрек я мог бы игнорировать ради того жанра, которому я столь многим обязан.

Я дошел до 1813 года, с которого начинается моя известность,— как раз в это время я потерял уже всякую надежду достигнуть ее когда-нибудь.

Читатель видел, что я всегда писал песни, как бы ни были разнообразны другие мои работы. По нескромности моего отца несколько песенок, сочиненных мною с единственной целью позабавить наш тесный кружок друзей, были напечатаны в одном из многочисленных новогодних сборников, которыми тогда типографии наводняли рынок. Но они остались незамеченными, да другого и не стоили.

Наконец рукописные копии «Знатного приятеля», «Как яблочко румян», «Бедноты» и в особенности «Короля Ивето» познакомили с моим именем любителей песни, всегда столь многочисленных во Франции. Некоторые из этих песен были напечатаны. Но последняя, известная только в рукописи, стала предметом особого внимания. При всей умеренности в этой песне критики императорского правительства в ту пору, когда всеобщее онемение было уже в порядке вещей,— песенке этой выпала удача: полиция преследовала ее по пятам. По обработке стиха и точности рифмы ее сначала приписывали людям высокого ранга, что и вынудило меня просить друзей, особенно Арно, объявить о моем авторстве тем, которым, по слухам, было поручено узнать имя автора. Часто говорили, что эта песня навлекла на меня гонения; совсем нет, и у меня есть даже основания полагать, что ее читал сам император¹.

Многие из моих игривых песенок тоже гуляли так по свету. Они имели тем больший успех, чем более походили на песни Коле, которые Оже, королевский цензор, переиздал в начале Реставрации. Песенки мои были написаны совсем не для печати, но друзья, для которых они только и предназначались, без всякого стеснения распространяли их в копиях. К сча-

---

¹ Поверят ли, что еще недавно некоторым лицам, когда-то поносившим Наполеона, вздумалось упрекать меня за то, будто в песне «Король Ивето» я нападаю на этого великого человека в момент его падения? Эти люди словно совсем позабыли, что моя песня ходила по рукам за несколько месяцев до побед при Лютцене и Бауцене — побед, которые, без сомнения, были бы незамедлительно воспеты этими господами, если бы они могли тогда владеть моим пером.

стью, эти стихи были столько же изображением их собственных нравов, как и моих.

Но сознаюсь, что мои принципы совсем не согласовались с правилами высшего общества, которое стало приглашать меня в свои салоны. Я мог противопоставить лицемерию некоторых его законов мой зрелый возраст, устоявшиеся идеи и характер, уже закаленный несчастьями. Это и служило мне защитой от опасностей, какие молодой талант может встретить в высшем кругу, где часто разбиваются его силы и где он теряет свою самобытность. Сколько благородных помыслов и великих планов преждевременно погибло от воздуха, которым дышат там, где царствуют роскошь и мода! Но не предполагайте коварного умысла у тех, которые вас вводят или же принимают в большой свет! Они благоволят к вам и даже не подозревают зла, которое вам причиняют. Не позволяйте же увлечь себя в раззолоченные салоны! Они вскоре оторвут вас от друзей вашего детства и молодости, которым не так посчастливилось, как вам, но которым вы, без сомнения, хоть отчасти обязаны своими первыми силами. Я, человек уже опытный, судорожно уцепился за свою колыбель и за старых друзей. Сколько раз, бывало, после великолепных пиров с какими-нибудь новыми знакомыми, я приходил на другой день обедать в плохонькую харчевню или в мансарду, чтобы снова закалиться в кругу моих товарищей по бедности! Если бы я делал это даже для того только, чтобы свободно наговориться, то и это было бы уже благоразумием с моей стороны. Выигрыш был и в том, что я не становился чужд низшим классам, петь для которых был мой долг и улучшению положения коих я хотел содействовать.

Хотя общество богатых людей гораздо более задавило талантов, чем взлелеяло их, я считаю, однако, что некоторым умам полезно познакомиться с ним. Обозреть это общество и было целью моей прогулки, моего кругосветного путешествия. Закончив его, когда мне перевалило уже за пятьдесят лет, я оставил это общество без сожаления, хотя посещал его не без удовольствия и пользы. Благодаря этому странствованию я приобрел превосходных друзей, и у меня остались приятные воспоминания. Кроме того, я обя-

зан ему тем открытием, что и в высших классах есть сердца добрые и благородные, как и в других слоях общества. Но, к несчастью, доброта в высших классах часто становится рабой привычек, праздности, требований роскоши и дурных идей, а все это вместе и создает обособленный круг.

В 1813 году существовало общество песенников и литераторов, основанное за несколько лет до того и носившее название «Погребок», на память о погребке, прославленном Пироном, Панаром, Колле, Галле и обоими Кребийонами — отцом и сыном. Дезожье по смерти старика Ложона был избран председателем этого общества, песни которого находились в таком странном противоречии с бедствиями, угрожавшими Франции. Я недолюбливал литературные объединения, и мысль стать членом одного из них не приходила мне в голову, но случаю было угодно, чтобы я стал членом «Погребка». Дезожье где-то прочел мои куплеты и захотел познакомиться со мной. Арно и граф Реньо де Сен-Жан д'Анжели устроили без моего ведома обед у брата маршала Сюше, куда Арно, опасаясь моей дикой застенчивости, привел меня, притворившись, что ведет обедать в ресторан. Дезожье дожидался меня там.

Между нами быстро установились короткие отношения, — еще не дождавшись десерта, он уже говорил мне «ты». Моя врожденная сдержанность, пожалуй, и оскорбилась бы этим. Но привычка судить о людях по первому взгляду могла внушить мне лишь благоприятное впечатление об этом превосходном человеке со столь веселым выражением лица. Я почувствовал к нему истинное влечение и не отговаривался, когда он стал настойчиво предлагать мне пообедать хотя бы один раз в «Погребке» со всеми его коллегами, которых я знал только по имени.

Я пошел туда в назначенный день и пропел там много песен. Все были удивлены, как это я, будучи столь богат произведениями такого рода, и не подумал еще опубликовать их. «Он должен быть нашим!» — воскликнули все единодушно.

Чтобы не нарушать правила, запрещающего избирать кандидата в присутствии его самого, меня выставили за дверь, со стаканом шампанского в одной

руке и с бисквитом в другой. Я симпровизировал там несколько куплетов в благодарность за мое единодушное избрание, при шуме тостов и всеобщих объятиях.

Старый шевалье де Пиис, член «Погребка», не присутствовавший на обеде, протестовал против моего избрания: так, даже у самой скромной славы найдутся свои завистники. И не потому ли, что она придает столько же гордости, сколько и великая слава?

У Пииса был истинный талант и много остроумия. Но по характеру он вовсе не похож был на Дезожье и готов был обвинить любую рождающуюся славу в упадке своей собственной, — порок, весьма обыкновенный у литературных инвалидов. Когда позднее стала популярна моя песня «Добрый бог», он в ответ написал свою песню и, напечатав ее в официальных изданиях, преподнес Людовику XVIII. Этот государь, обладавший превосходной памятью, должно быть, всласть посмеялся над новым отречением человека, который, состоя когда-то на службе у графа д'Артуа, затем не менее старательно воспевал по очереди все революционные правительства, и даже переливание колоколов и добродетели Марата.

Пиис впал в бедность во время Реставрации и добивался пенсии, которую, к несчастью, не мог получить. Он не был дурным человеком, хотя злоупотреблял положением, которое ему при Империи давало место генерального секретаря полицейской префектуры, рассылая многим лицам полные собрания своих сочинений. Кто осмелился бы тогда отказаться принять их и не заплатить за восемь томов *in octavo*? Жандармы распределяли по домам эти книги. Пожалеем об авторе, который вынужден прибегать к таким книгопродавцам, особенно если он пережил и свою известность, не лишенную в свое время блеска.

Несмотря на мое предубеждение против всяких литературных обществ, я сердечно был тронут радушием и аплодисментами, с которыми меня приняли в «Погребке». С этого дня моя известность как песенника стала распространяться и в Париже и во всей Франции. Тем не менее я не мог долго обольщаться относительно целесообразности моего общения

с людьми, весь строй жизни которых столь разнился от моих привычек, каковы бы ни были литературные достоинства и личные качества многих из них. Театральные интересы и закулисные интриги преобладали в их разговорах, иногда полных едкости, порождаемой соперничеством. Я любил застольные удовольствия за сердечную откровенность и за остроумные шутки, к которым они располагают. Но мне всегда хотелось, чтобы к этим удовольствиям примешивалось немного философии, и особенно — чтобы в них ощущалась прелесть дружбы. Я был далек от современного «Погребка». Впрочем, и старый, восхваляемый нашими отцами, верно, был не лучше в этом отношении: в обществах, притязающих на название веселых, радость — редкая гостья.

Арман Гуффэ, который так благосклонно отнесся ко мне, был председателем «Погребка», но оставил его потом, как говорили, из зависти к успехам Дезожье, которого сам же туда ввел. Не ему было веселить это общество, хотя он и был одним из остроумнейших и искуснейших куплетистов. Его жанр, одинаковый с панаровским, едва ли может назваться песней: это скорее водевиль, где автор связывает несколько куплетов какой-либо поговоркой или даже словечком в рефрене. В этом жанре Гуффэ сохраняет неоспоримое первенство, а в наши дни именно он тщательно следил еще и за правильностью стиха и богатством рифмы, которыми так пренебрегали у нас со времен Людовика XIV. Странно, что именно поэты-песенники снова ввели у нас в обиход богатую рифму, — ведь и я тоже очень рано стал рифмовать с большой точностью. Новой школе, без сомнения, не нужен был этот пример. Но она, вероятно, согласится с тем, что я опередил ее в одной из ее самых удачных реформ.

Когда настали предсмертные конвульсии Империи, особливо Сто дней, различие мнений не замедлило посеять несогласие в нашем обществе, так же как и во всей Франции. Мой патриотизм больше не мог уживаться со всем тем, что я видел и слышал во время наших обедов. И я дезертировал; впрочем, чтобы уйти оттуда, достаточно было бы и того маленького происшествия, о котором я сейчас расскажу.

Однажды я получил от Балена, знаменитого ресторатора «Рошэ де Конкаль», письмо, которым он приглашал меня на семейный обед. Полагая, что он пожелал отблагодарить меня как секретаря «Погребка», по случаю состоявшихся расчетов с нашим обществом, я пришел к нему в назначенный час. Меня проводили в особый кабинет, где я застаю Дезожье, Жантиля и нескольких незнакомых мне лиц. Я замечаю с удивлением, что все садятся за стол, не дожидаясь Балена, и сомнение овладевает мной. Я бросаю обед, бегу к нашему амфитриону и объявляю ему, что если он не займет свое место за столом, то я покидаю собравшихся гостей. Очень неохотно растался он с кухонным очагом и пришел обедать с нами. При входе его Дезожье улыбнулся, а после обеда поспешил объяснить мне обычаи, заведенные в нашем ресторане. Посторонние заказывали здесь обед за несколько дней вперед и оставляли ресторатору список имен тех членов «Погребка», которых желали видеть за столом,— точь-в-точь как заказывают индейку с трюфелями или редкую рыбу. Песня, истинное наслаждение десерта, заставляла самых достойнейших из нашего круга снисходить к этой унижительной роли. Дезожье, который, как я уверен, действовал так только из подражания другим, смеясь называл меня недотрогой.

— Так знай же,— сказал он,— многие наши товарищи жалуются, что их недостаточно часто приглашают! Бален мог бы подать блюдо не такое кислое, каким оказался ты, неблагодарный! Кое-кто из наших собратий недобрым словом помянет его нынче вечером.

Кончилось тем, что я сам стал смеяться над этим приключением. Но оно было для меня полезным уроком, так же как и для Балена, потому что он уже более не осмеливался подавать меня в виде угощения своим клиентам.

Увы! Вскоре после этого мне пришлось расстаться с Дезожье, хотя я не только восхищался его талантом, но любил и его самого. По слабости своего характера он сделался игрушкой окружавших его интриганов: едва его назначили, по расположению к нему министерства, директором Водевиля, он выказал

такой политический фанатизм, какого нельзя было от него ожидать при его врожденной доброте и беспечности. Он совершенно не подходил к подобным занятиям. Его роялизм не разлучил нас, и я искренне радовался его назначению директором. Но когда в песенке по поводу «Германика» он напал на тех, кто были во времена Империи его друзьями, я не без сожаления расстался с ним; и, сказать правду, он тоже очень огорчился этим, как можно было заметить при наших случайных встречах. Его уверяли, что песня «Паяц» была направлена против него. Он написал ответ, довольно слабый. Затем, одумавшись, он сказал мне однажды при встрече, происшедшей в его театре: «Нет, ты нападал не на меня: ведь я не прыгал во время Ста дней». И наконец добились еще худшего: под чужим влиянием он поглумился в одной песенке над бедствиями Франции.

И в самом деле, я вовсе не думал о нем, когда писал «Паяца». Всегда нападал я только на высокопоставленных лиц, которые были в состоянии отомстить за себя. Я постыдился бы набрасываться на собратьев, которые опрометчиво отрекались от своих политических взглядов, — особенно тогда, когда они сами меня не трогали. Но вот появилась песня, каждый куплет которой был едкою и весьма остроумною эпиграммой на Дезожье: незадолго до того ему от лица Людовика XVIII была поднесена серебряная суповая ваза. Я знал, что эту песенку приписывали мне (как и множество всякого рода других песен). Я написал ему, что знаю ее только понаслышке.

Вот его ответ: «Каковы бы ни были талант и темперамент этих куплетов, они исходят от злого сердца: и потому ты поверишь, если я скажу, что даже и не подозревал тебя. Пожалуй, я назову тебе их автора, если ты сам еще не отгадал, кто он».

Мне приятно вспоминать о своем знакомстве с этим любезным человеком, и я всегда сожалел, что принужден был прекратить с ним сношения, которые, вероятно, были бы и ему не бесполезны. Дезожье, такой веселый в обществе, особенно же за столом, где он действительно царил, не мог переносить даже минутного уединения. Оттого-то так легко было повлиять на него. «Как, ты можешь оставаться

один? — говорил он мне однажды. — А я умер бы в одиночестве, снедаемый тоской. Меня зовут веселым Дезожье, но, в сущности, во мне много печали». Истину этих слов подтвердил Жантиль, друг его детства. И если правда, что его веселость была только ролью, принятой для того, чтобы поразвлечься, то можно утвердительно сказать, что не было актера искуснее Дезожье.

Мне не хотелось бы говорить здесь о политике: я уже рассказал в другом месте, какое грустное впечатление произвели на меня два вторжения иностранцев во Францию. Мои песни, если они переживут меня, могут служить тому ясным доказательством.

Но так как все, что происходит на улице, часто вдохновляет песенника, то я хочу рассказать о некоторых происшествиях, которых я был очевидцем или о которых слышал от заслуживающих доверия свидетелей. История слишком уж пренебрегает мелкими подробностями; мне думается, что сохранить их, как бы ни казались они незначительными, значит оказать ей услугу. Она может найти в них отражение народных мыслей, которыми, кажется, вовсе не дорожит. Какое это скверное обыкновение: изображая эпоху, взять несколько фигур и привести их в порядок или заgrimировать по своему произволу, подняв на пьедестал своего литературного стиля.

В 1814 году я жил недалеко от заставы Рошешуар, которой 30 марта отдали салют несколько вражеских гранат. Я знал, как ничтожны были приготовления к обороне, и полагал, что в течение дня неприятель завладеет и моей комнатой. У меня была отличная позиция: из моего окна виден был Париж с его окрестностями.

После канонады, встретившей серьезный отпор только со стороны Менильмонтана, где битва была долгой и ожесточенной (там геройски сражались воспитанники Политехнической и Сен-Сирской школ), я увидел около пяти часов отряд кавалерии, направлявшийся к возвышенности Монмартр по пологому спуску от Клиши. Это гусары, они медленно поднимаются — наши ли они? Вот они уже возле мельниц. Я шаг за шагом слежу за ними с помощью подзорной трубки, замирая от тревоги: головы их лошадей

повернулись к Парижу. Боже мой! Это неприятель! И он уже овладел высотами, так худо защищенными.

Вскоре замолкает ружейная и пушечная стрельба. Ужас мой увеличивается, и я выхожу на улицу, чтобы узнать о новостях. Пробираясь между носилками, на которых несут раненых, и беспорядочно движущимися фургонами, я спешу к бульварам и там узнаю, что мое горестное предчувствие оправдалось: капитуляция подписана адъютантами герцога Рагузского. Этот маршал, давно уже искушаемый заговорщиками-роялистами (я уверен в этом факте), вел себя прекрасно во время всего сражения, но затем осмелился дать сигнал к сдаче неприятелю.

Рабочий люд, собравшийся позади оборонительной линии, которую мне хотелось видеть этим утром, весь день ожидал приезда императора, находившегося в нескольких лье отсюда. Ждали победы. И едва показывался вдали на равнине генерал на белом коне в сопровождении нескольких офицеров, как в толпе раздавался крик: «Вот он! Вот он!» Никто и не подозревал, что Парижу угрожает серьезная опасность. А когда распространилась весть о капитуляции, надо было видеть изумление и бешенство этой любившей сражения и готовой к борьбе мужественной толпы, весь день не перестававшей просить оружия, которое, однако, поостереглись ей выдать. Я тоже напрасно выпрашивал ружье у тех, которым, как я слышал, была поручена раздача.

Мне всегда казалось, что я храбро вел бы себя в этот день. С уверенностью скажу, что многого я ни за что не сделал бы: я не поддался бы коварным внушениям; не протянул бы руки врагам родины; не стал бы подписывать капитуляцию, которую можно было бы оттянуть по крайней мере дня на два одним только отказом впустить вражескую армию, слишком слабую, чтобы она дерзнула вторгнуться в такой многолюдный город, — вот чего никогда не смогли бы у меня вынудить и под угрозой ужаснейшей смерти. Но требования тактики и стратегии были соблюдены; из пушек дали столько выстрелов, сколько положено дать за день; народ ставили ни во что; честь мундира была спасена, и люди прославленной храбрости не

поколебались подписать акт о сдаче столицы, то есть акт о порабощении своей родины!

Уверившись, что капитуляция в самом деле подписана, я провел весьма печальную ночь в моей жалкой каморке, по соседству с лагерем чужеземцев. И варвары и цивилизованные, все они, эти солдаты, из коих некоторые, может быть, видели Великую китайскую стену, казалось нашли отдых в этой радости триумфа. До самого утра слышны были пляски пришельцев и дикие крики, смешанные со звуком рожков немцев, казаков и башкир. И я видел огни их костров, зажженных, к нашему стыду, на Монмартре, где я так часто на закате солнца мечтал, любуясь видом Парижа, расстилавшегося у моих ног.

Чуть свет я бросился за новостями и узнал из расклеенных ночью обращений, что всякая надежда потеряна и что те, кого отныне будут называть «союзниками», вступят в город через несколько часов. Небольшие анонимные листовки еще распространялись в толпе, взывая к сопротивлению. Тщетные призывы! Император так приучил людей верить только в него, что лишь один его голос мог бы рассеять сомнения, внушить бодрость, а главное — направить все усилия в должном направлении.

Вполне убедившись в нашем несчастье, я решил было уйти домой, чтобы не быть свидетелем зрелища, бесчестившего Париж. Но каково же было мое удивление, когда я заметил несколько белых кокард среди групп, толпившихся на бульварах! Какой-то пьяный даже закричал подле меня: «Да здравствуют Бурбоны!» Толпа, казалось, ничего не понимала в этих первых роялистских демонстрациях, которые, однако, уже составлялись в еще больших размерах, в виде руководимых Дюкло и Мобреями блестящих кавалькад герцогов, маркизов, графов, принадлежавших к старинному дворянству; было там и несколько интриганов, торопливо сбежавшихся, чтобы урвать свою долю в добыче.

Известно, что русские и немцы при вступлении в Париж проявили вежливость, необычайную для победителей. Враги, казалось, входили с обнаженными головами в город Хлодвига, Людовика Святого, Генриха IV, Людовика XIV и Наполеона, в этот город

Учредительного собрания и Конвента, где в течение целых столетий непрерывно развивается великое и святое дело европейской демократии. Государи, без сомнения, припоминали все, чем обязаны нам цивилизация их народов и блеск их дворов. Почти все офицеры этой многочисленной армии говорили на языке побежденных и, казалось, даже не знали другого языка, прибегая к родной речи только затем, чтобы остановить редкие проявления грубости некоторых из своих солдат.

Около тысячи или тысячи двухсот сторонников Бурбонов (меня уверяют, что я вдвое преувеличиваю их число) — мужчины и женщины, дворяне или выдававшие себя за дворян люди, — стоя на балконах, любезно приветствовали любезных победителей; некоторые даже бросались на колени перед начальниками, целуя их запыленные сапоги, а в окнах махали белыми платками и восторженно кричали, шумно благословляя проходившую армию, удивленную подобным триумфом. Так это малодушное стадо французов попирало ногами трофеи двадцати пяти последних лет нашей славы, на глазах иноземцев, которые своим поведением показывали, что они все еще хранят о ней глубокую память.

Объятый сначала патриотическим негодованием, рабочий люд долго не мог опомниться от такой неожиданной перемены. Но он, более чем другие классы, нуждался в мире, и как раз это слово могло содействовать перемене его взглядов, благоприятной для режима, который подготавливался Талейраном. Этот ловкий человек, так же как и император Александр, принял сторону старшей линии Бурбонов только для того, чтобы отделаться наконец от Наполеона. О разности же чувств, одушевлявших народную массу и роялистов — старых или новых, можно судить по двум фактам, совершившимся на моих глазах.

На следующий день после вступления иностранцев в Париж отряд немцев вел по улицам, населенным рабочими, сотню наших солдат, захваченных в плен в столице. Рабочие при виде раненых французов, залитых кровью, подумали, что их отправляют в госпиталь. Узнав же, что их ведут в неприятельскую штабквартиру на Елисейских полях, они подняли крик и

решили было освободить этих несчастных, последних наших защитников; но тут, случайно или по благоразумию, начальники конвоя приказали повернуть на бульвары, где расположились ревностные роялисты, подстрекавшие своих агентов. Я был там; при виде наших несчастных пленников, страждущих от ран и изувеченных, из среды бурбоновских сторонников послышалось: «Виват!» Красивенькие господа и прекрасные дамы кинулись к окнам и аплодировали иностранным солдатам, не желая упустить случая принять участие в таком позоре. Тут не только была оскорблена родина, но здесь надругались над человечностью.

Зрелище не столь печальное, но не менее постыдное поразило меня на Вандомской площади, где роялисты, о которых я только что говорил, изо всех сил старались сбросить статую императора с колонны, цоколь которой они расшатали. Понукая лошадей, люди, тоже впрягшиеся в длинную веревочную упряжь, пытались стащить огромную фигуру, оставшуюся непоколебимой; жокакам этого отряда так хотелось бы увидеть, как она разобьется о мостовую! Несмотря на страх, все еще парализовавший толпу и вызванный этой неожиданностью, оскорбление, наносимое солдату революции, вызвало сначала глухой ропот, за которым последовали раскаты хохота, возобновлявшиеся при каждом провале усилий новейших иконоборцев. И те принуждены были уйти, так и не приведя в исполнение свое разрушительное намерение.

Не думаю, чтобы из всего мною сказанного можно было заключить, что таково было поведение всех парижских легитимистов-дворян и богатых буржуа. В их особняках тоже был свой патриотизм, и каждая партия, без сомнения, обладала своими добродетелями.

Но вот какая странность! Сдача Парижа ни в чем не изменила образа жизни его обитателей. Утром, в день приступа, спектакли были объявлены, как всегда. И если вечером представления не состоялись, то, вероятно, потому, что и актерам и горожанам захотелось увидеть и услышать, что же будет происходить на улицах. Вступление иностранцев было но-

вым видом развлечения, и на улицы повысыпало множество таких людей, патриотизм которых был столь же несомненным, как и мой патриотизм. А когда их упрекали, они говорили: «Что же мы могли сделать? Почему император не приехал вовремя? Почему Мария-Луиза и Жозеф покинули нас?»

Впрочем, если бы император мог тогда читать в умах народа, то он, конечно, признался бы себе в одной из своих самых больших ошибок, которую он совершил в силу особенностей своего гения. Он зажал рот прессе, отнял у народа всякую возможность свободного вмешательства в дела и таким-то образом изгладил принципы, которые глубоко напечатлела в гражданах наша революция; и это привело к тому, что в нас совершенно замерли ставшие столь естественными чувства. Его счастье долго заменяло нам патриотизм. Но так как он поглотил всю нацию, то и вся нация пала вместе с ним, и поэтому в нашем падении мы оказались перед лицом врага только теми, в кого он нас превратил. Тем не менее, скажем ему в похвалу, что если не считать простого народа, то он один был патриотом в этот торжественный час, и это доказывается его желанием сражаться до последнего патрона, а также той готовностью, с какою он согласился на отречение. Только он? Нет, был еще другой — один из наших старейших военачальников, ученый и воин, старый бескорыстный республиканец, изгнанный, покинутый и слишком поздно оцененный Наполеоном, — воин, который, увидев Францию в опасности, не послушался ни своего справедливого озлобления, ни даже своих убеждений, что при таких обстоятельствах знаменует высокую добродетель. Бесполезно объяснять, что я говорю о знаменитом Карно, который просил позволить ему сражаться и спас от разрушения Антверпен, тогда как мы, скрестив руки, сдали нашу столицу, к стенам которой спешил Наполеон, чтобы раздавить наших врагов.

Описывая свою молодость, я говорил, что и теперь мой патриотизм, несмотря на мои шестьдесят лет, сохранил весь пыл юности. Читатель, быть может, согласится, что в предшествующем описании я привел достаточно тому доказательств. Я слышал,

как вожди философических школ, богатые банкиры или коммерсанты, салонные политики проповедовали абсолютный космополитизм. Я вовсе не осуждал тех чувств, которые будто бы их воодушевляли, я понимал их. Но они ошиблись эпохой.

Когда нация взяла на себя инициативу утвердить принцип, в особенности принцип демократии, и когда она находится в географическом положении, подобном нашему, то, хотя она и вправе надеяться на симпатии просвещенных людей у всех своих соседей, — врагами ее, тайными или явными, станут другие правительства, и особенно те, которые подчинены могущественной аристократии. А в борьбе с такими врагами все средства хороши.

Но беда такой нации, когда она увидит, как угасает любовь к ней, которая составляет долг ее граждан и в которой ее наибольшая сила! Сыны ее должны сплотиться вокруг ее знамени в целях победы принципа, утвердить который — ее миссия, осуществляемая на пользу другим народам. Но когда последние завоюют те же права, что и она, пусть умолкнут все соперничающие национальные самолюбия и антипатии, вошедшие в плоть и в кровь. Как! Неужели мы, французы, не поддержим в интересах великодушной идеи, стоившей нам уже столько крови, наш патриотизм, который англичане довели у себя до наглости и до жестокостей, совершаемых в интересах торговли чаем, индиго и хлопком!

Так будем же стремиться к тому, чтобы любовь к родине всегда была нашей первой добродетелью, и я особенно настаиваю на этом, обращаясь к нашим писателям, которые лучше, чем другие, могут проповедовать эту добродетель. Мне нет надобности напоминать, что мой всегдашний патриотизм никогда не мешал мне требовать и уважения к правам человечества и почётного сохранения мира, который лучше, чем завоевательная политика, может обеспечить развитие принципов нашей революции. Как часто приходилось мне слышать после 1830 года такие слова: «Когда скрещаются штыки — закрывается путь идеям».

Въезд Людовика XVIII, на который и мне вздумалось посмотреть, являл странную пестроту. Неуже-

ли массами мог овладеть энтузиазм, когда они не знали даже, что это за личности, которых доставили сюда? Верно то, что из пятидесяти зрителей едва ли один ясно разбирался, в какой степени родства состоят эти принцы с Людовиком XVI. Король, которого, по заблуждению или со слов насмешников, многие ожидали увидеть в каком-то забавном одеянии, смотрел на толпу, хотя и больной, но приветливо и с достоинством, что большинству понравилось. В подобных церемониях старики вообще выигрывают.

Люди, подобно мне замешавшиеся в толпе, лишь кое-как могли рассмотреть второстепенные лица. Но из всего этого кортежа, который тем, кто привык видеть великолепие наполеоновских праздников, казался таким старомодным и жалким, всеобщее уважение было проявлено только к нескольким отрядам императорской гвардии, — их удалось заставить следовать за каретами нового, или, лучше сказать, старого двора. При виде этих мужественных лиц, покрытых шрамами, загоревших под солнцем многих стран, а теперь таких угрюмых, печальных и, кажется, смущенных белыми кокардами, которые им навязали, раздался со всех сторон крик: «Да здравствует императорская гвардия!» И даже те, кто кричал: «Да здравствует король!», присоединили свои голоса к этому крику сторонников Империи, что составило самый странный контраст и, кажется, неприятно поразило слух принцев. Услышав этот полный гордости привет, старые храбрецы смелее подняли голову и отвечали возгласом: «Да здравствует национальная гвардия!» Оба приветствия смешивались друг с другом и возобновлялись снова и снова во все время шествия, вопреки дисциплине, запрещающей говорить под оружием. С этой минуты можно было предсказывать возвращение с Эльбы.

Людовик XVIII, которого Франция отвергала в течение почти целой четверти века, носил смешное прозвище: «Желанный». Но была все же одна действительно желанная особа из этой семьи — герцогиня Ангулемская. Народ знал историю ее жизни: всякий сочувствовал ее несчастьям, все желали ей лучшей участи. И среди стольких бедствий все взоры

искали ее, как ангела-утешителя. Увы! Ничто в ее лице, в манере держаться, в звуке ее голоса не отвечало нашим надеждам, и можно сказать, что со дня вступления в Париж она потеряла всю любовь, которой ее окружали во времена ее несчастий. Конечно, такая быстрая перемена несправедлива, и что до меня, то я всегда был убежден, что герцогиня достойна тех похвал, которыми, случилось, осыпали ее. Нельзя было сомневаться в ее добродетелях и милосердии. Но как могло случиться, что она, силу характера которой так превозносили, не оправдала ни одним действием этого мнения, хотя у женщины столь высокопоставленной всегда найдется случай снизить себе благословение народа? Разве героическая г-жа де ла Валетт не ползала перед нею на коленях, тщетно вымаливая хотя бы слово сострадания? Об этом было ведь напечатано; хотел бы я дожидаться опровержения. Заметим, что те, кто был близок к герцогине Ангулемской, очень слабо действовали в ее пользу в народе, где сердца были сначала для нее открыты, но где скоро стали смотреть на нее только как на дочь «Австриячки». Ведь не стоит скрывать, что ужасный конец несчастной Марии-Антуанетты не обелил ее в памяти парижского народа, сохранившего вообще какую-то инстинктивную ненависть к австрийской королевской крови. Несмотря на любовь к Наполеону и к римскому королю, народ никогда не любил Марию-Луизу, — и она слишком хорошо оправдала наши предчувствия и тот прием, какой Париж устроил ее достойному отцу в 1814 году.

Во время пребывания союзных государей в Париже Александр старался заслужить наши похвалы благородным великолепием, не лишенным прелести. Воздавали у нас должное и прусскому королю за его долгие злоключения, храбрость солдата и почти мещанскую простоту. Но когда появился император Франц — сколько нашлось для него проклятий и насмешек во всех слоях населения столицы! И почему только он не слышал всего, что было говорено по всему его пути, когда он показывался в публике! Быть может, он покраснел бы, несмотря на свою флегму.

У нас, парижан, восторженных почитателей великих дарований, великих добродетелей, навсегда по-

дорван престиж дворянства и королевской власти. К какому бы сословию ни принадлежал человек, но если его поведение осудят, то он получит прозвище по заслугам. Предки наши были бы весьма удивлены, узнав, что в Париже народ самыми оскорбительными ругательствами клеймил австрийского императора, наследника Рудольфа Габсбургского и Карла V. И притом во всеуслышание, да еще в ту самую минуту, когда эта же толпа высматривала, не видно ли где его прославленного брата, герцога Карла: его не было в Париже, но он был бы принят как великодушный и честный противник.

Иностранцы найдут, без сомнения, что я говорю слишком непочтительно о государях, явившихся на смотр к парижанам. Пусть же они подумают о том, как я и мои современники были воспитаны минувшими событиями, — и они перестанут этому удивляться. Конвент, рубивший головы королям, должен был бы убедиться на примере Англии, что он избрал далеко не лучшее средство для того, чтобы отрезвить нас от увлечения «их величествами». Пришлось вмешаться провидению: оно артиллерийского подпоручика возвел на вершину могущества, и он пятнадцать лет показывал нам, каковы истинные размеры царственных марионеток.

Вскоре после сдачи Парижа к нам прибыл Бернадотт, который в оправдание того, что он обнажал оружие против своих прежних соотечественников, говорил, будто его долг быть шведом, с тех пор как он стал наследником шведской короны, — аргумент, который многие имели бесстыдство одобрить. Выходит, что генералу Моро недоставало лишь короны, чтобы смыть позор его смерти в лагере наших врагов. Совсем другое место занял бы Бернадотт в истории, если б он пренебрег своим тронem и бросился на помощь родной земле. Да и не так уж близка была Швеция сердцу этого гасконца, — столь хорошо сохранившегося во льдах севера, — чтобы он не согласился стать снова французом. Но для этого ему нужен был трон Франции. С этим старым республиканцем нечего было и торговаться, если предметом торга не было целое королевство. А что до религии, то она в его глазах не стоила и булавочной головки.

Его высочество взял в свою свиту г-жу де Сталь и Бенжамена Констана. Я хочу поговорить об этом знаменитом публицисте, который выказал в своем поведении столько же противоречий и непостоянства, сколько на трибуне и в своих сочинениях, за немногими исключениями, проявлял таланта, мужества и настойчивости в деле защиты начал разумной свободы. К несчастью, пожалуй, его ораторская изворотливость была такова, что, стань для него трибуна доступней и будь печать хоть немного посвободней, он, я думаю, был бы в состоянии приспособиться к любому режиму. Но это был лишь порок его ума, любившего играть трудностями и добивавшегося аплодисментов, как триумфа для защищаемого им дела. Мне, пожалуй, даже кажется, что препятствия и ограничения, чинимые законом на пути мысли, были возбуждающим средством, необходимым для этого писателя, самого тонкого и остроумного из всех людей выдающегося ума, каких я когда-либо знал. Ничей разговор не казался мне более изящным, живым, гибким и с виду добродушным. Этот разговор, наталкиваясь на возражения собеседника, только выигрывал в блеске и силе. Я, бывало, не мог всласть наговориться с ним, и мы всегда были в добром согласии.

Непрестанная потребность в сильных ощущениях сделала из Констана игрока. Но интерес к политике легко побеждал эту наносную страсть. Однако он выше всего ставил славу писателя, и Французская академия, предпочтя ему Вьенне, глубоко задела его, что бы он там ни говорил мне, желая скрыть свое огорчение.

Невыгодная сторона славы, обретаемой на поприще умственной деятельности, — это ее ненадежность.

Будьте, пожалуй, хоть шести футов ростом, но вам все-таки надо служить в какой-нибудь роте гренадеров, чтобы вы должным образом оценили это преимущество. Так и Констан — после стольких писательских и ораторских успехов испытывал необходимость стать членом какого-нибудь прославленного общества, чтобы уверовать в свой литературный талант. Но если б ему довелось стать членом Академии, то он первый посмеялся бы над этим и им снова овла-

дело бы чувство неуверенности, ибо редко какой человек так скоро разочаровывался в том, чего он более всего желал.

Я сам советовал ему стать в ряд соискателей вакантного кресла, заверяя его, что если я и не добиваюсь подобной почести, то потому только, что она уж очень не по характеру мне и не по вкусу. И я прибавлял, что, на мой взгляд, репутации, которые составляют в переходную эпоху, вовсе не стоят того, чтобы их приобретали ценою отказа даже от малейшей доли своей независимости; за исключением двух или трех, эти репутации должны будут совершенно исчезнуть вместе с нами, а может быть, и прежде нас. Я примирялся с этим, но он не мог, и если принять во внимание, какую силу чувствовал он в себе, то это понятно.

Ему не пришлось долго страдать от интриги, лишившей его признания, на которое у него, без сомнения, было право. Несколько дней спустя он умер, истощенный трудом и бессонницей. Академия должна пожалеть, что это не ее член был почтен такими великолепными, состоявшимися при большом стечении народа похоронами: обычно похороны господ академиков гораздо скромнее.

Выше я сказал, что он приехал во Францию с Бернадоттом. Он не любил, когда я заговаривал с ним об этой поре. Ему больше нравилось говорить о той роли, которую он играл при Наполеоне во время Ста дней. Он признавался, что император имел на него большое влияние; говорил, что знания Наполеона были поразительны, а чего Наполеон не знал, то схватывал какую-то догадкой; что у него были и ум и необыкновенные дарования и что подлинно либеральных идей у Наполеона было больше, чем у любого члена его Совета. Оставляя в стороне либерализм советников, я полагаю, что эта похвала властителю служила для Констана средством оправдать свою службу тому, кого он 20 марта называл тираном.

А Бернадотт? — часто напоминал я ему.

— Бернадотт теперь хлопочет о том, чтобы вымарать несколько страниц в «Записках со Святой Елены». Если ему удастся эта проделка, я с похвалой отзовусь о Бернадотте.

Таков был ответ, который он дал мне однажды, когда, по поводу предстоявшего выхода в свет этих мемуаров, мы разговорились с ним о многих великих людях Империи. А потом в самом деле стали утверждать, что страницы, касающиеся маршала Бернадотта, князя Понте-Корво, были изъяты из драгоценной рукописи.

Я никогда не был знаком, да и не желал знакомиться с г-жой де Сталь. Хотя она обладала умом и талантом, но ее богатство и положение в свете немало способствовали росту ее заслуженной литературной славы. Наполеон не удостоил сделать из нее свою Эгерию. Падение великого человека было радостью для этого женского сердца. А в своих гостиных она не переставала похваляться перед иностранцами тем, что было пагубой для нашей страны. Не знаю, поддерживала ли она те притязания, которые привели Бернадотта во Францию. Что же касается сего старого республиканца, то вот происшествие, рассказанное мне человеком, у которого была возможность узнать об этом из самых верных источников, если только сам он не был его свидетелем.

В течение тех немногих дней, что Бернадотт провел инкогнито в Париже, он, прежде чем открыться императору Александру (в котором сначала было заметно колебание относительно Бурбонов), пожелал со всевозможным благоразумием сыграть роль претендента на французскую корону и потому счел необходимым позондировать одного из министров самодержца. Сговорились дать обед графу Поццо ди Борго, другому перебежчику, этому Кориолану передних, которого один бесчестный литератор, не краснея, поставил рядом с Наполеоном. Карл-Йоганн, сторя петернением приступить скорее к делу, спросил у русского министра, принято ли государями окончательное решение относительно Франции.

— По чести говоря, принц, — ответил ему хитрый корсиканец, — все в чрезвычайном затруднении. Думаю, что очень кстати пришлось бы советы вашего величества, ведь вы так хорошо знаете эту страну! Как, по-вашему, должны поступить державы? Кого дать во властители стране, которою так трудно управлять?

Гасконцу надобны были ответы, а не вопросы. Однако он спрашивает, свободен ли еще выбор, прибавив:

— Вы должны это знать.

— Да, можно сказать, свободен, несмотря на все настояния дома Бурбонов.

— Мне кажется, граф, эта семья здесь совершенно чужая. Что Франции особенно необходимо, так это государя французского, у которого не было бы никакого злопамятства по отношению к революции.

— Это уж вне всякого сомнения.

— Ей нужен человек, у которого были бы достаточные военные познания.

— И я так думаю, ваше величество.

— Человек, наделенный большими административными дарованиями и притом способный соблюсти интересы Европы.

— Вот именно, принц, вот именно! Продолжайте, пожалуйста.

— Человек, наконец, которого государи уже имели возможность оценить и чей характер может служить порукой умеренности и добросовестности.

— Итак, принц, все, что я имел честь выслушать от вас, я осмелюсь высказать им на словах и изложить на бумаге. Я сделаю больше: я дерзну указать им на того, кто, по-моему, способен был бы взять на себя заботы о судьбах нашего прежнего общего отечества.

Говоря так, Поццо, казалось, остановил свой почтительный взгляд на Бернадотте, который с худо скрываемой радостью сказал, улыбаясь:

— Не будет ли нескромностью спросить вас, на кого падет выбор столь умудренного опытом человека.

— Держу пари, ваше величество, что вы уже отгадали.

— Но я могу ошибиться, граф. Ради бога, назовите мне того, кто заслужил ваше предпочтение.

— Если вы этого требуете, принц, то это — я... Ну да, это я; да, я — француз, военный, администратор, которому известны интересы Европы и кто друг почти всех государей. А ведь это именно те условия, которых требует ваше величество?

Бернадотт, в ярости от подобной мистификации, встал из-за стола и, будучи уверен, что русский при-

дворный не посмел бы так поступить, не имей он на это соизволения самого царя, уехал из Парижа. В этот же день граф Артуа вступил в столицу — посреди вражеского артиллерийского обоза, с плохоньким штабом и под прикрытием острот, которыми его снабдили г-н Беньи и несколько других роялистов из числа новообращенных.

Передавая это происшествие, быть может, немножко приукрашенное тем остроумным человеком, который мне о нем рассказал, но сущность коего, думаю, верна, я поневоле вспоминаю о г-не де Вернон, этом предполагаемом отпрыске Людовика XIII, о котором говорил выше. Забавно было бы видеть, если бы и он предъявил свои права в 1814 году и даже стал бы выказывать себя ревнителем спасения Франции. По правде говоря, если бы запросить мнение народа, то после Наполеона и его сына наибольшее число голосов получил бы потомок Железной Маски.

Изумительное возвращение императора 20 марта 1815 года было событием совершенно народным. Однако в этот день ожидания можно было прочесть на челе всякого способного к размышлению человека, — а такие люди бывают во всех классах общества, — какую-то озабоченность, которая мешала радости быть всеобщей; несмотря на околдовывающую силу этого последнего чуда великого человека.

Хотя в эту пору я уже посещал иногда некоторых из главных действующих лиц нашей великой драмы, мне не о чем было бы рассказывать здесь еще, кроме нескольких второстепенных подлостей, если б не прекрасная память моего почтенного друга Дюпона (де л'Ёр), который доблестно боролся с требованиями, обольщениями и даже с самой необходимостью принять на себя власть и отправлять ее функции. Он передал мне разговор между депутатом Дюрбашем и великим изменником 1815 года, пресловутым Фуше. Но, приводя его здесь, я боюсь, что не сохраню колорита страстного негодования, которое, передавая об этом разговоре, испытывал великодушный патриот.

После битвы при Ватерлоо Фуше, председатель временного правительства, держал нити отдаленных

интриг, которым он отдался целиком в период Ста дней, когда возглавил доверенное ему Наполеоном министерство. Снова отворить Бурбонам ворота столицы, казалось, было его единственным намерением. И для его выполнения этому смелому человеку ничего не стоило вести переписку с Талейраном, Меттернихом, Веллингтоном и даже с самим Людовиком XVIII, рассылать по деревням своих эmissаров, расточать деньги для подкупов, запугивать малодушных и заключать сделки с изменниками.

Расскажу об одном из средств, к которым он прибегал, — оно сильно смахивает на комедию.

Депутация пэров, отправленная в неприятельский лагерь для переговоров, потребовала, чтобы к ней присоединили Манюэля, сделавшегося самым влиятельным членом палаты представителей и знакомого с Фуше по их сношениям в Эксе. Фуше, страшись патриотизма этого трибуна, воспользовался тем, что пэры не знали Манюэля в лицо, и отправил вместо него, но под его именем одного из своих секретарей — Фабри, тоже члена второй палаты. Я сам был свидетелем того, как несколько лет спустя граф де Валанс, один из одураченных пэров, приехав к Манюэлю, чтобы посоветоваться с ним как с адвокатом, изумился, увидав совсем не того человека, с которым, как он думал, некогда провел несколько часов в политических переговорах. Я был знаком с графом и помог Манюэлю распутать эту старую проделку нантского Скапена. «Ах, господин Манюэль, — сказал генерал, — я теперь не удивляюсь молчанию, которое хранил тот, кого я принимал за вас, когда я настаивал перед генералитетом союзников, чтобы Бурбоны приняли трехцветное знамя!»¹

---

¹ Этот г-н Фабри был в Эксе одним из друзей Манюэля, который, отклонив свою кандидатуру в депутаты от этого города, добился избрания Фабри. Тем не менее Манюэль был избран от Барселоны. Он верил в искренность убеждений Фуше — как члена Конвента и как подавшего голос за казнь Людовика XVI, а Фуше старался во что бы то ни стало поддерживать с ним отношения после второй Реставрации. Манюэль помог Фуше редактировать его заметки, наделавшие тогда много шума разоблачением того опасного пути, которым следовал двор. Этими заметками Фуше стремился предостеречь свое падение, а Манюэль — послужить Франции.

Господин де Витролле, отважный роялист, вступивший в связь с Фуше, чуть ли не открыто принял меры для того, чтобы слухи об этом происшествии дошли до генерала Солиньяка, депутата. А тот чуть свет бросился к депутатам Дюрбашу и Дюпону, одному из вице-председателей палаты. Все трое поспешили к герцогу Отрантскому. Они застали его не одетым, чем еще более увеличивалось неприятное впечатление, производимое его отталкивающей внешностью. Выслушав упреки этих господ и настойчивые вопросы Дюпона, Фуше начинает свои лживые объяснения. А затем, видя, что никого не убеждает, он осмеливается напомнить о своих революционных званиях, будто бы доказывающих его ненависть к Бурбонам. Звания эти, к несчастью, снискали ему доверие со стороны многих граждан и, между прочим, Манюэля, честная душа которого не могла постигнуть того, что при политических переворотах те, которым есть что искупать, первые бывают доступны подкупу.

Утомленный наконец разглагольствованиями Фуше, Дюрбаш в пылу негодования встает, когда Фуше еще и еще раз повторяет: «Разве вы забыли, кто я?» Дюрбаш отвечает ему:

— Нет, мы этого не забыли, и воспоминания толпой приходят ко мне. В самом деле, кто же такой этот монсиньор герцог Отрантский? Разве это не тот бывший член конгрегации Оратории и не тот председатель народных собраний, который, в то время как возгласы возмущения прерывали речь одного рабочего, требовавшего уничтожения культа высшего существа, воскликнул: «Не перебивайте этого молодого философа»? Разве это не тот Фуше, который вместе с Колло д'Эрбуа купался в крови расстрелянных картечью лионцев? Не Фуше, подавший голос за смерть Людовика Капета; не тот Фуше, речь коего дышала при этом всей силой железной логики, хотя потом он и объяснял ее внушенным ему страхом? Или это не тот Фуше, который поочередно служил и изменял жирондистам, Дантону, монтаньярам и Робеспьеру? Вы совершенно правы, господин герцог, между Фуше и Бурбонами немислимо примирение. Изменив императору, который обогатил вас и дал вам возможность пользоваться вашим богатством, да-

же когда вы впали у него в немилость, вы не посмеете изменить Франции! Вы не посмеете, единомышленник попа Талейрана, сдать Париж принцам, которые никогда не перестанут видеть в вас одного из палачей их брата! Даже если бы они и забыли это на минуту, дочь Людовика XVI на коленях с плачем напомнит им об этом. И чем дороже они заплатят вам за возвращение на трон всякими милостями и высокими должностями, тем страшнее: они вскоре заставят вас искупить их собственную слабость. Берегитесь же, как бы, несмотря на вашу дружбу с Веллингтоном, не пришлось вам потом позавидовать участи Карно, над доблестями которого вы так смеялись. Пусть его изгоняют, он может быть уверен, что повсюду встретит сочувствие великодушных сердец. Но подумайте, господин герцог, когда будет изгнан Фуше, продавший императора, нацию и ее представителей, когда этот Фуше будет вне Франции, то где же он сможет показаться, не напомнив каждому того, что сам Робеспьер называл его кровавым извергом? И разве, увидев его, не вспомнят слов Наполеона: «Вот человек, который всюду запускал свои грязные лапы». Умереть в изгнании и умереть в позоре, герцог, это страшнее мучительной пытки. Предайте нас, и вы испытаете и то и другое.

Фуше, бледный от сдерживаемого гнева, хотел было скорчить презрительную мину, но мог пробормотать только несколько ничего не значащих слов, которые он закончил чем-то вроде сентенции, усвоенной впоследствии его наемными хвалителями и послужившей им для смятения его преступлений:

— Я никогда не изменял ни своим друзьям, ни своим убеждениям.

Как будто подобный человек мог иметь каких-нибудь друзей и какие-нибудь убеждения!

Увидев бесполезность предпринятого ими шага, трое депутатов вышли, охваченные негодованием. Спустя два дня иностранцы овладели Парижем, Людовик XVIII вступил в него, а Фуше стал его министром. Тем не менее предсказание Дюрбаша исполнилось, и память о словах этого депутата, должно быть, преследовала Фуше: даже гроб Фуше был обречен изгнанию.

Это второе появление короля отличалось от первого: оно было гораздо печальнее и для него и для приверженцев. Запершись в своей карете, король, казалось, протестовал против парадирования иностранных войск, которыми на этот раз он был окружен и охраняем со всех сторон. Приехав в Тюильри, чтобы снова получить свою корону, он мог видеть у Королевского моста прусские пушки, наведенные прямо на его дворец; эта угроза не прекращалась целый месяц. Блюхер хотел было показать ему зрелище разрушения Иенского моста. А в самом Лувре друг его Веллингтон, которого он наименовал маршалом Франции, приказал ограбить музей и вывезти картины и статуи, не обращая никакого внимания на трактаты, обеспечивавшие нам владение ими.

Говоря однажды о разграблении этого музея, без сомнения богатейшего в мире, я спросил г-на Англэ, гентского эмигранта, с недавних пор ставшего префектом полиции, отчего тогда не прибегли к помощи жителей предместий, которые с величайшей готовностью бросились бы защищать национальное достояние. «От этого воздержались бы, — ответил он, — ведь музей находится слишком близко от дворца». Вот и верьте после этого всему, что говорят роялисты о любви народа к Бурбонам!

Но кому адресовали иностранные генералы свои оскорбления? Наполеона уже более не преследовали. Кем они были недовольны? Говорят, что Блюхер, Гнейзенау, Бюлов и многие члены тайных немецких обществ, ненавидя Бурбонов, предложили генералу Мэзону свергнуть их, а потом напасть соединенными силами пруссаков и французов на англичан. Блюхер никак не мог простить им того, что они приписывали себе славу победы в битве при Ватерлоо, где англичане потерпели бы поражение, если б не неожиданная помощь прусского корпуса, ускользнувшего от маршала Груши. Как бы то ни было, но справедливо, что пруссаки делали предложения Мэзону, возвратившемуся из Гента очень недовольным теми, ради кого он туда отправился. Трудно сказать с уверенностью, как и о чем шли эти переговоры. Достоверно только то, что прусский король уже не был повелителем своей армии. И только с прибытием Александра,

который заставил немножко подождать себя, прекратились неприязненные действия Блюхера. Но и русский самодержец, казалось, несколько охладел к восстановлению на троне династии, после того как ему стал известен проект союза между Францией, Австрией и Англией, затеянного в 1814 году Талейраном.

Недостаток благоволения со стороны Александра и оскорбительное поведение пруссаков не отбили у Людовика XVIII охоты поцарствовать в другой раз. Он простил всем тем, кому не был в силах отомстить. Легитимисты, которым мало было заботы до наших ужасных бедствий, плясали под его окнами. Они распевали песни, выражавшие их любовь к потомку Генриха IV, и прерывали их время от времени криками ненависти против тех, кто, слыша, как Людовик клялся, что умрет на ступеньках своего трона, не мог удержаться от смеха, узнав о его бегстве в ночь на 20 марта. Эти крики были сигналом длительной и кровавой реакции, почти все мерзости которой Людовик XVIII возложил на своих приверженцев и даже на членов своего дома, — реакции, честь прекращения которой он хотел приписать одному себе и которую прекратил только тогда, когда увидел, что с увеличением числа ее жертв растет и опасность.

У этого человека было лукавое и злое сердце. Один только он из всех Бурбонов, которых мы знали, заслужил подобное обвинение. Карл X, несмотря на некоторые закоренелые предрассудки, политические и религиозные, которые погубили его и могли стать пагубными для нас, оставил по себе во Франции славу человека обходительного и доброго, достойного иметь друзей; да и в самом деле многие были к нему искренне привязаны. Но у брата его были только одни фавориты.

У него не было сердечной привязанности к членам своего дома, и ему приписывали протесты против законности происхождения детей Марии-Антуанетты. Я помню, что в юности моей видел в руках самых горячих роялистов копию с завещания этой несчастной государыни, где она говорила своим детям: «Не доверяйтесь вашим дядям». Этой фразы, — вероятно, все помнят это, — не было в списке завеща-

ния, обнаруженном в 1816 году. И кто знает, каким еще искажениям подвергнут был оригинал, замененный факсимиле после того, как были отобраны бумаги у Куртуа, изгнанного в 1815 году? Человек, выдавший секрет тайника, в котором были спрятаны бумаги, говорят, был щедро вознагражден.

Уверяют, что, хотя Людовик XVIII открыто называл герцогиню Ангулемскую своей Антигоной, между дядей и племянницей не было никакой привязанности. И я часто думал, что именно этот недостаток влияния и мешал герцогине оказывать помощь политическим жертвам, прибегавшим к ее заступничеству. Это было еще одно несчастье, о котором нам придется пожалеть.

Оттенок оппозиционности, который придала мне песня «Король Ивето», написанная перед падением Империи, наводил на мысль, что я готов перейти на сторону легитимистов. И вот мне делают предложения и обещают награды, еще перед прибытием Бурбонов, если я воспою их в своих песнях. «Пусть они дадут нам свободу взамен славы, пусть они сделают Францию счастливою, и я буду воспевать их даром», — ответил я тем, кому было поручено набирать для них приверженцев.

Любой новый сторонник годился им: пусть не думают, что я хвастаюсь. По этому случаю я припоминаю, что несколько лет спустя, когда я шутливо укорял мадемуазель Бургуан в роялизме, который она выказала в 1815 году, эта остроумная актриса отвечала мне тоном, который так хорошо известен всем, кто ее знал:

— Я жила тогда с роялистом, а женщины, подобные мне, всегда бывают одного мнения со своим любовником. Людовик XVIII хотел меня видеть, чтобы поблагодарить за мою преданность и храбрость: ну, это мне и вскружило голову. А на самом деле я вовсе не так виновна. Но какая цена этим Бурбонам, которые так дорожат мнением бестолковой девки вроде меня!

Грубость этих слов только усиливает их меткость.

В январе 1816 года Арно, будучи изгнан, покинул Францию, и мы проводили его до Бурже, который был тогда, так сказать, границей королевства, потому

что остальная часть с той стороны была занята иностранными войсками. Вечером в гостинице, когда мы сидели за столом с молодым офицером, охранявшим эту границу и оплакивавшим несчастья своего отечества, я пропел бедному изгнаннику песнь «Птицы» — это грустное «прощай», сопровождавшееся еще более грустным расставанием. Песенка эта едва не лишила меня той скромной должности, которой я был обязан Арно. Что же касается его собственной должности, то она была отдана г-ну Петито, литератору, сделавшемуся ханжой и легитимистом, что не мешало ему, однако же, выказывать мне свое благоволение и предлагать даже извлечь выгоды из гонений, которым подвергался мой отец; он советовал мне воспользоваться моими прежними сношениями с г-ном де Бурмоном, который, к своему несчастью, достиг высокого положения после битвы при Ватерлоо. Хотя я хорошо знал, что этот генерал предпринял розыски, стараясь узнать, что случилось со мною и с моим отцом, я был далек от желания извлечь выгоды из тех убеждений, которых не разделял. Между тем Петито не переставал принимать во мне участие и защищать против наветов людей, которым я покровительствовал и которых защищал во время возвращения императора. Я начинал все яснее видеть многие мерзости. Но мне суждено было увидеть их в еще большем количестве, и они стали еще значительнее. Альцест приходил в негодование от безделицы.

В конце 1815 года я осмелился издать первый том моих песен. Я уже достиг возраста, когда начинают предчувствовать неудобства литературной карьеры. Одна только нужда в деньгах могла побудить меня решиться войти в прямое соприкосновение с публикой, тем более что я только смутно отдавал себе отчет в пользе моих стихов для того дела, которое предпринял. Том этот был хорошо встречен и не подорвал окончательно моего непрочного положения в университете. «Автору «Короля Ивето» многое можно простить», — сказал, как меня уверяли, Людовик XVIII, который, следуя традиции старого режима, любил песенки и умер, говорят, с книжкой моих песен на своем ночном столике.

По поводу этой книги, изданной в то время, когда я служил, ограничусь замечанием, что в ней содержится множество куплетов, несколько напоминающих цинические вольности нашей старой литературы. Вот почему я и не считаю их заслуживающими строгого приговора. Когда мне растолковали, что наши старые авторы школы Рабле вовсе не заслуживают подражания, даже в песнях, — было уже слишком поздно уничтожать те песенки, которые, как я уже сказал, способствовали распространению моей известности: они принадлежали публике. Выбрасывать их при новых изданиях было бесполезно, издатели не хотели об этом и слышать. Да и сам я пожалел бы некоторые из них. Но стоит ли моему веку быть взыскательным к этим произведениям, сама веселость которых служит им — если не противоядием, то извинением, — ведь в наше время роман и драматические произведения дошли до бесстыдства в изображении самых низменных страстей. А высокая поэзия, разве она свободна от ошибок в этом роде?

Пусть же те, кто готов настаивать на упреках, сделанных мне многими, обратятся к сочинениям Гете: они увидят, что этот великий гений был снисходительнее, чем они, к песенкам моей юности.

И еще одно замечание: песни, взятые с этой стороны под подозрение, написаны во времена Империи. Замечательно, что подобные произведения рождаются обыкновенно в эпоху деспотизма. Ум наш испытывает такую потребность в свободе, что когда он ее лишен, то прорывается через границы, наименее защищаемые, рискуя залететь чересчур далеко в своей независимости. Ловкие правительства попустительствуют этим наклонностям: в Венеции правительство покровительствовало куртизанкам.

Но это не извинения, — я лишь объясняю, как было дело. Само собой разумеется, что я говорю здесь только о песнях, изданных мною, а не о всех тех, которые напечатаны под моим именем в бельгийских и французских контрафакциях.

Есть еще одно обстоятельство, которое должно бы снискать мне отпущение былых грехов. Но я боюсь, чтобы оно не обратилось против меня. Во всяком случае, рискнем указать на него. Предки наши,

даже серьезные люди, развлекались песней, но они мало ценили ее. Придавая ей такое значение, какого она до тех пор не имела, я, вероятно, предоставляю право критикам нашей целомудренной эпохи быть к ней еще строже. Знал ли я, какая судьба ждет мои томики, в которых похоронил я без разбору и веселые вспышки моей юности и политические рефрены моих зрелых лет? «Возвысив этот жанр, вы его испортили», — ответят мне наши Аристархи. Я вижу, господа, что мне нужно было ограничиться одними веселыми куплетами, чтобы не угодить в список запрещенных книг. Да вот беда: я уже не в том возрасте, чтобы брать уроки.

Но в пору, когда мои песни заставили меня играть какую-то личную роль в политике, я почувствовал необходимость отучить мою музу от ее слишком вольных манер.

Появление первого тома сделало меня окончательно песенником оппозиции. Публика уже давно могла удостовериться в искренности и бескорыстности моих убеждений. Во время Ста дней мне предлагали место газетного цензора (в «Общей газете», превратившейся потом во «Французского курьера»), но я отказался от него, несмотря на все уговоры. Место это давало шесть тысяч франков, — а это значило отвергать избыток, когда я испытывал потребность в самом необходимом. Мне пришлось в то время довольствоваться для покрытия всех нужд одним только моим скромным жалованьем, потому что я предоставил академический оклад г-ну Блешану, отцу г-жи Люсьен Бонапарт, впавшему в нужду после изгнания своего зятя. Арно и Реньо де Сен-Жан д'Анжели позаботились в свое время устроить так, что я один только имел право получать эти деньги. И в самом деле, я получал их до 1814 года, когда г-н Люсьен королевским указом был исключен из Академии. Но уже задолго до этого мне показалось более справедливым отдавать всю сумму отцу принцессы, в чем я и получил от него расписки.

Начало моей дружбы с Манюэлем относится к 1815 году. Он был очень сдержан, а я все еще отличался большой застенчивостью. Но это не помешало нам при первой же встрече почувствовать расположе-

ние к взаимной дружбе, которая и установилась между нами спустя недолгое время и разорвать которую могла одна смерть.

Он часто бывал в доме Лафитта и однажды повел туда и меня. Я всегда недолюбливал финансовых дельцов, их раззолоченные салоны и шумное общество. «Там нечего искать дружбы», — говорил я Манюэлю. Но он проводил в их среде большую часть своего времени. Я пошел с ним и остался очень доволен. Политическое положение Лафитта заставляло меня отвергать его горячие и настойчивые предложения. Тем не менее я очень обязан ему за те услуги, которые он оказывал многим из ближайших моих друзей и великому числу бедняков, обращавшихся к нему по моей рекомендации. Я счастлив, что и сам мог быть полезен в важных обстоятельствах этому великому гражданину, честному, умному, доброму и великодушному, живой ум которого, к сожалению, был таков, что не позволял ему разбираться в людях, что и сделало его жертвою многих из тех, кому он щедро благодетельствовал. Но напрасно нагромождали на него всевозможную клевету в годы его столь беспокойной старости. Чутье народа обмануть трудно; Лафитт был поощрительным и благородным примером для тех, кто, подобно ему, захотел бы целиком посвятить себя служению отечеству.

Он сделал ошибку, в которой я не раз упрекал его; это была покупка скучного замка Мезон, самого тоскливого из всех известных мне жилищ; оно казалось мне чуть-чуть сносным только тогда, когда там бывали со мной Манюэль, Тьер и Минье. Оставаясь же в этом замке один, я уходил, с тем чтобы, пройдя лесом, пообедать в ресторане Сен-Жермен. Мне не забыть и того, что в этом царственном жилище, где еще до сих пор показывают комнату, в которой долго жил Вольтер, я не был в состоянии написать ни одного куплета. Я не рожден для замков; может быть, от этого я несправедлив к Мансару, которого, любя мансарды, я должен был бы очень любить.

Очутившись в обществе богачей, я нисколько не стеснялся своей бедности, и мне ничего не стоило сказать: «я беден». Это слово, которое многим так тяжело произнести, едва ли не заменяет богатство;

оно позволяет во всем экономить и привлекает к вам интерес многих женщин, а значит — и салонов, на которые в этом отношении очень клеветали. Но не поступайте так, чтобы бедность ваша стесняла других. Умейте посмеяться над нею кстати, и вам будут сочувствовать, не оскорбляя вашей гордости. То, что я говорю сейчас, я не раз повторял многим молодым людям, которые, прельстившись аристократической роскошью, краснеют оттого, что лишены ее. Если они хотят сохранить в чистоте свою честь и независимость, пусть они выучатся говорить: «я беден».

Эту роль Аристофана, которая мне так нравилась в двадцать лет, — без гения афинского поэта и, кажется, без его язвительности, — я играл не на театре, где она, должно быть, уже невозможна, но во всех слоях французского общества. Довольно было мне дать кому-нибудь или позволить списать мои новые куплеты, как они в скором времени облетали всю Францию, попадая даже за границу, чтобы утешить там наших бедных изгнанников, которые были рассеяны тогда по лицу всей земли. Я, быть может, единственный из писателей нового времени, кто мог бы достигнуть известности, не прибегая к печатному станку.

Чему же я обязан этим преимуществом?

Старинным мелодиям, на которые я, если можно так выразиться, сажал верхом свои идеи, и еще — счастливой мысли не пренебрегать обработкою низшего жанра, не открывавшего дороги к литературным почестям. Из всех современных мне литераторов никто, я уверен, не захотел бы идти по избранной мною дороге. Я взял только то, что другие браковали. Я был уже в том возрасте, когда не ослепляются успехами. Чтобы заслужить те, которые я снискал, я должен был обратить их на пользу тому жанру, которому вскоре принес в жертву все другие мои начинания.

В «Погребке», этой академии песен, существовало правило, что песня должна блистать только остроумием и весельем; но ведь этого очень мало. Так или иначе, но я от рождения поэт и человек стиля. Сначала я не замечал, что все, сколько во мне

было поэтического, может найти применение в этом жанре, гораздо чаще употребляемом на практике, чем изучаемом. Наконец размышление показало мне все выгоды, какие можно извлечь из этого жанра. Песня открывала передо мной тропинку, по которой я мог идти куда мне вздумается. Тут я ускользал от академических требований и получал в свое распоряжение весь словарь родного языка, на четыре пятых, по мнению Лагарпа, запрещенный для нашей поэзии¹.

Я не скрывал от себя и того, что постоянство принципов не исключало во мне большой подвижности впечатлений. А эта подвижность могла оказаться препятствием к доведению до конца всякого пространного произведения, отличающегося известным единством тона. Писатель должен изучать человека на себе самом, но это никак ему не удастся, если он начнет писать слишком рано. С тех пор как я отчетливо понял, какова природа моих способностей и какую литературную независимость сулит мне песня, я принял окончательное решение. Я сочетался браком с этой бедной, но веселой девушкой, собираясь сделать ее достойной приема в салонах нашей аристократии, но не заставляя ее отказываться от старых знакомств, ибо она была дочерью народа, от которого и ждала своего приданого. И я был вознагражден гораздо больше, нежели того заслуживали мои произведения, хотя они и обладали той особенностью, что благодаря им в продолжение лет двадцати поэзия вторгалась в политические дебаты.

Партия легитимистов, всегда с крайним благоволением судившая обо мне как о писателе, обвиняла меня в том, что я более всякого другого писателя содействовал свержению династии, навязанной нам иностранцами. Я принимаю это обвинение, ибо оно — честь для меня, оно — слава для песни. Никто не знает, сколько препятствий мне нужно было преодолеть, прежде нежели я доставил ей эту славу. Сколько раз принужден я был бороться с вождями либеральной партии — людьми, которые хотели меня

¹ Надо помнить, что я размышлял таким образом еще до появления той новой школы, «которая все это переменяла», как говорится в «Лекаре поневоле».

взять под свою опеку, чтобы заставить действовать в духе их робких комбинаций!

Многие из них оставляли меня в самую трудную минуту борьбы: они возвращались ко мне только тогда, когда видели, что толпа продолжала мне рукоплескать. Мне не нужно было Июльской революции, чтобы судить, какова действительная политическая сила великих людей, которых мы сами себе создали. Мы часто вздыхали по этому поводу с Манюэлем; он не раз вынужден был защищать меня от анафем, над которыми я смеялся, когда они касались меня одного, лишая иногда покровительства прессы. Люди бескорыстные, причастные к политическому движению, нуждаются в вере в народ, — вера эта никогда меня не покидала.

Успехи, которыми я был обязан песне, позволили мне оценить, каким счастьем была для меня неудача моих других попыток. Если бы мои ранние опыты заслужили похвалы публики, то весьма вероятно, что я, как и многие молодые люди, стремящиеся к цели выше своих сил, пренебрег бы низшим жанром, благодаря которому мои современники почтили меня своими одобрениями. По моему мнению, одна только польза освещает искусство. Конечно, мне было жаль, что столько проектов и планов оказались мертворожденными. Без сомнения, высокие притязания моей юности способствовали тому, чтобы я не строил себе иллюзий относительно значения моих литературных успехов. Но тем не менее справедливо и то, что, побуждаемый всем своим существом посвятить свои дарования, каковы бы они ни были, служению родине, я исполнил свое смиренное назначение.

Должно, однако, признаться, что лет в сорок странная мысль пришла мне в голову. Трагедия никогда не привлекала меня: это был единственный жанр, еще не испробованный мной. Разговоры мои с Тальма, с которым я всегда встречался с большим удовольствием, навели меня на мысль попытать свои силы в трагедии. Я проповедовал перед ним необходимость изучения греческих трагиков, логически столь же правдивых, а поэтически гораздо более правдивых, чем испанские, английские и немецкие

драматурги, не говоря уже о том, что по непосредственности понимания искусства они превосходят даже Корнеля и Расина. Заметим, однако, что эти последние создали то, что я назову театром резюмирующим, самым трудным из всех, таким, где почти вся поэзия заключается в композиции. Вот этим-то и объясняются слова Расина: «Пьеса моя готова, мне остается только написать стихи».

И в самом деле, в пяти довольно коротких актах они резюмируют, во славу совести и чувства, всю жизнь, всю страсть, весь характер, а также и те вымышленные или действительные происшествя, к которым они приурочивают действие. Это наиболее высокая поэзия, какая только возможна на театре. И странно, что ее никогда не признавали ни в Корнеле, ни в Расине, тогда как никто не отвергал ее в Мольере, который, правда, достиг большего совершенства, нежели оба его современника. Пьеса-хроника, где сцены наивно следуют одна за другою по прихоти какого-либо предания, легендарно-исторического или же романтического, — это детство искусства, и даже весь гений Шекспира не помешает мне вывести подобное заключение. Шиллер там же искал свой образец, но, с драматургической точки зрения, я сомневаюсь, чтобы это много способствовало его славе. Итак, вдумчиво отнесясь к критике, обращенной против тусклых подражателей наших великих мастеров, я принялся составлять планы и менее чем в год набросал их несколько. Я старался связать в них не бурлескное с героическим — соединение варварское, которое и сам Шекспир нынче отверг бы, — но простое и обыкновенное с героическим. Именно обыденно простого и недостает нашим великим трагикам, притом Корнелю меньше, чем Расину, и это потому, что они писали, почти всегда имея в виду аристократию и двор. Единства времени и места отталкивали меня всегда менее, чем однообразие тона.

Вот я и хотел испытать, нельзя ли освободиться от этого однообразия в пользу естественности и ради усиления драматических эффектов. «Граф Юлиан», «Смерть Александра Великого», эпизод из «Гражданских войн» в Италии, «Карл VI», «Спартак», за-

думанные по этой системе и без малейшего сходства с пьесами, когда-либо сочиненными на эти сюжеты, убедили меня в том, что и в этом высоком жанре можно проложить новые пути. Опираясь на авторитет Корнеля, вводившего в свои пьесы и Никомеда, и Прузия, и даже Феликса (каковы бы ни были на этот счет приговоры педантической Академии и подчас нелепые замечания Вольтера), я написал несколько сцен стихами, для того чтобы убедить себя в благих свойствах придуманного мною приема. Но вскоре я оставил эти опыты, как оставлял много других, что не помешало им быть для меня полезной и интересной школой. И кто знает? Может быть, от этого кое в чем выиграла и песня.

На том пути, по которому я шел, мне были необходимы советы. И я получал их более даже, чем спрашивал, и вот почему: многие, отправляясь советовать, ждут не свободно высказанных мнений, а похвал; я же старался, когда меня просили петь, запомнить малейшие слова, малейшие жесты моих слушателей, чтобы знать, какие места требовали изменений, поправок или даже полной переделки. Я избирал себе, кроме того, несколько цензоров, и всегда из числа друзей помоложе меня, рассчитывая, что именно от них мне будет всего больше проку. Во времена моих дебютов Анри де Латуш сделал очень много справедливых замечаний, принесших мне большую пользу. И я все вновь и вновь обращался к этому истинному поэту, великому мастеру на пастиши. Я часто называл его создателем Андре Шенье, добрая половина сочинений которого принадлежала перу Латуша. Ведь я сам слышал от Мари-Жозефа сожаления, что брат его так мало оставил в бумагах своих такого, что можно было бы напечатать. Странно, что стихи, помещенные в конце тома и прерванные будто бы приходом тюремщика, не открыли глаза хладнокровным судьям. Все, однако, теперь знают, что эти стихи принадлежат Латушу.

Достигнув старости, я прибегал к советам человека, которого видел совсем ребенком, а именно — Мериме. Будучи одним из наиболее выдающихся умов нашего времени, он соединяет с этим умом об-

ширкое, основательное образование и суровую любовь к языку. Он заставил меня провести не одну бессонную ночь за исправлением неудачных стихов. Вот доказательства дружбы, каких нельзя ждать от любого из своих друзей. Есть люди, которые находят прекрасным все, что бы ни сделали те, кого они любят. Таков немножко и Лебрен, человек весьма благожелательный; и потому я всегда не слишком-то доверял его похвалам, хотя они и трогали меня, вызывая искреннюю признательность.

Теперь мне остается сказать о моих изданиях.

Меня предупредили в канцелярии народного просвещения, что если я напечатаю новые тома, то это будет равносильно моей отставке. Г-н Петито в учливой форме высказал мне это, предупреждая, что меня выставят вон при выходе в свет моего второго тома, и одновременно предлагая мне своего рода премию за послушание.

Тем не менее я напечатал порядочное число моих песен в «Минерве», газете, имевшей огромный круг читателей. Владельцы ее, мои друзья, хотели уделить мне часть своих доходов. Я отказался, находя смешным заставлять друзей своих оплачивать куплеты, сочинять которые доставляло мне столько удовольствия. Но я не рассуждал так по поводу песен, собранных в томе, потому что публика вольна была покупать их или нет.

Мне понадобилось много времени, чтобы составить второй том, так как я сочинял не более пятнадцати — шестнадцати песен в год. Иные из них я писал в несколько часов, но большую часть — медленно и заботливо. И не каждый год был столь изобилен песнями. Я писал их, только уступая капризу; иногда проходило восемь или десять месяцев, не давших мне ни одного стиха, даже когда я работал с наибольшим усердием. Теперь, когда дерево старо, плодов на нем все меньше и меньше. А что я буду делать, когда их вовсе не станет? Без сомнения, я умру.

Несмотря на слабый голос и музыкальное невежество, я пел тогда довольно часто. Будучи вынужден искать опоры в борьбе, которую я вел, я должен был часто бывать в обществе. Я приносил с собой

свойственное мне увлечение и ту веселость, которая придает остроумию такую ценность, какую оно не всегда может позаимствовать у разума. Таким образом, я никогда не заставлял себя долго просить спеть какое-нибудь из моих неизданных произведений, находился ли я в обществе моих друзей по оппозиции, или среди приверженцев правительства. Господа Барант, Гизо, Симеон-отец, Мунье и многие другие могут сказать, что они слышали, как я за столом, рядом с префектом полиции господином Англе, пел им новинки: «Добрый бог», «Миссионеры» и т. д. и т. д. Однажды этот префект получил сообщение о том, что я пропел у г-на Берара (который был и его другом и моим) несколько своих анархических, как тогда выражались, песен. Префект немало смеялся над этим: он сам был на обеде. Из этого видно, что песня еще пользовалась тогда некоторыми привилегиями и что в те времена префекты полиции выказывали себя порой умными людьми.

Наконец в 1821 году я смог напечатать два тома как моих старых, так и новых песен. Я сказал уже, что это значило потерять скромную должность, позволявшую мне, не слишком обременяя себя трудом, жить среди друзей; несмотря на несколько язвительную откровенность, я, к счастью, всегда умел снискать привязанность тех, с кем жил. Но уж лучше было самому пожертвовать своим местом, чем дожидаться, пока его отымут у меня, — что могло случиться всякий день, — и только после этого опубликовывать свои мятежные песни. Издание их показалось бы тогда мезью, а это вовсе не шло к моему характеру. К тому же либеральная партия была в то время в ужасном расстройстве: ее иллюзии рассеялись, и главари оппозиции, казалось, были охвачены паникой. Таким образом, момент был выбран превосходно: появление моих томов, ожидаемых уже давно, и процесс, предчувствуемый всеми и долженствовавший, как я выразился тогда, позолотить их обрез, — все это могло бы хоть немножко оживить общественное мнение, которое иногда безделица прибьет и безделица подымет. Многие либералы, из очень богатых, которые за полгода до того толкали меня на эту демонстрацию, пожелали теперь сорвать

ее. Так как я издавал по подписке, то иные из них, подписавшиеся на огромное число экземпляров и побуждавшие меня печатать более десяти тысяч, объявляли мне в последнюю минуту, что я должен прекратить печатание или же вычеркнуть их имена из списка подписчиков. Но ничто меня не останавливало — напротив, я еще более убедился в необходимости этого выстрела передового часового, чтобы разбудить либеральный лагерь, столь странно управляемый теми, кто имел честь называться его самыми энергичными вождями. Манюэль разделял мое мнение, и благодаря моему другу Берару и нескольким другим верным друзьям мои два тома in-12 были напечатаны, хотя и не без некоторых затруднений, у Фирмена Дидо и появились в октябре, в числе 10 500 экземпляров¹.

Издание состоялось на мой счет. Таким образом, я вынужден был возглавлять продажу; в этом деле очень полезен оказался мой старый друг Бежо. Я мог видеть, как час от часу продажа увеличивалась с быстротой, превосходившей все ожидания. Издержки печатания вынудили меня сделать долг в пятнадцать тысяч франков, а я ведь уже не смел рассчитывать на подписчиков. Какова же была моя радость, когда я увидел себя обладателем этой огромной и страшной суммы в пятнадцать тысяч, которую я никак не надеялся выручить за мои маленькие книжки.

В сравнении с этими пятнадцатью тысячами, суммы, поступившие сверх них, произвели на меня уже слабое впечатление. Однако я обязан им возможностью существовать без должности, потому что с тех пор моих скромных доходов почти всегда было достаточно не только для меня самого, но и для тех, с кем мне было столь приятно делить их. Правда, это маленькое состояние не всегда спасало меня от денежных затруднений, но у меня были, — я люб-

---

¹ Должен тут сказать, что Себастиани и Казимир Перье были из числа тех, кто не отказал мне в поддержке при таких обстоятельствах. Хотя я и не был тесно связан с последним, он всегда превосходно вел себя по отношению ко мне. И если бы я выступал как политик, я мог бы сказать немало хорошего о его министерстве, которому до сих пор не воздали, как мне кажется, должной справедливости.

лю повторять это, — превосходные друзья, которые, заботясь обо мне беспрестанно, не допускали меня впадать в тягостную нищету, куда меня не раз заводила щедрость. Богатство уже в том, когда у тебя мало потребностей и много друзей: я очень хорошо знаю это по личному опыту.

Судебные преследования, которым я подвергался, наделали в свое время так много шума, что достаточно, если я бегло коснусь их. Прокурор Маршанжи (литератор, пользовавшийся некоторой известностью, — ему предстояло еще сделать себе карьеру в Парижском суде, и он сделал ее ценою четырех голов сержантов Ларошели) в обвинительной речи развернул свой большой талант и проявил стремление наказать меня как можно более жестоко. Это стремление приводило его не раз к нелепостям. Цитируя «Доброго бога», он воскликнул: «Разве так Платон говорил о божестве?» Этот возглас был тем более неуместен, что «добрый бог» моей песенки был идолом старых богомолков, а никак не олицетворял высший разум, перед которым я всегда благоговел, что могли бы доказать многие страницы инкриминируемых мне сочинений.

Подробности этого знаменитого в свое время судебного заседания сохранены печатью. Толпа была такой многочисленной и плотной, что судьи принуждены были влезать через окошко, а подсудимый рисковал не дойти до подножия судилища, хотя он беспрестанно повторял толпе, как тот мошенник, которого вели на виселицу: «Господа, без меня не смогут начать!»

Сохранилась прекрасная защитительная речь Дюпена, из которой видно, какой признательностью обязан я моему прославленному адвокату, — он никогда не проявлял красноречия более колкого, выразительного и исполненного остроумия. Должен заметить только, что в интересах своего клиента мой защитник слишком преуменьшил значение песни. Авторское тщеславие и любовь к песенному жанру привели меня к заключению, что обвинение гораздо больше содействовало моим целям, приписывая произведениям моим ту литературную важность, которую Дюпен всячески старался скрыть. В таких за-

труднительных случаях гордость поэта может дойти до героизма: «Лучше пусть меня повесят враги, чем утопят друзья», — говорил я. Как бы то ни было; моему адвокату удалось избавить меня от угрозы длительного тюремного заключения. Впрочем, лишь много позже у песенника признали качества поэта, и — странное дело! — англичане, кажется, первые дали мне этот титул в «Эдинбургском обозрении».

Судья, имя которого, быть может, не без удивления встретят здесь, оказал мне большую помощь в этом первом процессе, стоившем мне трех месяцев тюрьмы и пятисот франков штрафа; это г-н Коттю, ярый сторонник аристократических взглядов, а кроме того, честнейший, лучший и бескорыстнейший из всех роялистов. Он сделал так, что за «Старое знамя» меня не подвергли наказанию, ибо это был случай, не предусмотренный законом. Но вскоре новый закон о печати заткнул лазейку, благодаря которой самое большое из моих преступлений ускользнуло из когтей Маршанжи; заметьте, я не говорю: от судей, — потому что они были ко мне благосклонны; г-н Лариё, председатель, в своем резюме, наполненном лестными для меня похвалами, даже выразил досаду, что строгость обстановки трибунала не позволяет пропеть преследуемых сочинений, которым могло бы послужить извинением то, что ведь это песни. Но если они и не пелись, то во время совещания присяжных списано было множество копий куплетов, сочиненных мною в честь предстоящего осуждения, — их списывали даже на столах секретаря суда и прокурора.

Я превесело провел трехмесячное заключение в Сент-Пелажи, в камере, которую перед моим водворением только что покинул, после двухмесячного пребывания, другой крамольник, Поль Луи Курье; Реставрация преследовала его не так настойчиво, но конец его был ужасен и достоин сожаления. Среди моих товарищей по заключению было много славных людей, приговоренных по политическим мотивам, в их числе мой друг Кошуа-Лемер, человек неоспоримых заслуг, но слишком скромный, выстрадавший так много в тюрьме и ссылке и так слабо вознагражденный Июльской революцией.

Я был бы человеком неблагодарным, если бы забыл сказать, что, помимо множества любопытствующих посетителей и людей, всегда готовых следовать примеру толпы, мне довелось принимать немало и таких, которые проявляли ко мне самый живой интерес, и притом совершенно патриотический. Этих свидетелей участия и того шума, который наделало мое осуждение, было вполне достаточно, чтобы показать мне, а может быть, и главарям оппозиции, ту меру влияния, какую могли оказывать мои песни.

Я знал людей, которых страшила тюрьма; меня же она вовсе не испугала. В Сент-Пелажи у меня была теплая, сухая меблированная комната, — тогда как на свободе я жил в каморке, без всякой мебели, страдая от мороза и оттепелей, без печки и камина; всю мою жизнь, до сорока с лишним лет, вода зимою была у меня затянута льдом, и я должен был закутываться в старое одеяло, если во время долгих ночей мне приходила охота нацарапать несколько строк. Разумеется, в Сент-Пелажи мне было гораздо лучше, и я не раз повторял: «Тюрьма избалует меня». Тем же, кто удивлялся скудости моей городской квартиры, зная, что я получаю две тысячи франков жалованья, я отвечал моей излюбленной аксиомой: «Если ты не эгоист, будь бережлив».

Во время моего заключения прокурорский надзор затеял против меня новое дело, возбужденное прокурором г-ном Белларом. Неблагодарный! Во время Ста дней я ходатайствовал перед г-ном Реньо де Сен-Жан д'Анжели, чтобы он разузнал, нет ли у императора враждебных намерений по отношению к г-ну Беллару, одному из самых ревностных подстрекателей его низвержения в 1814 году. Реньо быстро навел справки и поручил мне сказать друзьям и родственникам г-на Беллара, что тот может оставаться в Париже, ничего не опасаясь. Правда, он не воспользовался этим позволением, но он не мог не знать, что я для него сделал.

В новом процессе преобладал вопрос чисто юридический. Дело шло о сделанной Дюпенем, под моим именем и к моей пользе, публикации документов первого судопроизводства. Случай был новый, и люди, наиболее осведомленные, одобрили эту публика-

цию: она давала мне отныне возможность дополнять каждое новое издание моего изувеченного судом сборника обвинительными речами, где находились и все осужденные песни и куплеты. Прокурорский надзор почувствовал всю важность этого обстоятельства; и вот, приведенный на суд из тюрьмы, я снова сажусь на скамью подсудимых вместе с содержанием типографии Бодуэном, имея снова обвинителем Маршанжи и адвокатом Дюпена. Никогда клиент, защищаемый даром, не доставлял больших затруднений своему защитнику. Должен сказать, что Дюпен согласился защищать мое дело только на том условии, чтобы не было и помину о вознаграждении, — поступок благородный, который Барт повторил на моем последнем процессе.

Можно ли считать рецидивом обнародование документов судопроизводства, оглашенных во время заседания суда? Таков был вопрос, вся несостоятельность которого становилась ясна, стоило только сказать, что заседание суда было публичное и любой присутствующий из публики имел право записывать сколько ему угодно весь ход судопроизводства и инкриминируемые произведения, как это и делает всегда «Судебная газета». Но наши Бридуазоны из прокурорского надзора не так понимали это дело, и Маршанжи не покраснел, поддерживая и на этот раз обвинение, выдвинутое против меня. Какова любовь к повышению по службе! Он был, однако, за это наказан, потому что талант изменил ему, и присяжные, правда только большинством одного голоса, позволили восторжествовать могущественной логике и энергичным аргументам Дюпена, которого в этом деле поддерживал Бервилль — адвокат типографщика. Достойный зять доброго Андриё, моего почтенного друга, произнес в своей речи такую похвалу мне, которая никогда не изгладится из моей памяти.

Если бы присяжные, у которых вскоре отняли дела печати, уступили настояниям Маршанжи, то я был бы осужден на двухлетнее заключение. И это случилось бы всего за два дня до моего освобождения из Сент-Пелажи. Оправдательный приговор обрадовал меня, особенно тем, что он означал поражение

закона, направленного против печати, так как с тех пор публикация документов всех подобных процессов могла бесконечно увеличивать количество произведений, враждебных нашим противникам. Я и сам получил доказательство этого в 1828 году, во время моего последнего процесса: в самый день оглашения приговора в исправительной полиции все новые песни, подвергшиеся осуждению, были опубликованы в вечерних газетах, которые вовсе не были либеральными. Карл X был крайне удивлен и еще более того раздосадован, видя, что его собственные газеты содействуют такой популярности моих песен, какой не снискали им мои 10 500 экземпляров. Один из этих листков выступил с объяснением, что так как приговор суда 1822 года сделал перепечатание инкриминируемых песен неизбежным, то правительственные газеты всего только несколькими часами предупредили органы оппозиции. Роялистский листок не прибавил, однако, что денежные выгоды побудили его опередить их.

Сосчитано, что в результате этой перепечатки осужденных песен в парижских газетах, в провинциальных изданиях и за границей получило распространение за какие-нибудь две недели несколько миллионов экземпляров песен, и как раз тех, которые хотели убить запрещением. Это был прекрасный урок для всех, кто хлопочет о стеснении свободы печати, — и все же при подобных обстоятельствах автор должен избегать тщеславия; но если дыхание, которое раздувало и уносило его хрупкий воздушный шар, и не есть дыхание славы, — все-таки это дыхание благородных и патриотических убеждений, и автор может гордиться этим.

В 1825 году я отдал третий том книгоиздателю Ладвока́. Во главе правительства стоял тогда Виллель, и я рассчитывал, что у этого государственного мужа достанет ума и такта, чтобы не возбудить против меня нового процесса. Но поверят ли мне? Одновременно это связывало меня и заставляло быть менее враждебным. Полиция донимала типографшику и издателя, чтобы те добились от меня некоторых сокращений. В их интересах я уступил в том, что мне казалось маловажным, но, несмотря на долгие и

многочисленные настояния, воспротивился изъятию обращенного к Манюэлю куплета, которым заканчиваются «Галльские рабы». Что же сделал книготорговец Ладвока? Он напечатал тысячи четыре-пять экземпляров без этого куплета-посылки и без некоторых других мест, которые полиция, не доводя об этом до моего сведения, велела убрать, а остальную часть тиража оставил в таком виде, как требовал я. Узнав об этой проделке в тот самый день, когда Ладвока в честь выхода в свет этой книги давал большой обед, я отказался явиться на него, несмотря на все просьбы бедного издателя; но мне следовало бы простить ему то, что он сильнее, чем я, страшился тюремного заключения, которое могло разорить его торговый дом. Он не избегнул процесса за выпуск экземпляров, не согласных с представленными образцами. Однако дело это велось без шума, а меня самого не потребовали к ответу, что доказывает, как верно оценил я главу совета министров ¹.

С 1825 по 1828 год, постоянно имея дело с политическими обществами и с их самыми знаменитыми вождями, я много раз мог выказать свою независимость и откровенность. Я видел, что нация была гораздо более развита, чем эти вожди, и что она опережала своих корифеев, которые считали себя ее высшим выражением, как обычно смотрит на себя и всякое политическое представительное собрание, хотя в действительности так бывает редко; это справедливо столько же и для настоящего времени, сколько было справедливо и тогда. Многие из этих господ благодарили меня за помощь, оказанную мною. «Не благодарите меня за песни, которые я сложил против ваших противников, — отвечал я, — а благодарите за те, которые я не сложил против вас». И знает бог, сколько между этими песнями было бы хороших и как часто я обдумывал их! За них,

---

¹ По поводу этого процесса некий типограф утверждал, что я не сдержал слова, данного издателю, а газета «Журналь де Деба» принялась поддерживать это совершенно неправильное заявление. Я мог бы привлечь к судебной ответственности и лжесвидетеля и журналиста. Но я никогда не любил шума и, рассчитывая всегда на здравый смысл публики, не прибегнул к такому способу уточнения истины.

я полагаю, правительство легко простило бы мне все остальные.

Зная, таким образом, настоящую цену большей части наших трибунов, я жил и общался с ними только из чувства долга. Иначе я относился к молодежи, толпившейся вокруг меня. Я обязан ей многими прекрасными надеждами, и не все они были обмануты. Я видел, как вокруг меня рождались и вырастали прекрасные и благородные таланты, самоотверженные люди, устоявшие против всех разочарований. Я видел, как возникали и развивались философские и социальные идеи, которые со временем, очистившись от неизбежных ошибок, послужат к улучшению этого бедного мира, воображаемая цивилизация которого пока еще не больше как варварство.

Если молодые люди всегда стремились ко мне, то потому, что я умел их понять, ободрить, а иногда и наставить. Но я, не стесняясь, скажу, что сам больше научился у них, чем они у меня. Надежда, что нас похоронят люди, которые станут лучше, чем могли быть мы, — сладкое удовлетворение для всякого друга человечества. Эту уверенность я сохраняю до настоящей минуты, и если время от времени многое колеблет ее, то сколько же возникает и такого, что укрепляет ее, когда она готова рассеяться!

Если бы у меня была возможность возвратиться в свой уголок петь и мечтать, я сделал бы это по смерти Манюэля, которого потерял 20 августа 1827 года. Жестокая болезнь, отравлявшая последние десять лет его жизни, прекратила его дни на пятьдесят третьем году. Писали, что неблагодарность народа сократила жизнь его, но это вовсе не так. Манюэль был не из тех людей, которые видят народ только в посетителях салонов и в избирательном корпусе, состоявшем из ста пятидесяти тысяч человек, правоспособность которых измеряется их кошельком. Притом он знал, что не одна избирательная коллегия переизбрала бы его в 1824 году, если б не постыдные интриги многих из его старых соратников; одни из них завидовали его превосходству, другие опасались порывов его патриотизма, которые всегда уводили их далее, чем они хотели идти. Он

знал об этих низких проделках, но — слишком гордый для того, чтобы помешать им, показав, что их замечаешь, — он не удивился, когда его имя не было вынута из избирательной урны. Если это и причинило ему страдания, то лишь как измена нашему делу и убеждениям. Но он как будто даже радовался за себя, потому что его оппозиция в палате слишком уж изолировала бы его, лишив возможности принести пользу родине. Его вытолкали бы снова, и он не нашел бы в депутатах левой достаточной поддержки, что противная сторона не преминула бы счесть своим успехом. Есть драмы, которые нам, французам, нельзя играть дважды: в любом деле наш жар остывает слишком скоро. Наиболее влиятельные из коллег Манюэля позаботились о том, чтобы он не подвергся вторичному изгнанию из палаты, которого он вовсе не страшился. Так, некоторые из тех, кто взялся руководить выборами, написали в Вандею, что он, без сомнения, будет переизбран в Париже, а парижским избирателям показали написанные по их заказу письма оттуда, в которых спрашивалась для Вандеи честь его вторичного избрания, якобы безусловно обеспеченного.

Манюэль презирал подобные низости. Он как будто даже предвидел то забвение, в котором избирательный корпус оставлял его в продолжение четырех лет, и не переставал давать мудрые советы тем, кто, предавая его, предали национальные интересы. А лежа на смертном одре, он часто повторял мне с горечью: «Вы верите в близость революции, я тоже верю. Но, друг мой, где же люди, которые смогут достойно управлять Францией?» Должно заметить, что Манюэль был слишком скромн, чтобы считать себя по способностям выше тех людей, от которых он так мало ожидал. Это было одним из его заблуждений.

Безвременная кончина Манюэля заставила наконец вспомнить о его заслугах и добродетелях. Тьер и Минье, присутствовавшие вместе со мною при его последних минутах, напечатали, несмотря на придирки цензуры, статьи, в которых эти преданные друзья призывали Францию скорбеть на могиле их красноречивого друга. За похоронной процессией,

вышедшей из замка Мезон, где он провел последние дни своей жизни, следовали г-н Лафитт, генерал Лафайет и множество других депутатов. Более всего почтило его память стечение бесчисленной толпы народа, сосредоточившейся на внешних бульварах, по которым нам предстояло пройти,— шествие по Парижу было нам запрещено приказом свыше. Здесь видна разница, которую правительство делало между Манюэлем и генералом Фуа, похоронный поезд которого не встретил ни малейшего препятствия внутри Парижа даже и тогда, когда молодежь впряглась в катафалк. Но вот народ захотел оказать такую же честь отвергнутому трибуну,— и тотчас примчался целый корпус жандармов, готовых изрубить нас, если бы их порыв не был сразу же укрощен. Народ упорствовал. Для предотвращения резни пришлось вести долгие переговоры. В обстановке грубости солдат и энергичных протестов толпы г-н Лафитт выказал хладнокровие и твердость, по которым можно было предвидеть его поведение в июльские дни 1830 года. Чтобы нас пропустили, пришлось снова запрячь лошадей в похоронную колесницу: требование очень скромное при наличии такого количества войск. Правда, сила народа увеличивалась во время спора и по крайней мере полтораста тысяч присутствовали при церемонии.

Мы прибыли к могиле. Обилие речей продлило мою муку: ведь для того, кто, оплакивая человека, близкого его сердцу, забывает о соображениях политических,— величайшее мучение вид шумных похорон, натянутое красноречие, глаза, устремленные без слез на останки твоего друга, с которым следовало бы расстаться, глубоко сосредоточившись в себе.

Говорили о том, что надо воздвигнуть надгробный памятник, и здесь еще более сказалась разница между Манюэлем и генералом Фуа. Все те, которых мы потом называли «золотой серединой» (это слово могло бы быть изобретено и ранее), а в особенности финансисты, поспешили начать подписку на мавзолей генералу и на учреждение капитала, могущего обеспечить будущность его детей. Но почти все эти туго набитые кошельки не захотели открыться для

Манюэля, и подписка дала едва девять или десять тысяч.

Многие из богатых друзей его и не подумали принять в ней участие, точно так же как и при жизни Манюэля не подумали доставить ему, под каким-нибудь благовидным предлогом, средств к сносному существованию¹. Он оставил после себя только то, что накопил в бытность адвокатом-защитником в Эксе и адвокатом-консультантом в Париже. Последняя должность приносила ему, впрочем, очень мало,— с тех пор как его выбрали депутатом, он не брал никакой платы за свои консультации, полагая, что депутат не может быть платным адвокатом, иначе легко заподозрить его депутатскую честность: иногда ведь депутатам предоставляется случай вносить законы и голосовать за такие из них, которые могут оказаться в какой-нибудь связи с интересами его клиентов.

В завещании своем он назначил мне пожизненный доход в тысячу франков. Но он не подумал о всех тех семейных обязанностях, которые передавал своему брату — человеку, вполне достойному этой части наследства. Я отказался от нее, несмотря на все настояния брата Манюэля, и попросил только дать мне часы моего бедного друга и его волосяной матрац на котором сплю и поныне. Но Манюэль-младший, несмотря на все мои отказы, всегда находил случай выполнить волю завещателя и даже намного увеличивал назначенную сумму. А так как его собственное положение улучшилось, то и я перестал противиться разными уловками действиям этого превосходного друга, привязанность которого ко мне равна той, которую я сохранил к памяти его знаменитого брата.

Если смерть Манюэля и не прервала моих сношений с предводителями либеральной партии,— некоторые из них стали моими личными друзьями, как, например, Дюпон (де л'Ер) и Лафитт,— то все же

---

¹ Я прочитал в неблагожелательной и полной ошибок заметке «Биография Мишо», что Манюэль любил игру. Надо очень дурно относиться к человеку, чтобы позволить себе такую грубую ложь. Манюэль любил только те игры, которые требуют физической ловкости,— его большой страстью была охота.

она вызвала во мне огромную потребность стать ближе к молодежи, благородные и широкие идеи которой гораздо более согласовывались с моими взглядами и чувствами. Я очень хорошо увидел это в 1828 году, при появлении моего четвертого тома. Министерство Мартиньяка заключило нечто вроде перемирия и даже договора со многими членами левой и центра, и потому мне старались помешать выпустить в свет этот том, появление которого, как мне говорили, могло нарушить кажущееся доброе согласие этих господ.

Но чем настойчивее проповедовали мне молчание, тем острее чувствовал я необходимость прервать его, по-своему протестуя против «слияния» (модное выражение того времени), которое сбивало с толку общественное мнение и могло послужить укреплению принципов легитимизма. К тому времени я пользовался уже таким весом, что мог рассчитывать на некоторый успех моей новой попытки. Томик мой вызвал большой скандал, в особенности в рядах высшей оппозиции, многие предводители которой, метившие попасть в скором времени в министры, проклинали меня издали, не переставая, однако, при встрече протягивать мне руку. Если я и не сочинял песенок на этих якобы великих политиков, то у меня все же было остроумие, жала которого они боялись. В том ремесле, которым я занимался, надо быть вооруженным всеми видами оружия, а у меня не было недостатка ни в эпиграммах, ни в колких словах. Это — один из недостатков моей юности, от которого я так и не смог исправиться. Моя веселая общительность обеспечивала успех моих шуток, и эти шуточки, в известном кругу, может быть не менее самих песен помогали народному делу.

Уверенный в том, что меня привлекут к судебной ответственности за этот четвертый том, вызвавший у моих друзей такие гримасы, я поспешил сделать визит превосходному Дюпону (де л'Ёр) и Лафитту, а затем, чтобы надышаться вольным воздухом, решил было провести несколько дней на берегу моря. В Гавре я узнал, что против меня уже начались преследования. Тотчас же, оставив Дюпона, который очень боялся, что это новое дело будет иметь для меня не-

приятные последствия, я возвратился в Париж, где добрые люди уже думали, что я бежал за границу. Дюпон написал мне, что готов защищать меня. Но я счел своею обязанностью дать ему понять, что он, сделавшись депутатом, лишился той свободы, которая нужна для защиты такого крамольника, как я, не согласного ни на какие уступки. На этот раз дело мое взялся защищать Барт и проявил такую горячность и преданность, что я готов был бы позабыть ошибки, какие он наделал впоследствии, сколько я ни старался предостеречь его от них, — это был один из лучших людей, каких я когда-либо знавал и любил. Позволено ли мне быть строгим к нему и ко многим другим — мне, направившему их к высшим должностям, — на этот опасный путь, где непременно должен заблудиться всякий человек со слабым или же легкомысленным характером? Да и кто из нас не ошибался? Если и найдется такой, кто будет уверять, будто он не падал никогда, — поверьте, что и он падал, но только когда никто не смотрел на него.

Г-н Лафитт, как преданный друг, боялся, что здоровье мое пострадает от долгого заключения, обратился было к министрам с целью уладить мое дело. Но я упросил его прекратить подобные ходатайства; моим долгом было вынести и этот процесс.

— Смотрите, — сказал он мне, — если вы умрете в тюрьме, у вас будет могила не как у Фуа, но как у Манюэля.

— Мне вполне подойдет и еще более скромная, — ответил я ему. — Ведь у меня никогда не было хорошей квартиры.

Я не мог хорошенько понять, каким образом предполагали уладить мое дело; конечно, все это было вздором. Вот какое объяснение дал мне Лафитт, немного разбиравшийся в этом: в исправительном суде, в ведении которого находились тогда дела о печати, обещали, если я буду сговорчив, наложить на меня самое ничтожное наказание без всяких прений сторон. Таким путем власти избегли бы судебных дебатов, гласности и вдобавок оградили бы себя от опубликования печатью осужденных песен — немаловажная выгода для наших противников. Разумеется, я отверг это предложение, и притом в такой форме,

что на этом уже больше не настаивали, предоставив мне любоваться перспективой долгих лет тюрьмы, — предсказание, которое, к счастью, не сбылось.

По сравнению с впечатлением, которое произвел этот мой процесс на общество, что значили для меня девять месяцев, проведенных в тюрьме, и десять тысяч франков штрафа? Несмотря на пример, поданный гг. Лафиттом, Бераром, Себастьяни и множеством других, сопровождавших меня в трибунал, многие из моих великих друзей-политиков сочли, что гораздо благоразумнее будет еще раз покинуть меня. Но вскоре, обманувшись в своих расчетах, они посетили меня в Ла Форс — тюрьме, которую я выбрал. Назначение Полиньяка министром убедило их наконец, что им нечего ожидать от Бурбонов, а об этом я никогда не переставал им петь и говорить.

Я без труда получил бы разрешение провести эти девять месяцев в больнице, но мне и в голову не приходило просить об этом. Между тем поводов к этому было немало: в первые четыре месяца моего заключения мне очень нездоровилось. Но если ведешь войну с правительством, смешно жаловаться на удары, которые оно тебе наносит, и неловко предоставлять ему случай проявлять свое великодушие, смягчая их силу.

Может быть, я думаю так и оттого, что, как говорил уже, тюремная жизнь, в особо отведенном уголке, — эта жизнь, по-монастырски размеренная и с длинными вечерами, была не лишена для меня некоторой прелести. Она вовсе не годится для молодежи. Но ведь мне было более сорока лет, когда я испытал ее. В этом возрасте я не раз мог задать себе вопрос: не родился ли я для монастыря? Но нет — там недостает свободы духа, а мне без нее не обойтись.

Самая ошутительная неприятность тюрем, — иногда она просто невыносима, — это зрелище или непоправимых несчастий, навлеченных неблагоразумием, или испорченных натур, какие нередко встречаются в тюрьмах. Но кто бы поверил, однако, что не там, не в тюрьме, найдет мизантроп больше всего аргументов против бедного рода человеческого? Зато философ встретит там ужасные доказательства против законов, управляющих нами, хотя эти законы и менее

несовершенны, чем те, которые тяготели над нашими отцами.

Во время моего заключения я испытывал живейшее беспокойство. Мои молодые друзья хотели открыть подписку, чтобы заплатить штраф, который вместе с судебными издержками и налогами достигал одиннадцати тысяч пятисот франков. Я предвидел, что она будет иметь мало успеха. Подписки уже утомили всех; к тому же трудовые слои не спешили подписываться, полагая, что друзья мои, банкиры, поторопятся покрыть этот политический долг. Но банкиры, чрезвычайно щедрые на словах, очень любят, чтобы на деле все обходилось им как можно дешевле; я хорошо знал это и устроил дело так, что избавил этих господ от складчины в мою пользу. Хотелось бы мне обойтись и без нашей публики, потому что и у нее природа немножко банкирская: она тоже любит стеснять права тех, для кого открывает свой кошелек. Но этого я не посмел бы тогда сказать. Подписка благодаря стараниям молодых людей удалась. Недоставало совсем немногого, но помог г-н Берар, — иначе мне пришлось бы доложить из своих денег.

После Июльской революции комитет помощи жертвам Реставрации предложил мне ренту в шестьсот франков из сумм, отпущенных с этой целью правительством. Я отказался: были жертвы, которые гораздо больше моего нуждались в помощи. Рабочий, отец семейства, которого сажают в тюрьму, более достоин сожаления, чем литератор, который даже и за решеткой, — если только он там один, — может еще работать для своей славы и для своего состояния.

Понятно, что я говорю здесь об условиях заключения во Франции, а не об условиях содержания политических преступников в Австрии, России, у папы, у турок и прочих варваров.

В Ла Форс ко мне пришел познакомиться Виктор Гюго и вскоре привел с собою Сент-Бёва. Пришел и Александр Дюма, весь сияющий от своих первых успехов на театре. Их визиты были мне вознаграждением за все битвы, данные мною во имя литературной революции, на которую решились они и их друзья и которая была лишь несколько запоздалым

следствием революции политической и социальной. Ретроградные тенденции некоторых идей этой школы, издавна отвергаемые нашими либералами, старыми и молодыми, не мешали мне рукоплескать высокому лирическому гению Виктора Гюго и восхищаться «Размышлениями» Ламартина, с которым я сошелся, впрочем, гораздо позднее. Я радовался тому, что г-н де Виньи сочетает в своих сюжетах и вкус и искусство, обладая талантом, не обычным между нами. Я понял обширность и изящество ума Сент-Бёва и вместе со всеми пророчил Дюма большие успехи в драматургии.

Напрасно возражали мне, что школа эта часто грешила против той демократической мысли, которая расчистила перед нею путь, что из среды ее раздавались оскорбления нашей славе, что там надругались над Наполеоном, умиравшим на острове Св. Елены, и не признавали заслуг, оказанных философией,— все эти грехи были для меня еще чувствительнее, чем для кого-либо другого. «Но,— отвечал я,— мы, начиная писать с юных лет, открываем свое поприще всегда идеями чужими, и у нас не хватает времени дать себе отчет, в каком соотношении находятся эти идеи с нашими собственными чувствами (этим, между прочим, и объясняется изменчивость стольких выдающихся умов); а так как все наши романтики еще очень молоды, то простим им ошибки, в которых мы можем требовать отчета разве только у их кормилиц. Но они по крайней мере заставляют литературу нашу выражать более откровенно все новое, современное, чисто французское, что мы так долго передавали, даже в наших политических собраниях, при помощи заимствований у древности или на языке, совершенно враждебном простому и точному слову, языку, образец которого представляет нам Делиль. Дайте срок! Напрасно привязываются они к прошедшему,— они еще придут к нам. Язык, на котором они говорят, приведет их к нашим идеям». Мне не хотели верить, а тем не менее мое предсказание сбылось. Язык, язык! Это душа народов. В нем читаются их судьбы. Когда же наконец в наших школах будут понастоящему преподавать ученикам французский язык? Когда же там будут читать систематический

курс истории языка, с Франциска I до наших дней, и не для того, чтобы толковать наших писателей, но чтобы с помощью этих писателей, отголосков их века, объяснить нам развитие языка, шедшее порой ощупью, его уклонения от пути, периоды застоя и движения вперед?

Если уж речь зашла о языке, то я хочу сказать, почему в этом отношении поэма «Жослен», не говоря уже о других ее красотах, кажется мне таким чудным творением. В «Падении ангела», без сомнения, виден большой талант. Но я не видал нигде, чтобы стих, который мы называем «расиновским», передавал так глубоко, как в «Жослене», все подробности интимной жизни и почти на всех ее ступенях. Никогда этот стих не проявлял столько гибкости при самых трудных описаниях и рассказах и не был таким непринужденным и правдивым, сохраняя все свое изящество и гармонию. Это был величайший прогресс в нашей поэзии: с тех пор она все может высказывать и все живописать.

Я знаю, что в «Жослене» есть небрежности и длинноты, но поэма изобилует таким множеством красок, что из-за них можно простить несколько пятен, которые притом так легко вывести. Если бы подобная поэма пришла к нам из-за Рейна или с той стороны Ламанша, у нас во все голоса кричали бы, что это — чудо.

Пора, однако, вернуться в тюрьму еще на несколько часов.

Полиция боялась, чтобы выход мой из Ла Форс не подал повода к каким-нибудь шумным манифестациям около самой тюрьмы. А так как и я боялся этого не меньше полиции, то я позаботился обмануть друзей моих насчет дня моего освобождения. Смотритель разбудил меня чуть свет, чтобы «вытолкать за дверь», как он говорил смеясь. Очутившись на свободе после девятимесячного заключения, я прогулялся по бульварам с такою же беззаботностью, словно только что вышел из дому, и это может дать представление о том, как легко я мог менять мое положение и как мало у меня было претензии возбуждать чью-нибудь жалость.

Однако я приближался к старости.

Последнее судебное дело бросило на мою жизнь новый отблеск славы. А так как династия своими ошибками ежедневно разочаровывала самых преданных и самых способных из своих приверженцев, то в той же мере всякий день возрастало число людей, которые свидетельствовали мне свое расположение. Я всегда мечтал о знакомстве с Шатобрианом. Какова же была моя радость, когда я узнал, что по возвращении своем из римского посольства он тоже изъявил желание познакомиться со мною! Поэт, который застал песню на столь низкой ступени в иерархии жанров, мог, по справедливости, гордиться тем, что он привлек к ней внимание автора «Мучеников» и «Гения христианства». Это самая высокая литературная награда, какой только я мог достигнуть. В сочинениях, которые Шатобриан издавал с того дня, когда я впервые пожал ему руку, он засвидетельствовал перед публикой свое благоволение ко мне. Но он умолчал вот о чем: узнавши года два тому назад, что я испытываю некоторые денежные затруднения и потому должен отказывать себе в том, что я давно привык считать для себя необходимым,— он поспешил открыть мне свой кошелек, и это в то время, когда сам вынужден был продать свой дом на улице Анфер. Мне очень хотелось принять его предложение,— не для того, чтобы воспользоваться им, а просто чтобы быть друг другу обязанными. Но я не сделал этого, так как живу за шестьдесят лье от Парижа, а пересылать деньги стоит дорого; дорогие же удовольствия, без сомнения, ему теперь непозволительны, так же как и мне, которому, впрочем, они никогда и не были дозволены.

На подаренном мне экземпляре своих «Исторических этюдов» автор «Рене» написал автору «Старушки» следующий куплет:

Скажите новоявленным героям:
Я, как и вы, о Франции рыдал.
В те дни, когда слетелись беды роем,
Надежду я и славу воспевал.
Скажите им, что бури злой дыханье
Похитило всю жатву у меня...
Пусть обо мне живет воспоминанье
Хоть в песнях ваших, спетых у огня.

К этому документу моей славы, который я бережно храню, было бы заманчиво прибавить несколько писем моего знаменитого и превосходного друга Ламенна, — ему, как и мне, так хотелось, чтобы мы доживали свою старость вместе! В письмах его тоже найдется доказательство того, что часто люди самых противоположных партий, но с горячим сердцем могут заключить союз под знаменами отчизны и человечества. Вот могущественное основание для того, чтобы в борьбе взглядов никогда не доходить ни до ненависти, ни до оскорбления против отдельных лиц, как только мы признаем их честными и добросовестными противниками. Если человек, без сомнения остроумный, но с недобрим сердцем, сказал: «Будем вести себя с друзьями так, словно они должны однажды сделаться нашими врагами», то человек добросердечный изменил это ужасное правило: «Будем вести себя с врагами так, словно они должны сделаться однажды нашими друзьями», и это я любил повторять себе. Что же до слова «враг», то я употребляю его только потому, что оно встретилось в этой фразе, — сам же я не называю так никого. Напротив, я мог бы называть друзьями слишком многих, будь у меня привычка расточать это звание без разбора и награждать им всякого, кто его добивался.

Обо мне говорили даже, что я отвергал почти все приглашения, сыпавшиеся на меня со всех сторон. Между прочим, вельможи из среды старинного дворянства, поддерживавшие либеральную партию, никогда не могли привлечь меня к себе. И я даже сказал однажды почтенному г-ну Ларошфуко-Лианкуру, который был так милостив, что упрекнул меня в этом: «Господин герцог, поверьте мне, что не смешная демократическая прихоть мешает мне уступить вашим настояниям. Я ценю ту честь, которую вы мне оказываете. Но ведь я пользуюсь совсем не тем словарем, к какому прибегают в ваших салонах. И до тех пор, покуда я не перелистаю последний, я буду там либо глуп, либо нем». В самом деле, у меня была привычка подчиняться маиерам и тону тех, к кому я шел, — но если переодевание стоило мне дорого, я больше туда не возвращался. Я мог бы также сказать герцогу, что всегда стесняюсь с людьми,

которых знаю только по имени. У меня к ним нечто вроде предубеждения, пока я не разгадаю их, а до тех пор они лишают меня внутренней свободы. Г-н де Ларошфуко так хорошо понял меня, что, собираясь обратиться ко мне в 1818 году с просьбой сочинить песню для праздника в Лианкуре по случаю отбытия неприятельских войск, просил принять его у меня или встретиться с ним в кафе. Разумеется, я тотчас же явился к нему. Еще до того я думал написать что-нибудь на этот сюжет и обещал, если песня напишется, подарить ему ее для патриотического праздника. И как только «Священный союз народов» был окончен, я отослал его герцогу, за что и получил большую благодарность. А так как он был одним из администраторов богоугодных заведений, то я разрешился и таким злым двустишием:

Я песню герцогу осмелился послать:
В его больнице мне теперь дадут кровати!

Да, нечего пренебрегать койкою в больнице!

Наши либералы из числа старых дворян, несмотря на добровольный отказ от титулов и даже от дворянской приставки «де», почти все продолжали оставаться немножко герцогами, маркизами и графами; я знаю даже одного из них, который превозносил до небес аграрный закон; но проповедовать куда дешевле, чем наделять милостыней, и он затеял не один процесс со своими соседями за сохранение своих помещичьих прав, уже давно отживших.

Многие вельможи императорской фабрикации — бедные луны, померкшие, когда закатилось их солнце, — все еще сохраняли свою смешную спесь и при малейшем благоволении двора становились дерзкими и заносчивыми, хотя это и не помешало некоторым из них обращаться со мною очень вежливо после июльских дней. Во время Реставрации они не смели и говорить со мною, боясь скомпрометировать себя. Но когда Карл X пал, я стал кое-что значить, а эти господа начали везде искать помощи и совета, как бы снова вернуть себе свое закатившееся величие. Многие из них старались втереться в дома Сен-Жерменского предместья, чтобы его старое дворянство утвердило их новые титулы. Измена этих новоиспеченных

дворян своему плебейскому происхождению вынуждала меня быть к ним гораздо строже, нежели к тем, кто обязан был своими предрассудками крови и воспитанию. Я думаю, что так судил и весь народ. Проезжая Компьен, откуда только что выехал император и его двор, — это было, я думаю, в 1808 году, — я встретил по дороге старую крестьянку. Вне себя от радости, она подбегает ко мне и кричит:

— Ах, сударь, наконец-то я его увидела!

— Кого же? — спросил я, притворяясь, что не понимаю ее.

— Императора! Императора! — отвечает она. — Он поклонился мне. Он кланяется всем. Не так как эти господа, что с ним. Сейчас видно, что они всего-навсего выскочки.

Бедная женщина не видала выскочки в том, кого слава вознесла так высоко. Так и народ. Исключая нескольких прославленных военных имен, он мало уважал придворных этого блестящего двора, где, однако, были люди высоких дарований и многие представители славных старинных дворянских родов.

Лафайет, человек исполненный ко всем равного благоволения, был, по крайней мере по виду, совершенно свободен от притязаний своей касты. Если в нем и узнавали давнего аристократа, то, может быть, именно потому, что он слишком уж старался заставить всех забыть об этом. Несмотря на все изъявления дружбы, которые он не переставал мне навязывать, я ни разу не посетил его в замке Лагранж, тогда как все искали чести быть там принятыми; и это, не глядя на его неоднократные приглашения, не глядя ни на какие настояния Манюэля, которому очень хотелось ввести меня туда, — и я подозреваю, что в глубине души генерал был немножко раздосадован. А затем — почему же мне не признаться в этом? — я сомневался в его политических способностях и упрекал его в том, что в последние минуты Империи он не последовал благородному примеру Карно. Я знал, что во время Ста дней мудрые патриоты и, между прочим, Дюпон (де л'Ёр) были бы вправе сделать ему тяжелые упреки. Все это способствовало, быть может, моему отказу ехать в Лагранж. А затем я чувствовал, что в моем положении слишком

сблизиться — означало бы стать приверженцем, а это вовсе не шло к духу независимости, которым я был проникнут. Разумеется, меня ругали за это. Я и сам ругал себя, но, несмотря на все только что сказанное, быть может, никто более меня не признавал чистоты намерений Лафайета и его огромных услуг, оказанных им делу свободы. Но я повиновался своему инстинкту.

Я всегда слишком верил в народ, чтобы одобрять тайные общества: они представляют собой своего рода нескончаемый заговор, без всякой пользы компрометируют множество людей, создают целую толпу маленьких, соперничающих друг с другом честолюбцев и подчиняют принципы эгоистическим страстям. Они плодят недоверчивость, ведущую к раздорам и даже изменам, и в конце концов, привлекая к себе представителей рабочих классов, развращают их, вместо того чтобы просветить. Я мог бы привести доказательства всему тому, о чем говорю здесь. Мне хорошо известно, что сделали эти общества, или известно по крайней мере настолько, чтобы сказать утвердительно, что эти общества годятся только для народов, угнетаемых чужеземцами. Если не считать некоторой пользы, которой Лафайет мог ожидать от подобной политической среды, то этот великий гражданин думал, вероятно, так же, как и я. Он не только отверг предложение стать карбонарием, но старался отвлечь многих из моих друзей — и, между прочим, Манюэля — от намерений войти в это общество. Революция 1830 года доказала, что в стране, где люди, независимо от существующей формы правления, обеспечили себе некоторую сумму свобод, нет надобности ни в тайных обществах, ни в заговорах, чтобы народ заявил, когда нужно, свою волю. Общество «Помогай себе сам, тебе и небо поможет», действовавшее открыто, одно только и оказало услуги нашему делу.

Что бы там ни говорили и ни писали легитимисты, никакой заговор, никакое тайное общество не подготовило того благородного восстания, которое ниспровергло старшую линию Бурбонов. Я даже видел людей, чрезвычайно удивленных тем, что победа была одержана без них. И мне можно верить: по своему

тогдашнему положению я был хорошо осведомлен обо всем, а по теперешнему положению могу говорить всю правду. В то время правительство Карла X одно только и было в заговоре против самого себя. Но это, однако же, вовсе не значит, чтобы в продолжение многих лет некоторые честолюбцы не составляли всевозможных проектов и не выработывали плана своего поведения. Так, в 1824 или в 1825 году герцог Орлеанский говорил одному из моих друзей: «Будь что будет, а я не уеду из Франции, разве только меня выгонят». О многом позволяют догадываться эти слова, а спустя несколько времени после того, как они были произнесены, г-н де Талейран уверял этого же друга, будто сношения с английскими тори убедили его в том, что в Англии не проявят недоброжелательства к революции во Франции, если дело ограничится только переменой личностей. Быть может, это заставило бы призадуматься тех, кто стремился к этой революции, если б Карл X сам не сделал своего падения неизбежным.

Это дает мне повод поговорить о Талейране и о тех немногих случаях, когда я мог сравнить этого человека с его славою. Он изъявлял несколько раз желание где-нибудь встретиться со мною. «Почему же вы не пригласите его отобедать?» — сказал ему один из моих друзей, который понимал, в чем тут дело. «Я слишком вельможа для того, чтобы получить отказ», — отвечал Талейран улыбаясь. Он попросил Лафитта пригласить его обедать вместе со мною. Это было в начале 1827 года. Я мог наконец вдоволь насмотреться на эту любопытную личность. И потому я сразу впился в него глазами и насторожил слух. Он знал, что за несколько лет до этой встречи некто, принадлежавший к составу правительства, неофициально просил меня написать против него, Талейрана, песню, но я отвечал: «Подожду, когда он станет министром». Без сомнения, он не очень опасался этого и нисколько не был смущен тем, что знал о моем предубеждении против него; моя скромная особа была для него только предметом простого любопытства. Он был со мною очень любезен и тотчас же заговорил о политике. Именно в тот раз, подыскивая ответ на суждения, не совсем благоприятные для герцога

Орлеанского, теперешнего короля, он произнес знаменитую фразу: «Это не кто-то, а что-то». После многих встреч я мог наконец убедиться, что если о Талейране было сказано много острых слов, то еще больше сказал он о других. Остроумие у него было драгоценной оправой большого и здорового ума, проявлявшего себя в острой и афористической форме. Если бы кто и не знал ни его лет, ни различных ролей, разыгранных им, то все это можно было бы угадать по тому опыту, который сквозил в его словах, облагороженных безукоризненным тоном человека, принадлежащего к высшему обществу, пережившего несколько революций и не пугавшегося дурного тона других.

Нужно сказать, что занимаемое им положение давало ему громадное преимущество в салонах. Он не торопился отвечать на вопросы, он принимал на себя роль оракула, и его спрашивали, как оракула, приписывая значительность даже его молчанию, за которым скрывалась подчас либо скука, либо лень — его любимый порок. Вообще в нем не было ничего возвышенного, ничего глубокого, ничего великодушно-го; эгоист в высшей степени, он признавал свою личную пользу единственным двигателем даже в делах политических, а этого достаточно, чтобы отказать ему в славе великого государственного мужа, славе, которую он снискал у тех, кого ослепил своими старыми титулами и княжеским великолепием¹.

Я ничего не скажу более об этой исторической личности. Те, кто будет писать о нашей эпохе, надеюсь, сведут к надлежащим размерам воображаемые способности Талейрана и навеки заклеят этого

---

¹ На венском конгрессе он сначала играл роль, оскорбительную для его самолюбия, и уже хотел было выйти из игры. Но г-н де ла Бенадьер, которого еще теперь так ценят в министерстве иностранных дел, внушил ему мысль запросить нотой, какова будет позиция Австрии по отношению к мирному трактату, если Россия добьется от Германии уступки своим домогательствам. Тайный совет, мнение коего запросили, ответил, что в этом случае австрийскому императору понадобится еще армия в четыреста тысяч человек, чего испугались и император и другие государи. С этого времени г-н Талейран снова стал влиятельным лицом на конгрессе, но он остерегся обратить это влияние на пользу Франции в такой мере, как мог бы это сделать. Мне рассказывал об этом сам Бенадьер, и это была не единственная услуга, оказанная им ленивейшему из всех людей.

бывшего епископа, аристократа, предавшего Францию и Наполеона, благодеяния которого дали ему такое высокое положение, и оплатившего ему за них в 1814 году катастрофическим парижским трактатом, подписанным к великому изумлению самих иностранцев.

Мне уже больше нечего сказать в назидание тем, которые следят за моим поприщем, покинутым мною в пятьдесят три года.

Находясь постоянно в тесных сношениях с главными руководителями либеральной партии, я, так же как они, и даже более, чем многие из них, способствовал событиям Июльской революции 1830 года. После победы принципа народного над принципом легитимистским я счел свою роль оконченной, а миссию свою исполненной. Мне казалось, что нации нужен период покоя, чтобы должным образом оценить содеянное. А что касается людей, которых власть опьянила или по крайней мере вскружила им голову, то я увидал с первых же дней, что мне нечего делать подле них. Я удалился и ждал их в уединении, где и в самом деле некоторые вскоре навестили меня.

Многие из друзей моих желали, чтобы я добивался чести принадлежать к составу правительства. Оставя уже в стороне препятствия ценза, который не отвечал моему состоянию, я считал, что подобные претензии вовсе не шли к человеку, рано понявшему всю слабость своего характера и всю поверхностность своего образования. Власть — это инструмент, которым владеть чрезвычайно трудно, который надо сначала хорошо изучить, прежде чем употребить в дело. А я уже был в возрасте, когда каждый день только и убеждаешься, как мало ты знаешь.

Если мне случалось в некоторых обстоятельствах выказывать больше проницательности и сметливости, чем проявляли люди гораздо просвещеннее меня, то я обязан этим только моему особому положению. Я действовал мало, был совершенно лишен всякого личного интереса, и у меня не было никакой честолюбивой задней мысли. Вот почему я иногда мог видеть отчетливее и дальше, чем видели люди, которые были бесконечно выше меня по уму, но которыми управляли желания или страсти, не имевшие надо

мною силы. Ведь и благородные страсти, например стремление к популярности, могут затемнить самый здоровый рассудок. Не следует обманываться: мое преимущество над другими заключалось, что я был ничем и что я почти ничего не совершил. Но только глупец может кичиться таким счастьем.

Мои молодые друзья-республиканцы, не менее других ошибаясь в моих способностях и думая найти во мне надежного воплотителя их убеждений, тоже уговаривали меня протянуть руку к какому-нибудь портфелю.

— Какое же министерство, по-вашему, должны мне дать?

— Народного просвещения.

— Пожалуй! Но только я попаду туда, как тотчас же велю ввести книгу моих песен в качестве пособия для женских пансионеров.

При этих словах мои молодые друзья сами же расхохотались над своей безрассудной идеей.

Новое правительство делало мне предложения самые почетные. Но я отвергал их, будучи не из тех, кого прельщают синекуры. Работа по обязанности не подходила мне, а имея средства от продажи моих маленьких томиков, я краснел бы, черпая богатство из того сундука, который истомленная нация ежегодно наполняет с таким трудом. Я считаю честью для себя, что никогда не был в тягость моим согражданам. И доказательством того, что это происходило не из пуританизма (эта лжедобродетель так мало идет ко мне!), служит то, что, как уже сказано выше, я никогда не колебался, даже и после 1830 года, прибегать к кошельку тех из моих богатых друзей, которые не были политическими деятелями.

Я хочу рассказать здесь об одной из самых лестных наград моему патриотизму. В пятницу великой недели революции какая-то дама, с которой я не был знаком и которую в глаза никогда не видел, пробираясь сквозь толпу, наполнявшую салоны Лафитта, подошла ко мне и подала огромное трехцветное знамя. «Сударь, — сказала она, — я шила всю ночь это знамя. Вам, вам одному хочу я вручить его, чтобы вы приказали водрузить его на колонне». Растроганный до слез, я поблагодарил эту даму, но все же настаи-

вал на том, чтобы эта честь была предоставлена присутствующим депутатам. «Нет, нет, — ответила она, — вам, только вам». И она исчезла.

Это знамя было тотчас же водружено на площади Вандомской колонны молодыми людьми, свидетелями этой сцены.

У меня, кто получал и теперь еще получает столько свидетельств любви народной, нет воспоминания, которое так часто просыпалось бы во мне, как об этой даме и ее знамени. Я так желал бы, чтобы она пережила меня и могла когда-нибудь прочесть эти слова признательности, которую я сохранил к ней!

Чтобы не попасть как-либо в неловкое положение, да и потому еще, что я не любил мозолить глаза без нужды, я счел своим долгом не представляться новому королю, который между тем не раз выражал желание меня видеть и даже благодарить меня, — слово, за которое отвечают два моих друга, Лафитт и Тьер. Я возразил шутя, что слишком стар для того, чтобы заводить новые знакомства. Мой отказ приписывали моим убеждениям — и ошибались. Я никогда не видал герцога Орлеанского, но знал, что это человек умный и рассудительный. Сделавшись королем, он не мог не знать, что хотя я и способствовал тем решениям, которые были приняты на его счет после победы народа, — я не переставал от этого быть человеком, вскормленным идеями республиканскими; патриот прежде всего, я считал тогда необходимым, в силу обстоятельств, ничем не преодолимых, поступить против своих убеждений ради общественного блага. Это было результатом пятнадцати лет размышлений. Никогда не приставая ни к одной партии, потому что я не был человеком партии, а человеком свободных убеждений, я был совершенно свободен и в этом случае. Итак, республиканизм мой не мешал бы мне представиться государю, который на возражение, сделанное ему Лафиттом, отвечал, без сомнения, улыбаясь: «Я тоже республиканец». Я боялся того, чтобы при моем представлении ему он не стал бы предлагать мне каких-нибудь почетных должностей или пенсий. Короли, как бы они новы ни были, не любят, чтобы им противоречили в глаза. Отказ прийти к нему означал бы просто мою дикость,

но отказ от его милостей мог бы показаться дерзким высокомерием. Притом же у меня вовсе не было желания выставять напоказ то, что хотели называть моим бескорыстием.

Да и, наконец, к чему могли послужить один или несколько разговоров между двумя индивидуумами, положение которых было столь различно и которые уже достигли того возраста, когда идеи приобретают тем большую стойкость, чем больше могут гордиться своей давностью? Король и песенник не поняли бы друг друга, как бы один ни старался казаться милостивее и как бы другой ни считал своим долгом быть вежливее. Сделаться мне советником короны? Но если мои друзья, ставшие министрами, уже более не слушали моих почтительнейших представлений, — то неужели королю придет охота считаться с ними? Он бы расхохотался, и это был бы один из его самых веселых дней.

А поразмыслив, я и сам посмеялся бы над той глупой ролью, которую попробовал бы играть и которую приняли на себя столько простофиль, с успехом, известным нам всем.

Те, кто хотел ввести меня в королевский дворец, говорили мне:

— Там принимают без церемоний. Туда отправляются в сапогах.

— Ладно! Ладно! — отвечал я. — Сегодня в сапогах, а завтра в шелковых чулках.

Все это, однако, дорого стоило моему любопытству; какое зрелище для наблюдателя должен представлять собой этот новый двор!

Точно так же держался я вдалеке и от литературных почестей, — и, между прочим, для того, как я часто повторял, чтобы не причинить вреда свободе того жанра, которому я стольким обязан и значение которого, — да простят мне это! — я, быть может, преувеличиваю. Что хорошего будет в том, если песня получит академический титул? Не станут ли поэты-песенники слугами власти, чтобы попасть в институт, сделавшийся ступенью к палате пэров? Народу может еще пригодиться песня-сатира, и я несколько не прочь иметь преемников.

Мне предстоял прекрасный случай вступить в Академию в последний год царствования Карла X, когда г-н де Шатобриан, по своему крайнему ко мне благоволению (мы были знакомы еще очень мало), предложил мне выставить свою кандидатуру на соискание первого же вакантного кресла. Стань я академиком в то время, это могло бы иметь значение политически полезное, что и доказывается теми упреками, которые Шатобриан навлек на себя этим поступком со стороны одной газеты. Однако я не уступил упорным настояниям великого человека, который предлагал даже быть моим крестным отцом, если можно так выразиться.

С Июльской же революции я видел бы в моем принятии в Академию, если бы только она удостоила избрать меня в число своих членов, обязанность присутствовать на всех публичных церемониях, носить там шитую золотом одежду, произносить, со шпагою на боку, в присутствии многочисленных слушателей, напыщенные речи и слишком часто бороться с происками вроде тех, какие так опечалили Констанана на его смертном одре или же тех, в результате которых был трижды отвергнут наш великий поэт Гюго.

— Но, — повторяли мне сами академики, — кто заставил бы вас подчиняться всему этому скучному распорядку? Поступайте, как мы: ведь мы в Академию ни ногой.

Вот чего, право, я никогда не мог понять.

Как, господа, пренебрегать обязанностями, налагаемыми на вас той почетной должностью, которой вы так домогались! Нет, это было бы для меня еще тяжелее, чем исполнение самих обязанностей, к которым мой характер, быть может, приучил бы меня.

Как скоро мои убеждения позволяли, я всегда старался согласовать свое положение с моим характером и вкусами — правило, которое соблюдается реже, чем принято думать. Но чем больше я старился, тем ощутительнее становилась потребность в полной независимости, что должно было неминуемо развить во мне боязнь всякого рода обществ. Я не могу размышлять иначе как в одиночестве, и мне теперь лучше всего живется, когда я наедине со своими

мыслями, — если только подле меня нет старых друзей.

Несмотря на непостижимую популярность моего имени, несмотря на одобрение стольких выдающихся людей и похвалы, расточаемые мне даже в театре, я не скрываю от себя некоторых неудобств от того, что я не академик. Я теряю теперь то особенное уважение, которым так или иначе пользуются члены Академии, и тело мое будет лишено тех торжественных почестей, которые она определила своим умершим членам, -- почестей, над которыми притворно смеется тот, кто им завидует, и на которые публика смотрит далеко не равнодушно. Да и как знать, — мое поведение, перетолкованное в дурную сторону, не настроит ли Академию против моей памяти, как бы мало ни пережила меня эта память? Я слишком чистосердечно любил литературу, чтобы не бояться этого. И опасение это я не колеблюсь высказать, ибо оно послужит прямым ответом тем, кто обвинял меня в том, что я не добиваюсь академического кресла из желания отличить себя от других какой-нибудь особенностью. В настоящее время, когда уважают только особенности, которые приносят выгоду, я просчитался бы. Скажу наконец, что если я и не всегда признавал пользу Французской академии, то впрямь я намерен более чем кто-либо другой воздавать должное этому детищу Ришелье. Доказательством тому служат упреки, которые я не перестаю делать ее членам (а в числе последних я считал и еще теперь считаю много друзей!), упреки, что они не употребляли на благо языка власть свою во время той страшной литературной анархии, когда язык нуждается в широком и разумном покровительстве, чтобы устоять против варваризмов суда, журналистики и политической трибуны. Дело ведь доходило до того, что у нас вошли в честь областные наречия! Академики не должны бы забывать об этом. Так же как и государство, язык нуждается в единстве, и вот почему этот великий министр, деятельность которого имела столь высокое национальное значение, основал Французскую академию.

Что же касается меня, кого язык занимал постоянно и горячо, несмотря на мою неученость, или лучше

сказать, благодаря ей, то я предпочел бы присоединению Бельгии и рейнских провинций к Франции — большой и прекрасный словарь, составленный Академией при помощи всех разделов Института, пересматриваемый каждые десять лет, раздаваемый даром всем административным органам, большим и малым, и занимающий место подле наших кодексов, с которыми он, по моему мнению, сравнялся бы тогда в пользу¹.

Мне остается прибавить еще очень немного к этой и без того слишком длинной заметке.

После начала революции в Польше, я, будучи членом польского комитета, напечатал маленькую брошюру, в которой было четыре песни и посвящение Лафайету. Тираж, отпечатанный добрым Перротеном на свой счет, был отдан комитету, в распоряжение которого поступил и весь доход от ее продажи.

До 1833 года у меня не было возможности издать свой последний том, но, издав его в названном году, я обещал публике не занимать ее более собою. Я знал, что сдержу слово, если только не произойдет больших изменений к худшему. И с тех пор я делал все, чтобы погрузиться в забвение и приобрести полную свободу, потому что известность — это тоже зависимость, притом зависимость иногда очень тяжелая, — чему, вероятно, не поверят молодые люди. Хо-

---

¹ Разумеется, я тут говорю не о том словаре, который, как уверяют, должен содержать историю слов, — его эти господа никогда не смогут кончить. Я имею в виду словарь, которым пользовалась бы вся нация и иностранцы, говорящие на нашем языке или изучающие его.

Понятно также, что издержки этой сложной работы должны быть приняты на счет государства и что под началом комиссии, составленной из членов, избранных различными разделами Института, должно быть большое количество молодых людей для выполнения предварительных работ. Французская академия была бы секретарем в коллективной работе. Корректурные гранки каждого листа словаря вывешивались бы в учреждениях народного образования, как, например, во всякого рода факультетах; коллежах и т. д. И комиссия обязана была бы рассматривать все замечания, адресованные по поводу содержания гранок.

Так как у нас уже вообще ничего не делают из чистого самоотвержения, нужно, чтобы правительство не щадило средств на этот общенациональный труд, который оно должно бесплатно распределять всюду, где это будет признано необходимым.

рошо еще, если эта известность всегда вызывалась славой!

Сердечно привязанный к людям различных партий, вступивших в борьбу между собою по водворении новой династии, опечаленный ошибками, которые те и другие, казалось, старались делать наперебой друг перед другом, утомившись проповедовать перемирие, в котором столь нуждалась Франция, я удалился, чтобы не видеть этого грустного зрелища. Я искал убежища в Пасси, Фонтенебло, Туре, — и в этом последнем городе пишу этот труд, который, быть может, буду заканчивать где-либо в другом месте.

Я сомневался в самом себе всю свою жизнь, и мне было бы грустно умереть с сомнением в других. К счастью, я довольно хорошо изучил, куда идет современная история мира, и могу отсюда вывести заключение довольно утешительное, несмотря на зловещие предзнаменования, внушаемые личными разочарованиями. Торжество равенства готовится в Европе, и слава моей дорогой родины будет в том, что она первая, ценою величайших жертв, провозгласила необходимость правительства демократии, организованного на основе законов, которые составляют для всех насущную необходимость. Итак, я могу благодарить бога за надежды, ниспосланные мне им, — надежды на успех того дела, которому я служил и которому будут посвящены мои последние желания и мои последние песни.

Тур, январь 1840 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕСНИ

Стр. 15. *Король Ивето*. В основе песни — легенда о добродушном средневековом короле, якобы правившем в одном из местечек Нормандии.

Стр. 28. *Да будет так! Альгвасил* (альгвасил) — полицейский в Испании.

Стр. 37—38. *Будущий век. Эпикур* (342—270 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, материалист и атеист. *Сократ* (ок. 469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. *Овидий*, *Публий Назон* (43 г. до н. э.—ок. 18 г. н. э.) — древнеримский поэт. *Вергилий* (70—19 гг. до н. э.) — древнеримский поэт.

Стр. 40—41. *Гастрономы. Мамона* — бог богатства и жизни у древних сирийцев.

Стр. 41. *Может быть, последняя моя песня*. Песня написана в январе 1814 года, когда войска антинаполеоновской коалиции приближались к Парижу.

Стр. 45—46. *Истый француз*. Об обстоятельствах встречи Беранже с адъютантами Александра I данных не сохранилось. Песня написана в мае 1814 г. — то есть после отречения Наполеона (6 апреля) и приезда в Париж Людовика XVIII (3 мая). Не будучи ни боиапартистом, ни роялистом, поэт желал в этой пес-

не призвать своих соотечественников к чувству национальной гордости. В песне отразилось временное примирительное отношение Беранже к Реставрации, отвечавшее настроениям народных масс, уставших от бесконечных наполеоновских войн. *Французов новых вид* — то есть возвратившихся эмигрантов. *Франциск* — король Франциск I. *Добрый наш король* — Людовик XVIII. *Захотел вернуть домой*. — Речь идет о военнопленных французах, находившихся в России. *У лилей найдя приют, лавры снова оживут* — иллюзорная надежда поэта на то, что военные лавры Империи смогут сочетаться с лилиями Реставрации, эмблемой королевского дома Бурбонов. *Помнят нашего вождя* — намек на французского короля Карла V (1337—1380), отвоевавшего у англичан почти все захваченные ими области Франции. *Знает, кто поддержит трон*. — Беранже имеет в виду ряд наполеоновских маршалов, изъявивших готовность перейти на службу к Людовику XVIII.

Стр. 46—48. Пир на весь мир. Курочкин не перевел четвертую строфу песни (перед строфой «Золото так веско»); печатаем эту четвертую строфу в переводе Ю. Александрова. Полный текст песни в переводе Ю. Александрова см. в книге: П.-Ж. Беранже. Сто песен. М., 1966, с. 33. *Киприда* — одно из имен богини любви Афродиты.

Стр. 50—51. Челобитная породистых собак о разрешении им свободного входа в Тюильрийский сад. Первая сатира Беранже на роялистское дворянство. *Тиран* — Наполеон I. *Милости двора* — то есть милости короля Людовика XVIII. *Сен-Жерменское предместье* — один из округов Парижа, населенный в то время дворянской знатью. *У них валяемся в ногах* — у интервентов. *Джон Буль* — ироническое прозвище англичан.

Стр. 52. Боксеры, или Англomanия. Песня высмеивает преклонение верхов Реставрации перед Англией.

Стр. 59. Наш священник. Примечание Беранже: «Эта песня написана после первой Реставрации, когда по приказу короля запрещена была торговля по воскресеньям, а священники, пользуясь этой мерой, запретили в некоторых округах танцы по праздникам. Можно судить по этому о степени нетерпимости духовенства, столь ему свойственной». Фанатичному и тупому реакционному духовенству Реставрации поэт в этой песне противопоставлял образ священника добродушного, терпимого и гуманного.

Стр. 61. С г л а з и л и. *Катаплазма* — старинное болеутоляющее лекарственное средство.

Стр. 75. Политический трактат для Лизы. Песня написана в период «Ста дней» (время с 20 марта по 28 июня 1815 г.) и тогда же напечатана в газетах. Здесь ряд инскавательных требований к Наполеону I (отказаться от ведения новых войн, от деспотического режима и т. п.) — свидетельство сдержанного и несколько оппозиционного отношения Беранже к восстановленной Империи; игриво-фривольный тон песни, не отвечающий серьезности ее социально-политических целей, был в дальнейшем осужден поэтом, утвердившим, что в ней «форма так мало соответствует «сущности».

Стр. 76—77. Мнение этих девиц. «В эпоху Ста дней, — пишет Беранже в примечании к этой песне, — роялизм и предательство громогласно призывали во второй раз иностранную армию. Автор решил высмеять их, вложив суждения дам Сен-Жерменского предместья в уста девиц, о которых идет речь в этой песне». «Эти девицы» — женщины легкого поведения. Пале-Рояль, наш край родной — в годы Империи Пале-Рояль был центром парижской прелеституции. *Уиллот* (1765—1849) — русский адмирал, участник войны с Наполеоном. *Блювер* (1755—1816) — прусский генерал. *Платов* — французское прозвище имени Платова (1751—1818), атамана допских *казаков*, участвовавшего в военном разгроме Наполеона. *Сакен* (1752—1837) — фельдмаршал русской армии; после занятия Парижа войсками коалиции был одно время его губернатором. *Блюхер* (1742—1819) — прусский генерал.

Стр. 80—81. Довольно политики. Песня написана в июле 1815 года, после вторичного отречения Наполеона; войска коалиции снова наводнили Францию. Беранже сознавал, что эта песня сильно отличается по тону от «Может быть, последней моей песни», созданной при сходных обстоятельствах год назад. В примечании к песне «Довольно политики» он пишет о себе (в третьем лице): «Он почувствовал себя в силах более резко акцентировать великие события, вызвавшие такую печаль в народе. Успех этой песни укрепил его в мысли, что после революции народ стал разбираться в происходящих событиях». Поэт понял, что должен расширить круг идей своей песни, не сводя ее больше к анакреонтическим мотивам: «Восхваление любви и вина должно стать не чем иным, как рамкой для идей, выразительницей которых с этих пор становится песня, — особенно в эпоху, когда все значительные события действовали против многочисленных масс и наиболее талантливых личностей». *Катоны* — древнеримские государственные деятели: Старший (234—147 гг. до н. э.) и Млад-

ший (95—46 гг. до н. э.), прославившиеся стойкостью и непримиримостью своих убеждений; поэт употребляет их имена в качестве иронического контраста ничтожеству государственных деятелей Реставрации.

Стр. 84—85. Простолюдин. Приставка «де» перед фамилией обозначает принадлежность к дворянству во Франции. Отец поэта питал необоснованные иллюзии о своем дворянском происхождении и писал свою фамилию с «де»; так же поступал и поэт, не разделявший, впрочем, отцовских иллюзий. *Карл Великий* (742—814) — король франков. *Леопард британский* — намек на участие англичан в средневековых войнах французских феодалов. *Лига* — объединение французских католиков, явившееся организатором массовой резни гугенотов в Варфоломеевскую ночь (1572).

Стр. 87—88. Жалоба одной из дам полусвета на современные дела. Песня направлена против Веллингтона (1769—1852), английского генерала, который, по словам поэта, был «героем антифранцузской партии и пугалом для патриотов»; французская демократия, ненавидевшая Веллингтона как победителя при Ватерлоо переделала его имя на «Виллентон» (Villain-ton; смысл: дурной тон), что переводчиком передано, как «Мовэ тон». *Ограбил свет*.— После Ста дней Веллингтон требовал наложить на Францию контрибуцию в семьсот миллионов франков и принял активнейшее участие в расхищении шедевров искусства из Лувра. *Лабори* (1769—1840).— французский реакционный журналист, сторонник иезуитов, ратовавший при второй Реставрации за возвращение духовенству его земельных владений, конфискованных революцией.

Стр. 88. Сестры милосердия. Отклик Беранже на отказ католического духовенства в 1815 году предать христианскому погребению знаменитую французскую артистку Рокур из-за ее «предосудительной» профессии.

Стр. 91. Птицы. Песня посвящена Антуану Арно (1766—1834), французскому поэту и баснописцу, подвергнутому в 1816 году изгнанию из Франции в качестве «неблагонадежного»; Беранже был давно знаком с Арно и при его содействии получил место делопроизводителя в канцелярии университета.

Стр. 96—97. Маркиз де Караба. *Пипин Короткий* (ум. 768) — первый король франков из династии Каролингов. *Есть у маркизы табурет* — речь идет о привилегии знатнейших придворных дам сидеть в присутствии короля.

Стр. 98—99. *Моя республика. Цезарь, Юлий* (100—44 гг. до н. э.) — римский полководец, возглавивший военную диктатуру и положивший конец существованию Римской республики.

Стр. 101. *Па я ц.* Песня направлена против политических ренегатов и иных приспособленцев, сначала подхалимствовавших перед Наполеоном, а потом перед Людовиком XVIII.

Стр. 103. *Моя душа. Илион* — одно из названий Трои; здесь: образ Парижа или даже всей Франции. *Терсит* — персонаж «Илиады» Гомера, образ трусливого воина; здесь: собирательный образ интервентов 1814 и 1815 годов.

Стр. 106—107. *Белая кокарда.* Песня бичует дворян-эмигрантов, установивших в начале Реставрации обычай ежегодными банкетами отмечать победу войск антинаполеоновской коалиции. *Белая кокарда* — эмблема дворян-роялистов. *Из наших Генрихов славнейший* — Генрих IV, переменявший религиозные убеждения, чтобы стать королем в Париже.

Стр. 108—109. *Варварийский священный союз.* Иносказательная сатира Беранже на Священный союз, образованный в 1815 году европейскими монархами-крепостниками для объединенной борьбы против революционного движения в Европе. В Священный Союз вошли: Александр I, австрийский император Франц II и прусский король Фридрих-Вильгельм III. *Кристоф* (1767—1820) — негритянский король острова Гаити. *Бональд* (1754—1840) — французский реакционный философ и публицист, один из идеологов Реставрации. *Алкоран* (Коран) — священная книга мусульманской религии. *Ферран* (1751—1825) — французский реакционный литератор и политический деятель Реставрации. *Болтер* — см. примеч. к стр. 312.

Стр. 113. *Капуцины.* *Капуцины* — монахи нищенствующих орденов, обычно — францисканцы.

Стр. 114. *Старушка.* Курочкин не перевел предпоследнюю строфу песни; эта строфа печатается по изд. «Полного собрания песен» Беранже, Л., 1929, в переводе Вс. Рождественского.

Стр. 116—118. *Маркитантка.* В песне ряд упоминаний о наполеоновских войнах. ...*в Альпах* — итальянский поход (1796—1797). *В Египте* — экспедиция 1798—1799 годов. ...*и в Вену с вами я пришла...* — намек на войны 1797, 1800, 1805, 1809 годов. *В Риме* — французы заняли Рим в 1809 году. *В Мадриде* — испанский поход Наполеона начался в 1807 году. Мадрид был занят в 1808 году. *Жанна* — Жанна д'Арк, см. примеч. к стр. 327.

Стр. 118. К л ю ч и р а я. *Петр* — апостол Петр, страж райских врат, по учению церкви.

Стр. 120. И з г н а н н и к. Песня посвящена политическим противникам Бурбонов, изгнанным из Франции второй Реставрацией.

Стр. 123. Д о б р а я ф е я. *Урганда* — персонаж сказок; в средневековых романах так называлась фея, покровительствовавшая странствующим рыцарям.

Стр. 127. Б о г п р о с т ы х л ю д е й. *Баловень судьбы* — Наполеон.

Стр. 128—129. П т и ч к а. *Филомела* — героиня древнегреческих мифов, превращенная в соловья. *Царь Саул* (XI в. до н. э.) — первый израильский царь.

Стр. 132—133. Н а в а р р с к и й п р и н ц, и л и М а т ю р е н Б р ю и о. Француз Матюрен Брюно, сын сапожника, выдавал себя за дофина — сына казненного короля Людовика XVI; при Реставрации Брюно был посажен в тюрьму, где и умер в 1825 году. Песня написана в 1817 году. *Английский полководец* — Веллингтон, победитель Наполеона при Ватерлоо. *Ним* — намек на зверства белого террора в этом городе в 1815 году. *Король... стучался.* — Имеется в виду Генрих IV, сначала вождь гугенотов, перешедший позже в лагерь их врагов, католиков. *Позорный конкордат* — соглашение Людовика XVIII с римским папой по вопросу о католической церкви, более выгодное для нее, чем конкордат Наполеона.

Стр. 135—136. П у з а н, и л и О т ч е т д е п у т а т а. *Д'Аржансон* (1771—1842) — представитель левой оппозиции в палате депутатов. *Виллель* (1773—1854) — реакционный министр Реставрации. *Швейцарцы* — телохранители короля.

Стр. 137—138. М и с с и о н е р ы. — *Лойола, Игнатий* (1491—1556) — испанский аристократ, основатель ордена иезуитов; католической церковью причислен к «лику святых». *Христос нам письма шлет* — в начале второй Реставрации духовенство распространяло в деревнях так называемое «письмо Иисуса Христа», призывавшее крестьян, как правоверных католиков, к устройству новой Варфоломеевской ночи — для истребления всех врагов Реставрации. *Равальяк* — убийца короля Генриха IV, подосланный иезуитами.

Стр. 141—142. У б е ж и щ е (дословно: «Поля убежища»). В песне говорится о неудавшейся попытке наполеоновского генерала Лаллемана (1777—1823) и других бонапартистов, эмигрировавших при Реставрации или изгнанных ею, основать в США

французскую колонию «Поля убежища». *Дрожал у Ганга Альбион* — намек на страх Англии (Альбиона) потерять Индию, свою колонию, в случае, если Наполеон по окончании египетского похода (1798—1799) предпримет дальнейшее движение на восток. *Немезида* — богиня возмездия в древнегреческой мифологии. *У нас был вождь* — Наполеон.

Стр. 146—147. Священный союз народов. Песня написана по случаю ухода войск союзников с части французской территории в 1818 году. *Марс* — бог войны в древнеримской мифологии.

Стр. 149—150. Святые отцы. Песня направлена против иезуитов, стремившихся при Реставрации захватить в свои руки дело народного образования. *Лойола* — см. примеч. к стр. 137. *Климент* — римский папа Климент XIV, запретивший орден иезуитов и отравленный ими в 1774 году. *Пий Седьмой* — римский папа (с 1800 по 1823 г.). *Генрих* — король Генрих IV. *Фердинанд* — испанский король Фердинанд VII. *Временщик* — имеется в виду Деказ, министр Реставрации; он не препятствовал деятельности иезуитов, но не любил их и вскоре был смещен. *Хартия* — конституция, которую Людовик XVIII вынужден был по требованию монархов антинаполеоновской коалиции «даровать» французам. *Наместник Петра* — римский папа.

Стр. 152—155. Мелюзга, или Похороны Ахилла (дословно: «Мирмидоняне, или Похороны Ахилла»). Песня построена на сказании о том, как племя карликов, мирмидонян, хоронило Ахилла. Беранже иронизирует над ничтожеством деятелей эпохи Реставрации, пришедших на смену Наполеону («Ахиллу»). *Мирнтон* — имеется в виду Веллингтон, которому Людовик XVIII подарил шпагу Наполеона («меч героя»). *Конгресс* — Аахенский конгресс 1818 года, на котором четырьмя монархами Европы был в тайне, «на всякий случай», выработан план совместных военных действий против Франции. *Нет, ребенок то стоит...* — намек на сына Наполеона (1811—1832) — «римского короля», или так называемого герцога Рейхштадтского, находившегося в эту пору в Австрии.

Стр. 155. Соловьи. *Фрина* — знаменитая куртизанка в древней Греции.

Стр. 156—158. Стой! или Способы толкований. *Ватименьи, Маршанжи, Гюа, Жакино, Беллар* — французские судьи и прокуроры, ярые охранители устоев Реставрации. *А, так вы насчет музья?* — в результате своих войн Наполеон вывез во

Францию из стран Европы множество драгоценнейших сокровищ; по требованию союзников правительство Реставрации возвращало их прежним владельцам. *Пятнадцатое* — имеется в виду 15 августа, день рождения Наполеона I. *Трехцветный* — при Реставрации были запрещены трехцветные знамена, кокарды и другие подобные эмблемы, как символизирующие время революции и Империи.

Стр. 158. Отпрыск знатного рода. В связи с утратой многими дворянами фамильных документов в годы революции при Реставрации происходило восстановление этих дворян в их прежних правах.

Стр. 161. О хрипший певец. *Пакье, Симон* (правильнее: Симеон) — министры Реставрации. В двух замененных точками строках песни говорилось о том, что Людовик XVIII цинично попирает конституцию.

Стр. 162—164 Злонамеренные песни. Песня пародирует распоряжения полицейских префектов Реставрации — инструкцию по наблюдению за «гогеттами», собраниями народных песенников («певцов»), происходившими в кабаках. *God save* — английский гимн: «Боже, спаси (короля)». *Веллингтон* — см. примеч. к стр. 87.

Стр. 164—165. Добрый бог. Какое заглавие дал Дельвиг своему переводу — в точности неизвестно. Первоначально этот перевод был опубликован в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861); печатаем его по тексту Полного собрания стихотворений Дельвига (изд. «Библиотека поэта», Л., 1934), где песня озаглавлена «Подражание Беранже». Дельвиг не следовал неукоснительно восьмистроичной строфе Беранже: точно передав первую и четвертую строфы, он вторую и третью объединил в одну двенадцатистроичную, как затем пятую и шестую. *Гладкий* — сыщик. Более точный перевод Вс. Рождественского см.: П.-Ж. Беранже. Избранные песни, М., 1950, с. 153.

Стр. 165—166. Старое знамя. *Его заменит нам петух.* — При Империи трехцветное знамя увенчивалось изображением орла; поэт предлагает заменить его старинной национальной эмблемой галльского петуха.

Стр. 169. Маркиза. *Нота* — намек на секретную ноту одного ультрароялистского комитета, призывавшего монархов Священного союза вновь ввести войска во Францию — для борьбы с внутренней крамолой.

Стр. 170. Я с вами больше не знаком. Песня обращена к либералу Дюпону де л'Ер, которого Беранже глубоко уважал за независимый образ мыслей. Поэт высмеивает обывателей, перепуганных постигшей Дюпона «опалой»: во время Реставрации он был смещен с должности председателя суда.

Стр. 172. Моей сверстнице. *Парки* — богини судьбы у древних римлян.

Стр. 172—173. Смерть короля Кристофа. *Кристоф* — король о-ва Гаити, покончивший с собой во время народного восстания. *Вильгельм* — прусский король Фридрих-Вильгельм III. *Александр* — царь Александр I. *Франц* — австрийский император Франц II. *Скорей конгресс* — ироническое обращение к Священному союзу монархов России, Австрии и Пруссии. *Святого духа известите* — в примечании к песне Беранже говорит о «мистическом характере протоколов Священного союза, в которых постоянно упоминаются троица и святой дух». *Вспомните испанцев... берегитесь итальянцев* — в 1820 году, когда была написана песня, развивалось революционное движение в Испании и Италии.

Стр. 174. Людовик XI. В Перонне, где Беранже провел годы детства и отрочества, находился старинный замок, в котором некогда жил король Людовик XI.

Стр. 178—179. Пятое мая. Песня посвящена смерти Наполеона, скончавшегося 5 мая 1821 года на острове Св. Елены. *Ему судьба два раза изменяла* — намек на падение Империи в 1814 и в 1815 годах. *Меж двух миров* — остров Св. Елены лежит между Европой и Америкой.

Стр. 180—181. Плач о смерти Трестальона. Иронический отклик Беранже на смерть главаря одной роялистской шайки, истреблявшей на юге Франции, в пору белого террора, сторонников Наполеона и протестантов. *Монруж* — название одного из реакционных центров Реставрации, монастыря иезуитов близ Парижа.

Стр. 182—183. Навуходоносор. Беранже использовал для этой песни библейскую легенду о вавилонском царе Навуходоносоре, который сошел с ума и вообразил себя быком; поэт иносказательно издевался над Людовиком XVIII, под конец жизни превратившимся в полную развалину. Песня могла быть напечатана только после падения Реставрации. Перевод Курочкина, известный в России лишь в кругах русских революционеров, впервые появился без подписи в герценовской «Полярной звезде на 1861 год», в Лондоне. *Да и в Египте* — намек на культ священно-

го быка в древнем Египте. В тогдашней «Северной пчеле». — Упоминания о «Северной пчеле», русском реакционном журнале, редактировавшемся Булгаричем, у Беранже нет; в оригинале: «газета»; переделывая в данном случае оригинал, Курочкин желал приспособить сатиру Беранже к условиям русской действительности. Незабвенный — так иронически называли Николая I после его смерти.

Стр. 183—184. Бегство музы. Песня связана с первым судом над Беранже 8 декабря 1821 года. Фронда — период в истории Франции (1648—1653), когда крупнейшие французские феодалы стремились вернуть себе былую независимость от королевской власти. Сторож песню пропускал — намек на то, что Бло и Мариньи, песенники Фронды, никогда не подвергались преследованиям за свои песни. Буало (1636—1711) — французский поэт и теоретик классицизма. «Налой» — героико-комическая поэма Буало антиклерикального характера. Жан-Жак — Руссо. И «Эмиль» сожжен был им. — Ошибка переводчика: книга Руссо была сожжена не самим автором, а по распоряжению парламента Женевы.

Стр. 186—187. Прощанье с полями. Эта песня, написанная в ноябре 1821 года, распространялась в списках среди публики, присутствовавшей на суде. Их ярость скудных средств меня уже лишила — намек на увольнение поэта из канцелярии университета. ...над его могилой — то есть могилой Наполеона I. Филомела — героиня древнегреческих мифов, родственница фракийского царя, приказавшего отрезать ей язык, чтобы она не могла рассказать о его злодеяниях; впоследствии была превращена в соловья.

Стр. 189—190. Предательский напиток (дословно: «Агент-провокатор; благодарность бургундцам, приславшим мне вина из самых лучших виноградников»). Он чрез полицию прошел. — Все вещи, присылавшиеся в тюрьму, просматривались полицией. Пробус — римский император (232—282), при котором в Бургундии (Франция) были насажены виноградники.

Стр. 191. Мой карнавал. Мом — в древнегреческой мифологии сын богини ночи Никты, олицетворение злословия и насмешки.

Стр. 192. Тень Анакреона. Песня является сочувственным откликом Беранже на национально-освободительную борьбу греков против турецкого ига, начавшуюся в 1821 году. Анакреон (ок. 570—478 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик, певец

любви и наслаждения. Стикс — в греческой мифологии река в царстве мертвых.

Стр. 194—195. Эпитафия моей Музы. С народной немирясь обузой — то есть немирясь с угнетением народа во время режима Реставрации. *Маршанжи* — см. примеч. к стр. 156. *Дюпен* — защитник Беранже на первом его судебном процессе.

Стр. 196—198. Месса святому духу. Написано в 1824 году. *Бретонец, финансист, судья*, — Беранже имеет в виду реакционных министров Реставрации Корбьера, Виллеля, Пейроинс. *Фемида* — богиня правосудия в греческой мифологии. *Фрейси-ну* — один из крайних реакционеров, сторонник иезуитов. *Лойола* — см. примеч. к стр. 137. *Монруж* — см. примеч. к стр. 181. *Сорбонна* — университет в Париже. *Белый воротник* — характерная деталь одеяния католических священников.

Стр. 198—199. Новый приказ. Песня написана в 1823 году и нелегально распространялась среди французских войск, посланных Людовиком XVIII в Испанию по воле Священного союза в помощь Фердинанду VII; последний еще в 1814 году отменил конституцию, объявил себя абсолютным монархом, и в Испании развернулось длительное революционное движение, особенно обострившееся в 1820—1823 годах. *Генрих* — здесь: Генрих IV. *Трапписты* — монахи одного из католических орденов, приспешники католической реакции.

Стр. 200—202. Советы Лизы (подзаголовок: «Песня, обращенная к г-ну Жаку Лафитту, который предложил мне место в своей конторе, чтобы вознаградить меня за потерю места в университете»). *Лафитт* (1767—1844) — французский банкир и видный либерал. Беранже отказывается не только от предложения Лафитта, опасаясь, что оно может связать его творческую независимость, но и вообще от перспективы попасть в окружение крупной финансовой буржуазии, так как ее симпатиям к народу поэт весьма мало верит. *Небезызвестный нам барон* — речь идет о банкире Ротшильде. *Он, ложь о греках смело сея* — Беранже связывает деятельность Ротшильда со Священным союзом, враждебно относившимся к национально-освободительной борьбе греков. *Пактол* — золотоносная река в древней Лидии; здесь: в смысле французской казны, из которой «черпали» правая и левая фракции палаты депутатов.

Стр. 202—203. Цензор. Песня вызвана законом о печати 1822 года, установившим ряд новых ограничений. *Цевница* — музыкальный инструмент. *Мельпомена* — муза трагедии в античной

мифологии. *Мольер* (Жан-Батист Поклен, 1622—1673) — великий французский писатель-комедиограф. *Корнель, Пьер* (1606—1684) — французский драматург, основоположник классицизма в драматургии. *Гарпии* — крылатые чудовища в греческой мифологии. *Прометей* — в греческой мифологии один из титанов, похитивший огонь с неба и принесший его людям. За это он был прикован к скале, где орел клевал его печень. *Галия* — муза комедии. *Джефри* (ум. в 1689) — английский судья, свирепствовавший в годы реставрации Стюартов. *Луи Одиннадцатый* — Людовик XI (1423—1483) — французский король, жестоко расправлявшийся с непокорными феодалами. *Тристаны* — намек на Тристана-Отшельника, приближенного Людовика XI и неумолимого исполнителя его повелений.

Стр. 205. *Портной и волшебница. Орфей* — легендарный родоначальник древнегреческой поэзии.

Стр. 208. *Дамоклов меч. Тиран* — подразумевается Дионисий Старший (405—368 гг. до н. э.), сиракузский тиран; желая показать своему приближенному Дамоклу, сколь тяжело бремя величия и власти, Дионисий посадил его однажды на пиру под обнаженным мечом, висевшим на конском волоске; увидев этот меч, Дамокл в испуге выронил из рук чашу с вином. *Пинд* — местопребывание Аполлона и муз (миф.) — намек на графоманство Дионисия, писавшего плохие стихи (подобно королю Людовику XVIII) и отправлявшего в тюрьму тех, кому они не нравились (в некоторое отличие от Людовика XVIII, возбуждавшего судебные процессы против не нравившихся ему писателей — Беранже, Поля-Луи Курье, Маталона и др.). *Клио* — муза истории.

Стр. 210—211. *Добрый пастырь. Трувер* — труверами назывались в средние века северофранцузские поэты-певцы. *Цитера* — остров, где процветал культ богини любви Афродиты.

Стр. 214. *Старый сержант. Вот знамя... Нет! Не то!* — белое знамя Бурбонов, ставшее при Реставрации государственным знаменем вместо трехцветного.

Стр. 217. *Начнем сызнова. Мозт* — марка французского вина.

Стр. 217—218. *Октавия*. Образ Октавии, жены Нерона, убитой по его приказанию, имеет здесь иносказательное значение: по свидетельству Бальзака, эта песня направлена против графини де Кэйла, любовницы дряхлого Людовика XVIII. *Страданьем к ложу призожден* — Людовик XVIII был болен подагрой.

Стр. 224. Придворный поэт.— А мне Испания миле — то есть Испания, в которой усмирена и подавлена революция. Тому, кого народ прославил,— Наполеону I.

Стр. 225. Галльские рабы. Песня (1824) обращена против палаты депутатов, пресмыкавшейся перед правительством Реставрации и лишившей в 1823 году либерального политического деятеля Жака-Антуана Манюэля, депутатских полномочий за его протест против участия французских войск в подавлении испанской революции.

Стр. 230. Дешевое и дорогое издание. Пинд — обитель Аполлона и муз. В переносном смысле — приют поэзии.

Стр. 232—234. Карл III Простоватый (дословно: «Коронация Карла Простоватого»). Песня была опубликована в сборнике 1828 года. Неожиданное появление у Беранже образа незначительного и всеми забытого средневекового короля Карла III объяснялось тем, что память о нем еще жила в Перонне, где этот король, в конце концов свергнутый с престола, умер в темнице. Под видом коронации Карла III Беранже сатирически описывал коронацию Карла X, происходившую в Реймсе в 1824 году. Новый французский король, глава ультрароялистов и защитник всякого рода старорежимных традиций, строго соблюдал весь ритуал средневековой церковной обрядности, полагавшийся в данном случае,— вплоть до того, что получил помазание из черепка исстари служившей для этого обряда чаши, разбитой революционерами в 1793 году. Но миллиард вернул их верность — намек на выплаченный правительством Карла X миллиард франков бывшим эмигрантам в виде возмещения за понесенные ими от революции «убытки». В последней строфе — насмешка над принятым при Карле X жесточайшим законом о «святотатстве». У Тхоржевских под совершенно очевидным цензурным давлением вместо слов «епископ» и «поп» — всюду «ксендз».

Стр. 234—235. Похороны Давида. Песня повествует о тщетных стараниях детей художника Жака-Луи Давида (1748—1825) похоронить отца на французской земле. Во время Реставрации Давид, как участник революции XVIII века, был подвергнут изгнанию; похоронили его в Бельгии. Убранство празднеств — Конвент поручал Давиду организацию торжественных празднеств революции. Прометей — намек на смерть Наполеона в плену у англичан.

Стр. 239—240. Надгробное слово Тюрлюпену. Тюрлюпен — имеется в виду актер французского народного фар-

са, исполнитель роли смелого и острого на язык плебея. *Жилье*, *Скапен* — популярные народные персонажи французской комедии. *Клио* — муза истории. *Мельпомена* — муза трагедии. *Турпен* — образ архиепископа-воина из «Песни о Роланде». *Криспен* — образ угодливого слуги из итальянской комедии.

Стр. 241. Паломничество Лизетты. *Безинка* — монахиня.

Стр. 243—244. Смерть Сатаны. *Святой Игнатий* — Лойола (см. примеч. к стр. 137). *Конклав* — собрание кардиналов, выбирающее римского папу. *Орден новый* — католический орден иезуитов, основанный Лойолой в 1534 году.

Стр. 246—247. Красный человечек. Песня основана на старинной легенде о том, что всякий раз, как деспотическим правителям Франции грозила небесная кара, в коридорах Тюльрийского дворца появлялось привидение в образе красного человечка. *Карл* (за которого надо молиться) — король Карл X. *Чуть девяносто первый минул* — то есть наступил 1792 год. *Добрый наш король* — Людовик XVI, казненный в 1793 году. *Робеспьер*. — Политика проводимого Робеспьером террора вызывала у Беранже отрицательное отношение. *Хвалу Анри и Габриэле* — намек на роялистские песни эмигрантов, воспевавшие Генриха IV (Анри) и его фаворитку Габриэль д'Эстре.

Стр. 248—249. Свадьба папы. *Кальвин* (1509—1564) — глава французского протестантизма, славившийся религиозной нетерпимостью. *Целибат* — обет безбрачия у католического духовенства.

Стр. 250. Народная память. Песня посвящена Наполеону Бонапарту.

Стр. 256—258. Могила Мануэля. *Мануэль Жак-Антуан* (1775—1827) — видный французский политический деятель, левый либерал, друг Беранже. *Четырехлетнее уединенье* — Мануэль был изгнан из палаты депутатов в 1823 году за протест против посылки французских войск для подавления испанской революции, и последние четыре года его жизни протекали в бездействии.

Стр. 259. Моя масленица в 1829 году. ...в бесподобной речи тронной... — В тронной речи 1829 года король Карл X, обозленный песнями Беранже, не удержался от намека на второй суд над поэтом.

Стр. 260. Четырнадцатое июля. 14 июля 1789 года восставшими парижанами штурмом была взята Бастилия — крепость

и государственная тюрьма. Это восстание положило начало Великой французской революции. *Лафайет* (1757—1834) — французский генерал; *Мирабо* (1749—1791) — французский оратор; оба сыграли видную роль в первый период революции.

Стр. 263—264. Кардинал и певец. В марте 1829 года, когда Беранже находился в тюрьме после второго судебного процесса, тулузский архиепископ опубликовал пастырское послание, одобряя судей, покарвавших народного поэта. *Не дорожить же всем нам только Римом!* — насмешка Беранже над французским католическим духовенством, которое более предано интересам римского папы, чем интересам своей родины.

Стр. 266—267. Десять тысяч. Наложений судом на поэта штраф в 10 000 франков был покрыт по коллективной подписке друзьями и почитателями поэта. *Роковой указ.* — Поэт Лафонтен подвергся высылке в 1663 году за настойчивые ходатайства перед Людовиком XIV в пользу осужденного министра Фуке. *Лойаль* (правильнее: Луайаль) — писец из мольеровского «Тартюфа».

Стр. 268. Дочь народа. ...с двумя дворами кряду... — с дворами Людовика XVIII и Карла X.

Стр. 268. Тиран Сиракузский. Речь идет о тиране Дионисии Младшем (IV в. до н. э.), сыне Дионисия Старшего, дважды изгнанным из Сиракуз, второй раз — коринфским полководцем Тимолеоном.

Стр. 283. Совет бельгийцам. Вслед за июльской революцией 1830 года вспыхнула революция в Бельгии. *Карла Девятого сменит Десятый* — то есть одного тирана и человеконенавистника сменит другой такой же (при Карле IX произошла Варфоломеевская ночь; подобной же резни опасалась французская демократия и при Реставрации, особенно при Карле X).

Стр. 284. Отказ. *Монсеньор.* — Песня обращена к генералу Себастиани, одному из министров Июльской монархии. *Су* — французская мелкая монета.

Стр. 285—286. Реставрация песни. ...дату «восемьдесят девять»... — 1789 год, начало революции XVIII века. *С декабрьских дней...* — В декабре 1830 года правительство Июльской монархии организовало весьма снисходительный суд над министрами Карла X, вызвавший народное негодование. *Гент* — один из центров французской эмиграции в пору революции и Империи.

Стр. 292—293. Орангутанги. Эзоп — древнегреческий баснописец (VII—VI вв. до н. э.). Диоген (413—323 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, стремившийся свести к минимуму житейские потребности; по преданию, он жил в бочке.

Стр. 294. Безумцы. Сен-Симон (1760—1825), Фурье (1772—1837), Анфантен (1796—1864) — французские социалисты-утописты.

Стр. 295. Самоубийцы. Песня посвящена смерти двух молодых французских поэтов — Виктора Эскусса (1813—1832) и Огюста Ле Бра (1811—1832), покончивших с собою (отравившись угарным газом) в знак протеста против буржуазного общества, отказывавшего им в литературном признании.

Стр. 297. Жан-парижанин. Нотр-Дам (собор Нотр-Дам) — Собор Парижской Богоматери.

Стр. 301. Предсказание Нострадама. Нострадам (или Нострадамус, 1503—1566) — французский астролог.

Стр. 306. Июльские могилы. Песня посвящена павшим народным бойцам Июльской революции; написана в 1832 году; в основе публикуемого перевода лежит перевод неизвестного поэта А. П. («Полное собрание песен» Беранже, СПб.,— М., 1914), впоследствии отредактированный Вс. Рождественским.

Стр. 309. Прощайте, песни! Борей — бог северного ветра в античной мифологии. Чуть из дворца перуны прогремели — намек на реакционнейшие «ордонаксы» Карла X, в ответ на которые и вспыхнула Июльская революция.

Стр. 310. Вильгему (полное название: «Хоровое общество; письмо Вильгему, создателю новой методы музыкального обучения, после первого выступления Хорового общества в 1841 году»). Вильгем — псевдоним французского композитора Луи-Гильома Бокийона (1781—1842), друга Беранже и автора музыки к ряду его песен.

Стр. 312—314. Крестины Вольтера. Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) (1694—1778) — великий французский писатель и философ. Казначей хилый сын... — Вольтер родился очень слабым ребенком, поэтому вопреки обычаю его крестили через девять месяцев после рождения. Рабле, Франсуа (ок. 1494—1553) — великий французский писатель-сатирик. Лютер, Мартин

(1483—1546) — основатель лютеранства — протестантского движения, направленного против католической церкви.

Стр. 324. Муравьи. Пиндар (521—444 г. до н. э.) — древнегреческий поэт, мастер хоровой лирики.

Стр. 326—327. Урок истории. — Красивый мальчик. — Речь идет об одном из сыновей наполеоновского генерала Бертра-на, добровольно последовавшего за Наполеоном на остров Св. Елены. Как веру принял Хлодвиг. — Король франков Хлодвиг принял христианскую веру в 496 году. Женеви́ева — Святая Же-невьева (420—512), покровительница Парижа, вдохновлявшая па-рижан на оборону города во время нашествия гуннов, возглавляе-мых Атиллой. Мартелл — Карл Мартелл (689—741) — король франков. Карл — здесь: Карл Великий (742—814), король франков, заботившийся о просвещении и открывший ряд школ. Людови́к — подразумевается Людовик Святой (1215—1270), французский ко-роль, законодатель, участник двух крестовых походов. Баярд, Кон-де, Тюрени — французские полководцы XVI—XVII веков. Жанна д'Арк (1412—1431) — французская национальная героиня, кре-стьянская девушка, вдохновившая французов на войну за освобо-ждение от английских завоевателей; захваченная в плен англичана-ми, была сожжена ими на костре. Пепел покаянья — намек на ка-толический обряд: священник кладет на лоб исповедующемуся золу освященных верб.

Стр. 328. Девятнадцатое августа. Беранже родился 19 августа 1780 года.

Стр. 331—332. Тамбурмажор. Слово «тамбурмажор» (франц.) обозначает: «старший барабанщик». В тамбурмажоры набирались солдаты высокого роста и видные собою. Песня на-правлена против романтиков, засорявших французский язык вся-кого рода стилистическими вычурностями, неологизмами, провин-циальными и техническими выражениями. Лафонте́н (1621—1695) — французский поэт и баснописец. Расин, Жан (1639 — 1699) — французский драматург. Аустерлиц — место победы На-полеона над австрийцами в 1805 году. Серый человек — Напо-леон был невысокого роста и на войне носил серый походный сюртук.

Стр. 334. Идея. Песня является откликом Беранже в 1840-х годах на народные республиканские восстания предшест-вующего десятилетия, жестоко подавлявшиеся Июльской мо-нархией.

Стр. 338. Гутенберг. *Гутенберг*, Иоганн (ок. 1400—1468) — изобретатель европейского способа книгопечатания подвижными литерами. Песня посвящена жителям Страсбурга, пригласившим Беранже в 1840 году участвовать в торжестве открытия памятника Гутенбергу, исполненного скульптором П.-Ж. Давидом д'Анже. *Ламартин* (1790—1869) — французский поэт-романтик, публицист, политический деятель. ...сочтет оплаченным *Давид* — скульптор отказался от платы за статую Гутенберга. ...поверишь в славу неоспоримую твою — первенство Гутенберга как изобретателя книгопечатания долгое время оспаривалось.

Стр. 340. Деньги. *Жан-Жак* — Руссо, *Жан-Жак* (1712—1778) — французский философ, писатель, композитор.

Стр. 345. Чего я боюсь. *Лебрен*, Пьер (1785—1873) — французский поэт и драматург, член Французской академии, друг Беранже.

Стр. 348. Фея рифм. Песня посвящена первым французским поэтам-рабочим, пользовавшимся вниманием и поддержкой со стороны Беранже.

Стр. 350. Ямщик. *Лета* — река забвения в древнегреческой мифологии. *Анахорет* — отшельник.

Стр. 355. Мой карнавал. *Антье*, Бенжамен (1787—1870) — французский драматург и шансонье, друг Беранже.

Стр. 358. Урок. *Канари* (Канарис, 1790—1877) — греческий патриот, участник войны за независимость Греции, впоследствии несколько раз был премьер-министром Греции.

Стр. 359. Земной шар. *Бюффон* (1707—1788), *Кювье* (1769—1832) — французские ученые-естествоиспытатели.

Стр. 360—361. Святой Наполеон. Он и патрона создал своего — речь идет о «святом» по имени Наполеон; его не было в католических «святцах» до Империи, и церковь вынуждена была «изобрести» его, когда Наполеон I стал императором: «святой» Наполеон был помещен в календаре на место «святого» Рокка, который при Реставрации занял свое прежнее место. *Людвик* — *Людвик XIV*.

Стр. 363. Пактол. *Пактол* — золотоносная река в древней Лидии (Малая Азия).

Стр. 363. Нет больше птиц. *Антье* — см. примеч. к стр. 355.

Стр. 367. Моя трость. Песня написана в 1848 году и связана с отказом Беранже от звания депутата Учредительного собрания. П. Беранже.

рания, поскольку поэт видел, что Собрание возглавляет ожесточенную буржуазную реакцию.

Стр. 369. Барабаны. Песня является откликом на события революции 1848—1851 годов.

Стр. 381. Куда как скучны старикки! Корнель — см. примеч. к стр. 203.

Стр. 382. Прощание (дословно: «Предвещание»). Курочкин не перевел пятую строфу песни. Приводим ее в переводе Ю. Александрова.

Стр. 385—386. Золото. Мидас — легендарный царь в древнегреческой мифологии, обладавший способностью превращать в золото все, к чему он прикасался. Верон (1798—1867) — публицист и политический деятель, издававший газету «Конституционалист» и извлекавший огромные барыши из этого предприятия.

Стр. 389—390. Провинциал в Париже. Песня, приписываемая Беранже, помещена в сборнике «Les gaietés de Béranger», Villafranca, 1875. Печатается по изданию: П.-Ж. Беранже. Полное собрание песен. М.-Л., «Academia», 1936, т. 2, с. 469. Вот холм открылся им едали — Монмартр; занятие его войсками коалиции 30 марта 1814 года решило участь Парижа. 3-й куплет — описание памятника Людовику XIV в Париже. 4-й куплет — описание Вандомской колонны, поставленной в 1805 году в честь армии Наполеона. Беллона — богиня войны у древних римлян. Фемида — богиня правосудия в древнегреческой мифологии.

Стр. 394—395. Бонди. Дремучие леса Бонди под Парижем были местом разбоя и грабежей; при Июльской монархии в этом месте находились свалки нечистот, «поля орошения». Образом «Бонди» поэт обозначает властвующую в буржуазном обществе жажду обогащения — любимыми, самыми хищническими и грязными путями. Веспасиан — намек на римского императора Веспасиана (8—79 гг.), спросившего однажды, хуже ли пахнут деньги, полученные от налога на общественные туалеты. В переводе Тхоржевских отсутствует четвертая строфа песни — вероятно, из-за запрещения со стороны царской цензуры; эта строфа печатается в переводе Ю. Александрова.

Стр. 399. Смерть и полиция. В 1853 году в Париже распространился слух о смерти Беранже. Император — Наполеон III. В списке нет такого гражданина! — Беранже был лишен гражданских прав по решению судов Реставрации; буржуазная Вторая республика и Вторая империя пересматривать этот вопрос не желали.

ПРОЗА

Автобиография Беранже, написанная им в 1840 году, была издана в 1857 году, после его смерти. На русский язык она была переведена Вс. Костомаровым (Б е р а н ж е, «Моя биография», М., 1861; переиздано без имени переводчика в первом томе «Полного собрания песен» Беранже. СПб., 1904). По иронии судьбы почти одновременно Н. Г. Чернышевский, арестованный по доносу Вс. Костомарова, сидя в Петропавловской крепости, перевел некоторые отрывки из «Моей биографии» — в частности «Историю тетушки Жари».

Стр. 404. *Дедушка*.— Имеется в виду дед поэта со стороны матери — Пьер Шампи, воспетый им в песне «Портной и волшебница».

Стр. 405. *Мой отец* — Жан-Франсуа де Беранже (1751—1809), женившийся 10 августа 1779 года на Мари-Жанне Шампи.

Стр. 407. «*Генриада*» — эпическая поэма Вольтера (1723) в защиту веротерпимости, повествующая о религиозных войнах при Генрихе IV.

Стр. 408. «*Иерусалим*» — «Освобожденный Иерусалим» — поэма итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595), изданная в 1575 году. *Иоас* — израильский царь IX в. до н. э., внук Гофолии; стремясь захватить власть после смерти своего сына, Гофолия уничтожила всех его детей, кроме Иоаса; здесь: персонаж трагедии Расина «Гофолия».

Стр. 410. *Головы королевских гвардейцев, умерщвленных в Версале.*— 5—6 октября 1789 года, когда парижские народные массы двинулись в Версаль, чтобы принудить королевское семейство переехать в Париж, народ неожиданно встретил вооруженное сопротивление со стороны королевских телохранителей — швейцарской гвардии. *Арно (1766—1834)* — французский поэт и баснописец. *Моих крестных имен.*— Беранже получил при крещении имена Пьер-Жан.

Стр. 412. «*Телемак*» — роман французского писателя Фенелона «Приключения Телемака», изданный в 1699 году. *Две эпические поэмы* — упомянутые выше «Генриада» и «Освобожденный Иерусалим».

Стр. 414. *Жан дез Антомер* — персонаж из романов Рабле, веселый и воинственный монах, для которого Гаргантюа построил Телемское аббатство.

Стр. 415. *Теперь, когда патриотизм в стране нашей дремлет.*— Автобиография Беранже написана в годы Июльской монархии, старавшейся робостью своей внешней политики примирить венценосцев Европы со своим «баррикадным» происхождением. *Я чуть не возненавидел его.*— Беранже прочитал поэму Вольтера «Орлеанская девственница», где Вольтер, издеваясь над религиозно-католической трактовкой подвига Жанны д'Арк, сильно снижал образ героини поэмы.

Стр. 416. *Известная фраза Руссо.*— Имеется в виду фраза из трактата Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании»: «Необходимо, чтобы Эмиль избрал определенный род занятий».

Стр. 418. *Лукург* — основоположник законодательства в древней Спарте (IX в. до н. э.). *Фенелон (1651—1715)* — французский писатель, критиковавший министров Людовика XIV и смело указывавший королю и знати на тяжелое положение Франции к началу XVIII века.

Стр. 420. *Дюмон, Андре (1764—1836)* — деятель Великой французской революции, умеренный якобинец, супрефект в провинции при Империи, изгнанный в 1816 году как член «цареубийственного» Конвента.

Стр. 421. *Лебон, Жозеф (1765—1795)* — деятель Великой французской революции, активный якобинец; во время термидорианской реакции был гильотинирован. *От священника, присягнувшего государству.*— Революция XVIII века разрешала священникам заниматься богослужением лишь при условии принесения ими присяги Первой республике.

Стр. 422. *Клермон-Галлеранд* (1744—1823) — французский аристократ, эмигрант в годы революции; один из пэров при Реставрации. *Бурмон, де, граф* (1773—1846) — аристократ-роялист; вначале вандеец и активный участник заговоров против Наполеона; впоследствии перешел к нему на службу; при Реставрации был министром, при Июльской монархии — легитимист.

Стр. 425. *Бюффон* (1707—1788) — французский естествоиспытатель и литератор. Он дал вовлечь себя в заговор. — Имеется в виду роялистский заговор аббата Бротье, раскрытый в 1797 году; заговорщики собирались арестовать членов Директории и восстановить монархию. Беранже-отец обвинялся в произнесении злонамеренных речей, но был по суду оправдан.

Стр. 426. *Журден* — персонаж комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670); комический тип буржуа, желающего во что бы то ни стало походить на дворянина. *Дни вандемьера*. — Подразумеваются дни 10—13 вандемьера (2—5 октября) 1795 года, когда генерал Бонапарт расстреливал на улицах Парижа толпы участников роялистского заговора против Конвента.

Стр. 427. *Монк* (1608—1670) — английский генерал, предавший английскую революцию ради восстановления на троне династии Стюартов. *Граф д'Артуа* (1757—1836) — брат короля Людовика XVI, вступивший в 1824 году на престол под именем Карла X; низложен Июльской революцией 1830 года.

Стр. 428. *Ришелье, Арман Жан дю Плесси* (1585—1642) герцог, — знаменитый государственный деятель Франции, кардинал, первый министр при дворе Людовика XIII, основатель Французской академии. *Генрих IV* — французский король (1553—1610).

Стр. 430. *Сведенборг* (1688—1772) — шведский писатель-мистик. *Сен-Мартен* (1743—1803) — французский мистик и литератор. *Казотт* (1720—1792) — французский писатель.

Стр. 443. *Взрыв адской машины*. — Это покушение на Наполеона (под его карету была брошена бомба) произошло 24 декабря 1800 года; оно было организовано эмигрантами-роялистами; непосредственными участниками покушения оказались Карбон и Сен-Режаи; был арестован также граф де Бурмон и ряд других роялистов. *Массена* (1756—1817) — наполеоновский маршал. *Брюн* (1763—1815) — наполеоновский маршал, убитый роялистами. *Многочисленные неудачи*. — Речь идет о военных неудачах Директории во время пребывания Наполеона в египетском походе.

Стр. 444. *Барр* (1755—1829) — член Директории. *Ювенал* (I—II вв. н. э.) — римский поэт-сатирик. *Шенье*, Андре (1762—1794) — французский поэт; приветствовал буржуазную революцию XVIII века на ее первых шагах, будучи сторонником конституционной монархии; но по мере углубления революции превратился в ожесточенного врага якобинской диктатуры и был гильотинирован. *Лормиан* (Баур-Лормиан, 1770—1854) — французский поэт и переводчик. *Бонапарт* вернулся из Египта. — 8 октября 1799 года Бонапарт высадился на мысе Фрежюс. *Арколе*, *Лоди* — города в Италии, места побед Наполеона над австрийцами в 1796 году.

Стр. 445. *Брут*, Марк Юний (86—42 гг. до н. э.) — римский республиканец, участник убийства Юлия Цезаря. *Цезарь*, Юлий (100—44 гг. до н. э.) — римский полководец, возглавивший военную диктатуру и положивший конец существованию Римской республики. *Пританей* — здесь: военные школы во Франции; слово «пританей» — греческое. *Эро де Сешелль* (1759—1794) — деятель Великой французской революции, председатель Конвента. *Минос* — легендарный античный законодатель острова Крит.

Стр. 446. *Плутарх* (I—II вв. н. э.) — древнегреческий историк, автор замечательного труда «Сравнительные жизнеописания». *Демосфен* — древнегреческий оратор (IV в. до н. э.). *Аристофан* (V—IV вв. до н. э.) — древнегреческий комедиограф, мастер политической сатиры. *Паоли* (1725—1807) — корсиканский генерал; долго боролся за независимость Корсики от Франции; враг Наполеона. *Фемистокл* (ок. 525—460 гг. до н. э.) — древнегреческий полководец; успешно участвовал в оборонительных войнах греков против персов, но, будучи подвергнут изгнанию, нашел убежище у персов. *Парсеваль-Гранмезон* (1759—1834) — французский поэт, сторонник классицизма.

Стр. 447. *Антье* — см. примеч. к стр. 355.

Стр. 448. *Лебрен*, Пьер (1785—1873) — французский поэт и драматург, друг Беранже, член Французской академии. *Вильгельм Бокийон* — см. примеч. к стр. 310.

Стр. 449. Это был знаменитый художник. — Речь идет о живописце Герене (1774—1833). *После 20 марта* — то есть после 20 марта 1815 года, когда Наполеон прибыл в Париж (начало периода Ста дней).

Стр. 451. *Бонапарт, Люсьен* (1775—1840) — брат Наполеона, занимавший ряд высоких должностей; в частности, был членом Академии. *Я уже говорил в другом месте* — в предисловии к сборнику 1833 года. *Жюдит* (Жюдит Фрер) — подруга Беранже, его гражданская жена; скончалась в 1857 году, семидесяти восьми лет. *Ленорман* (1772—1843) — французская гадалка.

Стр. 453. *Коронованный лицедей* — римский император Нерон (37—68 гг. н. э.), любивший выступать на сцене в качестве певца. *Делаль* (1738—1813) — французский поэт-классицист. *Лебрен-Пиндар* (1729—1807) — французский поэт Экушар Лебрен, прозванный Пиндаром; представитель классицизма.

Стр. 454. *Аввакум* — израильский пророк VII в. до н. э. *Ландон* (1760—1826) — французский живописец и издатель. *Грабители Индии* — то есть англичане. Беранже намекает на беспощадное разграбление Индии англичанами в XVIII веке в связи с ее завоеванием (английская Ост-Индская компания всесторонне грабила страну в течение целого столетия). *Вместе с несколькими живописцами* — вместе с Гереном, Бурдоном и Эвваром. *Фонтан* (1757—1821) — французский поэт и ректор Парижского университета, бонапартист, противник Реставрации. *Спустя три года* — Беранже поступил на службу в канцелярию университета в 1808 году.

Стр. 455. *«Гений христианства»* — произведение Шатобриана (1768—1848), французского писателя-романтика. *Баттэ* (1713—1780) — французский литератор-классицист, автор трудов по риторике и поэтике. *Лагарп* (1739—1803) — французский классицист, поэт и критик, автор «Курса литературы», очень популярного в XVIII веке. *Дасье* (1651—1720) — французская писательница, знаток античности и переводчица Гомера.

Стр. 456. *Тюрени* (1611—1675) — французский маршал. *Корнель* — см. примеч. к стр. 203. *Боссюэ* (1627—1704) — французский епископ, духовный оратор и писатель. *Доле, Этьен* (1509—1546) — французский филолог и типограф, сожженный в Париже за свои передовые гуманистические воззрения. *Ванини, Луцилио* (1585—1619) — итальянский философ, обвиненный в ереси и чернокнижии и сожженный в Тулузе. *Хлодвиг* (466—511) — король франков.

Стр. 457. *Грессе* (1709—1777) — французский поэт и драматург. *Реньяр* (1655—1709) — французский комедиограф. *Если бы комедии «Единственный наследник» дать заглавие «Старый*

холостяк».— Мысль Беранже, вероятно, та, что комедия Реньяра не вполне удачно озаглавлена; в самом деле образ старого и глупого холостяка Жеронта очерчен в ней с наибольшей художественной удачей.

Стр. 458. *Моро и Вафляр* — французские драматурги 1820-х годов.

Стр. 459. *Лемонтей (1762—1826)* — французский литератор.

Стр. 460. *Несколькими строками прозы* — письмом к Люсьену Бонапарту, напечатанным в сборнике 1833 года. *После 20 марта 1815 года* — то есть в пору Ста дней.

Стр. 461. *Тьер (1797—1877)* — французский политический деятель, историк; либерал при Реставрации, впоследствии один из столпов Июльской монархии, неоднократно был министром и жестоко расправлялся с народными восстаниями; позднее — известный палач Парижской коммуны. Образ Тьера в «Моей биографии» значительно идеализирован. *Лафитт* — см. примеч. к стр. 200. *Манюэль* — см. примеч. к стр. 256.

Стр. 466. *Пирон (1689—1773)* — французский сатирический поэт, славившийся остроумием.

Стр. 469. *Новая тягота была возложена на меня.* — От непродолжительной связи поэта с его кузиной Аделаидой Парон (дочь его тетки, впоследствии поступившая в монастырь) у него родился внебрачный сын Люсьен Парон. Беранже принял на себя заботы о его воспитании и образовании. Когда его сыну исполнилось двадцать лет, поэт дал ему пятнадцать тысяч франков и отправил его в колонии, чтоб он занялся там торговлей. Люсьен немедленно растратил эти деньги и получал затем от отца ежегодное пособие в тысячу франков. Поэт много раз предлагал усыновить его и дать ему свое имя, если он исправится, но все было напрасно. Люсьен умер на острове Бурбон.

Стр. 472. «Учитель» — подразумевается Буало; цитируется строка из его дидактической поэмы «Поэтическое искусство» (1674). *Несмотря на действительное совпадение в значении обоих слов.* — Слово «ода» по-гречески значит: «песня».

Стр. 473. *Победы при Лютцене и Бауцене.* — Речь идет о победах Наполеона в мае 1813 года над русскими и прусскими войсками.

Стр. 475. *В 1813 году существовало общество песенников.* — Это общество возникло в 1806 году и называлось «Современный

погребок»; Беранже состоял его членом около трех лет. *Пирон* — см. примеч. к стр. 466. *Панар* (1674—1765) — французский песенник и драматург. *Колле* (1709—1783) — французский песенник и драматург. *Галле* — французский песенник первой половины XVIII века. *Кребийон-отец* (1674—1762) — французский драматург, автор трагедий. *Кребийон-сын* (1707—1777) — французский писатель, автор фривольных романов. *Дезожье* (1772—1827) — французский песенник и водевилист. *Ложон, Пьер* (1727—1811) — французский песенник. *Реньо де Сен-Жан д'Анжели* (1761—1819) — французский государственный деятель, долгое время — сторонник Бурбонов; в пору Ста дней — бонапартист.

Стр. 476. *Пиис, де*, шевалье (1755—1831) — французский литератор; сначала служивший при дворе, у графа д'Артуа (см. примеч. к стр. 427), далее песенник революции XVIII века, затем продажный бард Первой империи, а при Реставрации — полицейский осведомитель.

Стр. 477. *Старый, восхваляемый нашими отцами*. — Речь идет о «Погребке» — объединении песенников, основанном в 1729 году Кребийоном-отцом, Пироном и Колле и просуществовавшем до 1739 года. *Гуффе* (1775—1845) — французский песенник и драматург. *Новой школе*. — Имеется в виду романтическая литературная школа, окончательно образовавшаяся во французской литературе в 20-х годах XIX века.

Стр. 478. *Жантиль* — французский песенник, член «Современного погребка».

Стр. 481. *Герцог Рагузский* — французский маршал Мармон (1774—1852).

Стр. 482. *Дюкло* (правильнее Шодрюк-Дюкло) — яркий французский роялист, недовольный Империей, как впоследствии он был недоволен и «неблагодарной» Реставрацией, не оценившей его преданности. *Мобрей* — французский авантюрист, связанный с роялистскими кругами и обиравший их под предлогом готовности произвести покушение на Наполеона.

Стр. 484. *Солдату революции* — Беранже называет так Наполеона I.

Стр. 485. *Мария-Луиза* (1791—1847) — французская императрица, дочь австрийского императора Франца, вторая жена Наполеона I. *Почему Мария-Луиза и Жозеф покинули нас?* — Импе-

ратрица Мария-Луиза бежала со своим сыном, «римским королем», из Парижа 29 марта 1814 года, накануне вступления союзных войск; Жозеф, брат Наполеона, возглавлявший оборону Парижа, бежал вместе с нею, под предлогом ее сопровождения. Карно, Лазарь (1753—1823) — французский республиканец, активный участник Великой французской революции, один из прославленных организаторов обороны в 1792 году; Наполеон не очень доверял известному своим республиканизмом Карно, но привлек его к участию в обороне Франции в пору Ста дней; Реставрация изгнала Карно как члена Конвента и «цареубийцу».

Стр. 487. Герцогиня Ангулемская (1778—1851) — дочь казненного короля Людовика XVI.

Стр. 488. Валетт, правильное г-жа де Лавалетт (1780—1855) — жена генерала де Лавалетта, участника Ста дней. Не добившись помилования мужа, приговоренного при второй Реставрации к смертной казни, г-жа де Лавалетт помогла ему бежать из тюрьмы накануне казни, обменявшись с ним одеждой. Она слишком хорошо оправдала наши предчувствия — намек на бегство Марии-Луизы из Парижа.

Стр. 489. Рудольф Габсбургский (1218—1291) — основатель австрийской монархии. Карл V (1500—1558) — испанский король и германский император. Конвент, рубивший головы королям, должен был бы убедиться на примере Англии... и т. д. — Намек на реставрацию Стюартов. Бернадотт (1764—1844) — маршал Наполеона, ставший с 1818 года шведским королем под именем Карла XIV, или Карла-Йоганна. Морб (1763—1813) — французский генерал, враг Наполеона и участник заговоров против него; сражался против наполеоновских войск в рядах русской армии и был убит в одном из боев.

Стр. 490. Констан, Бенжамен (1767—1830) — французский писатель и оратор, либерал. Г-жа де Сталь (1766—1817) — французская писательница, враг Наполеона. «Записки со Святой Елены» — имеются в виду мемуары Наполеона I.

Стр. 492. Эгерия — нимфа в римской мифологии, советница римского царя Нумы Помпилия. Поццо ди Борго (1764—1842) — корсиканский дипломат, одно время находившийся на русской службе. Беньо (1761—1835) — французский политический деятель, один из видных чиновников Первой империи, назначенный в 1814 году от Временного правительства министром внутренних дел.

Стр. 494. *День ожидания*.—Время между вечером 19 марта 1815 года, когда Людовик XVIII бежал из Парижа, и вечером 20 марта, когда в Париж въехал Наполеон. *Дюпон* (де л'Ёр) (1767—1855) — французский политический деятель, либерал. *Дюрбаш* (1763—?) — французский политический деятель, бонапартист, изгнанный при Реставрации. *Фуше* (1759—1820) — министр полиции при Наполеоне; безуспешно пытался пристроиться к Реставрации, но был изгнан и умер в Иллирии.

Стр. 495. *Нантский Скапен* — Фуше, родившийся в Нанте. Скапен — тип ловкого, озорного и изобретательного слуги из комедий Мольера.

Стр. 496. *Витроль* (1774—1854) — французский роялист, эмиссар Бурбонов, один из министров при Реставрации. *Солинь-як* (1773—?) — французский генерал, один из ярых бонапартистов и сторонников воцарения Наполеона II. *Колло д'Эрбуа* (1750—1796) — участник Великой французской революции, якобинец и член Комитета общественного спасения.

Стр. 497. *Дочь Людовика XVI* — герцогиня Ангулемская. *Гроб Фуше был обречен изгнанию*.— Фуше умер в 1820 году в изгнании в Триесте, где и похоронен.

Стр. 498. *Блюхер* (1742—1819) — прусский генерал. *Гнейзенау* (1760—1831) — прусский фельдмаршал. *Бюлов* (1755—1816) — прусский генерал. *Мэзон* (1771—1840) — наполеоновский маршал. *Груши* (1766—1847) — наполеоновский маршал.

Стр. 499. *Но у брата его* — то есть у Людовика XVIII.

Стр. 500. *Куртуа* — член Конвента, термидорианец, которому Конвент поручил рассмотреть и привести в порядок бумаги казненного Робеспьера; при Реставрации был изгнан. *Антигона* — героиня одноименной трагедии древнегреческого драматурга Софокла (V в. до н. э.); образ преданной и нежной дочери. *Бургуан* (1781—1833) — французская актриса. *Арно* — см. примеч. к стр. 91.

Стр. 501. *Пегито* (1772—1825) — французский литератор; с 1814 года ученый секретарь Парижского университета (после ухода Арно с этой должности). *Альцест* — персонаж комедии Мольера «Мизантроп» (1666), тип обличителя людских пороков.

Стр. 502. *..Пусть... обратятся к сочинениям Гёте*.— В книге Эккермана «Разговоры с Гёте» собрано много благожелательных высказываний Гёте о Беранже. *Контрафакции*.— При отсутствии в ту пору разработанного авторского права бельгийские (главным

образом) и некоторые французские издатели пиратски перепечатывали все новинки французской литературы; такие перепечатки назывались контрафакциями.

Стр. 503. *Аристарх* (II в. до н. э.) — древнегреческий грамматик и критик; нарицательное имя сурового критика. *Манюэль* — см. примеч. к стр. 256.

Стр. 504. *Лаффит* — см. примеч. к стр. 200. *Минье* (1796—1884) — французский историк-либерал. *Мансар* (1598—1666) — французский архитектор, построивший, в частности, замок Мезон.

Стр. 505. *Утешить там наших бедных изгнанников* — участников революции XVIII века и активных бонапартистов, изгнанных в начале Второй реставрации.

Стр. 506. *Лагарп* — см. примеч. к стр. 455. *Партия легитимистов, всегда с крайним благоволением судившая обо мне*, — ирония Беранже.

Стр. 507. *Тальма* (1763—1826) — французский трагический актер.

Стр. 508. «*Граф Юлиан*» и другие перечисленные драматургические произведения были задуманы Беранже, но неизвестно, написал ли он их.

Стр. 509. *Никомеда и Прузия, и даже Феликса*. — Никомед и Прузий являются персонажами трагедии Корнеля «Никомед» (1651), Феликс — персонаж корнелевского «Полиевкта» (1643); с точки зрения Беранже, эти образы отличались большой реалистической естественностью, сочетанием «простого и обыкновенного с героическим». *Латуш, Анри де* (1785—1851) — французский романист. *Пастуш* — литературная стилизация, подделка под стиль того или иного писателя. *Все, однако, теперь знают, что эти стихи принадлежат Латушу*. В примечаниях к французскому изданию автобиографии читаем: «За это место «Моей биографии» Беранже не раз упрекали, словно оно означало, что он не понимал Андре Шенье или что его слава была ему неприятна. Правда же в том, что Анри де Латуш в интимных беседах говорил не обинуясь, что он включил в сборник А. Шенье много своих собственных стихов. Можно удостовериться в этом по «Мемуарам» Александра Дюма-отца» (Béranger. Ma biographie. P., 1860, pp. 207—208). Фальсифицированные стихотворения Андре Шенье, относящиеся к периоду якобинской диктатуры, до сих пор являются оружием французской реакции и за истекшие полтора века неизменно пе-

реиздавались — да еще со все новыми дополнениями — во все реакционные периоды французской истории.

Стр. 511. *Барант* (1782—1866) — французский публицист и историк. *Гизо* (1787—1874) — французский государственный деятель, либерал и орлеанист; министр в годы Июльской революции. *Симеон-отец* — видный французский чиновник времени Беранже, председатель высшей счетной палаты. *Мунье* — французский политический деятель, один из министров Реставрации. *Берар* (1783—1859) — французский промышленник и политический деятель, либерал при Реставрации. *Иллюзии рассеялись.* — Умеренные роялисты, сторонники конституции, стоявшие у власти с 1816 года, слабея под натиском дворянско-клерикальной реакции, уступили в декабре 1821 года место более реакционному кабинету Виллеля; нарастающая активность ультрароялистов пугала либералов, видевших, что Франция стоит накануне новой революции; в самом деле в ответ на появление кабинета Виллеля тайные общества ответили рядом восстаний в декабре 1821 года и в начале 1822 года.

Стр. 513. *Четыре головы сержантов Ларошеля* — намек на один из военных заговоров против Реставрации, раскрытый правительством и завершившийся казнью четырех сержантов Ларошельского гарнизона (21 сентября 1822 г.), память о которых долго была священна среди французского народа. *Страницы инкриминируемых мне сочинений.* — Подвергнуты преследованию были следующие песни: 1) «Вакханка», «Бабушка», «Марго» — за оскорбление нравственности, 2) «Deo gratias эпикурейца», «Сошествие в ад», «Мой кюре», «Капуцины», «Приходские певчие», «Добрый бог», «Смерть короля Кристофа» — за нарушение религиозной морали, 3) «Наваррский принц», «Добрый бог», «Охрипший певец», «Белая кокарда» — за оскорбление особы короля, 4) «Старое знамя» — за призыв к ношению знамени, не разрешенного королем. Беранже был оправдан по 1 и 3 пунктам, но осужден по 2 и 4. Суд происходил 8 декабря 1821 года.

Стр. 514. *Коттю, Шарль* (1777—?) — французский судья. *Куплетов, сочиненных мною в честь предстоящего осуждения.* — Имеется в виду песня «Прощание с полями». *Курье, Поль-Луи* (1772—1825) — французский памфлетист, активный враг Реставрации. *Конец его был ужасен.* — Смерть Поля-Луи Курье произошла при загадочных обстоятельствах: он был убит 10 апреля 1825 года сторожем своего леса; мотивы убийства так и не были в точности выяснены. *Кошуа-Лемер* (1789—1861) — французский

публицист, друг Беранже; за свою энергичную борьбу против Реставрации много раз подвергался тюремному заключению.

Стр. 515. *Беллар* (1761—1826) — прокурор-роялист, ярый приверженец Реставрации. *Публикация документов первого судопроизводства*. — В 1821 году была выпущена, без имени автора, брошюра «Суд над песнями Беранже», содержащая подробный отчет о первом процессе поэта.

Стр. 516. *Барт* (1795—1863) — французский юрист; при Реставрации выступал на многих политических процессах, защищая деятелей оппозиции; при Июльской монархии стал консерватором. *Бридуазон* — образ комического судьи из «Женитьбы Фигаро» Бомарше. *Бервилль* (1788—?) — французский юрист.

Стр. 517. *Виллель* (1773—1854) — французский политический деятель, министр финансов при Реставрации и один из вожakov ультрароялистов; с 1821 по 1828 год был председателем совета министров.

Стр. 521. *Фуа* (1775—1825) — французский генерал, популярный среди французской либеральной оппозиции 20-х годов.

Стр. 523. *Мартиньяк* (1778—1832) — французский политический деятель, один из министров при Карле X.

Стр. 526. *Сент-Бёв* (1804—1869) — известный французский критик.

Стр. 527. «*Размышления*» — сборник стихотворений Ламартина «Поэтические размышления» (1820). *Виньи*, Альфред де (1797—1863) — французский романтик, поэт и романист. *Делиль* — см. примеч. к стр. 453.

Стр. 528. *Франциск I* — французский король (1494—1547). «*Жослен*» (1835) и «*Падение ангела*» (1838) — поэмы Ламартина.

Стр. 529. *Шатобриан* — см. примеч. к стр. 455. «*Мученики*», «*Гений христианства*», «*Исторические этюды*», «*Рене*» — произведения Шатобриана. *Года два тому назад* — в 1838 году.

Стр. 530. *Ламеннэ* (1782—1854) — один из французских утопистов, пропагандист «христианского социализма». *Ларошфуко-Лианкур* (1747—1827) — французский филантроп и политический деятель, сторонник либералов при Реставрации. *Аграрный закон* — речь идет об уравнительном перераспределении земель,

которого требовал Бабёф; под либералом из дворян, превозносившим этот закон, Беранже, возможно, имеет в виду Воие д'Аржансона. *Вельможи императорской фабрикации* — дворянство, созданное Наполеоном I.

Стр. 534. *Герцог Орлеанский (1773—1850)* — с 1830 года французский король Луи-Филипп. *Талейран (1754—1838)* — французский политический деятель и дипломат; министр иностранных дел при Директории, в правительстве Наполеона I и в начале правления Людовика XVIII.

Стр. 536. *Катастрофический парижский трактат.* — Подразумевается предварительный мирный договор, заключенный 23 апреля 1814 года и утвержденный 30 мая 1814 года, по которому Франция оставалась в пределах границ, существовавших до 1792 года, сохранив даже кое-что из последующих завоеваний. Беранже, суждения которого по вопросам французской дипломатии и национальной политики далеко не всегда справедливы (так, он изобразил Бернадотта в виде комической фигуры претендента-стяжателя, в то время как вопрос о кандидатуре Бернадотта на французский трон одно время весьма серьезно обдумывался Александром I), ошибается и тут, обвиняя Талейрана: Франция была так слаба и беспомощна в это время, что коалиционные монархи легко могли бы раскромсать ее на части. Таким образом, в существовавшей обстановке парижский договор скорее был удачей для Франции, несмотря, конечно, на всю горечь связанного с ним национального унижения. *Покинутым мною в пятьдесят три года* — то есть в 1833 году, когда после издания своего нового сборника Беранже хотел совсем отойти от литературной жизни и уехал из Парижа.

Стр. 538. *Хотя я и способствовал тем решениям, которые были приняты на его счет.* — Беранже подал голос за Луи-Филиппа.

Стр. 540. *Констан* — см. примеч. к стр. 490. *Происки... какие так опечалили Констана на его смертном одре* — намек на избрание Констана в члены Французской академии. *Трижды отвергнут... Гюго.* — Отвергнутый Академией в 30-х годах, Гюго был избран в число академиков в 1841 году.

Стр. 541. *Этот великий министр* — Ришелье (см. примеч. к стр. 428).

Стр. 543. *Я искал убежища в Пасси, Фонтенебло, Туре.* — Поэт переехал из Парижа в Пасси в 1833 году, жил в Фонтенебло с 1835 года и в Туре — с 1836-го. Позднее, с 1841 года, Беранже

опять поселился в Пасси, а в 50-х годах некоторое время жил в Божоне, пока ухудшившееся состояние здоровья не принудило его в 1855 году перебраться в Париж, где он и скончался 16 июля 1857 года, тремя месяцами пережив подругу своей жизни Жюдит Фрер.

Существуют ошибочные представления о том, что похороны поэта происходили с величайшей торжественностью и что за его гробом шла чуть ли не полумиллионная толпа парижан. На самом деле правительство Второй империи, недолюбливавшее Беранже за его ироническое отношение к ней, опасалось, как бы его похороны не послужили поводом к каким-либо волнениям, и приказало похоронить его в 24 часа. Улицы, вдоль которых следовало похоронное шествие, были оцеплены плотными шпалерами войск, в помощь которым была наряжена и вся парижская полиция. Похоронное шествие открывал комендант Парижа во главе своего эскадрона; за гробом шла небольшая группа друзей поэта; шествие замыкалось отрядом гусар. Речей на могиле не произносилось; к двум часам дня 17 июля все было закончено. В улицах и переулках, выходящих на путь следования погребальной колесницы, было стиснуто все то население Парижа — в частности, множество рабочих, — которое тщетно мечтало отдать последний долг любимому поэту.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН

Ад и дьявол	374
Ангел-хранитель	253
Бабушка	21
Барабаны	369
Барышни	29
Бегство музы	183
Беднота	34
Бедный чудак	19
Безумцы	294
Белая кокарда	106
Бог простых людей	127
Богня	206
Боксеры, или Англоманья	52
Бонди	394
Брачный пир	110
Будущий век	37
Будущность писателей	381
Будущность Франции	237
Будь я король	225
Варварийский священный союз	108
Весна и осень	23
Вильгему	310
Вино и Лизетта	64

Возвращение в Париж	342
Волшебная лютня	361
Галльские рабы	225
Гастрономы	40
Голуби биржи	312
Голубь и ворон потспа	364
Господин Искарнотов	125
Гроза	176
Гусар , ...	333
Гутенберг	338
Да будет так!	28
Дамоклов меч	208
Девичьи мечты	375
Девушки	262
Девятнадцатое августа	328
Действие вина	187
Деньги	339
Deo gratias эпикурейца	30
Десять тысяч	266
Дешевое и дорогое издание	229
Добрая фея	123
Добрый бог	164
Добрый пастырь	210
Довольно политики	80
Дочь народа	267
Дрозд	335
Дурное вино	204
Душа и тело	377
Жак	290
Жалоба одной из дам полусвета	87
Жан-парижанин	297
Жаннетта	73
Земной шар	358
Зима	94
Злонамеренные песни	162
Знатный приятель	17
Золото	385
Идея	334
Изгнанник	120

Импровизированный донос .	185
История одной идеи , . . .	371
Истый француз	45
Июльские могилы	306
К молодежи , ...	272
Как яблочко, румян , ...	26
Камин в тюрьме	258
Капуцины	113
Кардинал и певец	263
Карл III Простоватый .	232
Клара	315
Ключи рая	118
Комета 1832 года	255
Конец стихам , ...	321
Королевская фаворитка . .	387
Король Ивето	15
Красный человечек	246
Крестины Вольтера	312
Куда как скучны старики!	379
Ласточки	212
Лучший жребий , ...	51
Людовик XI , ...	174
Марго	82
Марионетки	70
Маркиз де Караба	96
Маркиза	167
Маркитантка	116
Мелюзга, или Похороны Ахилла	152
Месса святому духу	196
Миссионеры	137
Мнение этих девиц	76
Могила Манюэля	256
Мое погребение	221
Мое призвание	83
Моей сверстнице	172
Может быть, последняя моя песня	41
Мои волосы	33
Моим друзьям, которые стали министрами	281
Мой карнавал (Друзья, опять...)	191
Мой карнавал (Пока собой ты оживляешь...) .	355

Мой садик	324
Моши	277
Моя веселость	319
Моя гробница	265
Моя душа .	103
Моя кормилица	279
Моя масленица в 1829 году .	259
Моя республика .	98
Моя трость	367
Муравьи .	323
Наваррский принц .	132
Навуходоносор	182
Надгробное слово Тюрлюпену .	239
Народная память	250
Начнем сызнова!	216
Наш священник . .	59
Негры и куклы . .	252
Независимый . .	111
Нет больше птиц .	363
Нет, ты не Лизетта	92
Нищая	304
Новый приказ . .	198
Новый фрак	78
Октавия	217
Орангутаиги	292
Отказ	283
Отпрыск знатного рода . .	158
Охотники	66
Охрипший певец	151
Падающие звезды .	150
Пактол	363
Паломничество Лизетты .	241
Папа-мусульманин	244
Паяц	101
Пир на весь мир	46
Плач о смерти Трестальона .	180
Подвенечный убор	228
Политический трактат для Лизы .	75
Положительный человек . .	62
Поля	104
Пономарь	72

Пороки	350
Портной и волшебница	205
Последняя песня	400
Потоп	316
Похвальное слово богатству	69
Похвальное слово каплунам	42
Похороны Давида .	234
Предательский напиток	189
Предсказание Нострадама	301
Придворный поэт	223
Природа	144
Провинциал в Париже	389
Простолюдин .	84
Прощайте, песни!	309
Прощание	382
Прощание с полями .	186
Птицы	91
Птичка	128
Пузан, или Отчет депутата	135
Пузан на выборах 1819 года	143
Путешествие .	343
Пьяница и его жена	99
Пятое мая .	178
Пять этажей	275
Пятьдесят лет	289
Разбитая скрипка	209
Расчет с Лизой	57
Резвушка	39
Реставрация песни	285
Розан	352
Розетка	147
Рыжая Жанна .	276
Самоубийцы . .	295
Свадьба папы .	248
Сверчок	329
Святой	344
Святой Наполеон	360
Святые отцы	149
Священный союз народов .	146
Сглазили	61
Сестры милосердия	88

Сильфида	195
Слепая мать , ...	24
Слепой нищий	130
Смерть и полиция , ...	398
Смерть короля Кристофа	172
Смерть от удара , ...	134
Смерть Сатаны	243
Совет	340
Совет бельгийцам	282
Советы Лизы	200
Соловьи	155
Старик бродяга	287
Старинный обычай	56
Старое знамя	165
Старость	65
Старушка	114
Старый капрал , ...	270
Старый сержант	213
Старый скрипач , ...	86
Стой! или Способ толкований	156
Стрелок и поселянка	238
Счастливая чета	139
Счастье , ...	273
Сын папы	219
Тамбурмажор	331
Тень Анакреона	192
Тень соловья	353
Тетка Грегуар , ...	32
Тиран Сиракузский	268
Третий муж , ...	54
Тринадцать за столом	227
У каждого свой вкус	363
Убежище	141
Улитки	317
Умеренность	67
Урок	356
Урок истории	326
Феникс	321
Фея рифм	348
Фрак , ...	107

Цветочница и факельщик	122
Цензор	202
Чего я боюсь	345
Челобитная породистых собак	50
Черви	392
Чердак	231
Честь Лизетты	215
Четки горемыки	391
Четыре эпохи	303
Четырнадцатое июля	260
Чудесный скрипач	299
Эпитафия моей музы	194
Я с вами больше не знаком	170
Ямщик	349

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Данилин. Великий народный поэт	3
-----------------------------------	---

ПЕСНИ

Король Ивето. Перевод И. и А. Тхоржевских .	15
Знатный приятель. Перевод В. Курочкина	17
Бедный чудак. Перевод В. Курочкина .	19
Бабушка. Перевод В. Курочкина	21
Весна и осень. Перевод В. Курочкина	23
Слепая мать. Перевод В. Курочкина	24
Как яблочко, румян. Перевод В. Курочкина .	26
Да будет так! Перевод А. Кочеткова .	28
Барышни. Перевод В. Курочкина . .	29
Deo gratias эпикурейца. Перевод В. Дмитриева .	30
Тетка Грегуар. Перевод Вс. Рождественского .	32
Мои волосы. Перевод В. Курочкина	33
Беднота. Перевод Вс. Рождественского . . .	34
Будущий век. Перевод Вс. Рождественского .	37
Резвушка. Перевод В. Дмитриева	39
Гастрономы. Перевод В. Курочкина	40
Может быть, последняя моя песня. Перевод М. Михайлова .	41

Похвальное слово каплунам. Перевод Л. Мея	42
Истый француз. Перевод В. Дмитриева	45
Пир на весь мир. Перевод В. Курочкина	46
Челобитная породистых собак. Перевод И. и А. Тхоржевских	50
Лучший жребий. Перевод В. Курочкина	51
Боксеры, или Англомания. Перевод М. Ровенгейма	52
Третий муж. Перевод В. Дмитриева	54
Старинный обычай. Перевод В. Курочкина	56
Расчет с Лизой. Перевод В. Курочкина	57
Наш священник. Перевод М. Михайлова	59
Сглазили. Перевод Л. Мея	61
Положительный человек. Перевод В. Курочкина	62
Вино и Лизетта. Перевод Вс. Рождественского	64
Старость. Перевод И. и А. Тхоржевских	65
Охотники. Перевод В. Курочкина	66
Умеренность. Перевод В. Курочкина	67
Похвальное слово богатству. Перевод И. и А. Тхоржевских	69
Марионетки. Перевод А. И. Сомова	70
Пономарь. Перевод Т. Щепкиной-Куперник	72
Жаннетта. Перевод Вс. Рождественского	73
Политический трактат для Лизы. Перевод Вс. Рождественского	75
Мнение этих девиц. Перевод М. Михайлова	76
Новый фрак. Перевод В. Курочкина	78
Довольно политики. Перевод Вс. Рождественского	80
Марго. Перевод В. Дмитриева	82
Мое призвание. Перевод М. Михайлова	83
Простолюдин. Перевод М. Михайлова	84
Старый скрипач. Перевод В. Дмитриева	86
Жалоба одной из дам полусвета на современные дела. Перевод Вс. Рождественского	87
Сестры милосердия. Перевод Вс. Рождественского	88
Птицы. Перевод В. Курочкина	91
Нет, ты не Лизетта. Перевод В. Курочкина	92
Зима. Перевод В. Дмитриева	94
Маркиз де Караба. Перевод В. Левика	96
Моя республика. Перевод М. Михайлова	98

Пьяница и его жена. Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	99
Паяц. Перевод <i>М. Михайлова</i>	101
Моя душа. Перевод <i>М. Михайлова</i>	103
Поля. Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	104
Белая кокарда. Перевод <i>И. и А. Тхоржевских</i>	106
Фрак. Перевод <i>Д. Ленского</i>	107
Варварийский священный союз. Перевод <i>М. Михайлова</i>	108
Брачный пир. Перевод <i>И. и А. Тхоржевских</i>	110
Независимый. Перевод <i>М. Михайлова</i>	111
Капуцины. Перевод <i>В. Дмитриева</i>	113
Старушка. Перевод <i>В. Курочкина</i>	114
Маркитантка. Перевод <i>В. Дмитриева</i>	116
Ключи рая. Перевод <i>Б. Лившица</i>	118
Изгнанник. Перевод <i>М. Михайлова</i>	120
Цветочница и факельщик. Перевод <i>А. Эфрон</i>	122
Добрая фея. Перевод <i>В. Курочкина</i>	123
Господин Искарриотов. Перевод <i>В. Курочкина</i>	125
Бог простых людей. Перевод <i>И. и А. Тхоржевских</i>	127
Птичка. Перевод <i>В. Курочкина</i>	128
Слепой нищий. Перевод <i>В. Курочкина</i>	130
Наваррский принц. Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	132
Смерть от удара. Перевод <i>И. и А. Тхоржевских</i>	134
Пузан, или Отчет депутата. Перевод <i>В. Дмитриева</i>	135
Миссионеры. Перевод <i>И. Гуровой</i>	137
Счастливая чета. Перевод <i>Ю. Александрова</i>	139
Убежище. Перевод <i>И. и А. Тхоржевских</i>	141
Пузан на выборах 1819 года	143
Природа. Перевод <i>М. Михайлова</i>	144
Священный союз народов. Перевод <i>В. Дмитриева</i>	146
Розетта. Перевод <i>В. Курочкина</i>	147
Святые отцы. Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	149
Падающие звезды. Перевод <i>В. Курочкина</i>	150
Мелюзга, или Похороны Ахилла. Перевод <i>М. Травчетова</i>	152
Соловьи. Перевод <i>В. Курочкина</i>	155
Стой! или Способ толкований. Перевод <i>В. Дмитриева</i>	156
Отпрыск знатного рода. Перевод <i>И. и А. Тхоржевских</i>	158

Охрипший певец. Перевод И. и А. Тхоржевских . . .	161
Злонамеренные песни. Перевод И. и А. Тхоржевских	162
Добрый бог. Перевод А. Дельвига .	164
Старое знамя. Перевод В. Дмитриева .	165
Маркиза. Перевод И. и А. Тхоржевских	167
Я с вами больше не знаком. Перевод И. и А. Тхоржевских	170
Моей сверстнице. Перевод И. и А. Тхоржевских . . .	172
Смерть короля Кристофа. Перевод В. Дмитриева .	172
Людовик XI. Перевод В. Дмитриева	174
Гроза. Перевод В. Курочкина	176
Пятое мая. Перевод И. и А. Тхоржевских	178
Плач о смерти Трестальона. Перевод В. Дмитриева	180
Навуходоносор. Перевод В. Курочкина	182
Бегство музы. Перевод И. и А. Тхоржевских	183
Импровизированный донос. Перевод И. и А. Тхоржевских	185
Прощание с полями. Перевод М. Михайлова .	186
Действие вина. Перевод В. Курочкина	187
Предательский напиток. Перевод И. и А. Тхоржевских . .	189
Мой карнавал. Перевод И. Гуровой	191
Тень Анакреона. Перевод М. Михайлова	192
Эпятафия моей музы. Перевод Б. Лившица	194
Сальфида. Перевод Аполлона Григорьева	195
Месса святому духу при открытии палаты. Перевод В. Дмитриева	196
Новый приказ. Перевод В. Дмитриева	198
Советы Лизы. Перевод Л. Руст	200
Цензор. Перевод Т. Казмичевой	202
Дурное вино. Перевод В. Курочкина	204
Пюртной и волшебница. Перевод В. Курочкина	205
Богиня. Перевод М. Михайлова	206
Дамоклов меч. Перевод И. и А. Тхоржевских	208
Разбитая скрипка. Перевод И. и А. Тхоржевских . . .	209
Добрый пастырь. Перевод Л. Остроумова	210
Ласточки. Перевод В. Дмитриева	212
Старый сержант. Перевод И. и А. Тхоржевских	213
Честь Лизетты. Перевод В. Дмитриева	215

Начнем сызнова! Перевод Аполлона Григорьева . . .	216
Октавия. Перевод И. и А. Тхоржевских	217
Сын папы. Перевод Вс. Рождественского	219
Мое погребенне. Перевод А. Арго	221
Придворный поэт. Перевод А. Арго	223
Будь я король. Перевод И. и А. Тхоржевских . . .	225
Галльские рабы. Перевод И. и А. Тхоржевских . .	225
Тринадцать за столом. Перевод В. Курочкина .	227
Подвенечный убор. Перевод Т. Щепкиной-Куперник .	228
Дешевое и дорогое издание. Перевод И. и А. Тхоржевских .	229
Чердак. Перевод Вс. Рождественского	231
Карл III Простоватый. Перевод И. и А. Тхоржевских .	232
Похороны Давида. Перевод И. и А. Тхоржевских .	234
Будущность Франции. Перевод В. Курочкина . . .	237
Стрелок и поселанка. Перевод В. Курочкина	238
Надгробное слово Тюрлюпену. Перевод В. Дмитриева .	239
Паломничество Лизетты. Перевод Л. Пеньковского .	241
Смерть Сатаны. Перевод М. Михайлова .	243
Папа-мусульманин. Перевод Вс. Рождественского .	244
Красный человечек. Перевод В. Левика	246
Свадьба папы. Перевод В. Дмитриева	248
Народная память. Перевод Т. Казмичевой	250
Негры и куклы. Перевод М. Михайлова	252
Ангел-хранитель. Перевод Вс. Рождественского . .	253
Комета 1832 года. Перевод И. и А. Тхоржевских .	255
Могила Манюэля. Перевод В. Дмитриева	256
Камин в тюрьме. Перевод М. Михайлова	258
Моя масленица в 1829 году. Перевод П. Антокольского . . .	259
Четырнадцатое июля. Перевод П. Антокольского .	260
Девушки. Перевод В. Курочкина	262
Кардинал и певец. Перевод И. и А. Тхоржевских .	263
Моя гробница. Перевод Ю. Александрова	265
Десять тысяч. Перевод Вс. Рождественского . . .	266
Дочь народа. Перевод М. Тарловского	267
Тиран Сиракузский. Перевод В. Курочкина	268
Старый капрал. Перевод В. Курочкина	270

К молодежи. Перевод И. и А. Тхоржевских	272
Счастье. Перевод В. Курочкина	273
Пять этажей. Перевод В. Дмитриева	275
Рыжая Жанна. Перевод Л. Мея	276
Мощи. Перевод Вс. Рождественского	277
Моя кормилица. Перевод Вс. Рождественского	279
Мои друзьям, которые стали министрами. Перевод Вс. Рождественского	281
Совет бельгийцам. Перевод Вс. Рождественского	282
Отказ. Перевод Вс. Рождественского	283
Реставрация песни. Перевод Л. Пеньковского	285
Старик бродяга. Перевод М. Михайлова	287
Пятьдесят лет. Перевод Ю. Александра	289
Жак. Перевод В. Дмитриева	290
Орангутанги. Перевод В. Курочкина	292
Безумцы. Перевод В. Курочкина	294
Самоубийцы. Перевод В. Курочкина	295
Жан-парижанин. Перевод П. Антокольского	297
Чудесный скрипач. Перевод Вс. Рождественского	299
Предсказание Нострадама на 2000 год. Перевод А. И. Куприна	301
Четыре эпохи. Перевод И. и А. Тхоржевских	303
Нищая. Перевод В. Курочкина	304
Июльские могилы. Перевод под ред. Вс. Рождественского	306
Прощайте, песни! Перевод Л. Руст	309
Вильгему. Перевод А. Кочеткова	310
Голуби биржи. Перевод И. и А. Тхоржевских	312
Крестины Вольтера. Перевод И. и А. Тхоржевских	312
Клара. Перевод Вс. Рождественского	315
Потоп. Перевод В. Дмитриева	316
Улитки. Перевод Вс. Рождественского	317
Моя веселость. Перевод В. Курочкина	319
Конец стихам. Перевод М. Михайлова	321
Феникс. Перевод В. Курочкина	321
Муравьи. Перевод М. Михайлова	323
Мой садик. Перевод И. и А. Тхоржевских	324

Урок истории. Перевод И. и А. Тхоржевских	326
Девятнадцатое августа. Перевод Вс. Рождественского	328
Сверчок. Перевод В. Левика	329
Тамбурмажор. Перевод И. и А. Тхоржевских	331
Гусар. Перевод В. Курочкина	333
Идея. Перевод В. Дмитриева	334
Дрозд. Перевод Л. Руст	335
Гутенберг. Перевод И. и А. Тхоржевских	338
Деньги. Перевод А. Мушникавой	339
Совет. Перевод Вс. Рождественского	340
Возвращение в Париж. Перевод И. и А. Тхоржевских	342
Путешествие. Перевод И. и А. Тхоржевских	343
Святой. Перевод И. и А. Тхоржевских	344
Чего я боюсь. Перевод И. и А. Тхоржевских	345
Фея рифм. Перевод Вс. Рождественского	348
Ямщик. Перевод В. Левика	349
Пороки. Перевод В. Курочкина	350
Розан. Перевод В. Курочкина	352
Тень соловья. Перевод И. и А. Тхоржевских	353
Мой карнавал. Перевод И. и А. Тхоржевских	355
Урок. Перевод В. Курочкина	356
Земной шар. Перевод В. Дмитриева	358
Святой Наполеон. Перевод И. и А. Тхоржевских	360
Волшебная лютня. Перевод В. Курочкина	361
Пактол. Перевод И. и А. Тхоржевских	363
У каждого свой вкус. Перевод И. и А. Тхоржевских	363
Нет больше птиц. Перевод Л. Пеньковского	363
Голубь и ворон потолка. Перевод Л. Остроумова	364
Моя трость. Перевод И. и А. Тхоржевских	367
Барабаны. Перевод В. Дмитриева	369
История одной идеи. Перевод В. Дмитриева	371
Ад и дьявол. Перевод Л. Остроумова	374
Девичьи мечты. Перевод В. Курочкина	375
Душа и тело. Перевод В. Курочкина	377
Куда как скучны старики! Перевод И. и А. Тхоржевских	379
Будущность писателей. Перевод В. Дмитриева	381

Прощание. Перевод В. Курочкина	. 382
Золото. Перевод М. Травчегова	. 385
Королевская фаворитка. Перевод В. Курочкина	. 387
Провинциал в Париже. Перевод Л. Руст .	. 389
Четки горемыки. Перевод Л. Пеньковского .	. 391
Черви. Перевод Л. Остроумова	. 392
Бонди. Перевод И. и А. Тхоржевских .	. 394
Смерть и полиция. Перевод Я. Лебедева	. 398
Последняя песня. Перевод А. Фета	. 400

ПРОЗА

Моя биография. Перевод Н. Славянского	. . 403
Примечания	. . 544
Алфавитный указатель песен	. . 577

2 р. 20 в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА